

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

РЕЗУЛЬТАТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МОСКВА
2021

УДК 304.4
ББК 71.4в7(4)
М43

Редколлегия:

*И.А. Герчикова, А.В. Липатов, А.Ю. Пескова,
Л.Н. Будагова (отв. ред.)*

Рецензенты:

*Г.П. Мельников,
М.Ю. Котова*

Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований / Отв. редактор Л.Н. Будагова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2021. — 382 с.

ISBN 978-5-7576-0452-7

DOI 10.31168/0452-7

Предметом исследований авторов этой книги являются выделенные из системы культурных контактов и взаимодействий межславянские связи, чаще всего выступающие как связи русско-славянские. Разнообразии материалов, охватывающих эпоху от давно минувших дней до современности, с трудом поддается классификации по рубрикам, но дает представления об эволюции этих связей, их специфике как в разных литературах на разных этапах их истории, так и в произведениях конкретных писателей и деятелей культуры.

В отличие от большинства работ на эту тему, где объектом притяжений выступала русская культура, а воспринимающими сторонами — другие славянские народы, в этом труде подчеркивается взаимовыгода этих связей, обогащающих и культуру русскую. В нем исследуется малоизвестный и труднодоступный материал, а к материалу знакомому применяются новые подходы, свободные от идеологической зашоренности, политической конъюнктуры, разного рода схем и недомолвок.

УДК 304.4
ББК 71.4в7(4)

ISBN 978-5-7576-0452-7
DOI 10.31168/0452-7

© Коллектив авторов, текст, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021

Содержание

Будагова Л.Н.

От давно минувших дней — до современности
(Предисловие) 7

I

ВЗАИМОСВЯЗИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДЕЯТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Липатов А.В.

Культурно-историческая дифференциация славянства
и общеевропейские факторы развития
славянских литератур 19

Лабынцев Ю.А.

Священное достояние PAX CHRISTIANA:
литературное наследие иеромонаха Христофора (1833–1897) . . . 31

Щавинская Л.Л.

Православный Богогласник — связующая нить
Западной Славии и Восточной 50

Млсова Н. (Чехия)

Ян Коллар и славянские следы в Италии
в свете жанра «итальянского путешествия» 67

Матвеевко В.Э.

Научная экспедиция Ю.И. Венелина в задунайские земли:
собрание влахо-болгарских (дако-славянских) грамот 77

Фирсов Е.Ф.

Российский профессор-теолог Ян Квачала
и его роль в развитии межславянских научных
и культурных связей 86

Билек Я. (Чехия)

Фердинанд Пероутка и его восприятие русской литературы . . . 110

Попин А. (Сербия)

«Боговник» Исмета Реброньи 133

Федорова В.И.

Автобиографический миф и его рецепция
в литературной критике: Марек Хласко и Сергей Довлатов . . . 152

Красовец А.Н.

Двойная идентичность переселенцев из южных республик
бывшей Югославии в Словении в сборнике малой прозы
Зорана Кнежевича «Земноводные умирают дважды» (2014) . . . 162

Маслова К.К.

Произведения К. Чапека
в контексте современности и мнений литературоведов 175

Ананьева Н.Е.

Полонизмы в романе В.В. Крестовского «Кровавый пуф» 187

II

ВЗАИМОСВЯЗИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЛИТЕРАТУР

Дронов М.Ю.

«Русский след» в общественно-культурной жизни
бачкско-сремских русинов.
Заметки о контактах и идентичности 213

Ироушек Б. (Чехия)

Повлияла ли Октябрьская революция в России
на возникновение Чехословакии? К переменам в XX веке
толкований исторических событий 239

Станков Н.Н.

Советско-чехословацкие культурные связи
в середине 1920-х годов (по служебным дневникам
советских дипломатов) 249

Папоушек В. (Чехия)

Очарованность неизвестным
(Идеология чешского модернизма и русский авангард) 267

Герчикова И.А.

Советская литературоведческая богемистика
периода «нормализации» 275

Пескова А.Ю.

Словацко-русские связи в области драматургии и театра.
Первая половина XX века 290

Князькова В.С.

Словацкая художественная литература в чешских переводах.
Обзор современной ситуации 303

Созина Ю.А.

Новые страницы словенской Пушкинианы — онлайн 312

Ристески Д. (Северная Македония)

Русско-македонские литературные и культурные связи
в начале XXI в. 325

Бондаренко Н.А.

Роль народной дипломатии в развитии
межславянских культурных и научных связей 333

III

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лазарев А.И.

Славянский топос и славянский локус 343

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 356

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ 378

ОТ ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ — ДО СОВРЕМЕННОСТИ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Аннотация: В статье сформулированы задачи коллективного труда «Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований», мотивируется актуальность изучения выделенных из общей системы межкультурных отношений связей межславянских, где лидируют связи русско-славянские, плодотворные как для воспринимающей, так и для воспринимаемой стороны, проводится обзор вошедших в этот труд статей, составивших два раздела. Первый посвящен взаимосвязям в жизни и творчестве конкретных славянских авторов, второй — взаимосвязям на разных этапах истории славянских литератур.

Ключевые слова: неизвестные факты, новые подходы, бачкско-сремские русины, язычество, христианство, Славия, Западная Славия, Восточная Славия, Коллар, Крестовский, Пероутка, Кнежевич.

Ludmila N. BUDAGOVA

FROM BYGONE DAYS TO THE PRESENT (PREFACE)

Abstract: The article formulates the tasks of the collective work “Inter-Slavic cultural relations”. The article explains the relevance of studying the Inter-Slavic relations, which are isolated from the general system of intercultural relations, where the Russian-Slavic relations are leading, which are fruitful for both the perceiving and the perceived side, and reviews the articles included in this work, which makes two sections. The first is devoted to the interrelationships in the life and work of specific Slavic authors, the second — the interrelationships at different stages of the history of Slavic literatures.

Keywords: unknown facts, new approaches, Bachsko-Srem Rusyns, paganism, Christianity, Slavia, Western Slavia, Eastern Slavia, Kollar, Krestovsky, Peroutka, Knezhevich.

Проблематика культурных связей — одна из самых популярных в науке об искусстве и литературе. Она практически неисчерпаема. Старая как мир, она не стареет с годами. Взаимообмен опытом между разными субъектами искусства и разными народами, сознательный или стихийный, не отделен от творческого процесса, является одним из его механизмов. Его можно сравнить с системой крово-

обращения, обеспечивающей жизнедеятельность живых организмов, а ведь искусство — это вполне живой организм.

Особенность данного труда — сосредоточенность на исследовании культурных связей между славянами, не отлученными и от связей с Западной Европой. В системе межславянских связей особое место занимают русско-славянские. Их приоритет определяется достоинствами русской литературы и силой притяжения к ней славян, особенно в эпоху их национального возрождения. Русско-славянские связи взаимовыгодны для обеих сторон. Русский опыт содействовал развитию славянских народов, становлению их литератур, а заинтересованное внимание России к истории и культуре славян расширяло ее горизонты.

Название этого текста показывает хронологическую широту охвата материала, весьма разнообразного по содержанию, что затрудняет его разделение на рубрики, даже условные. Но среди объединяющих работу ключевых слов и понятий едва ли не самыми важными могли бы быть «впервые» и «по-новому». Во многих статьях вводится в научный обиход новый, мало исследованный, либо еще не исследованный вовсе, труднодоступный материал, а к материалу доступному применяются новые подходы, свободные от идеологической зашоренности, политической конъюнктуры, разного рода перегибов или умолчаний.

Инициатором и «ячейкой» межкультурных связей выступает творческий субъект, обстоятельства его жизни, уровень таланта, образованности, способность увлекаться чужим и своим творчеством. Именно этому — реализации культурных связей в жизни творческой личности — посвящен первый раздел сборника.

Он открывается теоретико-методической преамбулой А.В. Липатова «Культурно-историческая дифференциация славянства и общеевропейские факторы развития славянских литератур». Это своего рода напутствие специалиста, который, давно и много занимаясь этой проблематикой, предостерегает исследователей от верхоглядства и разного рода стереотипов, настаивает на обращении к глубинам славянских литератур, связанных с общеевропейским контекстом и в то же время пестующих свою самобытность.

Статьи Ю.А. Лабынцева «Священное достояние PAX CHRISTIANA: литературное наследие иеромонаха Христофора (1833–1897)» и Л.Л. Щавинской «Православный Богогласник — связующая нить

Западной Славии и Восточной» показывают: одна — на основе биографии реального человека, другая — через анализ памятника культуры, сборника песнопений восточных славян XVIII–XXI вв., исполнявшихся вне службы, — большую роль христианской цивилизации в развитии духовных связей между народами, нацеленных при наличии разных вероисповеданий на их сближение. Славянскому патриотизму, порой принимавшему крайние антинаучные формы, посвящена статья чешской исследовательницы Н. Млсовой «Ян Коллар и славянские следы в Италии в свете жанра “итальянского путешествия”». В ней оживает образ чешского и словацкого просветителя Я. Коллара (1793–1852), автора знаменитой поэмы «Дочь Славы» и идеи славянской взаимности, стремившегося на основе итальянских впечатлений доказать расположение средневековой «Верхней Италии» на славянских землях, славянское происхождение Венеции и явное присутствие славянских следов на знаменитых римских храмах.

Уже в вышеупомянутых статьях проявилась тенденция авторов либо анализировать биографии малоизвестных людей, способствовавших развитию межславянских связей, либо добавлять важные штрихи к портретам прославленных деятелей славянской культуры. К этому ряду относится исследование Н. Млсовой о Яне Колларе, больше известном поэмой «Дочь Славы» и любовью к ее героине, брака с которой он дождался (и дождался) много лет, чем двумя итальянскими путешествиями, одно из которых он предпринял с семьей.

Укрупнением отдельных страниц деятельности Ю.И. Венелина, открывшего России болгарскую историю, язык и культуру, стала работа В.Э. Матвеевко «Научная экспедиция Ю.И. Венелина в задунайские земли: собрание влахо-болгарских (дако-славянских) грамот». Приложение к ней — подробный перечень собранных Венелиным материалов. Сомнения редактора этого сборника, а не стоит ли их перечень сократить, были решены в пользу В.Э. Матвеевко ради полноты картины. Статья Е.Ф. Фирсова «Российский профессор-теолог Ян Квачала и его роль в развитии межславянских научных и культурных связей» посвящена известному комениологу, специалисту по творчеству Яна Амоса Коменского и истории мировой педагогики. Словак по национальности, он много сделал для сближения Словакии с Россией. По признанию автора статьи, Ян Квачала пользуется его особым расположением, которым, по всей вероятности,

современный русский историк, энтузиаст своего дела, сможет заразить и современного читателя этого труда. Статья завершается большой подборкой писем «Ивану Ивановичу Квачале» русских ученых Л.Н. Модзалевского, В.С. Будиловича и др. «из личного фонда Евангелического богословского факультета Университета имени Коменского в Братиславе».

Своего рода реабилитацией известного чешского журналиста, стало исследование Я. Билека «Фердинанд Пероутка и его восприятие русской литературы». Несмотря на заслуги перед отечеством, на фашистский концлагерь во время Второй мировой за отказ сотрудничать с оккупантами, Пероутка ассоциировался в ЧССР и СССР с правыми, консервативными силами общества, потому что жил в эмиграции, работал на радиостанции «Свободная Европа», критиковал советский строй. При этом, как показал Билек, он всю жизнь интересовался и увлекался русской литературой, особенно Чеховым, Достоевским, Солженицыным. Изучая ее, делал интересные выводы о специфике русского национального характера.

Сербская исследовательница Александра Попин осветила в статье поэзию уникального писателя Исмета Реброньи (1942–2006). Уроженец Черногории, живший, в основном, в Сербии, он принадлежит к корпусу черногорской, сербской и боснийской литературы, играя в последней лидирующую роль. Одним из главных увлечений, повлиявшим на поэтику писателя, чье творчество олицетворяло взаимодействие разных традиций, является славянский неомифологизм, ярко проявившийся в сборниках «Газилар» (1978), «Среда и Среда-Дочь» (1983), «Языческая кровь» (1986), «Кероника» (1991). Объединяя эти сборники под названием «Боговник», что значит «оберег», А. Попин, возможно, подчеркивает гуманистическую функцию сложной, во многом жестокой поэзии Реброньи, с которой в современность вторгается языческое прошлое славян с их легендами, обычаями, верованиями, поверьями.

Если Ребронья погружает читателя в глубокую древность, то Зоран Кнежевич посвящает свой сборник малой прозы «Земноводные умирают дважды» (2014) современности, переселенцам из республик бывшей Югославии в новые края. Этому сборнику посвящена статья А.Н. Красовец. По сути дела, речь в ней идет о новом типе эмиграции, вызванной не войной, а более мирными причинами. Герой Кнежевича, живший в Сербии, перебирается не за океан, а всего

лишь в соседнюю Словению, получившую независимость. Из одной родины он перемещается в другую. Но, как показывает писатель и подчеркивает его исследовательница, даже «двойная идентичность» не спасает человека от тоски по родным краям, от трудностей в поисках своего места в новой жизни.

Напомнив об одном из фактов воздействия зарубежной литературы на русскую, а именно, пьесы К. Чапека «Р.У.Р.» на пьесу «Бунт машин» А.Н.Толстого, К.К. Маслова в статье «Произведения К. Чапека в контексте современности и мнений литературоведов» показывает не только плодотворность, но и порой возникающие недостатки повышенного внимания к писателю, издержки его славы и активного вовлечения в систему межкультурных связей. Среди разноречивых мнений о К. Чапеке К.К. Маслова выделяет раскритикованные ею и рядом других литературоведов сенсационные взгляды на него известного богемиста, профессора Лондонского университета Роберта Пинсента. Он считал выдающегося чешского писателя легкомысленным оптимистом и ретроградом, антисемитом и анти-интеллектуалом, предпочитавшим не бороться со злом, а развлекать читателей.

Мифотворчеству русского и польского прозаиков, его сходству и расхождению с их подлинными характерами и биографиями посвящена статья В.И. Федоровой «Автобиографический миф и его рецепция в литературной критике: Марек Хласко и Сергей Довлатов». Автор останавливается на толковании понятия «автобиографический миф» или «биографическая легенда» Б.В. Томашевским, Ю.Н. Тыняновым, писавшем о «литературной личности Гейне, далекой от подлинного Гейне», а также на взглядах современных специалистов, изучающих этот феномен на примере русской литературы Серебряного века. Сопоставляя переключки биографий и автобиографий М. Хласко и С. Довлатова, автор статьи подчеркивает продуктивность категории «автобиографический миф» для исследований писательского творчества.

В статье Н.Е. Ананьевой «Полонизмы в романе В.В. Крестовского “Кровавый пуф”» нашли освещение лингвистические аспекты связей. Интерес к этому полузабытому русскому писателю XIX в. пробудился в нашей стране после экранизации его романа «Петербургские трущобы» (название сериала «Петербургские тайны»; возможно, что экранизация была следствием, а не причиной этого интереса). В нашей стране диалогия Крестовского, имевшая антипольскую

направленность, долго не переиздавалась. В ней идет речь о польских заговорщиках, подданных Российской империи, готовивших восстание 1861–63 гг., и о попавшем в их сети русском студенте. Зато после Перестройки она выдержала сразу два издания (в 2008 и 2011 гг.). По количеству полонизмов, использованных в диалогии Крестовским, хорошо знавшим польский язык, ему не было равных в русской литературе. Н.Е. Ананьева провела скрупулёзный анализ характера и функций польских слов и выражений, придающих особый колорит произведению русского писателя, усиливая тем самым позиции лингвистики в исследованиях литературного материала.

Во второй раздел сборника вошли работы о взаимосвязях на разных этапах истории славян и их литератур. Он открывается статьей М.Ю. Дронова «“Русский след” в общественно-культурной жизни бачкско-сремских русинов. Заметки о контактах и идентичности», представляющей, по сути дел, мини-историю взаимоотношений русинов и великороссов с середины XVIII до начала XXI вв. Автор освещает эволюцию этих отношений, влияние на них эпохальных событий последних трех столетий, отмечает места проживания и перемещений русинов, показывает неоднозначность их конфессиональной и национальной ориентации, анализирует деятельность создававшихся ими культурно-просветительских организаций и современное положение.

Статья Богумила Ироушека «Повлияла ли Октябрьская революция в России на возникновение Чехословакии? К переменам в XX веке толкований исторических событий» относится к числу работ, противодействующих преувеличению роли советских влияний на судьбы зарубежных славян. На поставленный вопрос дается отрицательный ответ, отвечающий правде жизни. Советско-чехословацким культурным связям в первое послереволюционное десятилетие посвящена статья Н.Н. Станкова. Автор сосредотачивается на середине 1920-х гг., привлекая к исследованиям такие ценные источники, как «служебные дневники полпреда СССР в ЧСР В.А. Антонова-Овсеенко и заведующего бюро печати полпредства Р.О. Якобсона». Отношение к русскому авангарду деятелей чешской культуры подробно анализирует В. Папоушек в статье «Очарованность неизвестным (Идеология чешского модернизма и русский авангард)». Охарактеризовав взгляды экспрессиониста Яна Бартоша, находившегося под влиянием Ф.М. Достоевского; Карела Тейге, теоретика чешского поэтизма; Бо-

гуслава Броука, члена Группы чешских сюрреалистов, В. Папоушек приходит к выводу, что «Озарение с Востока» оказало ключевое воздействие на чешский модернизм, определив его характер.

В последующих статьях (за исключением одной) оживает вторая половина XX века. Статья И.А. Герчиковой «Советская литературоведческая богемистика периода “нормализации”» относится к наиболее обстоятельному и объективному из предпринятых российскими специалистами анализов тяжелого периода искоренения в Чехословакии инакомыслия и побегов «пражской весны» — реформаторского движения за либерализацию режима, за «социализм с человеческим лицом». Межславянские связи были скованы в этот период фильтрацией с чешской стороны писателей на достойных или недостойных изучения, пропаганды, издательской поддержки и вынужденных эмигрировать.

Межславянским связям в словацкой культуре посвящены статьи А.Ю. Песковой и В.С. Князьковой. В статье А.Ю. Песковой анализируются словацко-русские связи в области драматургии и театра первой половины XX в. Ею охвачен богатейший материал, которому пока не хватает внимания исследователей. А.Ю. Пескова удачно компенсирует этот недостаток. Интенсивность культурных взаимодействий Словакии с Россией раскрывает не только театральные репертуар, изобилующий пьесами русских и советских драматургов, но и прямые влияния на словацкий театр Н. Гоголя, А. Чехова, А. Островского, В. Мейерхольда, А. Таирова, Н. Охлопкова и т.д. Для развития межлитературных связей народы должны понимать и чувствовать друг друга. Поэтому так важна статья В.С. Князьковой «Словацкая художественная литература в чешских переводах. Обзор современной ситуации». Автор относится к ней критически из-за низкого качества переводов и непритязательности в отборе произведений. «Переводческому делу сопутствует успех, — считает исследовательница, — когда за дело берутся не случайные люди, а настоящие писатели». Для автора этих строк, как богемиста, интересен и огорчителен такой приведенный в статье факт: если словацкая литература активно переводится на чешский язык, то чешская на словацкий редко; при близости языков чехи хуже понимают словаков, чем словаки — чехов.

Задача статьи Ю.А. Созиной «Новые страницы словенской Пушкинианы — онлайн» — зафиксировать, «какие на современном этапе

существуют онлайн-возможности для исследования российско-словенских литературных связей». Поиски этих возможностей мотивируются разными обстоятельствами. Среди них — и «развитие коммуникационных технологий, облегчающих взаимосвязи внутри научного сообщества; и формальные требования индексирования публикаций», и физическая недоступность (по разным, в том числе эпидемиологическим причинам) библиотек, архивов, научных центров и других мест, необходимых для сбора и обработки материалов. Ю.А. Созина сосредотачивается на достоинствах и недостатках «Электронной библиотеки», которая, совершенствуясь, помогает изучать восприятие творчества А.С. Пушкина в Словении. Отдавая электронным средствам должное, она, тем не менее, полагает, что для полноты исследований необходимо окунуться в атмосферу изучаемой страны, встретиться с зарубежными коллегами, обследовать фонды ее библиотек и архивов, разобраться в которых наверняка поможет электроника.

Разнообразные проявления «Русско-македонских культурных и литературных связей в начале XXI в.» были тщательно проанализированы Д. Ристеским. Македонский ученый констатировал их возрастающую активизацию, роль в этом процессе славянских кафедр в университетах Македонии и России, Международного семинара македонского языка, литературы и культуры в Охриде (недалеко от которого, кстати, под плеск Охридского озера, прошел в 2008 г. XIV Международный съезд славистов). Автор статьи отметил награждения Медалью им. А.С. Пушкина и Медалью им. В.В. Маяковского известных македонских ученых и писателей, реализацию в России проекта «Македонский роман 21 века» и многое-многое другое. Что же касается перевода на македонский язык русских классиков и современных авторов, то здесь гораздо легче сказать, кто еще не переведен, чем перечислить переведенных.

В статье Н.А. Бондаренко «Роль народной дипломатии в развитии межславянских культурных и научных связей» прозвучал мудрый глас народа, преподавателей школ и вузов, энтузиастов приобщения к славянским культурам молодежи. По ее мнению, этим надо заниматься в школах, гимназиях и в высших учебных заведениях, причем не только гуманитарного профиля. Такая практика есть. В Московском государственном медико-стоматологическом университете им. А.И. Евдокимова работает славянский научный кружок,

а в Институте русского языка им. А.С. Пушкина обучают не только лингвистике, но и славяноведению. Для студентов бакалавриата были разработаны программы: «Россия и зарубежные славяне: философский и историко-культурологический аспекты взаимосвязей», «Диалог славянских культур», «Русская тема в культуре славян», «Категория прекрасного в культуре южных и восточных славян (эпоха Средневековья)». Массовый характер носили мероприятия, связанные с проведением фестивалей, конкурсов, концертов. Среди них — Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске, Дни культуры славянских народов в ВГБИЛ; в 2019 году жители Нижегородской области познакомились с культурой Хорватии и Словакии в рамках Дней Хорватии и Дней культуры Словакии; обретал популярность конкурс патриотической сербской поэзии и песни «Сербия в сердце моем». Интерес к нему рос из года в год; если в 2010 г. в нем участвовало 43 человека, то в 2019 уже 1200. Одна из важнейших задач «народной дипломатии» — препятствовать вытеснению из сферы международных контактов, в том числе между славянами, их родных языков, особенно русского.

В сборник включена прекрасно написанная статья А.И. Лазарева (Председателя историко-филологического Фонда им. А.А. Хованского) «Славянский топос и славянский логос». Она попала в Приложение, поскольку разошлась с проблематикой коллективного труда: анализ межславянских культурных или литературных связей в ней уступает место анализу связанных между собой, но имеющих свою специфику и функции категорий пространства.

* * *

Появлению этой рукописи предшествовала международная конференция «Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований» организованная Отделом истории славянских литератур и состоявшаяся в Институте славяноведения РАН 12–13 ноября 2019 г.

А в заключении Предисловия к сборнику хотелось бы сказать вот еще о чем. Связи — это, разумеется, хорошо, о чем свидетельствует хотя бы данный труд. Но нельзя не вспомнить иные мнения о них. Одно — недоверие к системе культурных отношений, страх, что они могут помешать становлению творческой личности, поискам самого себя, трудно пробивающегося сквозь обилие кем-то созданных

ценностей. Лидер чешского авангарда Витезслав Незвал, например, считал «интеллигентность книжника» настоящим проклятием для художника: «Она делает невозможным непосредственное восприятие реальности, лишает его живых ассоциаций, сковывает» (эссе «Шутовской марьяж», 1925). Под влиянием ли биографии А.С. Пушкина или независимо от нее, но Незвал считал, что «няня, как воспитатель, гораздо больше значит для художника, чем вся история искусства» (там же)¹. Однако это лишь одно из мнений, одно из отношений к чужому творчеству поэта, способного начинать одни произведения с чистого листа, воплощаясь в ребенка, а другие — оглядываясь на кумиров, вдохновляясь их мастерством. Поистине, литературные впечатления, «интеллигентность книжника» опасны лишь для начинающего и беспомощного творца, а никак не для окрепшей индивидуальности, способной подчинить чужой опыт своему таланту.

Другое отношение к излишеству опутывающих художника связей, к назойливости чужого опыта, способного подавить его индивидуальность, характерно для постмодернизма. В творчестве его представителей (или просто современников) литературные влияния часто выступают не как элементы поэтики, а как объекты пародий, как участники творческих игр. Примерами, где в них вовлекаются популярные классики (конкретно — А.П. Чехов), могут послужить пьесы С. Мрожека «Любовь в Крыму» (1993) и В. Гавела «Уход» (2007), в которых прослеживаются², а точнее обыгрываются связи с пьесами А. П. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад».

Сделанные добавления приводятся для расширения кругозора читателя. У героев настоящего труда нет ни страха перед чужим опытом, ни желания пуститься с ним в увлекательные игры.

¹ Будагова Л.Н. Импульсы времени. Чешский литературный авангард в европейском контексте. М., 2020. С. 100–101

² Дмитриевская Л.Н. Драмы Чехова как образная основа пьес «Любовь в Крыму» Славомира Мрожека и «Уход» Вацлава Гавела // Вестник славянских культур. М., 2021. В печати.

I.

ВЗАИМОСВЯЗИ
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
ДЕЯТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯНСТВА И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Аннотация: Вхождение славянства в христианско-цивилизационный универсум предопределило особенности их внутренней дифференциации, а отсюда и истории славянских литератур, как составляющих европейские литературные общности. Такой подход открывает перспективу осознания литературных эпох, литературных направлений, жанров и стилей при всем их национальном своеобразии, обусловленном спецификой локальной истории.

Ключевые слова: компаративистика, интердисциплинарность, цивилизационный универсум, европеизм, универсальное и локальное литературные общности, связи, влияния, историко-типологическая аналогия, славянские мифологемы.

Aleksandr V. LIPATOV

CULTURAL AND HISTORICAL DIFFERENTIATION OF SLAVS AND PAN-EUROPEAN FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF SLAVIC LITERATURES

Abstract: The entry of the Slavs into the Christian-civilizational universe predetermined the peculiarities of their internal differentiation, and hence the history of Slavic literatures as components of European literary communities. This approach opens up the perspective of understanding literary epochs, literary trends, genres and styles with all their national identity, due to the specifics of local history.

Keywords: comparative studies, interdisciplinarity, civilizational universe, Europeanism, universal and local literary communities, connections, influences, historical and typological analogy, Slavic mythologems.

В расхожей литературоведческой трактовке компаративистика нередко сводится к сравнительному рассмотрению отдельных исследуемых материалов с целью констатации их подобия и непосредственно из этого проистекающих выводов относительно связей, влияния и самого значения того или иного текста как источника и образца. По сути, при таком походе поле зрения ограничивается только лишь внешними, лежащими на поверхности явлениями литературного твор-

чества и проявлениями литературной культуры. Отсутствие в такого рода литературоведческой практике конкретности культурно-исторического измерения, а тем самым сужение аналитического восприятия сферой непосредственной видимости ведёт к очевидным для такой исследовательской оптики умозаключениям о несомненном наличии прямых связей, а отсюда непосредственных влияний.

Однако при конкретно-историческом рассмотрении, одновременном использовании культурологической методологии и *sensu stricto* филологического анализа — то есть при интердисциплинарном подходе — оказывается, что расхожая трактовка компаративистики «скользит» по видимой поверхности фактов, когда вне поля зрения оказывается их хронологическая специфика и внутренняя обусловленность. Между тем, именно эти сокрытые под видимой для внешнего восприятия поверхностью отдельных явлений изначальные, первичные, а тем самым универсальные факторы истории искусства словесности народов Европы являются тем всеобуславливающим истоком закономерностей, которые предопределяют как генезис, смыслы и формы, культурно-аксиологические представления (а отсюда — художественные потребности и сами вкусы), так и причины их усвоения и последующего распространения в границах цивилизационного универсума.

Генетическая общность европеизма как цивилизации является тем источником центрируемости, которая обуславливает тип европейской литературы и культуры, а тем самым — взаимосвязи и взаиморазвитие отдельных составляющих это универсальное (надэтническое, и в исторической перспективе — наднациональное) целое, формируя локальные представления о собственной идентичности как части такого рода всеобщего целого. Поэтому-то его локальное отражение в словесности и культуре может обрести отзвук уже на ранних стадиях истории отнюдь не только в результате непосредственных связей и прямых воздействий конкретных источников, но и в качестве историко-типологической аналогии (как следствия аксиологической общности *Christianitas*). Таким примером в искусстве слова Древней Руси является «Слово о законе и благодати» Илариона (XI в.), а в средневековой Польше — «Богородица».

Рассматриваемая в оптике «времени большой длительности» (концепция французской школы Анналов, разработанная Ф. Броделем) историческая эволюция искусства словесности от универсального

(первичная общеевропейская литература на универсальных языках *Christianitas*) к частному (отдельные литературы как составляющие всевропейского процесса) порождает «встречное течение» (понятие, введенное создателем исторической поэтики А.Н. Веселовским) от частного к общему. А это обуславливает такой тип функционирования литературной системы, который ведёт к её саморазвитию.

При таком опыте осмысления объекта литературоведения, а тем самым самого понятия «история литературы», категория «национальной литературы» — согласно выводам Д. Дюришина¹ — не может рассматриваться в качестве исходной как при осмыслении общей истории литератур, так и при осмыслении истории самой этой национальной литературы. Поэтому-то адекватное понимание «своего» и «чужого» возможно лишь в аспекте диалектического восприятия элементов универсального и локального² с использованием такого исследовательского инструментария и той оптики научного рассмотрения, которые соответствуют этим составляющим внутренне дифференцированного целого.

Именно оно обуславливает взаимосвязи своих — ею порождаемых — локальных составляющих, а уже в их границах — локально-этно-государственное развитие и само связанное с ним исторически эволюционирующее осознание себя уже как особой части цивилизации, впоследствии наречённой иудео-христианской.

Во времена Античности в сфере греко-римского культурного пространства Европа осознавалась как *Barbaricum* — некое географическое пространство, особый мир, внеположный Средиземноморью (Медитерану) — внекультурные земли, обитаемые разобщёнными варварскими племенами, которых разъединяло множество локальных языческих культов.

¹ *Đurišin D.* Osobitné medziliterárne spoločensvá // *Đurišin a kol.* Osobitné medziliterárne spoločensvá. I. Bratislava, 1987; *Дюришин Д.* Межлитературные общности как выражение закономерностей всемирной литературы // *Slavica Slovaca.* 1988. Roč. 23. Č. 2. S. 169–197; Č. 4. S. 334–351. См. также разработки Д. Дюришина в сб. «Особые литературные общности» (Ташкент, 1993) и в коллективном труде «Специфика литературных отношений» (М., 1994). Здесь же и мой анализ концепции Д. Дюришина: *А. Липатов.* Литературный процесс в оптике исторической поэтики (Новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина).

² *Липатов А.В.* Критерии оригинальности и литературные связи // Литературные связи и литературный процесс. М., 1986. *Он же.* История литератур и литературные взаимодействия (Диалектика универсального и национального) // *Функции литературных связей.* М., 1992.

С распространением христианства как универсальной религии с её мировидением, культурой и языком³ Европа обретает облик и сущность одной из мировых цивилизаций. Процесс её институционального (Церковь и государство), духовно-культурного (христианское мировосприятие, аксиология, правосознание и сама система прав, этика, все виды творчества), наконец, пространственного распространения обретают завершённость во времена зрелого Средневековья. В течение относительно общего времени большой длительности с принятием христианства (IX–X вв.) в ту пору уже лимитрофами Christianitas — государствами славян (Великая Моравия, Чехия, Болгарское царство, Хорватия, Польша, Древняя Русь), скандинавов (Швеция, Норвегия, Дания) и венгров — возникает геокультурная целостность и континентальная завершённость, которая являет собой облик Новой Европы.

Эта цивилизационная общность была внутренне дифференцированной в силу различий в хронологии принятия христианства, локальных условий и традиций (а в этой связи предшествующих либо отсутствующих контактов с греко-римским пространством), равно как и в самой прагматике действий локальных институтов Церкви и государства. Всё это предопределяло различия в самих темпах внутреннего развития отдельных составляющих целое. Важнейшим институтом распространения христианства, основным фактором его осмысления и школой усвоения вероисповедания как феномена, в те времена тождественного мировидению, а тем самым культуре во всех её проявлениях, была Церковь. Без неё невозможно осознать облик Новой Европы: в кругу мировых цивилизаций её надконфессионально-культурный архетип и перманентная сущность обусловили первоначальную специфику самого исторического понятия европеизма, а в его границах также и историю европейской культуры и литературы. В качестве интегральной составляющей христианской конфессии она появляется как универсальное — внеэтническое и надэтническое — искусство словесности.

Предустановленный Церковью канон языка, состав текстов, свойственных им жанров, тематик и стилей являли собой ту универсальную литературную культуру, характеризующую её филологическое мышление, этические и эстетические представления о творчестве,

³ В пространстве Восточной Церкви — древнегреческий, а позднее — староцерковнославянский, а в сфере Западной Церкви — латынь.

которые пришли в такое разноэтничное пространство, где ранее ничего подобного не существовало. Отсюда только лишь внешне парадоксальная констатация: для того, чтобы на месте отдельных племенных наречий создать свой — общенародный — язык, а свою литературу — на месте фольклора, нужно было сначала постичь «чужой» язык и «чужую» литературу, чтобы потом по их образу и подобию создавать собственные аналоги. «Чужой» и «чужая» в данном случае заключены в кавычки, потому что, будучи универсальными производными всеобщего мировидения, они по мере местного его усвоения становились своими — своим проявлением и своим отражением высокой культуры своей цивилизации.

Прошлое и настоящее славянских народов, система связей и взаимодействий каждого из них с внешним миром могут быть объективно осознаны только лишь в свете общих закономерностей европейской цивилизации, частью которой они становятся со времён принятия христианства. В сопоставлении с другими мировыми религиями оно как системообразующий фактор европеизма предопределило всю дальнейшую историю славянства, а тем самым связей их культур и литератур как локальных составляющих Christianitas, а не как особой, мифической славянской общности.

Нынешняя картина славянского разъединения, межконфессиональной враждебности, государственно-политических конфликтов и националистических распрей — всего лишь очередное звено в их долголетней истории. Возникшие во времена общеевропейской эпохи Романтизма и бытующие по сей день такие мифологемы, как «славянское единство», «славянская взаимность» и — в единственном числе (!) как некая единичная и единая сущность — «славянская культура», «славянская литература» не коррелируют с конкретикой реальных фактов прошлого и настоящего⁴. Поэтому-то идеологизируемые и

⁴ *Lunatov A.B.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (К 200-летию со дня рождения). М., 1995; *Fertycz J.* Stalinizm a idea słowiańska // *Przegląd Humanistyczny*. 1993. N 5; *Kořalková K.* Slovanská ideologie po druhe svetové valce // *Slovanský přehled*. 1969. Č. 3; *Wielke mity narodowe Słowian*. Poznań, 1999; *Bobrownicka M.* Patalogie tożsamości narodowej w postkomunistycznych krajach słowiańskich. Kraków, 2006; *Moroz-Grzelak L.* Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa, 2011; *Lunatov A.B.* Современная славистика и перспективы изучения русско-польской проблематики // Славянский сборник. Язык, литература, культура. М., 2019; *Он же.* Славянство как составная часть европейской цивилизации (к давней идее славянского единения и извечной проблеме славянского разъ-

политизируемые прагматикой и цинизмом политиков либо культивируемые живучим прекраснодушием идеалистов эти рудименты очередной — в данном случае — славянской утопии и самого утопического мышления славянофильства минувших веков в наше время постепенно угасают: архаичность мифа вытесняется очевидными реалиями действительности.

Вследствие институционального конфликта Восточной и Западной Церквей (1054) внутренняя дифференциация цивилизации произошла отнюдь не по этническим, а по церковно-институциональным принципам. Часть славянства наряду с другими этносами оказалась в Восточном/Византийском/православном круге (*Rex Orthodoxa*), другая же часть также вместе с другими этническими образованиями — в Западном, римско-католическом круге (*Rex Latina*). Поэтому-то дальнейшая история славянских народов и их культур может быть осознана в границах именно этих надэтнических общностей *Chistianitas*.

На землях *slavia orthodoxa* локальная Церковь в качестве сакрального использовала созданный в начале 60-х гг. IX в. братьями Константином (в монашестве Кириллом) и Мефодием язык, впоследствии наречённый старocerковнославянским. На этот язык, общепонятный для всех славянских этносов, Церковь переводила с греческого лишь то, что соответствовало её потребностям. Тем самым богатейшее античное наследие Византии и её современная литература, театр, искусство, философия оказались вне культурных представлений православного славянства, тогда как латынь в Западном круге культуры открывала для *slavia latina* (естественно, наряду со всеми другими этносами римского католичества) наследие и современность Средиземноморья (Медитерана). Общая система образования *Rex Latina* распространялась и на славянских землях, славянские студенты учились в университетах Италии и Германии. Поэтому-то вполне закономерно — отнюдь не в качестве собственно славянского феномена, — что первые славянские университеты возникли в Чехии (1348) по образцу университета в Париже и в Польше (1364) по образцу итальянских университетов. Их профессура и студенты прибывали из разных стран общекультурного пространства римского католичества.

Дифференциация славянства в Византийском и Латинском кругах культуры предопределила как специфику их разноэтнических связей (естественно, не сводимых к некой славянской самоограниченности), так и характер, направленность, уровень и темпы их исторической эволюции. Отсюда затянувшееся Средневековье в *slavia orthodoxa*, тогда как параллельно ему в *slavia latina* формируется и развивается литература на родном языке в Хорватии (Сень — Далмация — Дубровник), Чехии и Польше, усваиваются литературные жанры, стили, тематики эпохи Возрождения, а затем Барокко. Всё это находилось в прямой обусловленности связями прежде всего с Италией и Германией вследствие общих (и надэтнических) для Латинского круга закономерностей историко-культурного развития.

Именно двуединство универсального и локального обусловило в Латинском круге *Chistianitas* возникновение — опять-таки, отнюдь не вследствие собственно этнической «свойскости» таких его составляющих как — пользуясь терминологией Д. Дюришина — особых литературных общностей: *slavia romana* (литературы хорватская и польская) и *slavia germana* (литература в чешском, словацком, серболужицком и словенском ареалах)⁵. Эти общности формировались вследствие прямых, широких, непосредственных и интенсивных связей в культуре, образовании и литературе соответственно с ренессансной и барочной Италией и немецким миром.

Отмечая надэтничность межэтнических отношений в границах обеих культурных общностей (*Rex Orthodoxa* и *Rex Latina*), следует констатировать, что внутренняя дифференциация *Chistianitas* отнюдь не означала абсолютной изоляции этих двух её составляющих. Суть в том, что помимо узкого догматизма церковных институтов параллельно существовали и развивались секулярная культура, а в её рамках — общественные вкусы и государственные потребности. В качестве примеров достаточно вспомнить роль византийских эмигрантов в зарождении и развитии итальянского искусства времён Ренессанса или же итальянский зодчих в Московском государстве времён правления Ивана III. Особо значимым примером взаимодей-

⁵ *Липатов А.В.* Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в. // Славянские литературы в процессе становления и развития. М., 1987; История литератур западных и южных славян. Т. I. М., 1997. (Часть III, раздел «Смена традиции»).

ствия латинского Запада и византийского Востока являются Древняя Русь и Древняя Польша эпохи Средневековья⁶.

Позднее — во времена Возрождения и Барокко — представленная Польшей *slavia romana* во всё нарастающем процессе взаимодействия Византийского и Латинского кругов культуры способствовала усвоению и освоению восточнославянской общностью ценностей для неё новых, но уже традиционных для всего мира римского католичества, а в его рамках *Slavia Latina*. Это был период стирания возникших во времена Средневековья границ *Rex Orthodoxa* и *Rex Latina* вследствие общего нарастания секулярной культуры. Так, на излёте XVI и на протяжении XVII вв. формируется теперь уже общевропейский по своему охвату процесс в литературе и искусстве. Особое значение в самом его генезисе и в первоначальной эволюции имели связи и воздействие польской литературы и культуры на украинско-белорусских землях в составе Речи Посполитой. Отсутствие препятствий в виде государственной границы и сама система шляхетской демократии способствовали здесь непосредственным и политически не ограничиваемым контактам разноконфессиональной // разноэтнической среды. Приверженцы православия могли учиться в католических коллегиях и университетах. Тем самым — в отличие от Московского государства — их конфессиональная принадлежность не ограничивала круг их культурно-художественных представлений. Так в рамках *slavia orthodoxa*, но пока лишь только внутри Польско-Литовского государства возникает — опять-таки пользуясь терминологией Д. Дюришина — особая литературная общность. Представленная украинско-белорусским лимитрофом, она в течение XVII в., наряду с польскими веяниями, начинает оказывать всё нарастающее воздействие на русскую культуру и литературу⁷. Причем вследствие принадлежности к православию украинско-белорусские воздействия обрели особую масштабность и играли разностороннюю роль, тогда как по своей сути они являли собой те же самые ренессансные и барочные ценности Латинского круга.

⁶ *Липатов А. В.* Кирилло-мефодиевская традиция, история польской литературы и проблемы славянской взаимности (О взаимодействии латинского Запада и византийского Востока) // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. Т. 54. № 6. М., 1995 (Здесь же приводится обширная литература предмета).

⁷ *Истории русской литературы.* Т. 1. Ленинград, 1981; *История литературы западных и южных славян.* Т. I. М., 1997 (Здесь библиография); *Славянский мир в глазах России.* М., 2011.

Усвоенное при польском посредничестве и уже в их польском своеобразии они затем (как до этого в Польше) были претворены уже в духе своих локальных традиций, своего опыта и своего менталитета. (Процесс поздней европеизации⁸ Н. Трубецкой квалифицировал в качестве «украинизации великорусской культуры»⁹).

Размыванию границ, разделяющих Византийский и Латинский круги, способствовала общая аксиология Chistianitas, осознаваемая вопреки институциональным распрям и догматам Западной и Восточной Церквей. Поэтому-то времена Новой истории отмечены нарастанием интенсивности «нарушений» предусмотренных Церквями внутрицивилизационных границ.

Само проникновение и распространение «латинства» в его ренессансно-барочном облике среди восточного славянства не могло бы возникнуть без ощущения и осознания своих местных потребностей, порождающих местные устремления, выходящие за традиционно-средневековые представления Церкви в культуре, творчестве и в самом образе жизни. Именно эти местные устремления обусловили постепенное размывание границ Pax Orthodоха и Pax Latina вследствие того первостепенной важности фактора, который А.Н. Веселовский квалифицировал как встречные течения. Проявлением этого процесса освоения «латинства» в литературе было своего рода ассоциирование своей традиции с современными западными образцами и конвенциями в сфере генологии, стилевых концепций, художественной образности и самой тематики¹⁰.

В процессе размывания границ Pax Orthodоха и Pax Latina такая диалектика универсального и локального характеризует всю последующую историю отдельных национальных литератур Византийско-

⁸ Может быть, было бы точнее охарактеризовать её как вестернизация, ибо Византийский круг культуры был и оставался составляющим европейской цивилизации (*Литатов А.В.* Европейская цивилизация как дифференцированная целостность (Запад и славяне) // *Мировая экономика и международные отношения.* № 6. 2007).

⁹ *Трубецкой Н.* К украинизации великорусской культуры // *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М., 1990.

¹⁰ *Литатов А.В.* Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // *Славянское барокко.* М., 1979; *Он же.* Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литератур как системы // *Барокко в славянских культурах.* М., 1982; *История литератур западных и южных славян.* Т. I. М., 1997 (Часть III, главы «Смена парадигм и «Польская литература»).

го круга, включая литературы славянские. Что касается этих последних, то отмеченные выше особенности украинско-белорусско-польских воздействий на русскую литературу и культуру (XVII — начало XVIII вв.), в той или иной степени просматриваются в конце XVIII и на протяжении XIX вв., когда часть славянства эпохи национального возрождения обращается к русскому опыту и русским образцам¹¹.

Сфера внутрицивилизационных связей и взаимодействий культур и литератур Европы открывает перспективу осознания общих литературных направлений, жанров, стилей, проблематики, наконец, самих обликов (а отсюда и названий) целых литературных эпох при всём их внутринациональном своеобразии, обусловленном локально-исторической спецификой, традицией и отнюдь не в последнюю очередь — самим национальным менталитетом.

Локальное (этно-государственное, а с течением времени большой длительности — национальное) развитие универсального — это двуединый процесс. В такой исследовательской оптике может быть выявлена универсальная (наднациональная) обусловленность национальных свершений, с одной стороны, национальные истоки наднациональных феноменов — с другой. Разделение национального и универсального — расчленение их диалектического единства — означает разъединение литературы как системы на составные части, которые в отдельности не существуют. Результатом же их рассмотрения как неких взаимоизолированных вещей является исчезновение из поля зрения их реальных внутрисистемных взаимосвязей.

Неудовлетворённость современным состоянием литературоведения, самими подходами к истории литератур и литературным связям, игнорирование закономерностей сознания национального в его двуединстве с универсальным началом возникли оттого, что — как отмечал Д. Дюришин — в литературоведении возобладало национально-литературное направление исследований, что в результате и привело к сужению взгляда на литературный факт в самом широком смысле этого слова. Национальная, или иная отдельная литература,

¹¹ Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982; История литературы западных и южных славян. Т. II. М., 1997; *Липатов А. В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс (История, типология, связи) // Славянские литературы: XI Международный съезд славистов. М., 1993; *Он же.* Европейский литературный процесс и славянские литературные общности // Славянские литературы. XII Международный съезд славистов. М., 1998.

стала альфой и омегой литературоведения, а часто и почти единственным объектом историко-литературных исследований. Отмечая «падение интереса к литературоведческой проблематике славистики», некоторую стереотипность и «усталость проблематики», сопутствующий этому «изоляционизм, когда проблемы славистики пытались решать, исходя из материала самих славянских литератур»¹², Дюришин обосновывает свою концепцию межлитературности и литературных общностей как перспективы познания общелитературных закономерностей¹³.

Преодоление застоя в славистическом литературоведении отражают также другие историко-теоретические предложения, которые объединяет стремление к раскрытию общих закономерностей истории славянских литератур в контексте европейского литературного процесса. Так, Д.С. Лихачёв разработал концепцию системы средневековых литератур православного славянства¹⁴. Н.И. Толстой представил литературно-эстетическую историю этой общности в свете языковой проблематики¹⁵. Р. Пиккио осветил ряд существенных проблем истории литератур *slavia orthodoxa* и предложил свою разработку вопросов классификации всех древнеславянских литератур¹⁶. Автор этих строк в ряде публикаций выявляет общие закономерности истории славянских литератур от Средневековья до 70-х гг. XIX в. и предлагает свою концепцию возникающих и изменяющихся славянских контактно-типологических общностей как составляющих общей истории европейских литератур¹⁷.

¹² Дюришин Д. Методология изучения межлитературной общности... С. 6–7.

¹³ См. примеч. 1.

¹⁴ Лихачёв Д.С. Древнеславянские литературы как системы // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов. М., 1968. О концепции Д.С. Лихачёва и его оппонентов см.: Липатов А.В. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс.

¹⁵ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Он же*. *Slavia Orthodoxa* et *Slavia Latina*. Общее и различное в литературно-языковой ситуации // *Ricerche Slavistiche*. Vol. XLII. 1995.

¹⁶ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. О работах Р. Пиккио см.: Липатов А.В. Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1990. Т. 49; Седякова И.А. Филологические проблемы славянского средневековья в работах Р. Пиккио // Вопросы языкознания. 1991. № 1.

¹⁷ Липатов А.В. Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи Средневековья // Советское славяноведение. 1978. № 4; *Он же*. Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи

Можно полагать, что предложения в этом явно обозначившемся научном направлении предоставляют возможности дальнейшим разработкам, которые будут способствовать преодолению в славистической практике всё еще дающей о себе знать национальной ограниченности, стереотипных ограничений, а тем более оторванности от общеевропейских истоков, общеевропейской истории и общеевропейской современности¹⁸.

формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982; *Он же*. Теоретические проблемы общей истории славянских литератур (Цивилизационная общность как диалектическое единство универсального и национального) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. М., 2005 (см. также примеч. 5, 6, 8, 10, 11).

¹⁸ Об этом см.: *Литатов А.В.* Современная славистики и перспективы изучения русско-польской проблематики // Славянский сборник: язык, литература, культура. М., 2019.

**СВЯЩЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ PAX CHRISTIANA:
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИЕРОМОНАХА ХРИСТОФОРА
(1833–1897)**

Аннотация: В статье рассматривается проблема преемственности существования и развития народных православных литератур восточных славян в XIX–XXI вв. на примере творческого наследия одного из самых одаренных православных писателей XIX в. иеромонаха Христофора (Хрисанфа Саковича, 1833–1897). Уроженец Волыни, он стал крупнейшим создателем религиозных поэтических произведений для простого народа, на которых воспитывались и воспитываются миллионы украинцев, белорусов и русских. Главнейшим произведением иеромонаха Христофора является его стихотворный молитвенный цикл «Крестная песнь», который стал настоящей общенародной книгой. Она массово тиражируется по сей день в разных странах всеми возможными способами от рукописной переписки до электронного набора. В целом, литературное наследие иеромонаха Христофора — совершенно особое явление не только в славянском мире, но и феноменальное драгоценное достояние Pax Christiana.

Ключевые слова: Pax Christiana, православие, Хрисанф Сакович (иеромонах Христофор), народная религиозная литература.

Yuriy A. LABYNTSEV

**THE SACRED PROPERTY OF PAX CHRISTIANA:
THE LITERARY HERITAGE OF HIEROMONK CHRISTOPHER
(1833–1897)**

Abstract: The article deals with the problem of the continuity of the existence and development of Orthodox folk literature of the Eastern Slavs in the 19th–20th centuries on the example of the creative heritage of one of the most gifted Orthodox writers of the 19th century, hieromonk Christopher (Chrysanf Sakovich, 1833–1897). A native of Volhynia, he became the largest creator of religious poetic works for the common people, on which millions of Ukrainians, Belarusians and Russians were brought up and are being brought up. The main work of hieromonk Christopher was his poetic prayer cycle «The Song of the Cross», which became a real national book. It is massively replicated to this day in different countries in all possible ways, from handwritten correspondence to electronic typing. In general, the literary heritage of hieromonk Christopher is a very special phenomenon not only in the Slavic world, but also a phenomenal precious asset of Pax Christiana.

Keywords: Pax Christiana, Orthodoxy, Chrysanf Sakovich (Hieromonk Christopher), folk religious literature.

Христианский мир в течение своей многовековой истории создал богатейшую разноязыкую народную литературу религиозного содержания, по сей день в совокупности практически неизученную. Классифицировать все это огромное духовное богатство весьма затруднительно, однако у абсолютного большинства таких произведений есть одно общее непреложное свойство — молитвенность. Именно она объединяет их, созданных в разные времена на разных языках. Особое место в этой колоссальной по числу и охвату произведений народной литературе занимают сочинения поэтические. В силу особенностей развития духовной жизни они стали наиболее любимы и среди западных и восточных славян. Православная Восточная Славия, пережившая гигантскую религиозную катастрофу в XX столетии, лишь в его исходе более или менее определенно начала обращаться к изучению этого народного духовного богатства, преобладающее число творцов и особенно распространителей которого так и останутся нам неизвестны.

Жизнь, деятельность и творчество Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора (1833–1897), одного из самых одаренных православных писателей XIX в., не изучены. Хрисанф Сакович — крупнейший создатель религиозных поэтических произведений для народа, на которых воспитывались поколения миллионов восточных славян, живущих во многих странах. Его сочинения, распространявшиеся и распространяющиеся как огромными печатными тиражами, так и в неисчислимом количестве рукописных списков, в основном анонимно — одни из самых любимых в православном мире¹. По сей день его произведения переписывают, перепечатавают, читают и поют на огромных пространствах нескольких континентов — там, где живут русские, украинцы, белорусы, русины. Это одна из важных слагаемых во многом единого восточнославянского культурного пространства, в том числе ментально-религиозного, единой интегральной православной народно-литературной традиции, наследие которой продолжает свою жизнь в многомиллионной читательской среде. Как

¹ См., напр.: *Щавинская Л.Л.* Рукописные списки произведений христианского подвижника Христофора (Саковича) в библиотеках православных Польши XX–XXI вв. // *Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання. Матэрыялы III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст, 22–25 верасня 2015 г.* Мінск, 2016. С. 299–307; *Щавинская Л.Л.* Иеромонах Христофор (Сакович) и его произведения как часть народной православной литературы // *Традиции и современность.* 2011. № 11. С. 93–96. и др.

показывают наши почти полувековые экспедиционные наблюдения, до сих пор в местах служения Хрисанфа Саковича на Волыни и Холмщине коренное население в той или иной степени помнит его. Даже среди холмских сельских католиков в современной Польше, где он служил в последние годы жизни и где похоронен, этот смиренный вселюбящий православный иеромонах по-прежнему именуется «святым человеком»².

Выходец из потомственной священнической семьи, уроженец села Святец на Волыни, Хрисанф Сакович рано лишился матери, оставшись «шестилетним одиноким сиротой», и это раннее сиротство оставило глубокий след в его душе³. В 1842 г. Хрисанф, в соответствии с традицией, обусловленной требованием Св. Синода обучать детей церковнослужителей именно в духовных учебных заведениях, поступает в Кременецкое духовное училище. В годы школьных занятий Хрисанфа в училище (1842–1849) преподавание там велось на русском языке, о чем особое попечение имел его смотритель П.М. Винницкий, сын православного священника с Черниговщины, выпускник Киевской духовной академии. После окончания Кременецкого духовного училища Хрисанф Сакович, оставшийся к тому времени круглым сиротой, в июле 1849 г. «в числе лучших учеников» переводится в Волынскую духовную семинарию⁴, располагавшуюся тут же, в Кременце. Начавший свою весьма разностороннюю и богатую филологическую подготовку еще в духовном училище, Хрисанф с успехом продолжил ее и в семинарии, где он характеризовался как воспитанник «способностей хороших, прилежания неравного, успехов довольно порядочных, пов[едения] порядочного»⁵. Огромное

² *Лабынцев Ю.А.* Православный подвижник иеромонах Христофор (Сакович) и его почитание в современной Польше // Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира. Материалы международной научной конференции, Республика Беларусь, Минская духовная академия при Свято-Успенском Жировичском монастыре 14–15 мая 2015 г. Минск, 2015. С. 198–201.

³ *Лабынцев Ю.А.* Поэтическая автобиография Хрисанфа Саковича: детство и отрочество // Традиции и современность. 2016. № 17. С. 158–168.

⁴ *Пимен, иеромонах.* Иеромонах Христофор, в мире священник Хрисанф Сакович // Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Холм: Изд. иеромонаха Пимена, 1913. С. 16.

⁵ *Теодорович Н.И.* Волынская духовная семинария: история первоначального устройства ее и подведомственных ей духовных училищ: списки воспитанников, окончивших в ней курс учения, а также начальников и наставников ее в период времени с 1796 по 1900 г.: с приложением портрета митрополита Антония Рафальскаго и его писем. Почаев: Тип. Почаевской Успенской лавры, 1901. С. 604.

значение в семинарии придавалось церковному пению, весьма поощрялось ораторское искусство, а также умение писать собственные прозаические и стихотворные сочинения. Именно тогда, возможно, появились и первые литературные опыты Хрисанфа, к сожалению, не дошедшие до нас.

Еще во время обучения в Волынской духовной семинарии Хрисанф, будучи натурой впечатлительной и самоуглубленной, стал стремиться к иноческой жизни и даже предпринял несколько попыток найти духовного наставника, но везде получил отказ. В своих рукописных воспоминаниях Хрисанф Сакович пишет, как он, еще будучи учащимся 3-го класса Волынской духовной семинарии, в своем стремлении к строгому иночеству пешком проделал путь из Кременца до пещер Киевских пустынь и обратно⁶. Первым монастырем, с которым неразрывно оказалась связана судьба Хрисанфа Саковича, стал древний православный Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь на границе Польши и Белоруссии к югу от г. Бреста, куда он был принят после окончания семинарии. В Яблочинском монастыре Хрисанф Сакович с 1855 по 1864 гг. проработал учителем монастырской начальной школы и письмоводителем. Позднее им была написана особая «Молебная песнь преподобному Онуфрию Великому, сияющему в чудотворном образе в Яблочинской обители», иконный образ которого Хрисанф впервые увидел в раннем детстве, а затем в течение нескольких лет пребывал в монастыре его имени («*Онуфрия Святого / В хвалах превознесем / И в сей пустыне тихой / Ему песнь воспоем... / И весь сей омраченный / Латынством польский край / В пустыне сей обрящет / Блаженный, светлый рай*»)⁷. Песнь эта неоднократно встречалась нам в рукописных списках на территории Белоруссии, Польши, Украины⁸. Не найдя духовного наставника в Яблочинском Свято-Онуфриевом монастыре, в 1864 г. Хрисанф Сакович навсегда покидает Свято-Онуфриевский монастырь. В память о проведенных здесь годах в 1888 г. он сочиняет «Народную песнь на праздник 900-летия Крещения Руси» («*Князь русский Владимир, / Учитель святой / [...] Чтоб всех съединяла / Христова любовь, / Для*

⁶ Щавинская Л.Л. Из духовной семинарии в народные учителя: молодые годы Хрисанфа Саковича // Традиции и современность. 2016. № 17. С. 170–171.

⁷ Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Холм: Изд. иеромонаха Пимена, 1913. С. 249–252.

⁸ Щавинская Л.Л. Из духовной семинарии в народные учителя. С. 172–173.

славы России / На веки веков»), которую сопровождает дарственной надписью «Дар Свято-Онуфриевскому Яблочинскому монастырю, бывшего послушника того-ж монастыря»⁹.

Далее Хрисанф Сакович продолжил поиски духовного наставника сначала в Святогорской обители, затем в Задонском монастыре и Саровской пустыни, но его усилия также не увенчались успехом. Наконец, по словам самого Хрисанфа, «совершился перелом [...] моих усиленных стремлений к пустынной иноческой жизни. Узнав в одной курной избе, что ни мать, ни ее взрослые дети не знают даже молитвы Господней, я оставил путешествия по монастырям, решился учить детей и простых людей молитвам и пению»¹⁰. И уже следующие несколько десятилетий Хрисанф Сакович служит народным учителем — сначала, с 1864 г., в женском Городищенском Рождество-Богородичном монастыре, располагавшемся недалеко от современного г. Шепетовка в Хмельницкой области Украины. В 1868 г. он был переведен учителем в народное училище в с. Жуков, в котором Министерство народного просвещения организовало одноклассное народное училище, где в течение почти четырех лет учительствует Хрисанф Сакович. Его успехи в организации школьного дела в Жуковской волости несомненны. Основы этой просветительской деятельности, заложенные им, в дальнейшем обеспечили возможность организации в окрестных селениях соответствующих школ грамотности, в которых преподавали выпускники «Жуковского одноклассного народного училища»¹¹. Расставаясь со своими выпускниками, в 1871 г. он напишет стихотворение «Песнь прощальная детей в Жуковском народном училище», в котором призывает своих учеников «наук не забывать и дело просвещения во всю жизнь продолжать» «для просвещения темных простых родных умов»¹².

⁹ Гродненский богогласник. Собрание гимнов и набожных песнопений с присовокуплением краткого исторического очерка православия в пределах нынешней Гродненской губернии и житие св. преподобно-мученика Афанасия (Филипповича). Гродна: Губернская типография, 1903. С. 46–47.

¹⁰ Сборник статей по истории Холмской духовной семинарии: По поводу пятидесятилетия существования семинарии (1760–1910). Холм, 1910. С. 49.

¹¹ Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 3: Уезды Кременецкий и Заславский. Почаев: типография Почаево-Успенской Лавры, 1893. С. 653–654.

¹² Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. Почаев: типография Почаевской Лавры, 1887. С. 180–186.

Желание Хрисанфа Саковича «учить детей и простых людей» совпадало с народившимся тогда в Российской империи движением по просвещению народа, которое деятельно поддерживал граф Д.Н. Блудов, президент Императорской Академии наук¹³, и его дочь А.Д. Блудова, при самом активном участии которой в середине 1860-х гг. в древнем Остроге было основано Острожское Свято-Кирилло-Мефодиевское православное братство, оказавшее колоссальное влияние на культурно-национальное и религиозное развитие не одной только волынской земли, но и сопредельных территорий. По сей день в Остроге с благодарностью вспоминают имя А.Д. Блудовой¹⁴. Графиня постоянно искала активных и увлеченных сотрудников¹⁵, в числе которых с 1872 г. стал значиться и Хрисанф Сакович — письмоводитель Острожского братства, практически сразу же включенный в круг самых близких и доверенных лиц, осуществлявших просветительские идеи Д.Н. Блудова и его дочери. Но более всего проработал Хрисанф Сакович в волынском селе Брыков, где стал учителем Свято-Кирилло-Мефодиевского училища, являвшегося своеобразным начальным народным учебным заведением. Оно имело собственную программу, согласно которой вменялось «первоначальное обучение грамоте обязательно вести по-славянски и по священным и богослужебным книгам на церковнославянском языке»¹⁶. Брыковское Свято-Кирилло-Мефодиевское училище помещалось в доме А.Д. Блудовой, имевшей постоянный самый непосредственный контакт и с учениками, и с их учителем. Училище посещали дети обоего пола, а два раза в неделю в нем проводились своеобразные занятия-собеседования для взрослых местных крестьян, а также церковные спевки. Всего же Хрисанф Сакович «проходил учительскую должность в сельских училищах с 1864 по 1886» гг., везде оставляя о себе самую добрую память¹⁷, а с осени 1879 г. на-

¹³ Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. СПб: тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1866.

¹⁴ Бендюк М. Графиня Антоніна Блудова та Остріг. Остріг: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2013.

¹⁵ Родевич М. Острожское женское училище графа Д.Н. Блудова // ЖМНП. 1877. № 1. С. 51–71.

¹⁶ Девятистолетие православия на Волыни. 992–1892 г. Ч. 1–[2]. Житомир: типо-литография. Е.П. Льва, 1892. С. 253.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 439. Е.х. 922. Л.2.

чалось его священническое служение в местной Свято-Георгиевской церкви, на что сподвигла его графиня А.Д. Блудова, многие годы покровительствовавшая Хрисанфу Саковичу. Продолжая служение в Брыковском Свято-Кирилло-Мефодиевском училище, «по просьбе и желанию графини А.Д. Блудовой», он был рукоположен «безженным во священника [...] Брыковской церкви в 1879 г. 17 сентября» епископом Острожским Виталием (Гречулевичем)¹⁸.

Убедившись на многолетнем опыте, что простой народ любит стихотворную речь, духовные песнопения, Хрисанф сочиняет для своих многочисленных учеников «молитвенные праздничные песнопения», которые в большом количестве сразу же расходятся в рукописных списках. Сам он так говорил о своем творчестве: «простой русский народ любит речь стихотворную, а еще больше любит духовные песнопения, я, собрав мои слабые силы, написал при помощи Божией, моим Брыковским прихожанам и прихожанкам, и всем моим многочисленным ученикам и ученицам, коих я учил в продолжении 27 лет, молитвенные праздничные песнопения [...] Дай Господи, чтоб эти Песни принесли пользу и всему простому русскому народу, в великом деле духовного просвещения»¹⁹. Сочинял он и колядки, которые, пожалуй, быстрее всего вошли в число анонимных народных сочинений.

Самым главным произведением о. Хрисанфа Саковича, столь широко бытовавшем и бытующем во множестве анонимных изданий и не поддающихся количественному учету рукописных списках, является его стихотворный молитвенный цикл — «Крестная песнь»²⁰. Впервые цикл этот в 1884 г. большим тиражом издала Синодальная типография в Санкт-Петербурге, и поныне едва ли найдется в славянском православном мире еще одно такое народное молитвенное произведение. Учитывая, что цензурное разрешение на печатание этой книги было дано от Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры почти сразу же после ее написания, уже 8 августа 1884 г., придется признать наличие каких-то влиятельных лиц, ускоривших весь процесс издания. Ими были высшее православное духовенство

¹⁸ *Теодорович Н.И.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. С. 321.

¹⁹ Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. С. 3–5.

²⁰ *Сакович Хрисанф, священник.* Крестная песнь. СПб: в Синодальной типографии, 1884.

Волынской епархии во главе с архиепископом Тихоном (Покровским) и, прежде всего, владелица с. Брыкова А.Д. Блудова. Заслуги о. Хрисанфа как любимого пастыря и автора сразу же ставшей широко известной «Крестной песни» тогда же были отмечены Св. Синодом награждением золотым наперстным крестом. Первая книга о. Хрисанфа Саковича, его разошедшийся по всему православному миру молитвенный цикл «Крестная песнь», стала «по существу общенародной книгой»²¹. Лишь в самом ее конце скромно было указано имя автора: «С Божиею помощью, сочинил сию Крестную Песнь Священник Хрисанф Сакович. 1884 года. Марта 16-го дня. Пятница. Село Брыков. Переписал ученик Брыковской школы, крестьянин Василий Подгородецкий»²². Сочинение это, значение которого стало особенно важным в период государственной политики богоборчества и жестоких гонений на православие, по сей день продолжает оставаться в числе наиболее распространяемых в народной среде, правда, без упоминания имени его автора. Наше многолетнее изучение народной православной литературы, экспедиционные исследования на территории России, Белоруссии, Украины, Польши и Литвы свидетельствуют о необычайно активном тиражировании в сельской и городской народной среде «Крестной песни» о. Хрисанфа Саковича вплоть до наших дней. История появления и рецепции стихотворного молитвенного крестного цикла, созданного им, свидетельствует о том, что цикл этот, без преувеличения, стал ежедневным чтением для миллионов православных в конце XIX-го, XX-м и начале XXI-го вв. В рукописных сборниках часто встречаются также и отдельные стихотворения из крестного цикла о. Хрисанфа Саковича без указания имени автора, в том числе под заглавием «Постовые песни». Самым же распространенным из этого цикла стало его начальное стихотворение «В Пятницу молчанье». Оно встречалось нам чуть ли не во всех рукописных сборниках в полном либо сокращенном варианте без указания имени автора. Его же обычно включают в современные печатные сборники духовных песнопений их составители, но в таких сборниках часто уже указывается и имя автора — «священник Хрисанф Сакович»²³.

²¹ *Щавинская Л.Л.* Поэзия Хрисанфа Саковича в белорусской народной литературе // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2010. С. 612.

²² *Сакович Хрисанф, священник.* Крестная песнь. С. 81.

²³ В Пятницу Святую... Слова и музыка свящ. Хрисанфа Саковича // *Богогласник. Созвучие времен.* Единецко-Бричанская епархия, 2004. С. 88–89.

Ободренный успехом «Крестной песни», напечатанной в Петербурге, Сакович подготовил к изданию новый сборник своих произведений, озаглавленный им «Молитвенные песнопения». При этом его рукопись получает цензурное разрешение от Санкт-Петербургского Комитета духовной цензуры 27 декабря 1885 г., ошибочно датированное в самом издании 7 декабря: «Имею честь донести Комитету, что разрешенные мною сочинения: 1. “Молитвенные песнопения” св. Саковича (рукопись) [...] могут быть, по моему мнению, одобрены к печати. 27 Дек. 1885 года. Цензор Архимандрит Никон»²⁴. В типографии Почаевской лавры название сборника о. Хрисанфа, вышедшего из печати в 1886 г., сочли целесообразным заменить на «Духовные песнопения». Этот сборник содержит 50 стихотворений, как собственно духовные, так и лирические стихи автора, такие как, например, «Песнь-размышление в часы вечерние» («*В вечерний час, / Я слышу глас: / О, человек, / Твой краток век...*») ²⁵, «Песнь-размышление лунною ночью» («*Природы вид прекрасен, мил, / Когда средь мириад светил / Луна торжественно плывет, / На землю море света льет...*») ²⁶, «Песнь над колыбелью христианского дитяти» («*Спи, дитя мое родное / Милое и дорогое! / Очи скрой, чтоб не смотрели. / Спи, мой ангел, в колыбели...*») ²⁷. В начале XX в. ряд духовных песнопений из этого сборника публикуются в одесской типо-литографии Е.И. Фесенко на отдельных листках, в том числе предназначенных «для вывешивания, чтения и раздачи в церквях, школах, библиотеках, войсках, местах общественных, собраниях и прочих»²⁸.

В Почаевской лавре до сих пор имеются экземпляры этих книг о. Хрисанфа, в том числе с его дарственными надписями, а также их перепечатки более позднего времени²⁹. В 1900 г. Почаевская ти-

²⁴ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Е.х. 1721. Л. 29.

²⁵ Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. Почаев: типография Почаевской Лавры, 1886. С. 173–174.

²⁶ Там же. С. 174–177.

²⁷ Там же. С. 189–191.

²⁸ Лабунцев Ю.А. Крупнейший издатель народной православной печатной продукции Е.И. Фесенко — популяризатор духовных песнопений Хрисанфа Саковича // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции, Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. Иваново, 2017. Ч. 2. С. 79–85.

²⁹ Напр., «Духовные песнопения» издаются типографией Почаевской Лавры в 1900 и в 1908 гг. Напечатаны они были гражданским шрифтом, в отличие от изданий 1886 и 1887 гг., набранных шрифтом церковнославянским.

пография напечатала «Крестную песнь», в конце которой добавлена страница с нотами «Крестная песнь. Слова и музыка свящ. Хрисанфа Саковича» (с. [69]). А в 1905 г. также вместе с нотами типография издает «Крестную песнь» в качестве бесплатного приложения к Почаевскому листку³⁰, редактором первых номеров которого был некогда сам Хрисанф Сакович³¹. Почаевская лавра печатает произведения Саковича и в наши дни, особой популярностью и спросом прежде всего пользуется его «Крестная песнь»³². Этим произведением особо дорожил и сам Хрисанф Сакович, о чем он поведал в своем стихотворении «Воспоминание о минувшей жизни моей»:

*«И я, убогий человек,
Живу в несчастьи весь свой век!
Родился я на свет в слезах,
Не зрел добра в младых летах.
...
А наконец, Христос благой
Умилосердился над мной
Меня любовью осенил
И “Крестной Песнью” наградил»³³.*

Стихотворение это в основном без упоминания имени автора часто встречается в рукописных списках³⁴.

«Многолетняя слава о подвижнике-священнике способствовала возникновению у епархиального начальства желания предложить ему принять монашество и потрудиться в Почаевской лавре над усилением среди насельников ее любви к подвигам благочестия»³⁵. В течение 1885–1886 гг. у о. Хрисанфа окончательно оформляется решение об уходе в монастырь. На прощание со своими прихожанами о. Хрисанф пишет «Песнь-завещание моим брыковским прихожанам

³⁰ Крестная песнь иеромонаха Христофора. (Бесплатное приложение к Почаевскому Листку). Почаев, Волинской губ. Типография Почаево-Успенской Лавры, 1905.

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 57. Е.х. 32. Л. 1–2.

³² Священник Хрисанф Сакович. Крестная песнь. Житомир, 1997. Печатается по изданию Крестная песнь. Почаев: Типография Почаево-Успенской Лавры. 1900 год.

³³ Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. С. 177–179.

³⁴ Щавинская Л.Л. Поэзия Хрисанфа Саковича в белорусской народной литературе. С. 612.

³⁵ Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Холм: типография Холмского Свято-Богородицкого братства, 1913. С. 27–28.

и прихожанкам, ученикам и ученицам всем», раскрывающую сокровенные подробности его жизни в селе с 1873-го по 1886-й гг., просит «не забывать» его «усердных трудов», «больше делать всем добра»³⁶.

После трех десятилетий служения народным учителем и сельским священником в 1886 г. пятидесятитрехлетний о. Хрисанф «по прошению принят в число братии Почаевской лавры» и 19 декабря пострижен в монаха с именем Христофор, проходящего «послушание учителя Лаврских послушников»³⁷. В 1887 г. о. Христофор, как сам он вспоминал, в лавре «не сумев угодить о. Наместнику не мог долго оставаться и перешел [...] в Холмскую Духовную Семинарию на должность духовника»³⁸. В определенной степени утешением о. Христофору (Саковичу), вынужденному покинуть лавру, был выпуск в том же 1887 г. «вторым изданием Почаевской Лавры» его «Духовных песнопений», ставших очень любимыми простым народом³⁹. В Холме, как и везде, о. Христофор много сочинял, написал целый ряд песнопений, которые оказались необычайно популярны в народе и переписываются по сей день как, например, его «Молебная песнь пред чудотворном Холмским образом Богоматери» («*О, Мати Божья всеблагая! / Яви нам милость и любовь / И распрости над Холмской Русью / Твой Богоматерный покров...*»)⁴⁰. В 1891 г. в Петрограде публикуется его «Молитвенная песнь в праздник святого Рождества Христова» («*Сын Божий, Спаситель мой! Ты нищим родился: В пустыне, в глуши немой, В вертене вселился...*»)⁴¹. Эта песнь известна нам и во множестве списков, сделанных в основном на территории современной Белоруссии, Польши и Украины⁴². В Холме о. Христофор пишет стихи и

³⁶ Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. С. 193–203.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Е.х. 922. Л. 2.

³⁸ Из автобиографических воспоминаний иеромонаха Христофора (Саковича) // Холмская церковная жизнь. 1909. № 4. Часть неофициальная. С. 155.

³⁹ Духовные песнопения священника Хрисанфа Саковича. 2-е изд. Почаев: типография Почаевской Лавры, 1887.

⁴⁰ *Щавинская Л.Л.* От Почаева до Радечницы: монашеский путь о. Христофора (Саковича) // Традиции и современность. 2016. № 19. С. 135–149.

⁴¹ Холмский народный календарь на 1892 год (високосный). Издание Холмского Православного Свято-Богородицкого братства. Год восьмой. Пг.: типография «Общественная Польза», 1891. С. 160–170.

Песнь эта, имеющая подпись «Иеромонах Христофор», датирована «25 декабря 1890 г., г. Холм-Люблинский».

⁴² *Лабунцев Ю.А.* Холмские годы почаевского иеромонаха-стихотворца Христофора (Саковича) // Традиции духовной и материальной культуры пограничья:

не для широкого распространения, особенно в связи с тяготившими его воспоминаниями о вынужденной разлуке со столь любимой им Вольню и дорогой сердцу Почаевской лаврой. В бумагах о. Хрисанфа иеромонаха Пимен нашел одно из таких произведений, озаглавленное «Мое прощание с родиной и ее Святыней»:

*«Прости, Святыня дорогая,
Что я, как-будто не любя,
Или в душе пренебрегая,
Оставил навсегда тебя.
Прости, Вольнь моя родная!
Прощай, быть может, уж на век!
Оставил я тебя рыдая,
Как оскорбленный человек!...»⁴³.*

Прошение о. Христофора о поступлении «на должность духовника Холмской духовной семинарии» датировано в документах, хранящихся в архиве Синода «1 сентября 1887 г.»⁴⁴, а уже 28 сентября того же года о. Христофор приступает к своим основным обязанностям в семинарии, временами являясь также преподавателем церковного пения во всех классах и законоучителем семинарской начальной образцовой школы⁴⁵. Как вспоминал бывший ректор Холмской духовной семинарии епископ Гедеон (Покровский), о. Христофор «не мало пользы принес [...] воспитанникам Холмской семинарии, как примером своей назидательной жизни, так и сердечными беседами и поучениями, частными и церковными». Правда, «скоро он [...] соскучился жить среди мирской обстановки и суеты и удалился в местную Свято-Антониевскую обитель, которую и управлял до самой своей кончины»⁴⁶.

О. Христофор окончил свою жизнь в 1897 г. в одном из самых западных православных монастырей — Радочницком Свято-Антониевом, основанном в 1882 г. в стенах упраздненного католического бернардинского монастыря св. Антония Падуанского в селе Ра-

сборник материалов Международной научной конференции. Брест, 2017. С. 130–136.

⁴³ Духовные песнопения иеромонаха Христофора. С. 349–350.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Е.х. 922. Л. 2.

⁴⁵ Сборник статей по истории Холмской духовной семинарии. С. 13, 15, 44, 47–49, 324, 326.

⁴⁶ Гедеон, епископ. Мои избранные воспоминания // Кормчий. 1913. № 34. С. 404.

дечница, находящемся в 30 км к западу от г. Замостье в нынешнем Люблинском воеводстве Польши. Пребывание о. Христофора в селе Радечница было весьма знаменательным. Здесь он организует работу школы для местных крестьян и формирует великолепный церковный хор, среди участников которого было много католиков. Местные жители, а это почти исключительно католики, называли его не иначе как «святым человеком (свента особа)»⁴⁷. По воспоминаниям настоятельницы женского Радочницкого православного монастыря, открытого в 1899 г. на месте здешней мужской обители, игумении Афанасии (Громеко), о. Христофор заслужил от всех небывалое доверие и был, как ни трудно поверить, старцем-руководителем многих католиков, его слушались. По смерти о. Христофора долго еще можно было встретить в селе Радечнице взрослых мужчин, знающих песнопения православной церкви, которым они научились у него в школе. Он оставил после себя много благочестивых стихов. На Холмщине поются святые песни, написанные им и положенные на ноты: о Страшном суде, преподобном Антонии, рождественские псалмы⁴⁸. Судя по всему, в свое время переписчиками религиозной поэзии о. Христофора были и местные радечницкие крестьяне-католики, прежде всего те из них, кто учился в его школе. Традиция такой переписки была, скорее всего, кратковременной и в общем-то единичной, но, как вероятный факт, она несомненно заслуживает особого внимания, тем более, что некоторый весьма и весьма отдаленный интерес к личности упокоившегося здесь православного «святого человека» наблюдается в селе Радечница и его окрестностях до сих пор⁴⁹.

За долгие годы исследований нами собран основной корпус литературного наследия о. Христофора, насчитывающий несколько сот его произведений, почти исключительно поэтических. В живом народном бытовании все они необычайно вариативны, преимущественно анонимны и, распространяемые по сей день, в основном в рукописном виде, давно стали частью народной религиозной литературы. Переписчики иногда составляют из них целые сборники, и, надо думать, в сборниках этих есть еще его произведения, которые

⁴⁷ *Пимен, иеромонах*. Иеромонах Христофор, в мире священник Хрисанф Сакович. С. 38–39

⁴⁸ Радочницкий женский монастырь. Пг.: Книгопечатня Шмидт, [1916]. С. 52–56.

⁴⁹ *Лыбынцев Ю.А.* Православный подвижник иеромонах Христофор (Сакович) и его почитание в современной Польше. С. 198–201.

никогда не появлялись в печатном виде и распространялись исключительно с помощью рукописного тиражирования. Имя автора при этом постепенно в большинстве случаев было утрачено. Его стихотворный цикл «Крестная песнь», оказавшийся совершенно особенным в славянском мире по своей известности и широте бытования в народе — одно из тех многочисленных произведений Хрисанфа Саковича, которые самым серьезным образом помогли сберечь родные православные традиции прежде всего в период гонений на православие. Избранный свод его сочинений с комментариями подготовлен нами и опубликован в виде электронной книги «Молебные песни Хрисанфа Саковича» в сети Интернет⁵⁰. Для публикации были отобраны авторские варианты Хрисанфа Саковича всех стихов молитвенного цикла «Крестная песнь», корпуса отдельных избранных поэтических сочинений из числа наиболее распространенных в широкой народной среде XIX–XXI вв., а также нескольких автобиографических его стихотворных произведений, как очень известных в народе, так и встречающихся в рукописных списках единично. При этом всегда необходимо помнить, что большинство поэтических произведений Хрисанфа Саковича в живом народном бытовании порой весьма далеки от первоначальной авторской редакции, которую мы восстановили в настоящем электронном издании. Судя по сохранившимся спискам, известным нам во множестве, самый активный период переписки «Крестной песни» и ее фрагментов наступил уже в советское время. При этом имени автора большинство переписчиков не знало. На основе анализа имеющегося в нашем распоряжении значительного информационного массива сведений о рецепции этого паралитургического произведения, начиная с 1880-х гг. можно утверждать, что цикл этот приобрел необычайную популярность среди православного населения Российской империи уже в конце XIX в.

Первое печатное издание «Крестной песни»⁵¹ сохранило многие особенности авторского рукописного оригинала, исчезнувшие в последующих печатных переизданиях, продолжающихся в разных странах и в XXI в., в том числе в России. Несколько раз она печат-

⁵⁰ URL: http://www.slavnarlit.narod.ru/2017-Sakovich-el_publ-site.pdf (дата обращения: 20.06.2020).

⁵¹ Сакович Хрисанф, священник. Крестная песнь.

тается в Польше как в межвоенный период⁵², так и в наше время⁵³. Во многих из таких печатных переизданий, как и в случае с огромным числом разнообразных рукописных списков «Крестной песни», также исчезало имя ее автора, часто вместе с оригинальным авторским названием цикла⁵⁴. Текстология всех этих печатных переизданий цикла достаточно сложна, особенно если учитывать то, что оригиналами для некоторых из них послужили самые обычные массовые народные списки «Крестной песни», порой заметно отличные от авторского текста и по сей день существующего в явном количественном меньшинстве по отношению к общему массиву его разнообразных печатных и тем более рукописных копий, так или иначе воспроизведенных за более чем вековой период⁵⁵. В известной мере проблема эта коснулась уже и электронно-сетевое информационное пространство, особенно всевозможных социальных сетей. Впрочем, именно здесь все чаще на авторитетных православных сайтах публикуется тот или иной вариант собственно авторского текста всей «Крестной песни» или же ее фрагментов, причем с неизменным указанием имени о. Хрисанфа Саковича⁵⁶.

Интернет в последние годы все активнее выступает и в качестве особого транслятора не только произведений народной православной литературы, но и народной культуры в целом. На примере сочинений о. Христофора отчетливо видна и наглядно решается и принципиально важная на настоящий момент проблема вхождения

⁵² «Вышел из печати и продается в Варшавском Синодальном Складе сборник стихотворений Крестная песнь // Воскресное чтение. 1938. № 22. С. 276.

⁵³ Крестная песнь. Варшава, 1967. Это же издание перепечатывается в типографии Белостокско-Гданской епархии в Белостоке в 1994 г.

⁵⁴ Напр.: Евангелие страстей Христовых в стихах. М.: ТКЦ Альтекс, 2007.

⁵⁵ Напр.: Богогласник, напечатанный в Луцке в 2011 г., открывается стихотворениями, представляющими собой полный набор глав «Крестной песни» Хрисанфа Саковича без указания ее названия и имени автора (Богогласник. Видання друге. Луцьк: «Надстир'я», 2011. С. 4–37). В этом же сборнике без упоминания автора есть ряд и других произведений Хрисанфа Саковича (с. 69–73, 216–218, 260–263, 424–425), явно скопированных составителями из рукописных сборников, бытующих в народной среде. Примечательно, что в этом луцком издании есть украиноязычный перевод самого популярного стихотворения Хрисанфа Саковича «В п'ятницю Святую...» (с. 289), русскоязычный вариант которого под названием «Молчание», открывает этот печатный паралитургический сборник (с. 4–5).

⁵⁶ Напр.: URL: <http://semyaivera.ru/2012/04/13/strastnaya-pyatnitsa-stihi/> (дата обращения: 12.02.2020).

народной литературы, шире — всей народной культуры, в мировое цифровое информационное пространство⁵⁷. При этом формируется совершенно новая особая реальность, в которой отныне предстоит существовать сфере народной культуры, в том числе и народной православной литературы, когда весь информационный поток становится двухчастным, двумерным: традиционным письменным и электронным. В данной сфере традиционные книжные формы абсолютно преобладали до самого последнего времени, а в большинстве преимущественно сельских мест преобладают и по сей день. Особенности религиозного бытия Восточной Славии конца XIX–XXI вв. привели к тому, что уже во второй четверти XX столетия на всей ее территории в огромном объеме развивается своего рода народный православный почти исключительно рукописный самиздат, по крайней мере, до 1990-х гг. обеспечивавший насущные духовные запросы многомиллионной части населения. Проследить этот сложный, во многом скрытый для исследователя процесс наглядно удастся на примере необычайно популярной в православной среде ряда восточнославянских и западнославянских стран, в том числе и в России, молитвенного цикла «Крестная песнь».

Коренная жительница Холма двоюродная сестра писателя Михаила Булгакова Илария Булгакова (1892–1982)⁵⁸, свято чтившая память об о. Христофоре, называвшая его «подвижником», «творцом сокровенной неустанной молитвы Иисусовой», в буквальном смысле жила его духовным наследием. Ей же, много испытавшей и выстрадавшей, так и не принятой в монастырь, несмотря на все ее старания, принадлежат очень точные и верные слова о литературном наследии о. Христофора: «Поэтическое творчество о. Христофора можно назвать “Богословием в стихах” по тематике — “догматической, нравственной и апологетической”. Это своего рода “Псалтырь Нового Завета”»⁵⁹. Сам же о. Христофор многое в своих религиоз-

⁵⁷ Напр.: в электронный сборник «Православные праздники в русской поэзии» его составители, наряду с произведениями таких знаменитых авторов как А.К. Толстой, С. Надсон, А. Хомяков, К. Бальмонт, А. Блок, Б. Пастернак, включили и два стихотворения Хрисанфа Саковича «Тайная вечеря» и «Страстная пятница» («В пятницу святую...»), с подписью «Священник Хрисанф Сакович. 1905 год» (URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/pravoslavie/soderjanie/pasha/pasha.html> (дата обращения: 12.02.2020)).

⁵⁸ *Щавинская Л.Л.* Польская русская Илария Булгакова — летописец православия в Польше // *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева*. М, 2013. С. 551–562.

⁵⁹ *И.Б.* Праведник Холмской земли // *Вечное*. 1963. № 10. С. 16–17.

ных и литературных исканиях объяснил в глубоко личном стихотворении «Воспоминание о минувшей 50-летней жизни и воззвание к душе», не предназначавшемся для публикации:

*«Скорбные годы
Жизни минувшей,
Вы пронеслися
Все предо мной —
Звуком печальным,
Сном претяжелым,
Стоном страдальным,
Бурной волной.
Вы, как те капли,
Что с тучи темной
Падают с шумом...
И вдруг их нет...
Иль как блеснувших
Ночью мгновенно
И вдруг потухших
Искорок свет.
Все вы бесследно
Канули в море
Жизни загробной
В Царстве Творца,
Где уж не будет
Дней покаянных...
Где по заслугам
Жизнь без конца.
Дух мой!
Займися Жизнью вечной:
Троицу Святую
Благословляй,
Бог в твоём сердце
Силой молитвы
Скоро устроит
Небо и рай.
В час же молитвы
Ум твой внутрь сердца
С Именем Божьим
Вглубь погружай:*

Мысленно, сильно
И неотступно
Троицу Святую
Пой — величай.
За неотступность
К Богу молитвой
В сердце вселится
Дух Всеблагой:
Он сам научит
Петь и молиться
С радостью в сердце
К Троице Святой.
Разум престанет
Уж суетиться
В грешном сем мире
Полном тревог:
Он в клети сердца
Весь погрузится, —
Цель его мыслей:
Трисвятый Бог.
Царство Христово
Силой берется:
Силой молитвы —
Всею душой;
Силой усильных
И неотступных
Воплей сердечных
К Троице благой.
Вот назначенье
Временной жизни:
К Богу молитва
Сердца — ума!
Знай: без усердной
К Богу молитвы
В сердце нет жизни
Смерть в нем и тьма!
Боже всецедрый,
Триипостасный!
Скоро яви нам
Милость — любовь,

*Чтобы внутрь сердца
Изобразился
Животворящий
Весь крест Христов.
Отче и Сыне,
Душе Святейший!
Сам сделай чудо
С бедной душой:
Пусть в моем сердце
Каменном, мертвом,
Свет воссияет
Веры живой.
Троице Святая —
Отче и Сыне,
Душе Святейший,
Боже щедрот!
Пусть Твое Имя
В храмине сердца
Вечно сияет
Вечно живет!»⁶⁰*

Произведения духовной поэзии о Христофора живут в многомиллионной православной среде украинцев, белорусов, русских и некоторых других народов уже второе столетие. Ему, написавшему сотни произведений, многие из которых стали поистине народными, массово распространились и до сих пор необычайно широко бытуют у православных Украины, Белоруссии, России, Польши, Литвы и других стран, суждено было явиться тем истинно народным автором, не прекращающейся любви к сочинениям которого могли бы позавидовать и самые известные писатели-классики. Главнейшим произведением о Христофора стал его стихотворный молитвенный цикл «Крестная песнь», явившейся настоящей общенародной книгой, массово тиражируемой по сей день в разных странах всеми возможными способами от рукописной переписки до электронного набора. В целом, литературное наследие о Христофора — совершенно особое явление не только в славянском мире, но и феноменальное драгоценное достояние Rax Christiana.

⁶⁰ Воспоминание о минувшей 50-летней жизни и воззвание к душе // Духовные песнопения иеромонаха Христофора. С. 264–266.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОГЛАСНИК — СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ЗАПАДНОЙ СЛАВИИ И ВОСТОЧНОЙ

Аннотация: Статья посвящена истории появления и распространения массовой народной книги богогласник, ставшей по существу феноменальным литературным явлением XVIII–XXI вв., связывающим и объединяющим христианские культурно-религиозные традиции Западной Славии и Восточной. История православного богогласника до сих пор почти не изучалась. Развитие православной традиции богогласника совпало с эпохой славянского возрождения и укоренением всеобщего школьного образования. Это способствовало постепенному появлению большого числа новых авторов духовных песен и возникновению целой индустрии их переписки как вручную, так и с помощью различных доступных средств тиражирования. Со временем богогласник превратился в общенародную книгу духовной повседневности и стал своеобразным народным катехизисом наших дней для миллионов восточных славян, преимущественно украинцев и белорусов.

Ключевые слова: христианство, Восточная Славия, Западная Славия, народная религиозная литература, богогласник.

Larisa L. SHCHAVINSKAYA

ORTHODOX BOGOGLASNIK — THE CONNECTING YARN OF WESTERN AND EASTERN SLAVIA

Abstract: The article is devoted to the history of the appearance and distribution of the mass folk book bogoglasnik, which became essentially a phenomenal literary phenomenon of the 18th–21st centuries, linking and uniting the Christian cultural and religious traditions of Western Slavia and Eastern Slavia. The history of the Orthodox Bogoglasnik has hardly been studied until now. The development of the Orthodox tradition of the Bogoglasnik coincided with the era of the Slavic Renaissance and the establishment of universal school education. This contributed to the gradual emergence of a large number of new writers of spiritual song and the emergence of an entire industry of their correspondence, both manually and through various available means of replication. Over time, the bogoglasnik turned into a national book of spiritual everyday life and became a kind of folk catechism of our days for millions of Eastern Slavs, mainly Ukrainians and Belarusians.

Keywords: christianity, Eastern Slavia, Western Slavia, folk religious literature, bogoglasnik.

Именованье «богогласник» относится к сборнику стихотворных текстов, преимущественно паралитургического характера, связанных с традицией сочинения и исполнения духовных песен, распространенных в греко-католической и православной восточнославянской и отчасти западнославянской среде. Он представляет собой собрание духовных песнопений, предназначенных для исполнения во внебогослужбное время. Сборник этот — весьма сложного и неоднородного состава, включающего тексты на ряде языков, начиная с церковнославянского, при большом числе различных их вариантов, в том числе чисто местные диалектные формы. Само появление и распространение этого сборника тесно связано с событиями религиозно-культурной жизни XVIII–XXI вв.

История богогласника, насчитывающая несколько веков, изучена слабо. О православной же традиции богогласника, глубокой и масштабной, а тем более о современном ее бытии, нет сведений даже в соответствующих статьях «Православной энциклопедии»¹. Так, Издательским советом Русской Православной Церкви был в 2002 г. переиздан «Богогласник» синодальной печати 1900 г., где в качестве поясняющей статьи содержится лишь очерк, речь в котором идет только о греко-католической (униатской) традиции и нет ничего о богатейшей православной². Нам уже неоднократно приходилось говорить и писать о важности православного богогласника в духовной жизни миллионов восточных славян, живущих преимущественно в Белоруссии, Украине и Польше³. Можно с полным правом говорить о сложившейся традиции православного богогласника, история которой начинается со второй половины XIX в. Наши многолетние наблюдения, полученные в ходе специальных экспедиций, проводившихся с 1970-х гг. в разных частях Белоруссии, Литвы, Польши, России, Украины, позволяют утверждать, что и в XX столетии бо-

¹ Шевчук Е.Ю. Богогласник // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 441–442.

² Медведик Ю.Е. Богогласник. Источниковедческие вопросы истории и исследования сборника и его песенных текстов // Богогласник. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 2002. С. 166–173.

³ См., напр.: Лабынцев Ю.А. Вслед за народной традицией: сложение православного богогласника // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии, Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., 2011. С. 74–84; Он же. Замечательный памятник полесской книжной культуры — пинский литографированный Богогласник 1929 г. // Белорусское Полесье как историко-культурный феномен: материалы Международного научного семинара (Пинск, 29 мая 2019 г.). Москва, 2019. С. 108–112 и др.

богласник остался одной из самых массовых и необычайно широко распространенных книг в народной среде. Этот сборник содержит наиболее любимые в народе произведения религиозной поэзии, почти исключительно паралитургические. Как правило, он всегда был неоднороден по своему составу и бывал в печатном и рукописном виде. Особенностью и уникальностью этой книги, широко разошедшейся в народной среде, всегда была ее многоязычность и невероятно значимое «участие» во всех важнейших событиях жизни как каждого отдельного православного, в большинстве сельского, жителя от рождения и до смерти, так и всего прихода в целом. Таковую свою роль богласник не только не утратил в советские годы, но и в отдельных регионах значительно приумножил. Книга эта до сих пор продолжает сохранять свое значение в западных районах Белоруссии, восточной Польше, западной Украине и восточной Словакии, причем некоторые ее тексты, в том числе и иноязычные, например, русские, становятся полноправной частью народных литератур в тех или иных странах. Общий совокупный репертуар богласника составляет многие тысячи разнообразных произведений, которые оказываются ценнейшим и пока неиспользованным источником для изучения как обыденных, так и самых сокровенных сторон жизни восточноевропейского крестьянства, его духовного мира.

Вероисповедная ориентация всегда была определяющей в выборе «свой — чужой». Подобное утверждение в общеисторическом ракурсе, несомненно, не может считаться абсолютным, лишенным исключений, однако, понимаемое как тенденция, переходящая в закономерность, едва ли может быть оспорено. Множество больших и малых местных особенностей в разных частях света с самого начала формировали некоторые различия в реализации одних и тех же вероисповедных постулатов даже в рамках одной и той же деноминации. Самый яркий пример тому для нас — христианская Европа, *Europe Christiana*. В славянской ее части уже в первом тысячелетии оформился мощный византийский вектор и не менее масштабный римский, постепенно вступающие в соперничество, а затем и жесткое противоборство. В *Slavia Christiana* довольно рано сформировалась особая, весьма важная, сфера духовной жизни, которую мы называем паралитургической. Параметры и слагаемые этой сферы получили и свое собственное этнокультурное и этноконфессиональное воплощение, процесс развития которой по сей день во многом

определяет сам механизм формирования и проявления той или иной идентичности. Сфера эта охватывала и до сих пор охватывает огромные вероисповедные сообщества, насчитывающие одновременно десятки миллионов человек. За всю историю своего существования она воплотилась в несколько традиционных обрядовых потоков, которые применительно к ней соотносятся с *Slavia Byzantina* и *Slavia Romana*, а также образуют довольно пространный во времени пограничный мир, включающий особенности двух первых.

Именно такой была и конфигурация униатского «Богогласника» 1790 г.⁴, увидевшего свет в знаменитой Почаевской Лавре. Иван Франко считал этот почаевский «Богогласник» «найважнішим твором червоноруської літератури XVIII віку, одиноким важним здобутком уніатським на полі нашої літератури до часів Шашкевича»⁵. «Він цікавий не тільки своїм складом і своїм мішаним язиком тому що містить пісні, зложені мовами церковнослов'янською, південно руською, зближеною до людової української, польською і латинською, але також тим, що багато поміщених у ньому пісень перейшло в уста люду і вживаються досі не тільки в часі різних празників, як різдва, великодня та різних святих, але вийшли також до репертуару лірників або співаються в церквах у паузах богослужіння і то не лише в уніатських, але також у православних»⁶. Иван Франко всю жизнь собирал материалы о рукописных и печатных богогласниках с целью написать о них большое исследование. Но осуществит свое намерение Франко так и не смог, ограничившись лишь отдельными заметками, сделанными в разное время. По нашему мнению, одной из причин этого могло стать постепенное понимание им необычайной широты и сложности данной проблемы, теснейшая ее связь с драматическим и даже трагическим на тот период, прежде всего культурным, политическим и религиозным, выбором в кругу восточнославянского населения Галиции. «Богогласник» 1790 г. — «се в головній мірі твір уніатський. Вже з того самого впливає, що в таким творі треба шукати сумішки впливів західних і традицій східних. І справді, мі-

⁴ Богогласник: песни благоговейны праздникам Господским, Богородичным и нарочитых святых чрез весь год приключаящимся, к сим же некоторым чудотворным иконам служащие, также различные покаянные и умильтельные содержащ. Почаев: Типография Успенского монастыря, 1790. 292 л.

⁵ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Київ, 1980. Т. 28. С. 15.

⁶ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Київ, 1983. Т. 38. С. 444.

шання та перехреснування тих супротивних течій бачимо тут на кожному кроці. Твори письменників православних містяться тут сумірно обік творів єзуїтських; фрази та звороти із стихів, акафістів і житій перелито тут у форму західноєвропейського *Meistergesang*'а або латинських гімнів. Побіч пісень у язиці церковнослов'янським бачимо тут пісні у язиці народнім руським, польським і латинським, а деякі з найкращих пісень руських написані поляками. Таким способом унія, сама в собі безсила, поборювана православними, погороджувана католиками, стається на полі пісні церковної нейтральнім ґрунтом, на котрім бадай на якийсь час дружно подають собі руки різні віроісповідання, різні обряди, різні народності»⁷. Все это заставляло искать какие-то особые средства и механизмы этно-культурного и этно-конфессионального взаимодействия в границах бывшего православного мира Руси, одним из которых и стало создание, массовое издание и распространение православного богослужения — народной настольной книги, книги тогдашней крестьянской повседневности, во многом определявшей весь внутренний и внешний строй жизни, обиход народного бытия. Следует отметить, что и в католической народной среде духовные песнопения — «песни набожные», кантычки, пасторальки, колядки — получили широкое распространение и огромную популярность. Они записывались и распространялись в многочисленных рукописных списках, печатались в небольших песенниках, польских кантычках и молитвенниках. В 1838 г. в Кракове увидел свет «*Śpiewnik kościelny*»⁸ — большой сборник польских религиозных песен с мелодиями, собранными ксендзом М.М. Мёдушевским⁹. Его составитель в предисловии отмечает важность сохранения и сбережения духовных песнопений, которые «*zazwyczaj przechodząc z ust do ust [...] łatwo zatem ulegają zmienianiu*» («обычно переходя из уст в уста [...] поэтому они легко изменяются»). Другое важное побуждение составителя было облегчить священникам «*nauczanie ludu prawowierne go śpiewów nabożnych*» («обучение правого народа духовному пению»). Одной из главных задач духов-

⁷ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Київ, 1983. Т. 38. С. 143.

⁸ *Śpiewnik kościelny czyli Pieśni nabożne z melodyjami w Kościele katolickim używane a dla wygody kościołów parafijalnych przez X. M.M. Mioduszewskiego. Kraków: w drukarni Stanisława Cieszkowskiego, 1838.*

⁹ Михал Мартин Мёдушевский (1787–1868) — польский ксендз из Конгрегации святых отцов-миссионеров, композитор, собиратель религиозных песен, внесший большой вклад в развитие польской духовной музыки.

ного пения ему виделось, чтобы простой народ «w domu w dni święte, lub w inne przy [...] pracy, aby się zabawiał pieśniami nabożnemi» («дома в святые дни, или в другие при [...] работе, развлекался молитвенными песнями»)¹⁰.

Необходимость издания православного богогласника во второй половине XIX в. почти одновременно осознал и инициировал также целый ряд высокообразованных православных уроженцев польско-восточнославянского пограничья¹¹. Именно они, подвергнув анализу местные богогласники, часто носившие униатские черты, высказались за безусловную желательность создания собственно православного богогласника, лишенного каких-либо униатских наслоений. При этом речь шла о массовом в дальнейшем его распространении, что, в конце концов, оказало огромное влияние не только на местное, некогда униатское, население, но и вышло далеко за границы его проживания, став достоянием нескольких культур в современной Белоруссии, Украине, Польше, России, Литве, Молдове и других странах. Одним из первых, кто, отмечая особую значимость богогласника как памятника народной книжности¹², имеющего широчайшее распространение, ратовал за необходимость его переиздания в православной редакции с добавлением новых песен, был о. Иоанн Котович¹³. Сохранился целый ряд рукописных сборников типа народных богогласников и кантычек, принадлежавших о. Иоанну Котовичу, которые послужили ему в качестве изучаемых образцов народной стихотворной литературы. Часть этих сборников в 1860-е гг. он подарил в Виленскую публичную библиотеку и сейчас они хранятся в собрании Отдела рукописей Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских¹⁴. Например, рукописный Богогласник XVIII в. из обширного собрания о. Иоанна за «№ 30», представляющий собой замечательный памятник пограничной народной книжности,

¹⁰ *Śpiewnik kościelny*. S. 3–4.

¹¹ См., напр.: *Котович И.* Богогласник, его значение и употребление в народе // Виленский вестник. 1866. № 127; *Хойнацкий А.Ф.* Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев: типография Киево-печерской Лавры, 1871. С. 367–389.

¹² См.: *Котович И.* Богогласник, его значение и употребление в народе.

¹³ Иоанн Антонович Котович (1839–1911) — российский церковно-общественный деятель, редактор «Литовских епархиальных ведомостей», собиратель памятников книжной культуры и исследователь славянской книжности, член Виленской археографической комиссии.

¹⁴ Нынешнее название Библиотеки Академии наук Литвы.

вобравший в себя элементы нескольких культурных традиций — кириллографических и латинографических, восточнославянских и западнославянских, полилингвистичных в своей основе¹⁵. Одновременно этот сборник представляет своего рода образец переходной книжности от кантычек к богогласнику, а также смешение и смещение графико-языковых традиций, когда восточнославянские тексты переписывались латиницей¹⁶, а западнославянские — кириллицей¹⁷. Кроме того, в этом сборнике есть, видимо, и великорусские стихотворные сочинения, например, «Пора приходить по щасцю тужить...»¹⁸. Сборник содержит акrostих и прямые указания на имена авторов произведений, отдельные географические привязки к месту действия произведений: «Самборская церковь»¹⁹, «ленковая малая весь [...] в новгородском повете»²⁰. Этот малоформатный сборник, составленный многими лицами, писанный и кириллицей, и латиницей, и их своеобразным графическим конгломератом является характерным примером народной книжности и литературы, развивавшейся на пространстве многовекового взаимодействия *Slavia Byzantina* и *Slavia Romana*.

В 1868 г. в «Минских епархиальных ведомостях»²¹ и почти сразу же в «Минских губернских ведомостях» появилась статья сына одного из учителей Н.В. Гоголя, нежинского уроженца Г.И. Кулжинского «О духовных простонародных песнях северо-западного края». Автор был поражен широтой распространения богогласников в народе, когда даже «безграмотный [...] люд учился, да и теперь, говоря по правде, учится» христианскому мировосприятию по этой книге. Богогласники «в прошлом веке три раза издавались почаевскими базилианами с приложением нот, и пускались в массу [...] И теперь можно найти их кой у кого из ех-униатского духовенства и у многих грамотных людей не только северо-западного края [...] Богогласники вращались в среде униатов и простодушных людей из православных. Католики не обращались и не обращаются к Богогласни-

¹⁵ Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. Rankraščių fondai. F. 19–234.

¹⁶ Там же. Л. 57 об.

¹⁷ Там же. Л. 63 об. — 64 об., 101 и др.

¹⁸ Там же. Л. 65 и др.

¹⁹ Там же. Л. 79 об.

²⁰ Там же. Л. 87 об.

²¹ Минские епархиальные ведомости. 1868. № 16. С. 401–413.

кам, так как у них самих есть песенники на польском языке гораздо позабористей своим содержанием. Имя тем песням кантычки. Богогласники расходились не только печатаные, но и рукописные» по всей территории современной нам Белоруссии. До сих пор они «ох как любы еще Слуцкому и Пинскому уездам [...] А не должно забывать, что эти уезды более других мест этого края, сохранили чистоту православия [...] Богогласниковы песни вытеснили почти все общерусские древние духовные песни; последних осталось немного и то в искаженном виде...»²². Потому, восклицал выпускник Нежинского лицея, ставший инспектором народных училищ, Г.И. Кулжинский, «пора дать в руки западнорусскому простонародью вообще, а северо-западному в особенности, духовный православно-русский песенник, составленный из творений многих святых и благочестивых писателей [...] Кто же не согласится, что замена обесмысленных временем общерусских и даже униатских песен, распеваемых ныне западнорусским народом [...] не будет важным шагом вперед на пути, известном у нас под именем обрусения ополяченного и окатоличенного западно-русского края...»²³. Правда наблюдений лица сугубо светского, каким был Г.И. Кулжинский, целиком подтверждалась теми учеными и духовными особами, которые были близки к Киевской духовной академии. Они считали, что в «Богогласнике» 1790 г. «вполне систематически проведено все, что, к концу прошлого столетия, обособляло униатов от православных и роднило их с римско-католиками, и для народа достаточно было лишь заучить песни Богогласника, чтобы вместе с ними воспринять в свое сознание всю римско-католическую догматику»²⁴. Сейчас, во второй половине 1870-х гг., «средство, подобное Богогласнику, было бы весьма благоразумным и полезным и для популяризации православия: оно много бы помогло народному сознанию и ознакомлению с чисто-православным учением и прочному утверждению в нем, помогло бы, во всяком случае, не менее, если не гораздо более, чем другие, существующие в церкви, средства вероучения христианского. Особенно же это следует сказать по отношению к настоящему времени, когда образованность мало по малу проникает в среду на-

²² Минские губернские ведомости. 1868. № 35. С. 251–252.

²³ Там же. С. 252.

²⁴ *Мирович Н.* Библиографические и историко-литературные исследования о Богогласнике. Вильно: типография Губернского правления, 1876. С. 88.

рода Русского, когда, следовательно, народ в своей же среде всегда может находить проводников в свое сознание приготовленных для народа духовных песней, отличающихся строго православным характером и направлением; проводниками этими удобно могли бы служить грамотники, постоянно живущие в среде народа»²⁵. Наконец, о необходимости сложения и издания православного богогласника заговорили церковные иерархи²⁶, и он впервые был подготовлен там, где возникло одно из самых значительных научно-образовательных сообществ в бывшей униатской среде — на Холмщине. Этот богогласник, изданный Холмским Свято-Богородицким братством в 1884 г. в Киеве, в типографии Киево-Печерской лавры²⁷, стал первой православной книгой такого рода. Она целиком следовала уже сложившейся народной традиции, что и облегчило ей в дальнейшем колоссальный успех. Всего лишь через два десятка лет тиражи ее многочисленных изданий составляли до ста тысяч экземпляров («по 100 тысяч за один наклад»²⁸), и распространялись на огромной территории всей Российской империи и в зарубежье.

В 1886 г. православный богогласник издает типография Ставропигийского Института во Львове, преемница львовской печатни Ивана Федорова. Немногочисленные исследователи «Богогласника» 1886 г., прежде всего Иван Франко и С.А. Щеглова (1886–1965), удостоившие его достаточно беглого внимания, единодушно отмечали неудачность, по их мнению, языковой редакции этого сборника, склонность эдиторов к замене «полонизмов и славянизмов» «великорусскими словами и выражениями»²⁹ «без искри поетичного дару»³⁰. Казалось бы, столь весомый приговор должен был корреспондировать с обстоятельствами рецепции текстов этого богоглас-

²⁵ *Мирович Н.* Библиографические и историко-литературные исследования о Богогласнике. Вильно: типография Губернского правления, 1876. С. 89–90.

²⁶ Литовская духовная консистория. [Постановление по отчету за 1883 г. Вильно, 1884]. С. 11–12.

²⁷ Богогласник или Собрание набожных песнопений. Издание Холмского православного Свято-Богородицкого братства. Киев: В Типографии Киево-Печерской Лавры, 1884.

²⁸ Подробнее см.: *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Jordanville, N.Y.: Holy Trinity monastery, 1955.

²⁹ *Щеглова С.А.* Богогласник: Историко-литературное исследование Киев: [б. и.], 1918 (тип. Ун-та св. Владимира). С. 122.

³⁰ *Франко І.* Наші коляди. Львів: з друкарне товариства имени Шевченка, 1890. С. 58.

ника в сторону явного уменьшения. Но такого не произошло. Совершенно очевидно, что «Богогласник» 1886 г. разошелся довольно широко не только в Галиции, но и за ее пределами. До сих пор его «следы» мы встречали во время проведения наших экспедиций в нескольких государствах на территории Карпат, а также в восточных воеводствах Польши. Не исключено, что есть какая-то связь между богогласником, изданным двумя годами ранее, в 1884 г., Холмским православным Свято-Богородицким братством и львовским богогласником 1886 г. И при этом, «Богогласник» 1886 г. имеет определенное отношение к сложению собственно православной традиции богогласника, как и типография Ставропигийского Института. О ее деятелях в первом печатном богогласнике православной редакции сказано: «Русские деятели в Галиции, признавая важное значение богогласника для народа, издавали таковой неоднократно [...] с опущением некоторых песней, написанных на латинском языке [...] Эти сборники, по близости Галиции к здешнему краю, разошлись и между русским населением Холмщины и Подлясья»³¹.

На территории белорусско-польско-украинского пограничья, как и в других местах, по мере распространения грамотности уже к концу XIX в. ширится процесс переписки богогласников местным, преимущественно крестьянским, населением. Постепенно, наряду с простым рукописным тиражированием тех или иных изданий богогласников, в том числе и их фрагментов, стали составляться рукописные богогласники, формируемые согласно воле и предпочтениями их владельцев. Тогда же представителями местного населения все чаще стали сочиняться новые паралитургические тексты, одни из которых не были восприняты окружающими, другие, наоборот, надолго вошли в репертуар почитаемых произведений духовной поэзии. Состав рукописных богогласников при этом необычайно изменчив, один и тот же текст весьма вариативен и даже общая структура сборников очень и очень неоднородна. Совокупное число основных поэтических произведений, составляющих богогласники, учитывая все известные нам сборники, насчитывает несколько сот без учета их вариантов, исчисляемых многими десятками. Необходимо сказать, что сами творцы, переписчики, читатели и исполнители текстов богогласника в зависимости от места, а иногда и времени переимено-

³¹ Богогласник или Собрание набожных песнопений. С. [2–3].

ывают их то в песню, то в стих, то в песнопение, то в псалму или «сальму» и т.д. Нередок и обратный переход — от духовного стиха к песнопению богогласника. Подобные переходы представляют закономерную особенность бытования произведений данного литературного сборника. При этом границу здесь провести очень трудно, порой невозможно, но в конкретной среде в данный момент одно и то же произведение может иметь не только иное именование, но и некий иной жанрово-видовой и, конечно же, паралитургический статус.

Практически все известные нам рукописные сборники богогласников, десятки типографских его изданий, а также со второй половины XX в. многочисленные воспроизведения с помощью различных видов множительной техники — многоязычны. Подобная интернационализация объясняется не только особым составом авторов текстов богогласника, но в не меньшей степени национальной принадлежностью переписчиков, читателей и исполнителей. В течение длительного времени сам народ отбирал лучшее из того многообразия произведений духовной поэзии, которые создавались на просторах Восточной Славии. Любой из восточнославянских языков и их диалектов при этом никогда не являлся какой-либо серьезной преградой для восприятия тех или иных стихотворных сочинений в народной среде. Более того, вплоть до сегодняшнего дня, например, украиноязычные тексты богогласника органично воспринимаются как его неотъемлемая составная часть и белорусами и русскими, бытуют среди них наравне с прочими произведениями из корпуса этого сборника, написанными в разное время на трех основных восточнославянских языках; их диалектах, нередко со значительными добавлениями церковной лексики; всевозможных вариантах церковнославянского языка. Рукописные богогласники существуют в форме довольно объемных (до нескольких сот страниц) сборников типа единого книжного кодекса (число подобных богогласников исчисляется единицами); нескольких больших или одной большой тетради среднего или большого формата (таких богогласников, пожалуй, большинство в среде наиболее уважаемых исполнителей); нескольких или одной стандартной ученической тетради (число подобных богогласников преобладает, это так сказать массовый тип); небольших блокнотов и записных книжек, число которых незначительно в силу неудобства их использования; подборок различных листков и листовок, встречающихся довольно редко. Репертуар переписываемых и бытующих

ныне песнопений включает в основном тексты XX столетия, реже написанные в позапрошлом веке и в более раннее время, а также созданные уже в наши дни. Основные языки песнопений — украинский и русский, являвшийся и остающийся на просторах Восточной Славии своего рода «околосакральным», «языком православия»³². Среди текстов богогласника, распространенных в настоящий момент можно насчитать многие десятки наиболее часто исполняемых песнопений, известных во множестве вариаций и вариантов, число которых определяется различными языковыми, эмоционально-психологическими и иными предпочтениями местного сельского и городского населения.

Печатные богогласники периода Российской империи встречаются по сей день. Правда, их осталось очень немного и они, как правило, тщательно сберегаются. Еще меньше сохранилось экземпляров изданий богогласников периода II Речи Посполитой — варшавских их изданий 1924, 1928 и 1935 гг., дошедших в основном во фрагментах. Впрочем, тираж последних во много раз уступал изданиям богогласников времен Российской империи, хотя забота о поддержании этой традиции в православной среде межвоенной Польши была весьма заметной. Синодальная типография в Варшаве даже печатала отдельные тексты из богогласника как особые издания, а варшавский православный журнал «Воскресное чтение» многое сделал как для развития самой этой традиции, так, отчасти, и для ее изучения. В 1990-е гг. после долгих запретов вновь стали издаваться печатные православные богогласники, однако тираж их был небольшим. Например, на Западном Полесье они и по сей день едва заметны в море богогласников рукописных, наиболее активно создававшихся местным населением в прошедшем столетии. Здесь, особенно в сельской местности, до сих пор практически невозможно встретить взрослого человека, который бы в той или иной степени не был знаком с текстами богогласников. Они сопровождают его буквально от рождения до смерти. За многие годы наблюдений у нас составила довольно отчетливая картина жизни этой книги в народной среде, которая стала не только коллективным массовым ее хранителем и распространителем, но и составителем, автором и редактором. Почти в ка-

³² См. напр: *Лябыцьев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999. С. 246 и др.

ждом населенном пункте можно выделить наиболее активную группу, преимущественно это женщины среднего и старшего возраста, для которых богогласник в буквальном смысле некий каждодневный духовный камертон, книга их духовного бытия. В группе этой обязательно есть свои авторы и соавторы новых произведений духовной поэзии, а также всевозможные активисты — переписчики. Вслед за этой группой следует большое число лиц, которые не столь активны, но именно они составляют ту массовую среду, что в конечном итоге обеспечивает устойчивое вековое существование самой этой традиции. Важной особенностью бытования этих текстов в наши дни стало их систематическое типографское издание с конца 1980-х гг. в Белоруссии, России, Польше и Украине³³. Впрочем, современные печатные богогласники переписываются все реже и реже. В то же время они стали неременной книгой у всех без исключения нынешних православных паломников в Польше, прежде всего молодых. Если среди восточнославянского православного населения Польши тексты богогласника распространены повсеместно, то, например, на Белорусском и Украинском Полесье их бытование идет по убывающей от запада к востоку. Причем на крайнем Западном Полесье частота распространения богогласничных песнопений сравнима с частотой их бытования на Подляшье. К Пинску популярность, а точнее известность богогласничных песнопений среди местного населения значительно уменьшается, хотя и здесь можно все еще говорить об устойчивой постоянной традиции, которая далее вниз по Припяти довольно быстро сходит на нет. Впрочем, исчезает только сам тип сборника (богогласник) как таковой, более точно, его именование, а вот произведения, его составляющие, так сказать, «переходят» в большом своем числе в состав очень похожих по своему материальному воплощению рукописных сборников, которые, чем восточнее от границы распространения богогласника, все увереннее начинают называть собирательно «псалмами» или «сальмами». Подобные сборники распространены по всей восточной Белоруссии и Украине, в западных областях России, откуда они тем или иным путем попадали и попадают еще далее на восток вплоть до Примор-

³³ См. напр: Богогласник. Bielsk Podlaski, Parafia Św. Michała Archanioła, 1987; Boho-
hłasnik. Bractwo Młodzieży Prawosławnej. Białystok, 1992; Богогласник. Созвучие
времен. Единецко-Бричанская епархия, 2004; Услышь меня, Боже. Песенный
сборник православного паломника. М.: «ДАРЪ», 2008; Богогласник. Видання
друге. Луцьк: «Надстир'я», 2011 и др.

ского края и регионов Казахстана. Иногда особые обстоятельства способствуют как непосредственной передаче и распространению традиции самого богогласника, например, в период так называемого беженства (1915–1920-е гг.) вглубь России православных выходцев с западных окраин Российской империи³⁴, так и формированию и появлению некой смешанной отдельной и весьма устойчивой новой формы бытования именно богогласничных текстов. Это мы видим на примере деятельности архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия (1927–2002), уроженца Подляшья, составителя печатных сборников таких текстов³⁵.

Основные тексты православных богогласников в XX–XXI вв. в целом могут быть объединены в следующие тематические разделы: общие песнопения к Иисусу Христу, песнопения на Рождество, на Богоявление, на Сретение, великопостные песнопения, страстные, на Воскресение, на Вознесение, в день Св. Троицы, в день Св. Духа, на Преображение, на Воздвижение, на вход Господень в Иерусалим; песнопения Богородице, представляющие собой один из самых обширных и любимых циклов; песнопения архангелам, апостолам, святым; покаянные песнопения; песнопения о вечности и смерти; о жизни человеческой; песнопения просительные, хвалительные, умиленные; песнопения праздничные, в том числе колядные. Впрочем, это деление в ряде случаев довольно условно, а сами нынешние рукописные, да и печатные богогласники, строго говоря, не слишком выдерживают подобное деление, ориентируясь в большинстве на некий излюбленный репертуар данного времени. В значительной степени это обстоятельство сказывается и на обращении современных авторов песнопений к тем или иным темам. Необходимо заметить, что среди нынешних авторов богогласничных песнопений есть и духовные лица, которые весьма неохотно признаются в своем авторстве.

³⁴ Для этой категории беженцев, которые тем или иным способом, в той или иной форме распространяли среди местного русского населения центральных и восточных регионов Российской империи произведения богогласника, светские и церковные власти специально издавали его. См., напр.: Богогласник: Для употребления в церк.-приход. шк. Сев. и Юго-зап. края: Сб. благогов. песнопений праздникам господ., богород., нарочитых святых и чудотв. иконам, а также и других набож., молитв., покаян. и умилил. песней Пг.: Училищный совет при Святейшем синоде, 1916.

³⁵ См., напр.: Сборник духовных народных песнопений. Пермь: Пермская епархия, 1991; В похвалу Богоматери. Пермь: Пермское Епархиальное управление, 1994. Ч. 1–2.

Очень интересно отношение тех или иных возрастных групп в разных местах к песнопениям богогласника. Сейчас можно, пожалуй, говорить о некоей попытке возрождения интереса к богогласнику в среде молодежи, хотя и без появления новых песнопений, написанных в молодежной среде, чему существует довольно много причин. В других возрастных группах православных Белоруссии, Украины, Польши интерес к богогласнику достаточно стабилен, особенно в сельской местности. Впрочем, например, на Белорусском Полесье молодежь мало знает песнопения богогласника, их переписывают и исполняют в основном лица пожилого возраста, очень редко среднего. В немалой степени такому положению способствует и отношение к богогласнику местного клира. Любопытны в этой связи суждения некоторых молодых регентов церковных хоров, по сути, считающих паралитургику малоинтересным и даже вредным пережитком. Данное обстоятельство более характерно не для крайнего запада Полесья, граничащего с Польшей, а для районов, прилегающих к Пинску и для самого Пинска, где песнопения богогласника все еще распространены довольно широко. Нельзя не отметить в этом и роль знаменитого пинского «Обихода» 1929 г.³⁶, а также авторитетных редакций богогласника 1969 г.³⁷ и особенно 1935 г.³⁸.

Как мы уже упоминали, история православного богогласника до сих пор почти не изучалась. Первой попыткой широкого охвата огромного материала, до той поры даже неучтенного библиографически, стала диссертация «магистранта С.А. Щегловой» «Богогласник. Историко-литературное исследование»³⁹, которую начали публиковать в начале военного 1917 г. в Киеве в «Университетских известиях». Ученица В.Н. Перетца, она сгруппировала доступный ей материал и сделала сравнительный анализ большей части печатных богогласников XVIII–XIX вв. Во многом С.А. Щеглова следовала в своей работе принципам исследования богогласников, заложенным ее учителем

³⁶ Обиход нотного церковного пения. Пинск: Издание Полесского Епархиального миссионерского комитета, 1929. Ч. 1–3. См., напр.: *Лабынцев Ю.А.* Замечательный памятник полесской книжной культуры — пинский литографированный Богогласник 1929 г. // Белорусское Полесье как историко-культурный феномен: материалы Международного научного семинара (Пинск, 29 мая 2019 г.). М., 2019. С. 108–112.

³⁷ Богогласник. Варшава: Варшавская Синодальная типография, 1969.

³⁸ Богогласник. Варшава: Варшавская Синодальная типография, 1935.

³⁹ *Щеглова С.А.* Богогласник // Университетские известия. 1917. № 1–2. С. 1–62.

В.Н. Перетцем⁴⁰, применяя как основной прием буквальное «сличение текста», что позволило ей подготовить весьма ценный, хотя, конечно же, далеко не полный библиографический реестр текстовых различий тех или иных изданий, в том числе и некоторых ранних православных. По существу, этот добротный академический реестр был последней крупной отечественной работой о богогласниках вообще, правда, совершенно не учитывавшей тогдашние жизненные реалии, в которых весьма интенсивно развивалась собственно православная традиция богогласника. Автору остались совершенно неведомы не только тогдашние споры о его судьбе, которые велись в православных религиозных кругах и народной среде⁴¹, но и целые пласты самих печатных богогласников, в том числе православных⁴². Что же касается богогласников рукописных, число которых к моменту выхода в свет диссертации С.А. Щегловой уже было значительным, то они ею не привлекались вовсе.

В дальнейшем именно рукописные богогласники, в том числе православные, стали едва ли не самой массовой народной книгой в западной части Восточной Славии. Они сохраняют этот свой статус по сей день. Рукописные православные богогласники XX–XXI вв. — особое книжно-литературное явление своего времени. Рукописные, печатные и электронные богогласники разнообразных форматов во множестве бытуют сейчас среди сельского и городского населения современных Белоруссии, Украины, Польши и части России. Известны они в Литве, Словакии, Венгрии, Румынии и некоторых других странах Европы. Вместе с эмигрантами богогласники распространились по всему миру и явились одним из своеобразных аксиологи-

⁴⁰ См., напр.: *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. СПб: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900. С. 335–393.

⁴¹ См., напр.: *Витошинский Е.* К вопросу об издании песнопений Богогласника в четырехголосной гармонизации // Вестник Виленского православного Св. Духовского братства. Вильна, 1909. № 16–17. С. 306; К вопросу о реформе церковного пения // Вестник Виленского православного Св. Духовского братства. Вильна, 1909. № 24. С. 466–467; К вопросу об издании Комитетом Виленского Св. Духовского братства нового Богогласника // Вестник Виленского православного Св. Духовского братства. Вильна, 1910. № 18. С. 364–365.

⁴² К таковым, например, относятся гродненские печатные богогласники начала XX в.: Гродненский сборник набожных песнопений. Издание Гродненского Епархиального Училищного Совета. № 33. Гродна: Губернская типография, 1910; Гродненский богогласник: Собр. гимнов и набожных песнопений с присовокуплением краткого исторического очерка православия. Гродно: Епархиальный училищный совет, 1914 и др.

ческих символов национальной идентичности. Можно сказать, что эти книги давно стали общенародными и одновременно общевосточно-славянскими. Они постоянно открыты для новых текстов и подвержены новациям в сфере использования форм бытования, вплоть до самых новейших, например, электронно-сетевых. Все это объясняется огромной востребованностью богогласников в широкой народной среде, служащих средством сохранения и передачи ее глубинных духовных ценностей.

Содержание всех без исключения текстов богогласников связано с христианской доктриной, образным христианским миром. Развитие православной традиции богогласника непосредственно совпало с эпохой славянского возрождения и укоренением всеобщего школьного образования. Это способствовало постепенному появлению большого числа новых авторов богогласничных текстов и возникновению целой индустрии их переписки вручную и с помощью различных доступных средств тиражирования, на начальном этапе в основном с помощью пишущей машинки. И если в самом начале XX в. сотни тысяч экземпляров печатных православных богогласников, рассчитанных в основном на грамотного крестьянина, составляли основу всего их корпуса, то к середине столетия доминировали уже рукописные богогласники, колоссальное число которых широко распространилось по всей территории Восточной Славии и за ее пределы. С течением времени эта духовная книга превратилась в общенародную книгу духовной повседневности и стала своеобразным народным катехизисом наших дней для миллионов восточных славян, преимущественно украинцев и белорусов.

ЯН КОЛЛАР И СЛАВЯНСКИЕ СЛЕДЫ В ИТАЛИИ В СВЕТЕ ЖАНРА «ИТАЛЬЯНСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ»

Аннотация: Тема статьи связана со второй незаконченной книгой путевых заметок чешского и словацкого просветителя и поэта Яна Коллара (1793–1852), возникшей в результате его поездки в Италию в 1844 г. Ей предшествовали очерки, отразившие впечатления от путешествия туда в 1841 г., в которых автор, приводя в доказательство курьезные аргументы, выдвигает тезис, что Верхняя (Северная) Италия относилась в Средние века к славянскому пространству. В трактате *Staroitalia slavjanská* («Староиталия славянская», 1853), Коллар распространяет расселение славян уже на всю Италию, включая Сицилию. Особое внимание в незавершенных очерках уделено Риму. Рассматривая его как колыбель и хранитель великой европейской культуры, верный себе Коллар сумел «обнаружить» там массу славянских следов, в том числе в Соборе Святого Петра, в Латеранской базилике и в других памятниках древнего города. Однако панславизм не мешал Коллару связывать идентичность славян с христианским миром, с образованной христианской Европой.

Ключевые слова: Ян Коллар, путешествия, Италия, Рим, Собор Св. Петра, Латранская базилика, славянские следы.

Nella MLSOVÁ
(Czech Republic)

JÁN KOLLÁR AND SLAVIC TRACES IN ITALY IN THE LIGHT OF THE ITALIAN TRAVEL GENRE

Abstract: The topic of the article is related to the second unfinished book of travel notes by the Czech and Slovak educator and poet Jan Kollar (1793–1852), emerging as a result of his trip to Italy in 1844. It was preceded by essays reflecting the impressions of a trip there in 1841, in which the author, citing curious arguments, puts forward the thesis that Upper (Northern) Italy belonged to the Slavic space in the Middle Ages. In the treatise *Staroitalia slavjanská* (“Old Italy Slavic”, 1853), Kollar extends the settlement of the Slavs to the whole of Italy, including Sicily. Special attention in the unfinished essays is paid to Rome. Considering it as the cradle and guardian of the great European culture, the faithful Kollar managed to “discover” a lot of Slavic traces there, including in St. Peter’s Cathedral, in the Lateran Basilica and in other monuments of the ancient city. However, pan-Slavism did not prevent Kollar from connecting the identity of the Slavs with the Christian world, with an educated Christian Europe.

Keywords: Jan Kollar, travel, Italy, Rome, St. Peter’s Basilica. St. Peter’s Basilica, Latrane Basilica, Slavic traces.

В 1844 г. Ян Коллар (1793–1852), выдающийся представитель чешского и славянского национального возрождения, отправился в путешествие по Италии. Его сопровождали жена и дочь Людмила. Очерки, которые родились в результате этого путешествия, остались незаконченными. Сохранившийся фрагмент был издан лишь после смерти автора под названием «Путевые очерки-2» (*Cestopis druhý*, 1863)¹.

Как следует из цифры 2, этим заметкам предшествовали первые путевые очерки, а путешествию в Италию в 1844 г. предшествовала поездка 1841 г. Первые очерки были закончены и вышли в 1843 г. под названием «Путевые очерки, имевшие место и описывающие путешествие в Верхнюю Италию, а оттуда через Тиролию и Баварию с особым вниманием к славянским следам». Путешествие Коллара по Италии не было для своего времени обычным делом, лишь примерно с середины XVIII в. в Европе наблюдается рост интереса образованных людей к этой стране. Интерес этот нарастает в течение XIX столетия. Он был обусловлен желанием собственными глазами увидеть и познакомиться с истоками европейской культуры и образования. Путешествие в Италию представлялось необходимой составляющей жизни, а чем дальше, тем больше росла и мода на Италию. Традиция «итальянского путешествия» берет начало еще в Средневековье. Это были паломнические поездки религиозного характера. Совершались так называемые Grand Tour («большое путешествие») — поездки в образовательных целях сыновей европейских аристократов. Углубленный интерес к Италии в XVIII в. непосредственно был связан и с раскопками в Помпее и Геркулануме. Дело было не в упоении от открытия городов, засыпанных пеплом в результате извержения Везувия в 79 г., а в их изучении, заложившем основы археологии как факта науки и истории искусства, что является заслугой Иоахима Винкельмана.

С ростом количества путешествий в Италию росло и число свидетельств о ней, как документальных, так и стилизованных под исповеди. Появились и «путевые справочники», чье распространение мы можем наблюдать в течение всего XIX в. Вместе с ними устанавливались и способы описания путешествий в Италию. Возникло что-то вроде матрицы, которой в дальнейшем пользовались в обязательном

¹ *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. Praha, 1863.*

порядке авторы, писавшие о своих посещениях этой страны. Правила, обязывающие писать об Италии определенным образом, формировали жанр «итальянского путешествия» и зависели от многих факторов. Важно было испытывать уважение к предмету исследования, осознавать значимость Италии. Оказывали влияния и уже существующие свидетельства известных авторов, составлявших некий канон произведений, представляющих эту страну. В случае Коллара к таковым канонам относилось «Итальянское путешествие» Гёте или «Путешествие в Италию» автора эпохи возрождения Матея Милоты Здирада Полака². На оба текста Коллар ссылается в своих первых путевых очерках.

Обе книги путевых очерков Коллара можно изучать в контексте жанра «итальянского путешествия». Нас интересуют главным образом инновационные моменты, нашедшие в них место. Прежде всего идейная конструкция: представляя Италию, Коллар рисовал ее в соответствии со своими панславистскими убеждениями.

В первых очерках он сразу же выдвигает тезис, что Верхняя (Северная) Италия относилась в Средние века к славянскому пространству, и в доказательство этого приводит исторические, этнические и лингвистические аргументы, научно не обоснованные. Часто допускает разного рода мистификации. К самым известным и неоднократно отмечаемым в литературоведческих трудах³ относится, например, изречение „Kaša mat' naša a polenta jej dcera!“ (Каша — мать наша, а полента — дочь ее) с объяснением, что полента — это фактически старославянская каша, изначально излюбленное блюдо славян, что доказывает присутствие славяно-венетов в Италии⁴. С явным удовольствием Коллар отмечает, что многочисленность голубей в Венеции свидетельствует о славянском происхождении этого города. Свои умозаключения Коллар конкретизирует, говоря о голубиных повадках обоих народов или анализируя этимологию слова *colomba* (голубка), приписывая ему образование от славянского корня.

² Произведение выходило сначала как истории с продолжением в журнале «Dobroslav» в 1820–1823 гг.

³ См.: *Macura V. The Mystification of a Nation: “The Potato Bug” and Other Essays on Czech Kultur.* Wisconsin, 2010. P. 115.

⁴ *Kollár J. Cestopis obsahující cestu do horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Bavorsko, se zvláštním ohledem na slavjanské živly roku 1841, konanou a sepsanou od Jana Kollára.* Praha, 1907. S. 84.

Учитывая, что первым путевым очеркам уже уделялось большое внимание, и не только в данном контексте⁵, сосредоточимся на вторых путевых очерках, несколько обособленных, возможно потому, что они не были закончены. В этом случае нас в первую очередь интересует, как в связи с итальянской темой и жанром итальянского путешествия Коллар развивал в них свои славянские идеи. Данный текст по времени своего создания относится к первым путевым заметкам, где Коллар связывает расселение славян с Верхней Италией (область Ломбардия и Венеция), а в своем известном псевдонаучном произведении *Staroitalia slavjanská* («Староиталия славянская», 1853), распространяет это уже на всю Италию. Несмотря на то, что в первых очерках он сосредоточил внимание на Верхней Италии, потому что именно здесь, по его убеждению, изначально расселялись славяне, в заключении он открыто говорит о своем намерении двинуться дальше на юг. Уже во время своей первой поездки он хотел увидеть Флоренцию, Рим, Везувий, хотя и понимал, что «всю Италию сразу нельзя ни понять, ни прочувствовать»⁶. Он также выражает мысль о том, что «чем глубже пробираешься в Центральную и Нижнюю Италию, тем менее славянских элементов и местных названий здесь находишь»⁷. В этом признании можно, помимо всего прочего, увидеть и стремление следовать «обязательному» итальянскому маршруту, который закрепился в чешской среде уже в начале XIX в. и предполагал посещение четырех городов: Венеции, Флоренции, Рима и Неаполя. Более того, и в других текстах можно выявить осознание им повторяемости итальянских маршрутов. Добавим, что в своих подходах Коллар использует сведения, постоянно присутствующие при характеристике Италии как страны античных памятников, страны-хранительницы древней культуры, центра католицизма, искусства, страны с удивительной средиземноморской природой и землями, дающими представление о специфике национального характера и антропологическом типе итальянца⁸.

⁵ Из последних работ см. напр.: *Faktorová V. Itálie českých obrozenců // Literární archiv: sborník Památníku českého písemnictví. Č. 39. Praha, 2007. S. 7–19; Hrbata Z. Komentář k novému vydání Cesty do Itálie // Polák M. Z., Kolár R., Stich A. Vznešenost přírody: Cesta do Itálie. Brno, 2014. S. 539–588.*

⁶ *Kollár J. Cestopis obsahující cestu do horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Bavorsko, se zvláštním ohledem na slavjanské živly roku 1841, konanou a sepsanou od Jana Kollára. Praha, 1907. S. 354.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ Мы опираемся здесь на категории аспектов Манфреда Беллера. При том, что он исходил из немецкого, французского и английского дискурсов, эти категории

Мечта Коллара осуществилась: он вновь отправился в Италию, и насколько можно судить по неоднократным повторам в его незаконченных очерках, он добрался и до Неаполя, хотя в сохранившемся отрывке описание всего маршрута отсутствует.

Коллар отправился с семьей в дорогу из Пешта 22 июля 1844 г. Сначала они проследовали до Вены. Далее путь пролегал через Австрию и Швейцарию. Продвижение по Италии отмечено следующими остановками: Монтенеро — Пьемонт — Турин — Асти — Алессандрия — Генуя — Ливорно — Пиза — Ливорно — Чивитавеккья — Рим. В дороге семья использовала разные транспортные средства, не раз плыли на пароходе (из Пешта в Вену, из Ливорно в Чивитавеккью), ехали по железной дороге из Ливорно в Пизу. Использовали и обычные извозчицьи экипажи. Конечная остановка была в Риме, которому в очерках уделено особое внимание. Прерывистость повествования именно в связи с Римом сделало его символическим «пупом земли». К нему апеллирует и сам путешественник, выражающий в своих записках уважение к Риму, а достижение этого пункта своего путешествия подает как ставшее стереотипом исполнение мечты, взлелеянной классическим образованием, которого сам Коллар не имел. Столь же стереотипно Рим представлен как наследник классических и христианских традиций. Глядя под этим углом зрения, повествователь оценивает его как «самый древний, прославленный и достопамятный город в Европе, да и во всем христианском мире»⁹. Он испытывает большое эмоциональное потрясение от этого факта («тот эффект и чувство описать и выразить невозможно»¹⁰), награждает его общепринятым эпитетом «вековечный город»¹¹. Все это усилено стилизованным описанием вступления в город: первая картина, представшая перед путником — это Собор Святого Петра, озаренная восходящим солнцем. Сразу из названия обширной первой главы «Соборы по отношению к славянству видимые» следует, что в восприятии Рима Коллар не отказывается от своих славянских пристрастий, попытавшись, как мы увидим дальше, включить следы

можно выявить и в чешской литературе. См.: *Imagology: the Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey*. New York, 2007. P. 194–200.

⁹ *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého*. S. 52.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ *Ibidem*. S. 53.

славян в пространство христианских храмов или шире — римско-католического мира. Можно утверждать, что славянская религиозность Коллара не отделима от веры христианской. Это вытекает и из уточняющего определения, которое предваряет главу: «Под этим названием мы понимаем храмы или действительно славянские, для Славян здесь выстроенные, или же такие, что хранят в себе какие-либо славянские памятники, предметы старины, или какое-то отношение к славянской истории имеющие»¹². Это ограничение является одновременно и знаком скромности в презентации Италии, так как сразу после определения того, о чем он собирается писать, Коллар отмечает: «Мы не будем здесь считать и описывать все храмы, в Риме находящиеся, а их, размером меньшим или большим, имеется 400»¹³. В данном контексте такие замечания обретают особые смыслы.

Славянские следы в духе вышеупомянутого высказывания наиболее сильно проявляются в Соборе Святого Петра и Сикстинской капелле, в Латеранской базилике, базилике св. Климента, костеле Сант-Алессио, иезуитском храме Сант-Андреа-а-Монте Кавалло, капитолийском храме Санта-Мария-ин-Арачели, «храме славянском св. Иеронима»¹⁴, т.е. Сан-Джироламо-дельи-Скьявони. «Последний храм и заведение, народа нашего в Риме касающиеся, — это костел и приют святого Станислава, народа польского, основанный в 1575 г. кардиналом Станиславом Гозиусом. При Папе Пие VI французы продали заведение за 17000 эскудо римских, но после многих сутяжничеств опять полякам возвратили. Заведение ныне расходует в год всего 360 эскудо, частью на молодых духовников, частью на паломников»¹⁵.

Как очевидно, автор, повторяясь, перечисляет в своем списке известные римские храмы, чью специфику Коллар подчеркивает характеризующими их эпитетами. Значимость их он измеряет эстетическими критериями (о Соборе Св. Петра говорит как о «самом прекрасном здании, в жизни встреченном»¹⁶), а также же рангом в церковной иерархии (Латеранский собор оценивается как «самый запо-

¹² *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. S. 54.*

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Ibidem. S. 66.*

¹⁵ *Ibidem. S. 67.*

¹⁶ *Ibidem. S. 54.*

минающийся и самый достойный храм после Св. Петра, который слывет главным храмом Рима, да и всего света»¹⁷. Далее в данном контексте Латеран обозначен как «римско-славянская святыня»¹⁸).

Славянские реминисценции всплывают среди информации об отдельных объектах, когда рассказывается об их истории или истории места, где их построили, нередко с отсылкой к их античным корням. Характеризуется их архитектура и художественное оформление. Такого рода описания, хотя и весьма патетичные, напоминают скорее научный трактат, а не впечатления путешественника. Таким образом объективизируются упоминания о славянском присутствии, служащие доказательством того, что история вечного Рима не только им пронизана, но даже без славян немыслима. Интересно проследить, как акцентируются славянские мотивы, какие примеры их иллюстрируют. Первым, кто упоминается в связи с Собором Св. Петра и Латераном, выступает Божетех, аббат бенедиктинского Сазавского монастыря, центра славянского просвещения. Поводом вспомнить Божетеха стал польый деревянный крест, который, «как говорят, какой-то кающийся паломник в качестве наложенного на себя наказания принес из Праги в Рим»¹⁹ и который, по Коллару, он укрывал с пиететом вначале в Соборе Св. Петра, а позднее перенес в Латеран как реликвию, пропавшую после 1729 г. Путешественник уверен, что это крест Божетеха. При этом он ссылается на чешского хроникера, на историю Божетеха, которому в 1038 г. тогдашний архиепископ Космас (не летописец Космас — Козьма Пражский, декан вышеградского капитула, а другой), предписал, чтобы Божетех в знак покаяния доставил вырезанный собственными руками крест в Рим и уложил его в Соборе Св. Петра. Божетех был излюбленным персонажем чешской культуры и историографии XIX в., практически их иконой. Его образ всплывает неоднократно, это связано и с тем, что в тот период образованной части общества было доступно издание чешской хроники Козьмы Пражского, ее расширенной редакции АЗ, которая содержала летопись Монаха Сазавского середины XII в. Хотя Монах Сазавский представлял латинскую литургию, он пытался «исправить», видимо, намеренное игнорирование Кос-

¹⁷ *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. S. 61.*

¹⁸ *Ibidem. S. 63.*

¹⁹ *Ibidem. S. 62–63.*

масом славянской литургии, проходившей в Сазавском монастыре. В его летописи и содержится история покаяния Божетеха. Интерпретация этой истории, которая относится к XIX в., базируется на двух аспектах. Первый акцентирует творческий потенциал Божетеха. Хотя единственное, что можно с уверенностью сказать о нем, это то, что его «по праву считают первым известным по имени чешским художником»²⁰. Это происходит в эпоху национального романтизма, а поскольку одним из его атрибутов считалась самобытная художественная школа, корнями уходящая в далекое прошлое, то такая фигура, как Божетех, хорошо подходила в качестве положительного примера, тем более что он был реально существовавшей личностью и относился к историческому этносу²¹. Вторая интерпретация была сосредоточена на строптивости Божетеха (он был наказан за превышение полномочий), на его сомнениях, на желании совершенствоваться, а не пребывать в католическом смирении. У Коллара оба эти аспекта присутствуют. Он подчеркивает, что Божетех был «чех, славный чешский художник, последний аббат славянского Сазавского монастыря», изготовивший полый крест, чтобы он был легким, а это является «новым доказательством его остроумия»²².

Кроме Божетеха упоминаются и другие фигуры славянского микрокосмоса. Например, просветители Кирилл и Мефодий в связи с храмом святого Климента. Приводятся сведения, что Кирилл жил здесь после окончания своей апостольской миссии и сюда в 858 г. доставил из Хазарии мощи мученика св. папы Климента. Упоминается и легенда, по которой Мефодий хотел в Моравии упокоить тело Кирилла после его смерти, чему помешал тогдашний Папа Римский и сами римляне. Все эти эпизоды не напрямую отсылают к апостолату обоих братьев, к их славянской миссии и к связи Рима и Моравии. Звучит здесь и досада Коллара по поводу пренебрежения к мощам Кирилла. Путешественник тщетно ищет в храме надпись, где же похоронен святой.

Кроме того, Коллар вспоминает св. Войтеху, епископа пражского, Боснийскую королеву Катарину, которая, спасаясь с сыном от пре-

²⁰ *Vlnas V. Opat Božetěch aneb Sláva a pád staročeského Leonarda da Vinci // Dějiny a současnost: populárně historicko-vlastivědná revue. 2014. Č. 10. S. 22.*

²¹ *Ibidem. S. 24.*

²² *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. S. 63*

следований турок, нашла прибежище в Риме, где и умерла. Путешественник пишет о ней в связи с римской базиликой Санта-Мария-ин-Арачели, где находится «самое памятное для нас надгробие Катарины, королевы Боснийской XV века, с ею самой составленной славоиллирийской надписью»²³.

Иногда, однако, Коллар допускает и фактические ошибки. Это имеет место в описании созданного французом Пьером Легро-младшим внушительного барочного скульптурного надгробия из мрамора, находящегося в конвикте костела Сант-Андреа-аль-Квиринале. Скульптура изображает польского монаха-иезуита Станислава Костку на смертном одре, в духе барочной поэтики с особым упором на мистический момент перехода из земной жизни в вечность. Путешественник был, очевидно, под большим впечатлением от увиденного («памятник прекрасный, хотя и несколько странный»²⁴), однако он подменил человека, умершего в Риме в возрасте 18 лет от лихорадки, фигурой краковского епископа Станислава, который был убит во время мессы польским королем Болеславом II за то, что критиковал короля за распущенность, предал его анафеме и отказывался впускать в храм. Неясно лишь, сделал ли это Коллар намеренно или же просто ошибся.

Коллар отмечает славянское присутствие и во время исторических событий, происходивших в Риме. Например, рассматривая бронзовые ворота Собора Св. Петра, автором которой является флорентиец Антонио Аверулин, прозванный Филарете, он сосредотачивается на изображении коронации императора Сигизмунда Папой Евгением IV в 1433 г., где присутствуют и чехи, облаченные, как отмечает Коллар, в национальные костюмы того времени. В соответствии с концепцией национального возрождения, по которой эта одежда является атрибутом национальной самоидентификации, понятно восприятие путешественником этого события как подтверждения непрерывности чешской и соответственно славянской идентичности²⁵.

Коллар, следуя своей миссии, не только предоставляет свидетельства славянского присутствия в Риме, как фактические, так и ошибочные или дополненные в той или иной мере достоверными гипотезами,

²³ *Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. S. 55, 67.*

²⁴ *Ibidem. S. 65.*

²⁵ *Ibidem. S. 58.*

но также и морализирует, прибегает к назиданиям. Это происходит во время посещения им иллирийской конгрегации при славянском храме Сан-Джироламо-дельи-Скьявони, построенном славянами, бежавшими из Далмации от турок. Он напоминает о недостаточном внимании к пробуждающемуся славянскому самосознанию. Применяя метафорику эпохи Возрождения, путешественник выражает опасения, «как бы этот славоиллирийский цветок за короткое время не завял на этой валашской почве, подобно тому, как чешский монашеский приют, еще Карлом IV основанный, хоть и щедро был поощряем, но из-за недостатка воспитанников и паломников был упразднен и объединен с храмом Сант-Спирито»²⁶.

Во второй неоконченной римской части, где речь идет о Риме как городе искусств, Коллар уделяет внимание римским художественным коллекциям. В русле поиска славянских следов путешественник тщетно разыскивает в ватиканских библиотеках и архивах документы, связанные с историей славян.

Мы осознаем, что, учитывая незаконченность очерков, нельзя делать выводы о выстроенной автором схеме доказательств славянского присутствия в Италии. Но по сохранившейся части очевиден тот факт, что автор осваивал существующий материал по итальянской тематике, исходя из славянской идеи с помощью отобранных фрагментов аутентичной истории и мифологии славян с упоминанием исторических фигур их прошлого. В исследовании Италии он продвинулся дальше на юг и сосредоточился, главным образом, на Риме. В духе стереотипного восприятия Рима он представляет город как колыбель и олицетворение классических/гуманистических и христианских традиций, как город античного художественного наследия, как памятник культуры. В конфронтации с этими атрибутами славянское присутствие в его истории преувеличивается, особенно тем, что оно представлено, помимо всего прочего, в таких местах, как Собор Св. Петра, Латеранский собор и т.п. Идентичность славян у Коллара явно ориентирована на христианский мир, на образованную христианскую Европу.

(Перевод И.А. Герчиковой)

²⁶ Kollár J. Cestopis druhý: a Paměti z mladších let života Jana Kollára sepsány od něho samého. S. 67.

**НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Ю.И. ВЕНЕЛИНА
В ЗАДУНАЙСКИЕ ЗЕМЛИ:
СОБРАНИЕ ВЛАХО-БОЛГАРСКИХ
(ДАКО-СЛАВЯНСКИХ) ГРАМОТ**

Аннотация: Статья посвящена одному из направлений многогранной деятельности всемирно известного русского слависта Ю.И. Венелина, который внес огромный вклад в развитие болгарского языка, в изучение и популяризацию болгарской истории и культуры. Подробно воссозданы ход и результаты его научной экспедиции в задунайские земли (1830 г.), во время которых он собрал, переписав с подлинников, а также разъяснив, влахо-болгарские (дако-славянские) грамоты (грамоты дунайских славян), принадлежащие монастырям или частным лицам. Многие грамоты носят юридический характер (наследование, право на собственность, дарственная, отпускная и т.д.) и до сих пор глубоко не изучены и не проанализированы.

Ключевые слова: Ю.И. Венелин, экспедиция, задунайские земли, древние рукописи, болгарский язык, влахо-болгарские (дако-славянские) грамоты.

Veronika E. MATVEENKO

**Yu. I. VENELIN'S RESEARCH EXPEDITION
TO THE TRANS-DANUBE LANDS:
A COLLECTION OF VLACHIAN-BULGARIAN
(DACIAN-SLAVIC) CHARTERS**

Abstract: The article is devoted to one of the directions of the multifaceted activity of the world-famous Russian slavist Yu. I. Venelin, who made a huge contribution to the development of the Bulgarian language, to the study and popularization of Bulgarian history and culture. The course and results of his scientific expedition to the Trans-Danube lands (1830), during which he collected, copied from the originals, and also explained the Vlachian-Bulgarian (Dacian-Slavic) letters (letters of the Danube Slavs) belonging to monasteries or private individuals, are recreated in details. Many charters are of a legal nature (inheritance, right to property, gift, vacation, etc.) and have not yet been thoroughly studied and analyzed.

Keywords: Yu. I. Venelin, expedition, Trans-Danube lands, ancient manuscripts, Bulgarian language, Vlachian-Bulgarian (Dacian-Slavic) charters.

Георгий Гуца (Georgius Hutza) — языковед, этнограф, фольклорист известный в истории славистики как Юрий Иванович Венелин — родился 4 мая 1802 г. в селе с венгерским названием Nagy Tibava (Большая Тибава), расположенном в Карпатских горах. Сначала он обучался в городе Унгвар (Ужгород) в духовной семинарии, а потом, с 1821 г., в Сатмарском епископском лицее, где начал изучать древнюю историю. В 1822 г. он был зачислен на философский факультет Львовского университета, который был одним из крупнейших культурных европейских центров того времени.

В 1825 г. под именем Юрия Ивановича Венелина юноша нелегально прибыл в Москву, где начал искать работу. Он обратился за помощью к своему земляку, известному слависту и педагогу Ивану Семеновичу Орлаю, написавшему первую историю Закарпатья на русском языке. По совету И.С. Орлая Ю.И. Венелин поступил на медицинский факультет Московского университета, в котором проучился три года. Ю.И. Венелин прекрасно овладел греческим, латинским, немецким, французским, итальянским, английским, испанским языками, общался на мадьярском и румынском языках, в совершенстве знал многие славянские языки. Будучи студентом, он глубоко изучал классические произведения и исторические первоисточники на древних языках. В 1829 г., сдав экзамен на звание лекаря, он решил посвятить себя гуманитарным наукам. В России В.Ю. Венелин познакомился с выдающимися писателями, мыслителями и учеными того времени: М.П. Погодиным (историком, журналистом, академиком Петербургской Академии наук), И.И. Срезневским (филологом-славистом, академиком Петербургской Академии наук), А.С. Хомяковым (писателем, философом, художником, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук). Эти ученые оказали огромное влияние на творчество молодого ученого Ю.И. Венелина¹.

Большой вклад сделан Юрием Венелиным в развитие болгарского языка: в 1830 г. Российская академия наук командировала его в научную экспедицию в задунайские земли. Перед отъездом молодой ученый составил программу («Инструкцию») — своего рода план по изучению и анализу болгарского языка, сбору исторических фактов.

¹ Подробнее см.: *Смолянинова М.Г.* Болгарская литература второй половины XVIII — первой половины XIX вв. // История литератур западных и южных славян. Том II. М., 1997. С. 346–348 и др.

Маршрут экспедиции начинался от Силистры и проходил по многим городам и землям: Разград, Рушук, Тырново, Ловеч, Девно, Айдос, Бургас, Ямполь и др. Юрий Венелин не только исследовал грамматику, морфологию, ударение, синтаксис болгарского языка, но и провел сравнительный анализ болгарского языка по отношению к малорусскому, карпато-русскому и великорусскому наречиям, а также собрал богатый лексический материал — список слов, которые присутствуют только в болгарском языке, перевел их на русский. Ученый также выявил турецкие и греческие заимствования в болгарском языке.

Во время экспедиции ученый посетил княжеские и монастырские архивы Болгарии, Молдавии, Валахии, пытаясь прояснить историю славян, собирал снимки и образцы почерков для составления славянской палеографии. Также Ю.И. Венелин собирал народные песни, грамоты и древности. Собранный им материал огромен: 152 болгарские песни с указанием источника записи, более 66 влахо-болгарских грамот² и 5 рукописных книг. Как писал сам ученый, «народных песен я успел собрать не более 50-ти, да и то еще с величайшим трудом; причина тому очень естественная: простой болгарин, который уверен, что россиянина может интересовать только русская песня, никак не поверит, что его может интересовать и болгарская. Вот почему всякий раз, когда я просил господ болгар продиктовать мне песню, те удивлялись, не понимали, к чему это, и, наконец, заключали, что в этом таится что-либо тайное и... начисто отказывали! Таким точно образом счастливилось мне и с историческими памятниками...»³. Основываясь на собранных материалах по болгарскому языку, молодой ученый-русин составил грамматику новоболгарского языка («Грамматика нынешнего болгарского наречия», 1834 г.), которая вызвала споры в научном мире: Ю.И. Венелин доказывал, что болгарский язык является наречием русского!

Влахо-болгарские (дако-славянские) грамоты (грамоты дунайских славян) переписаны Ю.И. Венелиным во время его научной экспедиции в задунайские земли с подлинников, принадлежащих разным монастырям и хранящихся в Бухарестской митрополии, а также

² *Венелин Ю.И.* Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты, собранныя и объясненныя на иждивеніи Императорской Россійской Академіи Юріем Венелинымъ. СПб., 1840. Электронный ресурс URL: <http://www.promacedonia.org/jchorb/jv/index.html> (дата обращения: 20.11.2018).

³ *Соколов Е.И.* Бумаги Юрия Ивановича Венелина, хранящіяся въ бібліотеке императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. М., 1899. С. 11.

с подлинников, принадлежащих частным лицам. Ученым было собрано и объяснено 66 грамот, а также сделано два списка имен, записанных в алфавитном порядке: собственных личных славянских и сербских народных личных. В предисловии Ю.И. Венелин пишет, что грамоты большею частью принадлежат к гражданской дипломатике Бессарабского государства (Валахии). Все они написаны на болгарском языке, а молдавские грамоты — на южнорусском наречии. Ученый отмечает, что «грамоты XIV и XV веков чище в языке и лучше в правописании, нежели грамоты XVI или XVII столетий»⁴. Причины этого — нахождение Бессарабии под влиянием турецкого ига и переселение людей из Трансильвании в Валахию. Волошский язык быстро распространился среди болгарского населения и писцы (по происхождению волохи) допускали ошибки при письме на болгарском языке. Другая причина «искажения» болгарского языка, по мнению Ю.И. Венелина, — использование писцами XVI–XVII вв. сокращений. Как пишет ученый, «сокращение происходило, когда а) выбрасывалась из строки буква (гласная или согласная) или даже целые слоги; б) стали усекать целые окончания всякого слова, но преимущественно окончание на согласную, то есть на ъ или ь. Отсюда-то в грамотах последних двух столетий от сего сокращения ъ и ь почти изгнано из употребления и только иногда встречается как лишнее или вместо гласной в середине слова. [...] Привычка ставить титла над согласным, а нередко и гласным окончанием всякого почти слова, сделалась машинальною так, что иногда наставлены согласные под титлами и над гласными окончаниями женских имен»⁵. Здесь же Ю.И. Венелин отмечает, что в XVI–XVII вв. болгарский язык постепенно изменялся как под влиянием турецкого ига, так и за счет переселения в Болгарию валахов.

Ю.И. Венелин провел большую филологическую работу над грамотами: в связи с тем, что в них допущены грамматические ошибки, использованы сокращения слов, приведшие к изменению грамматических форм и трудностям чтения этих грамот, ученый во многих грамотах выписывал слова полностью, «расшифровывал» сокращения. В грамотах встречаются непонятные для русского читателя-северянина слова, поэтому ученый объяснял их значение. В предис-

⁴ Венелин Ю.И. Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты... С. 2.

⁵ Там же. С. 2–3.

словии к грамотам Ю.И. Венелин приводит описание Бессарабских земель и их историю, далее следуют переписанные ученым тексты грамот, словники с объяснением употребленных в грамотах географических названий, личных имен, приведены исторические справки, замечания и рассуждения Ю.И. Венелина.

Ниже приведен полный список грамот, собранных Ю.И. Венелиным. Следует отметить, что в названии грамот часто употреблено слово «хрисовул» — золотая печать (тип императорских грамот):

«О княжестве Бессарабском (позже Валахии) вообще.

1. Учредительный Хрисовул Владислава Антониевскому монастырю на Воденицах.
2. Дарительный и подтвердительный Хрисовул Мирчи Радуловича Тисменскому и Водицкому монастырям.
3. Хрисовул Мирчи Радуловича Стругальскому монастырю об утверждении за ним села Пулковци и проч.
4. Грамота Мирчи Радуловича Попу Никодиму Тисменскому о ловле рыбы и монастырских пастбищах.
5. Указная грамота Мирчи Радуловича селам Тисменского монастыря о повиновении оному и оброке.
6. Грамота Императора Жигмунта (Сигизмунда) инокам Водицкого монастыря о даруемых им вольностях и преимуществах в Венгерском Королевстве (от 14 июля 1418).
7. Грамота Императора Жигмунда жителям Басараба о неприкосновенности их вероисповедания (от 1420)
8. Грамота Императора Жигмунда Попу Агафону и Водицкому монастырю о подтверждении за ним имений и разных преимуществах.
9. Подтвердительная грамота Жигмунда Тисменскому и Водицкому монастырям об имени и о прочем.
10. Грамота Молдавского Господаря Александра Боярину Вене о пожаловании ему поместий и о границах оных.
11. Грамоты Влада Воеводы Басарабского Ройне, Радулу, Драгомиру, Албулу и Влаксану боярам о пожаловании им вотчины и освобождении от всяких областных повинностей.
12. Хрисовул Господаря Влада Сиговскому монастырю о жаловании ему разных доходов с Господских вотчин.
13. Утвердительная грамота Влада Воеводы Тисменскому монастырю об имени.

14. Грамота Радула Владовича Оне и сыновьям его Стану, Влаксану и Станкулу об участках.
15. Грамота Млада Воеводы Басараба Крачуну Слатинскому об утверждении приобретенного им участка.
16. Грамота Дановича Воеводы Басараба Оне и сыновьям об участках.
17. Грамота Младаго Воеводы Басараба настоятелю Тисменского Монастыря Игумену Матфею о пожаловании ему откупных доходов с вотчин и озер.
18. Хрисовул Влада Владовича Тисменскому монастырю (Игумену Матфею) об имении.
19. Грамота Влада Владовича об возвращении имения Тисменскому монастырю.
20. Грамота Радула Владовича Болярину Жупану Кикошу и дочерям его Станке, Више и Раде о наследовании имением.
21. Грамота Воеводы Басараба Дворнику Жупану Шуйке о спорном имении и порядке в наследстве.
22. Утвердительная грамота Моисея Владиславлевича Торговицской митрополии о спорном Аниноасском имении.
23. Хрисовул Влада Радуловича Кастамонскому Афонскому монастырю о пожаловании ему ежегодного оброка в 6,000 аспров.
24. Грамота Влада Владовича Жупану Албу с сыновьями и дочерьми об утверждении их во владении и порядке в наследстве.
25. Хрисовул Влада Радуловича Ксеропотамскому Афонскому монастырю о назначении ему 5,000 аспров ежегодного оброка.
26. Хрисовул Влада Радуловича городу Гергиц о назначении ему земель и рубежей оным.
27. Хрисовул Радула Радуловича Торговицскому Митрополиту Варлааму.
28. Грамота Петрашки Радуловича Жупану Ивану Великому Медленичарю о владении имением благоприобретенным.
29. Утвердительная грамота Петрашки Радуловича Архиепископу Янакию, об имении.
30. Грамота Молдавского Господаря Александра Лопушняна Киприанскому монастырю, что ныне в Бессарабии, об имении.
31. Хрисовул Петра Мирчевича Воеводы Басарабского Митрополиту Ефрему о спорном имении.
32. Грамота Александра Мирчевича Жупанице Некше об утверждении ее в наследовании участками брата ее.

33. Грамота Александра Мирчевича Радулу, Драгомиру, Албулу и Нану об участках.
34. Грамота Александра Мирчевича Гергицкому монастырю о пожаловании ему мельницы.
35. Грамота Александра Мирчевича тому же монастырю о пожаловании ему места для мельницы в селении Албешах.
36. Грамота Александра Мирчевича великому Дворнику Жупану Драгомиру об утверждении за ним приобретенных земель.
37. Грамота Александра Мирчевича Могошу с братиею об имении.
38. Образец заложного контракта (сделки) между Драгичем Солотрукским и Первулом Логофетом.
39. Грамота купчая Угровлахийского Митрополита Евтимия Татулу Грацскому о приобретении им Цыгана.
40. Грамота Молдавского Господаря Петра Хомовскому монастырю об утверждении во владении его озера Орехова с его приделами.
41. Грамота Господаря Михни Александровича Вв. Басараба Митрополиту Серафиму об участках в селении Сербы.
42. Утвердительная грамота Михни Александровича Жупану Дану о приобретенном имении.
43. Грамота Стефана Иоанновича Жупанице Некше и Кольцу Станеву о спорных их участках.
44. Грамота Александра Богадновича грамматику Манго о купленном им участке.
45. Грамота Симиона Могилы Боярину Тудорану Питарю о спорном его имении.
46. Грамота Радула Воеводы Басараба Болярину Жупану Тудорану о праве выкупа имения.
47. Грамота Радула Воеводы Басараба Великому Дворнику Жупану Чернике об утверждении за ним разных приобретенных вотчин.
48. Грамота Радула Воеводы Грозаву о приобретенном им имении от Дворника Жупана Дана и жены его Жупаницы Владаи.
49. Хрисовул Воеводы Радула Басараба Торговищскому Вознесенскому храму о спорном его имении в разных местах.
50. Хрисовул Радула Михневича Кастамонитскому Афонскому монастырю о даровании ему ежегодного оброка и метоха в городе Гергице.

51. Дарительная грамота Гавриила Симеоновича Могилы рабам Брию и жене его Владе о пожаловании им Господской пусто-порозжей земли.
52. Отпускная (на волю) грамота Гавриила Симеоновича Могилы людям Младину, Вишану, Стану Лучиулу и Стойке.
53. Хрисовул Радула Михневича Жупану Константину Вантисте о пожаловании ему вотчины за усердную службу.
54. Грамота Радула Михневича Янкулу Капитану Гергицкому с детьми о пожаловании ему лугов и брода для мельницы у верхней Гергице.
55. Грамота Александра Радуловича Капитану Горбачу о возвращении ему отчужденного участка в Болотище.
56. Грамота Александра Радуловича Радулу Догофету об утверждении за ним участка и приобретенных Цыган.
57. Грамота Александра Ильяшевича об освобождении Митрополитской волости от великих областных повинностей.
58. Грамота Деона Стефановича Первулу Урлацкому об утверждении разных его приобретений.
59. Хрисовул Матвея Воеводы Торговицкой митрополии о взимании ей десятины с Аниноасских вин.
60. Грамота (утвердительная) Матвея Ифриму Юзбаше о приобретенных виноградниках.
61. Выписки из грамоты Матвея Жупану Буне о приобретении крепостных людей.
62. Утвердительная грамота Молдавского Господаря Василия Хомовскому монастырю об озерах.
63. Грамота Матвея Басараба Жупану Димитрашке Янкулову Постельнику о приобретенных им виноградниках и крепостном Цыгане.
64. Грамота Матвея Басараба Садовскому монастырю о пожаловании ему в ежегодный оброк 150 болванов соли их окни-ских рудокопечь.
65. Хрисовул Шербана Воеводы Торговицкой Митрополии о взимании ей десятины с Анионаских вин.
66. Грамота Михни Александровича Зопольско-Черноморскому монастырю об утверждении за ним мельниц и огородов»⁶.

⁶ Венелин Ю.И. Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты, собранныя и объясненныя на иждивеніи Императорской Российской Академии Юрием Венели-

После грамот в сборнике следуют подготовленные Ю.И. Венелиным «Замечания на прилагаемые списки имен славянских у дунайцев», «Список собственным личным именам (Славянским) по азбучному порядку, извлеченный из помянника Бухарестской Митрополии», «Список (Алфавитный) Сербским народным личным именам, извлеченный из Сербского помянника, хранящегося в Бухарестской библиотеке».

Подчеркнем, что Ю.И. Венелин собрал и научно обработал большое количество древних славянских рукописей, которые представляют огромную ценность для историков, филологов и юристов. Многие грамоты носят юридический характер — наследование, право на собственность, дарственная, отпускная и т.д. К сожалению, эти важные с исторической и лингвистической точек зрения документы глубоко не изучены и не проанализированы.

Умер великий славяновед Ю.И. Венелин от туберкулеза в 1839 г. в Москве в нищете. Ему было только 36 лет. Похоронен в Москве на Даниловском кладбище. Творческое наследие Ю.И. Венелина огромно, бесценно, и не следует забывать его: своими работами он смог воодушевить болгар на борьбу против турецкого владычества, провел исследование болгарского языка и составил его грамматику, собрал уникальную коллекцию древних грамот и книг. Его вклад в изучение русской истории и исторической родины россиян неимоверно велик: в своих работах ученый смог доказать, что русские — это «не племя, не помнящее своего родства» и «подкидыши истории», как об этом писали немецкие ученые того времени⁷, а народ с законной историей и древними корнями, что варяги — это не скандинавы или шведы, прибывшие править дикими славянскими племенами, а северные славяне.

нымь. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1840. [электронный ресурс] Книги за Македония URL: <http://www.promacedonia.org/jchorb/jv/index.html> (дата обращения: 20.11.2018).

⁷ Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или Столетние изыскания о варягах. М., 2012.

РОССИЙСКИЙ ПРОФЕССОР-ТЕОЛОГ ЯН КВАЧАЛА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация: Российская стезя ученого с мировым именем профессора Яна Квачала в Дерпте-Юрьеве на богословском факультете. Архивные открытия автора в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН и в братиславском университете (личный фонд Квачалы). Публикация источников Л. Берната в Словакии. Роль Квачалы в развитии русской и европейской науки. Межславянские культурные связи. Лауреат премии профессора Котляревского. Участие в Отделе Я.А. Коменского в Санкт-Петербурге. Связи с русской гуманитарной наукой (Ламанский, Модзалевский, Будилевич, Нечаев, семья Грабарей, Введенский и др.). Квачала — сторонник реформы богословского факультета Дерптского университета. Вклад в комениологию и историю философии. Эвакуация в Воронеж (Россия). Возвращение в Словакию. Впервые публикуется *rossica* из личного фонда Квачалы в Братиславе.

Ключевые слова: профессор-теолог Ян Квачала, Россия, Дерптский университет, межславянские научные и культурные связи, комениология, архивные фонды.

Yevgeny F. FIRSOV

RUSSIAN THEOLOGIAN PROFESSOR JAN KVAČALA AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF INTER-SLAVIC RESEARCH AND CULTURAL TIES

Abstract: The Russian path of the world-renowned scientist professor Jan Kvačala in Dorpat-Yuryev at the Theological Faculty. Author's archival discoveries at the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, and at the Bratislava University (Kvačala's personal fund). Publication of L. Bernat's sources in Slovakia. Kvačala's role in the development of Russian and European science. Inter-Slavic cultural relations. Laureate of the Professor Kotlyarevsky Prize. Participation in the Komensky' Society in St. Petersburg. Relations with the Russian humanities scientists (Lamansky, Modzalevsky, Budilovich, Nechaev, Grabar family, Vvedensky, etc.). Kvačala is a supporter of Theological Faculty reform at Dorpat University. Kvačala's contribution to Komeniology and the history of philosophy. His evacuation to Voronezh (Russia), return to Slovakia. Kvačala's *rossica* from his personal fund in Bratislava is published for the first time.

Keywords: professor-theologian Jan Kvačala, Russia, Dorpat University, Inter-Slavic scientific and cultural relations, Komeniology, archival funds.

Профессор теологии Юрьевского (Дерптского) императорского университета в 1893–1918 гг. Ян Квачала (1862–1934) внес огромный вклад в развитие научных и культурных межславянских (и европейских в целом) связей и стал неотъемлемой частью российской науки. В дореволюционной России он, родом словак, был также известен тем, что, будучи убежденным сторонником идеи славянской взаимности, организовал словацко-русское Общество памяти Л. Штура, архивные материалы которого были введены мной в научный оборот ранее¹. Благодаря деятельности в этом обществе, выступавшем за упрочнение словацко-русских связей, Квачалу можно отнести к творцам современной концепции культурного сближения Словакии и России.

Как ученому и — по большому счету — философу и историку культуры Квачале повезло, ибо он не исчез из научного контекста даже в период развития чехо-словацкой послефевральской марксистской историографии. Его имя не было забыто в эти сложные времена, поскольку он являлся известным комениологом, историком европейской культуры и знатоком истории мировой педагогики. В Чехословакии уже в 1960-е гг. появились посвященные ему труды. Стоит отметить, например, вышедшую в 1962 г. словацкую монографию о жизни и творчестве Квачалы² к 100-летию его рождения. Однако тема «Квачала и русская наука», начатая в статье 1966 г.³, впредь оставалась неисследованной. Россия в корреспонденции Квачалы до сих пор не была востребована, по-видимому, из-за трудностей палеографического характера.

Выявленные мной в 2008 г. в личном фонде Я. Квачалы на Евангелическом факультете Университета Коменского в Братиславе письма Квачале видных представителей русской науки позволяют существенно углубить названную тему и на расширенной источниковой базе раскрыть связи Квачалы с русским ученым миром. Начало научной разработки выявленных в Словакии в личном фонде Квачалы архивных материалов было предпринято мной в сборнике «Историки-

¹ *Фирсов Е. Ф.* Словацко-русское общество памяти Людевита Штура // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 152–168.

² *Mátej J. Ján Kvačala: život a dielo.* Bratislava, 1962.

³ *Petrus P.* Z korešpondencie J. Kvačalu s ruskými autormi // Zb. FF UPJŠ v Prešove, 6. Pedagogika. 2. 1966. S. 149–162. Статья, в основном, касалась переписки с академиком В.И. Ламанским.

слависты МГУ. Кн. 8»⁴, изданном по результатам международной научной конференции на Историческом факультете МГУ, состоявшейся в 2010 г.

Четверть века провел профессор Квачала в Юрьевском (Дерптском) университете и добился всего, о чем мечтал, и так бы, видимо, в России и остался, если бы не революция и все, что за ней последовало. В 1918 г. ему пришлось (будучи уже деканом богословского факультета) эвакуироваться в Воронеж, и через два года (в 1920 г.) он возвращается в родной Петровац (регион Бачка)⁵, а вскоре обосновывается в Братиславе.

Мой интерес к Квачале-ученому и его пребыванию в России (Дерпте) начался с открытия в 1997 г. в Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Эрнеста Львовича Радлова (1854–1928) многочисленных писем и других материалов Квачалы на немецком языке, проанализированных мной в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома⁶.

В современной словацкой историографии оживление интереса к фигуре Я. Квачалы проявляется лишь в середине 2000-х гг. Заметным явлением стало появление сборника научных статей, посвященного Квачале-комениологу⁷, а в последнее время — публикация корреспонденции Квачалы с различными чешскими и словацкими деятелями⁸.

Мои архивные открытия о Квачале, следовавшие затем в Словакии, позволяют продолжить исследование линии «Квачала и русская наука». Упомянутую выше коллекцию корреспонденции русских

⁴ *Фирсов Е.Ф.* Дерптские научные и дружеские связи ученого-слависта, теолога Яна Квачалы и письма к нему Ольги Добрянской-Грабарь // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности.* МГУ, 2011. С. 1110–1124.

⁵ Петровац, где родился Я. Квачала, расположен в Воеводине в Сербии, а вовсе не в Черногории, как ошибочно указано на электронном ресурсе URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/en/articles/en-kvacala-ivan-ivanovic> (дата обращения 26.01.2020). Ошибочно также утверждение, что Квачала «позже переехал в Вену».

⁶ *Фирсов Е.Ф.* Ученый-комениолог Ян Квачала в России (источники о научной деятельности из Рукописного отдела Пушкинского Дома) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг.* СПб., 2009. С. 223–245.

⁷ Ján Kvačala — otec modernej komeniologie. Zost. I. KISS. Bratislava, 2005.

⁸ *Bernát L. a kol.* Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétym. Bratislava, 2015; *Bernát L. a kol.* Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Krumpholcom. Bratislava, 2016; *Bernát L.* Ján Kvačala a Gollova škola vo svetle vzájomnej korešpondencie. Bratislava, 2017; *Bernát L.* Z korešpondencie Jána Kvačalu s priateľmi. Trenčín, 2019. См. также рецензии *Е.Ф. Фирсова* на эти публикации документов: *Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения.* Выпуск 4. 2016. Том 16.; Выпуск 3. 2017. Том 17.

ученых, публикуемую в данной работе, в хронологическом плане открывают письма известного русского комениолога Льва Николаевича Модзалевского (1837–1896), стоявшего во главе петербургского Отдела Я.А. Коменского (аналога берлинского Comenius Gesellschaft, созданного в 1891 г.). Они относятся к начальному периоду пребывания Квачалы в России. В Отделе считали, что учение Коменского лучше всех других соответствует русскому духу и что труды Коменского — прочный фундамент современной педагогики. Свою задачу Отдел усматривал во всестороннем изучении наследия Коменского и распространении его педагогических идей среди образованного русского общества.

Не без содействия Квачалы Отдел становится важнейшим комениологическим центром в России. По инициативе Отдела были переведены на русский язык основные труды Коменского. В деятельности Отдела в разное время принимали участие, наряду с Л.Н. Модзалевским, такие видные слависты и педагоги, как П.Ф. Каптерев, С.И. Миропольский, Е.А. Лева, А.Д. Вейсман, Н.В. Ястребов, П.И. Вознесенский, А.Г. Образцов, Н.М. Тупиков, Н.С. Карцев и др.

Фонд Квачалы насчитывает 8 писем 1894–1895 гг. Льва Николаевича Модзалевского, и написаны они незадолго до кончины Модзалевского. По переписке можно судить, насколько оживилась деятельность российского Отдела Коменского с приездом Квачалы в Россию. Словацкий ученый внес новый импульс в деятельность Отдела, члены Отдела относились к нему с любовью, заботой и почтением, почти что боготворили. Глава Отдела Коменского привлек Квачалу к участию в издании в России сборника главных трудов Коменского, предпринятого Отделом. Квачале было предложено составить общий библиографический указатель сочинений Коменского на русском языке с кратким их содержанием. Это было по силам лишь Квачале. Ему был направлен список сочинений Коменского, краткое содержание которых должен был написать Ян Квачала. На заседании Отдела Квачала сделал обстоятельный доклад о новых аспектах изучения жизни и деятельности Коменского. Кроме того, он регулярно информировал Отдел о своих научных поездках по выявлению новых источников о Коменском и дарил свои новые труды по комениологии. Кроме того, он принял участие в подборке материалов о Коменском для проводимой Всероссийской художественно-промышленной нижегородской ярмарки. Там были выставлены и

его труды. Материалы об участии Квачалы в деятельности Отдела Коменского регулярно печатались в издаваемом «Кратком обзоре» Педагогического музея. В 1895 г. Квачала делал в Отделе доклад «Новейшие мои исследования и открытия о жизни и деятельности Я.А. Коменского». С немецкого языка на русский доклад был переведен членами Отдела. В докладе описывались поездки Квачалы по Европе — в Прагу, Вену, Пешт, Дрезден, Мюнхен, Париж и др. и были охарактеризованы сделанные им находки о Коменском. Отдел считал, что *«в лице Квачалы мы имеем лучшего в настоящее время знатока Коменского»* (курсив мой. — Е. Ф.).

Как видим, Квачала постепенно становился в России главным двигателем науки о Коменском. После ухода из жизни в 1896 г. председателя Отдела Коменского Л.Н. Модзалевского значение Квачалы как комениолога в России становится еще более весомым. Хотя Отдел и далее продолжал свою деятельность, однако можно сказать, что к началу 1900-х гг. она лишь теплилась. Основной труд Квачалы о Коменском так и не был переведен на русский язык и не вышел в России, чего добивался Модзалевский.

В свое время, когда в 1893 г. стоял вопрос о приглашении Квачалы в Юрьевский университет, его кандидатура соответствовала всем выдвинутым требованиям, кроме одного — он не владел русским языком. Но на богословском факультете преподавание тогда велось на немецком языке, и этот недостаток Квачалы не стал камнем преткновения для его карьеры на посту профессора исторического богословия. Лекционные курсы Квачалы были разносторонни и касались истории церкви, отношений церкви и школы, церковного искусства. И перед ним не стоял вопрос о необходимости ускоренного усвоения русского языка. В Дерпте не возникало проблем с переводом его научных трудов с немецкого, им владели многие его российские коллеги, в отличие от словацкого языка, который они тогда не знали. Но, как следует из публикуемой ниже переписки, позитивные подвижки с преодолением языкового русского барьера происходили и к концу 1890-х гг. были ощутимыми. Уже в первое десятилетие пребывания в России Квачала становится неотъемлемым участником российской науки. Можно говорить о его значительном вкладе не только в комениологию. Исследователи упускают из виду, что Квачала открыл личность еще одного знаменитого деятеля — внука Коменского Даниеля Эрнеста Яблонского, и таким образом обогнал европейскую

науку, обогатив ее важными историческими источниками в своей трактовке. Что касается комениологии, стоит подчеркнуть, что имя Квачалы должно непременно фигурировать при исследовании рецепции идей Коменского в России. Данная проблема должна рассматриваться лишь с учетом трудов Квачалы в контексте российской науки, а не без него, что нередко свойственно некоторым словацким и другим зарубежным исследователям.

Процесс адаптации Квачалы — педагога и ученого — в Юрьеве-Дерпте пришелся на период ректорства в университете в 1890-е гг. замечательного слависта Антона Семеновича Будиловича (1846–1908). Личный фонд Квачалы содержит уникальный документ, свидетельствующий о дружеском отношении к нему Будиловича. Выявлено его письмо (1896 г.) на бланке Юрьевского университета, в котором ректор приглашает Квачалу приехать на летний отдых в имение славного рода Добрянских (к этому роду, благодаря супруге Элеоноре, относился и Будилович) и Грабарей под названием Чертеж близ станции Медзилаборец (ныне в Восточной Словакии)⁹. Имение находилось в Прикарпатье в Угорском регионе. Отметим, что Квачала был родом из этого же региона, но южнее — из местечка Петровац в районе Бачка. Так что, как в той поговорке — земляк земляка видит издалека...

Без сомнения, благосклонное и дружеское отношение Будиловича к Квачале способствовало облегчению его профессиональной акклиматизации в Юрьеве-Дерпте. В свою очередь, в лице Квачалы Будилович обрел потенциального сторонника проводимой им реформы Юрьевского университета, которая объективно назрела еще в 1880-е гг. Реформа была нацелена на консолидацию обстановки в Прибалтийском регионе и способствовала удовлетворению потребности в образовании, прежде всего, местного (эстонского и латышского) населения.

Подчеркну в этой связи, что Квачала впоследствии был сторонником выдвинутого им проекта радикальной реформы структуры богословского факультета за счет добавления еще четырех кафедр: практического богословия на эстонском, латышском и польском языках и кафедры реформатского систематического богословия. Предложенный им проект реформы был направлен, без сомнения, против

⁹ Об этом см. также: *Фирсов Е.Ф.* Дерптские научные и дружеские связи ученого-слависта, теолога Яна Квачалы и письма к нему Ольги Добрянской-Грабарь.

немецкой монополии на факультете и, разумеется, был отвергнут немецкой профессурой.

Квачала состоял в переписке также со старшим сыном Ольги Грабарь (Добрянской-Храбровой) Владимиром Эммануиловичем Грабарем (1865–1956), своим коллегой по факультету и видным ученым юристом. (Для широкой публики более известно имя его брата художника и деятеля русской культуры Игоря Грабаря.) Письмо В.Э. Грабаря, датируемое 1898 г., выявлено в братиславском личном фонде Квачалы.

Для поиска новых материалов о Коменском Квачала часто разъезжал по всей Европе и мог месяцы, а то и целые семестры проводить за границей. Квачалу можно даже назвать «ученым на колесах». Регулярную связь с alma mater он поддерживал при содействии коллеги и своего друга с юридического факультета профессора Василия Михайловича Нечаева (1860–1935), с которым у него установилась систематическая переписка.

Письма Нечаева как по количеству, так и по своей содержательности выделяются среди переписки Квачалы с русскими учеными. Эти письма, в которых много места занимают финансовые вопросы, заслуживают особой публикации. В данной работе за ограниченностью места они привлекались мной выборочно.

Письма В.М. Нечаева — уникальный исторический источник. Они дают много ценных сведений об обстановке в университете, о повседневной жизни своих коллег-ученых. Это, собственно говоря, ценный источник как по истории Юрьевского университета, так и по процессу адаптации в нем профессора и человека Яна Квачалы. Публикуемые письма В.М. Нечаева заслуживают весьма внимательного прочтения, ибо в них во многом по-новому предстает картина пребывания Квачалы в Юрьеве-Дерпте, а также процесс преодоления им языкового барьера и усвоения русского языка. Особенно ценными являются сведения Нечаева о преобразованиях в университете и политике российского министра просвещения Николая Павловича Боголепова (1846–1901). Как следует из переписки, тот настороженно относился к «предводителям балтийской, враждебной России партии».

Незаменимую помощь В.М. Нечаев оказывал Квачале с переводом его научных трудов с немецкого языка на русский. Сам Квачала писать свои труды на русском так и не отважился, тем более что он много писал на родном языке и печатался в словацких изданиях

благодаря поддержке словацкого национального деятеля Йозефа Шкультеты (1853–1948).

С изменением ситуации в России в начале 1900-х гг. (имеются в виду перемены в Отделе Коменского, а также переезд в Петербург замечательного покровителя Квачалы и в какой-то мере личного секретаря и главного переводчика его трудов В.М. Нечаева) межславянские культурные и научные связи Квачалы в существенной мере переключаются на Прагу, а также на Моравию — родину Коменского. Об усилении связей с Прагой ранее шла речь в упоминавшейся выше статье в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на основе материалов фонда Э. Радлова. При поддержке чешской академической среды в 1898 и 1902 г. в Праге вышел замечательный двухтомный фундаментальный научный труд Квачалы о корреспонденции Коменского с его ровесниками¹⁰. Без преувеличения можно сказать, что этим трудом Квачала снискал еще большее признание европейского научного мира. И в 1904 г. он удостоился престижной премии им. Котляревского (за 1903 г.), которая вручалась ежегодно за выдающийся вклад в области славистики.

Как следует из архивных материалов РАН, премия была присуждена при личном содействии известного русского слависта академика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), выступавшего главным рецензентом в деле Квачалы. Награда присуждалась «За свыше чем восемнадцатилетние труды г. Квачалы по собиранию и изданию материалов для изучения деятельности и трудов Амоса Коменского, со специальными к ним комментариями».

Получение премии им. Котляревского стало для Квачалы отрядным событием. Оно свидетельствовало о том, что за 10 лет пребывания в России Квачала прочно утвердился в русской научной среде. Он становится олицетворением европейской комениологии без границ, ученым и теологом с широчайшим кругозором.

Географические рамки межславянских научных и культурных инициатив Квачалы расширились со второй половины 1900-х гг., прежде всего, за счет углубления творческих связей с чешско-моравским регионом, граничащим со словацкими землями. Как следует из недавнего появившегося словацкого труда Л. Берната¹¹, по инициативе Обще-

¹⁰ *Kvačala J. Korrespondence Jana Amosa Komenského. Listy Komenského a vrstevníků jeho. I. Praha, 1898; II. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisky některé. Praha, 1902.*

¹¹ *Bernát L. a kol. Korešpondencia Jána Kvačalu s Josefom Krumpholcom.*

ства чешских учителей в Моравии стараниями энтузиаста из г. Прше-ров Йозефа Крумпхолца (1870–1950) и комитета по изданию «Полно-го собрания сочинений Коменского» (*Veškeré spisy J.A. Komenského*) главным редактором этого смелого научного проекта становится Ян Квачала. В той же Моравии заслугами Квачалы как главного редак-тора стало выходить особое периодическое издание — «Архив по изу-чению жизни и трудов Я.А. Коменского» (*Archiv pro bádání o životě a spisech J.A. Komenského*).

На мой взгляд, можно считать, что со второй половины 1900-х гг. ведущим центром комениологических исследований становится Мо-равия — родина Коменского. И Ян Квачала взвалил на себя непомер-ный труд.

Научная продукция Квачалы-философа 1900-х гг., касающаяся фигуры итальянского мыслителя Томмазо Кампанеллы (1568–1639), печатавшаяся в российском журнале Министерства народного про-свещения, говорит о том, что его научные интересы были весьма разносторонними и не ограничивались лишь комениологией. В то же время в словацкой протестантской периодике Квачала проявил себя превосходным теологом позитивистского толка. Это следует из его публикаций, например, в словацкой газете «*Cirkevné listy*» и переписки с ее редактором и другом Юром Яношкой¹². Однако эти сюжеты в историографии остаются все еще неразработанными. Кроме того, следует добавить, что одновременно, будучи еще на основной став-ке профессора в Юрьеве-Дерпте, Квачала внес существенный вклад в деятельность Словацкого общества музееведения и являлся одним из его меценатов.

В современной чешской историографии после распада совмест-ной чешской и словацкой федерации стал заметным более критич-ный подход в отношении Квачалы-комениолога¹³. На мой взгляд, имея в виду тесные контакты с пражскими чешскими историками, труды Квачалы рубежа XIX–XX вв. следует считать в какой-то мере продолжением чешской комениологии, а не противопоставлять ей

¹² См. об этом, например: *Bernát L. Z korešpondencie Jána Kvačalu s priateľmi. Trenčín, 2019.* Благодарю автора за присланную мне книгу. Вместе с тем отмечу, что на с. 11 в сноске 1 содержится неточность в датировке рецензии Ф. Тихого. Книга о Квачале Йозефа Матея вышла в 1962 г., так что рецензия на нее не могла появиться в 1952 г.

¹³ *Řezníková L. a kol. Figurace paměti. J.A. Komenský v kulturách vzpomínání 19. a 20. století. Praha, 2014.*

славного словака, как это делается сейчас (например, в подходе чешского комениолога Владимира Урбанека¹⁴). Добавлю, что вряд ли правомерно относить Квачалу к сторонникам пронемецкой ориентации.

С 1918 г. наступил воронежский период в творческой биографии профессора Квачалы. Вместе с вверенным ему как декану факультетом он был тогда эвакуирован в г. Воронеж в составе юрьевской профессуры. К этому времени (с 1915 г.) Квачала стал уже не австро-венгерским, а российским подданным. Таким образом, на основе Юрьевского университета возник Воронежский университет, который недавно отмечал свой столетний юбилей. Воронежский период педагогической деятельности Квачалы, к сожалению, не привлекал внимания исследователей. Его имя даже не упомянуто в современных материалах по истории созданного университета. Источниковая база о пребывании Квачалы в Воронеже до сих пор не выявлена. Скучная информация о Квачале, содержащая известные биографические сведения об ученом-комениологе, имеется лишь на одном воронежском электронном ресурсе¹⁵. Известно, что в период своего двухлетнего пребывания в Воронеже Квачала состоял сотрудником Губернского музея и членом научно-методической секции губернского отдела народного образования. Кроме того, Квачала, будучи вдумчивым знатоком европейской культуры, преподавал предмет «Культурная история» в воронежской консерватории. По некоторым сведениям, одновременно он исполнял обязанности пастора в местной протестантской церкви и проводил службы. Можно только сожалеть, что местные власти, видимо, недооценили комениологический потенциал Квачалы и не использовали в полной мере его огромный педагогический опыт как историка культуры и крупного философа. Личность Квачалы — ученого с мировым именем — так и не привлекла до сих пор воронежских исследователей. Несмотря на это обстоятельство, можно говорить о том, что за два года пребывания в Воронеже (1918–1920 гг.) Квачала оставил о себе заметный след.

Теперь трудно судить о том, что же заставило Квачалу прийти к мысли о своем возвращении на родину в Бачки Петровац, а затем переехать на историческую родину своих предков-словаков сначала

¹⁴ *Řezníková L. a kol. Figurace paměti. J.A. Komenský v kulturách vzpomínání 19. a 20. století. Praha, 2014.*

¹⁵ URL: <https://vrnguide.ru/bio-dic/k/kvachala-ivan-ivanovich.html> (дата обращения 26.01.2020).

в г. Мартин, а затем в Братиславу, где он стал профессором в Высшей богословской школе. Видимо, сыграло свою роль недоверие к прежней науке и обстановка красного террора. В условиях профессиональной невостребованности, в конце концов, пересилила человеческая тяга к родному дому. Открывался новый этап деятельности Квачалы-ученого в рамках Чехословацкой республики, углубивший словацкие научные связи с чешской исторической школой.

Как видно из рассмотренного материала, вклад профессора Квачалы в развитие как словацко-русских, так и межславянских и общеевропейских научных и культурных связей был весьма значительным. Однако данную проблематику нельзя считать до конца исчерпанной, существуют все еще не выявленные исследователями резервы источниковой базы особенно в эстонских (Тарту), российских (Санкт-Петербург, Воронеж), чешских и словацких архивных фондах. Исследовательский интерес к фигуре Квачалы-ученого не затухает, а напротив — усиливается¹⁶.

В то же время становится очевидным, что назрела необходимость создания комплексного монографического труда о Квачале, который бы охватил, наконец, всю его многогранную научную, педагогическую, богословскую и культуроведческую деятельность. Это более актуальная и неотложная задача, чем переиздание на новом витке отдельных избранных трудов Квачалы. Но пока можно лишь сожалеть, что глубокий талант Квачалы не каждому современному исследователю по силам, так как требует слишком разносторонних профессиональных знаний.

Приложение

Рукописные письма ведущих ученых русской науки профессору Яну (Ивану Ивановичу) Квачале из личного фонда Евангелического богословского факультета Университета имени Коменского в Братиславе. (Сохранены орфография и пунктуация авторов писем).

¹⁶ Совсем недавно, например, появился сборник, подготовленный в Штутгартском университете профессором Иоахимом Бальке, посвященный Яну Квачале: Zwischen Dorpat, Pressburg und Wien. Ján Kvačala und die Anfänge der Jablonski — Forschung in Ost-mittleuropa um 1900. Hg. Bahlke Joachim / Karl W. Schwarz. Wiesbaden, 2018. Из названия сборника бросается в глаза, что по неизвестной причине редакторы ограничились лишь тремя немецкоязычными названиями городов, исключив, например, Петербург и Прагу, где Квачала также делал и публиковал свои открытия и где, что называется, дневал и ночевал.

[1] Письмо Л.Н. Модзалевского¹⁷ Я.(И.И.) Квачале

Милостивый Государь, Многоуважаемый г. Профессор!

Существующий в Петербурге при Педагогическом музее «**Отдел имени Коменского**» определил в заседании 12 марта: представить Вам две книжки «Ежегодника» Отдела и всепокорнейше просит Вас, не примите ли Вы на себя труд оказать содействие по изданию принятого Отделом сборника главнейших сочинений Я.А. Коменского доставлением в редакцию сборника общего библиографического указателя сочинений этого знаменитого славянина, на русском языке, с кратким обозначением их содержания. Хотя список этот и имеется в Вашей книге /Биографии Коменского/ и в Берлинских Monatsheften (научное периодическое издание Общества Коменского в Берлине, в котором печатался Квачала. — *Е. Ф.*), но их перевод на русский язык и обозначение содержания представляют особый труд, который по праву мог бы принадлежать Вам. Гонорар предположен по 40 руб. с печатного листа 16 стр. in 8°

Адрес: СПб. Педагог.[ический] Музей. Отдел Коменского.

Товарищ Председателя Действит.[ельный] Ст.[атский] Сов.[етник]
Л. Модзалевский
14 марта 1894 г.
Петроград

[2] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

Милостивый Государь, Иван Иванович!

Отъезд из Петербурга помешал мне немедленно сообщить Вам список тех сочинений Коменского, которые войдут в наш сборник и характеристика которых поэтому была бы излишнею в составляемой Вами библиографии для нашего сборника. Вернувшись в Петербург, спешу сообщить Вам этот список:

1) Labyr.[int] swĕta с сокращениями; 2) Didactica magna с добавлениями чешских глав, но в более сжатом виде; 3) Informat.[orium] sch.[ola] maternae с сокращением некот.[рых] глав; 4) Linguarum method.[us] novissima с подробной характеристикой; 5) Orbis sens.[ua-

¹⁷ Модзалевский Лев Николаевич (1837–1896) — выдающийся российский педагог, популяризатор идей Яна Амоса Коменского. Труды: «Очерки истории воспитания и обучения» (СПб., 1892), «Амос Коменский» (СПб., 1892), «Историческое значение христианства для воспитания» (СПб., 1892). Возглавлял Общество имени Коменского в Санкт-Петербурге.

lium] pictus; общий план его и несколько глав с рисунками facsimile; 6) Schola lustras. Чч. IV и V с характеристикой прочих; 7) E scholast. [icis] labyr.[int] exitus; 8) Pansophia prodromus с сокращением; 9) Fortius redivivus и Praccepta morum и legas scholae в целом; 10) Faber fortunae; 11) Via lucis; 12) Historiola eccles.[iae] slavonicae; 13) Unum necessarium и 14) Указанные Вами письма Коменского. Может быть, Вы сделаете какие-либо указания для расширения или сокращения этого плана; в таком случае я не премину внести их в Отделе еще в мае. Было бы желательным между 15 и 20 мая получить и Вашу библиографию, которой все очень интересуются. Тогда сообщу Вам и решение Отдела относительно гонорара за право перевода Вашего труда «Жизнь и сочинения Коменского».

Г.[осподин] Щепинский¹⁸, все еще лишенный оригинала Соч. «Unum necess.[arium]», очень огорчен ответом проректора Юрьевс. [кого] унив.[ерситета], что такого сочинения в Университетской библиотеке вовсе не имеется. Ради Бога, разъясните это недоразумение, а еще лучше — вышлите этот оригинал прямо Е.[го] В.[ысокопревосходительству] Александру Дмитриевичу Щепинскому, инспектору 2-ой СПб. гимназии. Этим Вы окажете огромное содействие и истинное одобрение, так как эта работа задерживает всё издание, почти уже готовое.

Я с нетерпением ожидаю фотографии Вашей, столь любезно мне обещанной. Все мои коллеги будут рады хотя по этой карточке познакомиться с человеком, который так много сделал для лучшего понимания нашего общего великого учителя.

Примите уверение в глубочайшем почтении и искренней преданности. Ваш покорный слуга Л. Модзалевский

24 апр. 94 г.

Таврич.[еская] ул. Д. 15. Льву Никол.[аевичу] Модзалевскому

[3] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

11 сентября 1894 г.

СПетербург

Глубокоуважаемый Коллега, Иван Иванович!

Летом я жил в деревне, в такой глуши, что при всем желании, не мог вести столь приятной для меня переписки с Вами. С насту-

¹⁸ Щепинский Александр Дмитриевич (1847– ?) — коллега Л.Н. Модзалевского по Отделу Коменского в Санкт-Петербурге.

плением осени возобновляется работа нашего кружка имени Коменского по изучению и распространению его бессмертных творений.

В начале октября должно состояться первое заседание нашего Отдела в Педагогическом Музее, и мне для начала хотелось бы обрадовать наших сочленов Вашим сообщением об открытии Вами новых фактов из жизни великого страдальца и новых сторон в его деятельности. К этому побуждают еще и следующие соображения: одним из наших членов составлен биографический очерк Коменского, предназначенный для печати в нашем издании. Было бы желательно в научных интересах, чтобы в очерк этот теперь же вошли те поправки и дополнения, которые Вы внесете своим сообщением. Последнее также может быть помещено в одном из исторических или педагогических русских журналов за гонорар не менее 50–60 рублей с листа, если только Вы будете согласны на это.

Библиография Ваша летом переведена на русский язык (кроме подлинных названий, конечно) и будет рассмотрена в особой комиссии. При печатании все корректуры будут посылаемы к Вам в Юрьев для подписи, по Вашему желанию.

Было бы очень приятно получить Ваше согласие к 10-му октября, и самый реферат, столь интересный по своей новизне для всего педагогического мира.

Как Ваше столь драгоценное для науки и для нас здоровье и как Вы довольны своим, конечно, столь богатым по результатам путешествием?

Ваш глубокоуважающий и всегда готовый к услугам Л. Модзалевский.

Адрес мой: Его превосходительству Льву Николаевичу Модзалевскому.

[4] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

Многоуважаемый Профессор и дорогой Коллега Иван Иванович!

В Отделе имени Коменского возникло сомнение относительно подлинности приписываемого Коменскому сочинения «Brevis historiola Ecclesiae slavonicae», которое одним из наших членов переведено на русский язык. Так как и в Вашей библиографии, которая уже переведена на русский язык и готовится к печати, сочинение это не упоминается, то я решился обратиться к Вашему авторитету с вопросом, имеет ли Коменский какое-либо отношение к этой,

конечно не безызвестной ему работе, возникшей очевидно в среде моравских братьев.

Когда выйдет в Праге Ваше последнее исследование о Коменском, обещающее много нового и в фактах, и в их освещении, и можем ли мы надеяться на немедленное уведомление о выходе этой книги, представляющей столь важный интерес для нашего отдела.

От души желаю Вам доброго здоровья и успеха в Ваших неутомимых трудах.

Ваш глубокоуважающий Вас Л. Модзалевский.

Таврическая ул. Д. 15 кв. 2.

16 ноября 94 г.

[5] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

17 декабря 1894 г.

Глубокоуважаемый Коллега, Иван Иванович!

Если Вы признаете возможным выслать рукопись Вашего отчета о последнем Вашем путешествии, то мы успеем и просмотреть её для чтения, и сделать публикацию о её содержании, которое столь многих может заинтересовать. Гонорар Вам за библиографию признан вполне умеренным и будет прислан Вам по отпечатании Сборника, время выхода которого определить еще невозможно. Что касается появления в печати Вашего отчета на немецком или на словацком языках, то Отдел ничего не имеет против этого, считая за удовольствие первым услышать его. Думаю, что и гг. редакторы наших журналов не будут ничего иметь против появления его в чешской или словацкой литературе, появление же его на немецком языке ранее, чем на русском, вероятно не будет желательно для этого журнала, который сойдется с Вами относительно напечатания его русского оригинала с известным гонораром, принятым у нас в размере около 50 руб. с листа в 16 страниц.

На днях я уезжаю в деревню до 29 декабря. Желаю Вам встретить наш новый год в добром здоровье и иметь в предстоящем году новых успехов в Ваших делах, а главное — найти себе по сердцу хорошего русского «толмача».

Душевно преданный Вам Л. Модзалевский

P.S. В феврале у нас в Отделе будет докладываться Ваше исследование о Коменском и Декарте.

[6] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

Многоуважаемый Иван Иванович!

На последнем заседании нашего Отдела Коменского я виделся с М. А. Холодняк и просил её поскорее окончить полный перевод Вашей интересной статьи, которую мы думаем устроить в один из наших педагогических журналов, чтобы получить «гонорар» для автора и переводчика. Мария Александровна обещала поторопиться. Когда получится что-либо определенное, я почту за удовольствие уведомить Вас.

Ожидаем от Вас хотя-бы крупницы из тех сокровищ, которые добыты Вами во время Вашего последнего ученого путешествия, напр. лазинское стихотворение.

Ежегодник наш скоро выйдет из печати и я немедленно вышлю Вам эту книжку.

Как-то Ваше здоровье, которое тем более интересует меня, что у нас теперь свирепствует злая инфлуэнца?

Жена моя просит передать Вам её искренний привет.

Уважающий Вас и преданный слуга Л. Модзалевский

18 февр 95 г.

[7] Письмо Л.Н. Модзалевского Я.(И.И.) Квачале

3 июля 1895 г. СПбург.

Глубокоуважаемый профессор, Иван Иванович!

Благодаря Вашему вниманию к Отделу Коменского, я получил из Позена [Познани. — Е. Ф.] снимок с Лаз.[инского] стихотворения «на смерть Коменского», которое постараюсь перевести на русский язык и уплатить переписчику 6 флоринов. При посылке приложено было письмо и на Ваше имя, а потому посылаю его Вам в Юрьев, хотя Вы теперь, может быть в путешествии.

Очень сожалею, что не мог быть у Вас в последний приезд Ваш в Петербург, так как узнал об этом уже после Вашего отъезда в Юрьев. Нас всех очень занимает вопрос, насколько верны слухи о том, что Вы совершенно оставляете Россию.

Отдел, конечно, будет благодарен Вам за новое Ваше содействие в его деятельности.

Душевно преданный Вам слуга Л. Модзалевский

[8] *Письмо Л.Н. Модзалевского Я. (И.И.) Квачале. [На бланке]*

В. М. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬ-
НЫЙ КОМИТЕТ. Отдел Коменского.

Октября 21 дня 1895 г.

№ 48

С.-Петербург.

Его Высокородию И.И. Квачале

Милостивый государь Иван Иванович,

Отдел Коменского, получив Ваш новый труд, выражает Вам свою признательность и извещает Вас, что сообщение о нем в одном из ближайших заседаний поручено сделать члену Отдела Ф. А. Лютеру. Вместе с тем Отдел, озабочиваясь участием в Нижегородской выставке, обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать и в данном случае в Ваших советах и в Вашем посильном содействии высылкою каких-либо подходящих книг для выставки.

Товарищ Председателя Л. Модзалевский

Секретарь Тупиков

[9] *Письмо А.С. Будиловича¹⁹ Я. (И.И.) Квачале. [На бланке]*

РЕКТОР ИМПЕРАТОРСКОГО ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
в Юрьеве [зачёркнуто] Чертеже

16/28.VII.1896 года.

Глубокоуважаемый Иван Иванович.

Очень бы хотелось мне повидаться с Вами и провести вместе несколько каникулярных дней. Но в Белград я теперь не собираюсь: только на днях я вернулся из Инсбрука и Швейцарии и хочу провести месяца полтора в Чертеже, перед выездом в Ригу на 1/13 авг. Не соберетесь ли на несколько дней сюда, в Чертеж, где мы все часто Вас вспоминаем? Если соберетесь, то телеграфируйте накануне, Medzilaborez, Eleonora Dobriansky²⁰, чтобы Вам выслана была подвода, которая Вас доведет оттуда до богоспасаемого Чертежа²¹. Но

¹⁹ Будилович Антон Семенович (1846–1908) — филолог, этнограф, член-корреспондент Петербургской АН. Дружил с Яном Квачалой. В 1892–1901 гг. являлся ректором Юрьевского университета.

²⁰ Элеонора (Елена) Адольфовна Будилович, урожденная Добрянская (1855–1920) — жена А. С. Будиловича, сестра Ольги Грабарь (1843–1933).

²¹ Село Чертеж — ныне Чертижне (Čertižne) в восточной Словакии, близ Медзилаборце. Поместье Адольфа Ивановича Добрянского (1817–1901) в Прикарпатье.

не откладываете в долгий ящик, потому что дней через десять, около 28–29 июля ст. ст. я отправлюсь в Ригу. Моя же жена с детьми останется здесь до начала сентября ст. ст.

Жена и все Ваши здешние знакомые очень Вам кланяются.
Душевно преданный А. Будилович

[10] Письмо В.Э. Грабаря²² Я. (И.И.) Квачале

13/25.IV.98

Дорогой Иван Иванович,

По получении твоего письма я отправился к Озолингу, но его не только не оказалось дома, а даже и в Юрьеве, — он уехал к себе, время же его возвращения мне сообщить не могли. Я оставлю для него на квартире письмо, в котором сообщу твои вопросы и попрошу дать ответы.

На Нечаева ты нападаешь совершенно несправедливо. Сам ты виноват, что переезжаешь с места на место, не указывая адреса заранее. Надо писать за 2 недели до 20-го числа, куда высылать деньги, и тогда не будет никакой задержки. Я всегда так делал и получал деньги аккуратно. Когда Нечаев получил твое письмо, что едешь в Петровац, где пробудешь только 10 дней, он пришел ко мне посоветоваться, куда отправить деньги. Письмо из Праги шло пять дней, оставалось очень мало времени. Я советовал отправить деньги в Петровац на следующий день и тогда же при мне Неч.[аев] написал тебе открытое письмо об этом, чтобы ты был предупрежден и мог сделать распоряжение: денежные письма идут очень медленно, всегда на несколько дней позднее получаются. 18-го или 19-го деньги должны были прибыть наверно. Нечаеву я, конечно, ничего не говорил, так как это бы очень его обидело, и он бы сам отказался от принятой на себя не особенно приятной обязанности.

Швальбе получил твое письмо и выслал деньги в Sparkasse. [...]

Только что заходил ко мне Фауре²³ справляться о твоем адресе. Я сказал ему, что ты в Риме пока.

²² Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956) — российский правовед, специалист по истории и системе международного права. В Юрьевском университете на юридическом факультете преподавал с 1893 г. в течение 25 лет. С 1906 г. — ординарный профессор. Его карьера продолжалась и в советское время.

²³ Личность не установлена.

Миклаш.[евский]²⁴ приехал из Петербурга. На улице он встретил Боголепова²⁵, который остановил его, познакомился с его невестой, пригласил бывать у себя и долго говорил с ним.

Крашенинников²⁶ назначен ординарным профессором.

Лидия Ант.[оновна]²⁷ с Ксенией живут в Ревеле у Веры Адольфовны.

Ваших богословов никого не вижу, а потому ничего нового сообщить про ваш факультет не могу.

Будь здоров. Все наши тебе кланяются.

Твой В. Грабарь

[11] Письмо В.М. Нечаева²⁸ Я.(И.И.) Квачале

Юрьев 1.V.98

Многоуважаемый Иван Иванович.

Я промедлил несколько дней ответом на Ваше последнее письмо, чтобы сообщить Вам результат баллотировки Грабаря на Геймбургера²⁹. Вчера был ответ. Грабарь получил: 24 изб.[ирательных] и 21 неизбир.[ательных], а так как требуется 2/3 голосов, то ему стипендии не дали. Одну стипендию получил Покровский³⁰ (астроном) —

²⁴ Миклашевский Александр Николаевич (1864—1911) — экономист, экстраординарный профессор Юрьевского университета.

²⁵ Боголепов Николай Павлович (1846—1901) — министр просвещения в 1898—1901 гг., ректор Московского университета. Был застрелен бывшим студентом в своей приемной.

²⁶ Крашенинников Михаил Никитич (1865—1932) — филолог-классик, ординарный профессор Юрьевского университета. В 1918 г. начал работать в Воронежском университете. По так называемому «Делу краеведов» в 1920 г. выслан в Семипалатинск.

²⁷ Лидия Антоновна Будилович (1879—1951) — дочь ректора Юрьевского университета А.С. Будиловича.

²⁸ Нечаев Василий Михайлович (1860—1935) — русский юрист и переводчик. Окончил Московский университет, затем стажировался за границей. В 1893 г. назначен и.о. экстраординарного профессора в Юрьевский университет на кафедру гражданского права. С 1902 г. стал профессором Санкт-Петербургского университета. После 1917 г. член Арбитражной комиссии при СТО. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁹ Геймбургер Роберт — воспитанник юридического факультета Дерптского университета в 1828—1829 гг., оставил в завещании особый фонд, из которого присуждалась премия для преподавателей этого факультета.

³⁰ Покровский Константин Доримедонтович (1868—1944) — астроном, профессор Юрьевского университета.

32 голоса против 13. Шлютер³¹ получил 28 и 17, тоже провалился. Вчера же выбирали директора библиотеки. Шмурло³² был предложен кандидатом 28 голосами, но отказался от баллотировки. Баллотировался Крашенинников, получил 21 избир.[ательных] и 42 неизбирательных, и Петухов 10 избир.[ательных] и 32 (подчеркнуто автором письма. — *Е. Ф.*) неизбир.[ательных] Никого не выбрали. Совет идет тихо и прилично. Ректор боится Боголепова, который уже проявил свою власть в хорошую сторону. Наши крикуны вообще приутихли. Будилович куратором не будет, пока остается Лавровский. О товарище министра ничего не известно. Предполагался московский ректор Зверев³³, но в последнее время он сильно заболел, его повезли в Крым. Директор департамента Латышев ушел в отставку. Говорят, что на его место будет Рахманов³⁴, правитель канцелярии попечителя в Москве (= Вильеву), бывший секретарь совета в Моск.[овском] унив-те (Трефнеру). Пусторослев³⁵ утвержден деканом. Филиппов получил на днях дружеское письмо от министра. Он и раньше с ним переписывался, теперь сам министр возобновил переписку. Миклашевский со своей невестой встретили министра на Английской набережной. Он долго гулял с ними и говорил с Миклашевским как старый знакомый, звал его осенью к себе на *jour-fixe*'н. Миклашевский счастлив, свадьба 1-го июля. Грабарь в июне едет в Париж и Лондон. Керстен здравствует, Фольк³⁶ тоже. Я ему иногда сообщаю вести о Вас. Он очень удивился, когда узнал, что Вы по-русски пи-

³¹ Шлютер Вольфганг (1848–1919) — университетский библиотекарь, председатель Ученого эстонского общества в 1899–1912 гг. Общество содействовало «познанию древнего и настоящего состояния эстонского народа, его языка и литературы». (Общество закрыто в 1950 г. и восстановлено в 1988 г.)

³² Шмурло Евгений Францевич (1854–1934) — русский историк, член-корреспондент Российской АН, председатель Императорского Русского исторического общества, профессор кафедры русской истории Юрьевского университета с 1891 по 1903 г. С 1924 г. — в Праге, стоял во главе Русского исторического общества. Скончался в Праге.

³³ Зверев Николай Андреевич (1850–1917) — историк права, профессор юридического факультета Московского университета, в 1891–1901 гг. товарищ министра народного просвещения при министре Н.П. Боголепове.

³⁴ Рахманов В.А. — действительный статский советник, директор Департамента народного просвещения в 1891–1905 гг.

³⁵ Пусторослев Петр Павлович (1854–1928) — русский правовед, профессор уголовного права, декан юридического факультета Юрьевского университета, в 1915–1917 гг. — последний его ректор.

³⁶ Фольк Иоганн Христоф Вильгельм (1835–1904) — профессор семитских языков на богословском факультете Дерптского университета (по 1898 г.).

шите. Брок уже уехал в Норвегию. 10 мая будет торжественное заседание ученого литературного общества; начнется богослужением, а потом будет самовосхваление истинно русских членов.

Рим хорош, но жаль, что там теперь революция. *Вы и в Праге-то набрались революционного духа, в Риме и совсем революционером сделаетесь* (курсив мой — Е. Ф.). Пожалуй радикальнее всех здешних социалистов и нигилистов сделаетесь! Спаси Вас Бог и святой угодник его Фольк!

Теперь о деньгах. Я рассчитывал, что Вы будете ждать денег в Петровац. Я думал, что Вы оставите свой адрес на почте и поедете дальше, — куда, я не знал. Я хотел было даже послать деньги в Рим, *poste restante*, так как Вы писали, что останетесь в Петроваце не больше 10 дней, а первое письмо пришло на 6-й, второе на 8-й (!) день. Денежная почта идет еще медленнее. Я промедлил лишь 3 дня. 28 только получил деньги из казначейства, 29 в воскресенье опоздал на почту, так как было много народа, а в понедельник 30-го у меня заболел сын скарлатиной; все утро с доктором и лекарствами возился. 31-го уже послал деньги. Простите и не беспокойтесь за деньги. Они целы и будут целы, пока не потребуете. Вы ведь и сами мне сказали, что до мая (подчеркнуто автором письма. — Е. Ф.) Вам деньги не нужны...

Теперь у меня остается Ваших денег: Остаток от жалованья февраль-март — 43 р. 5 к. Получил в апреле за вычетом 160 р., которые отдал Швальбе — 33 р. 84 (Якобсон вычел еще квартирный налог 2 р. 16 к.) — 76 р. 89 к. Пересылка денег — 63 к., — 76 р. 26 к., кроме моего долга в 50 р.с. В мае получу — 171 р. К 1 июня у Вас — 247 р. 26 к.

Ответьте теперь же: посылать ли их или ждать Вашего нового распоряжения. Пишите по-немецки. (Подчеркнуто автором письма. — Е. Ф.)

Все Вам кланяются.

P. S. Я хорошо знаю, что за границей без денег нельзя, и никогда не задерживаю денег.

[12] Письмо В.М. Нечаева Я. (И.И.) Квачале

Юрьев 26/V 98

Многоуважаемый Иван Иванович.

Я просил Вас писать по немецки только денежные (выделено автором письма. — Е. Ф.) распоряжения. В русском языке у Вас большой прогресс, но: 1) Вы пишете не русскими, а латинскими буквами,

и мое сердце очень болит от Вашего презрения к русской самобытности; кроме того, я плохо понимаю латынь, переделанную на славянское произношение. 2) Вы часто употребляете не русские, а славянские слова, которых я не понимаю. Пока у меня есть Грабарь, это не беда; он мне переводит (напр.[имер] слово покрок³⁷). Но он уедет, и я останусь беспомощен.

Новость: Боголепов сказал супер-интенданту относительно Фолька, что он большой балт, один из предводителей балтийской, враждебной России, партии, и поэтому он, вероятно, его не утвердит больше, но пока еще не решил окончательно.

Грабарь едет за границу в конце июня месяца прямо на Лондон (через Гамбург).

Отчет Шмурло посылаю, как и журн.[ал] Коменского. Вашу книгу «Письма Ком.[енского]» получил и очень Вас благодарю за нее.

Новостей мало. Петухова³⁸ выгнали из товарищей председателя научно-литературного общества. На его место избрали Крашенинникова. Петухов и Ясинский³⁹ очень обижены и не хотят принимать участие в обществе. Будилович злой. При Боголепове ему труднее, хотя Боголепов и покровительствует русскому духу и во многом согласен с Будиловичем, но не во всем. Совет будет в субботу. Будем выбирать библиотекаря и нового секретаря правления. Томберг уходит в отставку. На его месте будет вероятно Герберт Шульц, библиотекарь.

Мы получили новые правила полукурсовых и государственных экзаменов. Есть перемены, но не принципиальные.

Все разъезжаются и в городе становится (пусто? — слово опущено. *Е. Ф.*).

Как Вы живете? Я очень занят, особенно теперь. Много спешных и больших статей.

³⁷ *словац.* pokrok — прогресс.

³⁸ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948) — русский историк литературы и педагог; автор фундаментальной истории Юрьевского (Дерптского) университета. Член-корреспондент Петербургской АН (1916). С 1895 г. профессор Юрьевского университета. В 1918 г. создал и возглавил кафедру русской литературы в Воронежском университете. В 1919 г. покинул Воронеж вместе с Белой армией. Был профессором Таврического университета.

³⁹ Ясинский Антон Никитич (1864–1933) — историк-медиевист, специалист по истории Чехии X–XIV вв. В 1896–1911 гг. профессор Юрьевского университета. Член-корреспондент Чешской АН. Профессор Московского университета в 1918–1919 гг. В Воронеже читал лекции по истории славян в 1920–1925 гг.

Денежный отчет. Оставалось от апреля 76 р. 29 коп. Получено в мае, за вычетом 25 р., за апрель в кассу (Швальбе забыл о вычете и получил его только в мае) 146 р. Всего 222 р. 29 коп. За орден не вычитали еще.

Прилагаю при сем полученное сегодня траурное письмо.

[13] Письмо А.И. Введенского⁴⁰ Я. (И.И.) Квачале. [На бланке]

Александр Иванович Введенский. Спб. В. О. 9 линия 46
«2» П. 1899 г.

Милостивый Государь Иван Иванович,

Э.Л. Радлов⁴¹ сообщил мне, что у Вас есть готовая статья о Фоме Кампанелле, которую Вы согласились бы прочесть в одном из заседаний Петербургского Философского Общества. Это было бы в высшей степени приятно для нашего Общества. И если Вы считаете возможным приехать в Петербург, то я усердно прошу Вас воспользоваться ею, чтобы сделать доклад в нашем Обществе. Вы этим много обяжете всех членов. Ваша статья на немецком языке; но Э. Л. Радлов берется устроить, чтобы в редакции Журнала Министерства Народного Просвещения ее перевели на русский яз. Так вот, многуважаемый Иван Иванович, если Вы не имеете ничего против моей просьбы, напишите мне, в какое время было бы для Вас удобнее приехать сюда.

С полным почтением А. Введенский

[14] Письмо П.И. Новгородцева⁴² Я. (И.И.) Квачале*

Дорогой Иван Иванович!

Славянское сердце помогло мне понять ваше письмо, хотя я никогда не читал по-словацки. Надеюсь, что вы настолько уже понимаете по русски, чтобы разобрать мое.

⁴⁰ Введенский Александр Иванович (1856–1925) — русский философ, профессор философии Петербургского университета, председатель Петербургского философского общества.

⁴¹ Радлов Эрнест Львович (1854–1928) — русский философ, редактор Журнала Министерства Народного Просвещения.

⁴² Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — правовед, философ. Окончил юридический факультет Московского университета, продолжил образование в Берлине и Париже. С 1904 г. — ординарный профессор Московского университета. После Октября 1917 г. находился на юге России в расположении Белой армии. Преподавал в Симферопольском университете в 1920 г., затем эмигрировал. Основал в Праге русский юридический университет, был его деканом до кончины. Был женат на Лидии Антоновне Будилович, дочери ректора Юрьевского университета А.С. Будиловича.

Я очень благодарю вас за добрую память обо мне и очень рад, что вы пришли к мысли написать мне несколько строк. На ваши вопросы скажу о себе, что занимаюсь я здесь довольно прилежно, хотя долговременное пребывание в педантической Германии все-таки не сделало из меня ученой машины, на подобие немецких профессоров. Что касается немецких Гретхен, то они утратили для меня с некоторых пор всю привлекательность, а вместе с тем и всякую способность германизовать меня, хотя бы в отношении к эстетическим вкусам. *Vivent-elles?* спрашиваю я по примеру французского поэта: *Hélas, elles pensent si peu!* (Они слишком мало думают, франц. — *Е. Ф.*).

Мне доставляет удовольствие слышать, что вы чувствуете себя в Юрьеве хорошо. Надеюсь, что это объясняется не ознакомлением с младыми остзейками, а соприкосновением с хорошими русскими людьми. Желаю вам успехов в ознакомлении с великим — как называл его Тургенев — и могущественным русским языком и нашей прекрасной литературой.

Ваш Павел Новгородцев⁴³

* Письма хранятся: *Archiv Evanjelickej bohosloveckej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, fond J.R. Kvačala, pozostalost', Korešpondencia.*

⁴³ Письмо не датировано и, по всей видимости, относится к концу 90-х гг. XIX в., когда Квачала в Юрьеве, по его же словам, стал «чувствовать себя хорошо».

**ФЕРДИНАНД ПЕРОУТКА
И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Аннотация: Статья посвящена чешской журналистике XX в. и одному из ее выдающихся представителей Ф. Пероутке (1895–1978). В кратком изложении его биографии подчеркивается руководство еженедельником «Пршитомност», принадлежность к кругу друзей К. Чапека, заключение Пероутки во время Второй мировой войны в концлагерь, пребывание в США, сотрудничество с радиостанцией Свободная Европа. При характеристике журналистского и литературного творчества Пероутки (рассказов, пьес, романа), освещается его отношение к художественной литературе. Особое внимание уделяется рецепции русской литературы, которой он занимался более 60 лет. На основе анализа публицистики Пероутки показана его ориентация в тематике произведений, отношение к русской литературе в целом, а также к Толстому, Чехову, Достоевскому, Пастернаку, Солженицину.

Ключевые слова: Фердинанд Пероутка (1895–1978), журнал «Пршитомност», чешская литература и журналистика XX столетия, восприятие русской художественной литературы.

*Jan BÍLEK
(Czech Republic)*

**FERDINAND PEROUTKA
AND HIS REFLECTION OF RUSSIAN LITERATURE**

Abstract: The Study presents the most important person of the journalism of the 20th century, in the context of development of the Czech journalism. It brings Peroutka's (1895–1978) brief biography and emphasizes his activities in the journal *Prítomnost*. The author points to Peroutka's connection with the friendly group around Karel Čapek, to his imprisonment in a concentration camp and his life in exile in the United States of America, connected with his cooperation with Radio Free Europe. He describes Peroutka's journalistic and fiction work (short stories, dramas, and a novel). He deals with Peroutka's attitude to the fiction literature, especially to the Russian fiction, which had been the subject of Peroutka's interest for more than 60 years. Based on the analysis of the book-published work, the author documents Peroutka's orientation in the given questions and his opinions on both the whole of Russian fiction literature and its important representatives: Tolstoy, Chekhov, Dostojevsky, Pasternak, Solzhenitsyn.

Keywords: Ferdinand Peroutka (1895–1978); the journal *Prítomnost*; Czech literature and journalism of the 20th century; reflection of Russian literature.

Чешские средства массовой информации появились в конце XVIII в., в эпоху национального возрождения. Их изучал целый ряд историков и литературоведов, на чьи работы опирались коллективные труды о XIX–XX столетиях¹. Следует упомянуть старые и современные компендиумы об истории чешских СМИ Милены Беранковой, Барбары Кёппловой, Яна Ирака, Петра Бедшаржиха². Они вместе с другими авторами работ по данной тематике считали самым выдающимся представителем чешской журналистики XIX в. прославленного писателя и общественного деятеля Карела Гавличка Боровского³.

Обращаясь к XX в., нечто подобное можно сказать и о Фердинанде Пероутке (1895–1978). Он выделяется среди многих других того времени, среди которых имена журналиста Йозефа Враного, редактора газеты «Венков», органа аграриев, самой сильной политической партии межвоенной Чехословакии; или Йозефа Стивина, редактора газеты социал-демократов «Право лиду» и историка журналистики; или Юлиуса Фучика, редактора коммунистической «Творбы». Однако в чешской специализированной литературе Пероутке посвящены всего лишь две популярные книги о его жизни⁴. В современной России Пероутка известен как редактор журнала «Пршитомност» и литературный критик, автор двух сборников публицистики («Да и нет» и «Личность, хаос и дурные привычки»), а также как человек, которого преследовали нацисты за отказ сотрудничать с ними⁵.

¹ *Hroch M.* Na prahu národní existence: touha a skutečnost. Praha, 1999; *Macura V.* Znamení zrodu a české sny. Pr., 2015; *Hlavačka M. a kol.* České země v 19 století: proměny společnosti v moderní době. Sv. 1–2. Pr., 2014; *Velké dějiny země Koruny české.* Sv. 11–15. Pr., 2000–2013.

² *Beránková M.* Dějiny československé žurnalistiky: český periodický tisk do roku 1918. Díl 1. Pr., 1981; *Beránková M., Křivánková A., Ruttkay F.* Dějiny československé žurnalistiky: český a slovenský tisk v letech 1918–1944. Díl 3. Pr., 1988; *Bednářík P., Jiráček J., Köpplová B.* Dějiny českých medií: od počátku do současnosti. Pr., 2011.

³ *Macura V.* Karel Havlíček Borovský // *Forst V. a kol.* Lexikon české literatury. Díl 2. Sv. 1. Pr., 1993. S. 112–119; *Kazbunda K.* Karel Havlíček Borovský. Sv. 1–3. Pr., 2013; *Sekera M.* České novinářství před Havlíčkem, za Havlíčka a po Havlíčkovi // *K.H.B. — Karel Havlíček Borovský: 1821–1856.* Havlíčkův Brod, 2011. S. 81–100.

⁴ *Kosatík P.* Ferdinand Peroutka: život v novinách (1895–1938). Pr., 2003; *Kosatík P.* Ferdinand Peroutka: pozdější život (1938–1978). Pr., 2011.

⁵ *Будагова Л.Н.* Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Том третий. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). Москва, 2001. С. 475, 482, 483, 773, 779–780.

* * *

Пероутка родился в Праге. Его отец, чиновник, занимал хорошее положение, но постепенно, возможно, из-за сложностей со здоровьем, его дела шли все хуже и хуже, что сказалось и на жизни семьи. По крайней мере, так утверждал его старший сын Фердинанд, отделившийся от отца в годы отрочества. В семье росли еще два сына. Мать происходила из немецкой среды, и Фердинанд хорошо знал чешский и немецкий языки. Отличаясь сложным характером и пренебрегая условиями, он бросил в последний год учебы (1913) восьмилетнюю гимназию, поэтому не смог продолжить образование в университете. Школьником он служил статистом в профессиональных театрах. В год окончания Первой мировой войны Пероутка (по одним сведениям, чтобы избежать призыва, по другим — чтобы, добравшись до Швейцарии, примкнуть к чехословацкому заграничному сопротивлению) бежал в Мюнхен, где зарабатывал как публицист. Там он заинтересовался русской литературой и даже русскими проблемами, вроде бы даже написал киносценарий по мотивам творчества Достоевского. Домой Пероутка вернулся незадолго до окончания войны, когда его признали негодным к военной службе. Эта часть его биографии еще толком не исследована, включая и его журналистику той поры⁶.

Еще до войны Пероутка был корреспондентом журнала «Час», органа небольшой политической партии, которую возглавлял университетский профессор социологии Томаш Г. Масарик. В новой Чехословацкой республике в 1919–1923 гг. Пероутка был редактором беспартийного еженедельника чешско-язычных евреев «Трибуна». Потом, до 1939 г. он возглавлял еженедельник «Пршитомност» и подрабатывал в беспартийной газете «Лидове новины»⁷. Эта ежедневная газета, отличаясь добротной информационной службой, вниманием к науке и культуре, заботой о родном языке, поддерживала лучшие традиции творческого сотрудничества писателей с прессой, которые олицетворял преждевременно скончавшийся Карел Чапек⁸. Культурно-

⁶ *Havelka M.* Co tedy v tom Mnichově dělal? // *Literární noviny/Prítomnost*. 1995. Č. 40. S. 4.

⁷ *Zidek P.* Muž paradoxů: Ferdinand Peroutka // *Osobnosti Lidových novin: životní příběhy lidí, kteří vytvořili nejstarší český deník (1893–1989)*. Pr., 2014. S. 213–217.

⁸ *Opelík J.* Škola Lidových novin // *Opelík J.* Uklizený stůl, aneb, Moje druhá knížka o Karlu Čapkovi: a opět s jedním přívázkem o Josefovi. Pr., 2016. S. 109–204; *Klíma I.* Spisovatel v novinách: Karel Čapek // *Osobnosti Lidových novin*. Pr., 2014. S. 79–83; *Černý V.* Paměti (1921–1938). Brno, 1994. S. 336.

политический журнал «Пршитомност» Пероутка основал в свои неполных тридцать лет при финансовой поддержке Масарика, президента республики, пожизненного журналиста и основателя государства. На Пероутку обращал внимание премьер-министр аграрник Антонин Швецла. «"Пршитомност" и Град (Кремль, резиденция президента. — Л. Б.), — написал позднее Пероутка, — это не более, чем мое личное отношение к Масарику и Бенешу, а их ко мне»⁹. Он действовал по-своему. В межвоенный период, поддерживая традиции Карела Гавличека Боровского, либерал Пероутка проявлял в сфере политики самостоятельность и независимость¹⁰. Он подчеркивал необходимость придерживаться здравого смысла, уважения к реальности, душевной трезвости, отвергал метафизические категории, крайность воззрений и тоталитаризм¹¹. Как и Карел Чапек, он избегал политической ангажированности. Исключением стали лишь инициированные Ярославом Сланским, владельцем «Лидовых новин», и президентом Масариком его связи в 1925 г. со слабой Национальной партией труда, которую поддерживала умеренная культурная элита. Эти связи Пероутка позднее посчитал своей ошибкой¹². В 1924 г. он был среди первых посетителей чапековских «пятниц» (регулярных встреч у К. Чапека пражских интеллектуалов. — Л. Б.), а ближе к середине 1930-х годов вошел в круг его ближайших друзей. Одновременно он возглавил сообщество единомышленников, сложившееся в Общественном клубе, главной общественной организации страны. Был Пероутка и членом Пенклуба. В 1932–1938 гг. он издавал с продолжениями свой труд «Строительство государства» о создании Чехословацкой республики. Это масштабное, ценное по содержанию и форме произведение¹³, не было закончено.

⁹ Firt J. "Hrad" a časopis Přítomnost // *Peroutka F.* TGM představuje plukovníka Gunninghama. Curych, 1977. S. 7–26.

¹⁰ *Peroutka F.* Jaký byl Havlíček // *Peroutka F.* Ano a ne. Pr., 1932. S. 31–107; *Peroutka F.* Před Havlíčkovým jubileem // *Peroutka F.* Tak nebo tak. Pr., 1947. S. 144–149; *Peroutka F.* Návrat k Havlíčkovi, Karel Havlíček — zážrak politického realismu, Karel Havlíček — temperament s kázni, Tradice Karla Havlíčka — první úvaha, druhá úvaha, třetí úvaha // *Peroutka F.* Budeme pokračovat. Toronto, 1984. S. 56–60, 171–176, 177–181, 222–233.

¹¹ *Peroutka F.* Vysvětlení směrů // *Peroutka F.* O věcech obecných. Pr., 1991. S. 138–153.

¹² Firt J. "Hrad" a časopis Přítomnost // *Peroutka F.* TGM představuje plukovníka Gunninghama. S. 7–26; *Peroutka F.* Ze vzpomínek zaznamenaných pro vysílání Svobodné Evropy // *Peroutka F.* Deníky, dopisy, vzpomínky. Pr., 1995. S. 87–170.

¹³ *Opelík Ji.* Literárnost Peroutkova Budování státu // Slovo úzkosti a naději: sborník k 70. výročí narození Antonína Kratochvíla. Brno, 1994. S. 112–128.

Вторую мировую войну Ф. Пероутка пережил узником нацистских концлагерей. В 1943 г. оккупанты безуспешно склоняли его к сотрудничеству. После войны он стал редактором «Свободных новостей» (переименованные «Лидове новины») и «Днешека» (переименованная «Пршитомност»). В 1945–1946 гг. был депутатом парламента. С 1948 г. жил в эмиграции: сначала в Великобритании, потом в Соединенных Штатах. Экс-президент Бенеш перед смертью говорил о нем как о лидере эмиграции. Он работал в малоэффективном, но главном печатном органе эмигрантов «Рада свободного Чехословенска». В 1951–1961 гг. Пероутка руководил трансляцией на Чехословакию радиостанции «Свободная Европа» и регулярно выступал со своими комментариями. В начале своих передач он сказал: «Мы будем издавать журнал и рассылать его по воздуху»¹⁴. Он сотрудничал с самой разной зарубежной периодикой. В 1947 г. издал свой «Демократический манифест»¹⁵. С Америкой не сроднился, не был доволен тамошним восприятием своего творчества, нуждался в деньгах. Как и его отец, страдал от депрессий. Скончался в Нью-Йорке.

* * *

Всю жизнь Пероутка интересовался художественной литературой. Она была для его публицистики источником знаний и образцом хорошего стиля. Выступая порой как литературный критик, он изучал с ее помощью разные духовные веяния, личности писателей, их удел быть лишь современником своей эпохи или же ее глашатаем, лидером отечественной литературы, олицетворением определенного национального характера¹⁶. Его творчество занимало промежуточное положение между искусством и критикой, что отвечало новаторской методике французского литературоведа Эмиля Эннекена, который с помощью психологического анализа текста устанавливал время его возникновения. Пероутка испытал влияния Фридриха Ницше и учился сомнительной морали у Жана-Марии Гюйо. Для Пероутки психология и социология были важнее эстетики. Он защищал взве-

¹⁴ *Peroutka F.* 1. květen 1951 // *Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka: rozhlasové komentáře: Rádio Svobodná Evropa.* Díl 1. Pr., 2003. S.11.

¹⁵ *Peroutka F.* Demokratický manifest. Brno, 2000. S. 30.

¹⁶ *Haman A.* Ferdinand Peroutka jako literární kritik // *Literární noviny.* 1992. Č. 5. S. 4; *Fidelius P.* Předmluva // *Peroutka F.* Sluší-li se býti realistou. Pr., 1993. S. 9–23; *Tichý M.* Ferdinand Peroutka soudí literaturu // *Tvar.* 2000. Č. 7. S. 7.

шенный, классический, реалистический тип творчества, расходясь с романтизмом, декадансом, символизмом, анархизмом, экзистенциализмом, модернизмом и авангардом¹⁷. Из-за этого он прошел мимо многих произведений. От автора Пероутка требовал, чтобы тот был самим собой, оставался естественным и равнодушным к моде, не допускал произвола, не считал форму важнее содержания и стремился к правде жизни.

Целью литературы он считал концентрированное воссоздание жизненных реалий с опорой на свой опыт, знания, талант, что следовало выражать естественным, ясным, информативным и точным языком, понятным простому человеку. Он требовал уважительного подхода к действительности, к ее вещественным и духовным фактам, которые надо пережить, прочувствовать и отразить подобающим образом. Он считал это делом более трудным, ответственным, требующим больших усилий, чем отражение чистых фикций. Отдавал предпочтение эпике, призванной показывать добро и зло, вдохновлять читателя, пробуждать в нем вкус к жизни. Литературу, лишенную общественных функций, психолог Пероутка считал бессмысленной. На практике это проявлялось, к примеру, в критике стилистических экспериментов Владислава Ванчуры и в горячем признании творчества Карела Чапека.

Пероутка и сам имел писательские амбиции, ограниченные его журналистской деятельностью. Служению новой чехословацкой демократии, — говорил он, — «многие из нас принесли в жертву литературную карьеру»¹⁸. Он начал с рассказов. Потом, помимо сборника публицистических эссе, написал и издал пьесу о Второй мировой войне «Облако и вальс» (премьера в 1947 г.), которую позднее расширил до одноименного юмористического романа о жизни человеке в кризисных ситуациях (издан в 1976 г.). Пьесу «Счастливчик Сулла», которую он писал в Стржи (местечке, где стоял летний дом К. Чапека) и чью премьеру отменили в 1948 г., после прихода к власти коммунистов, Пероутка посвятил древнеримской истории,

¹⁷ *Peroutka F. Sluší-li se býti realistou // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlovyky. Pr., 1934. S. 31–38; Brabec J. Ano a ne aneb znovu Ferdinand Peroutka // Literární noviny. 1992. Č. 35. S. 4; Peroutka F. 1. listopad 1958 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 1. S. 441–444; Peroutka F. 24. ledna 1976 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 3. Pr., 2006. S. 243–245.*

¹⁸ *Peroutka F. 21. květen 1955 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 1. S. 227.*

политическим схваткам, демагогии, притеснениям людей и их нравственным качествам. Посмертно был опубликован его исторический роман-апокриф «Позднейшая жизнь Девы» (1980). Мемуары и документы увидели свет в сборнике «Дневники, письма, воспоминания» (1995), подготовленный третьей женой Пероутки. Вышел и ряд антологий его творчества. Не так давно Общество Фердинанда Пероутки составило план издания его собрания сочинений. Однако спустя сорок лет после смерти автора и тридцать лет после восстановления демократических порядков на его родине, реализация этого замысла все еще остается проблематичной¹⁹.

Своим образованием Пероутка занимался, в основном, сам, с помощью семейной библиотеки. В гимназии большое влияние на него оказал преподаватель чешского языка и литературы Вацлав Фляйшганс, который увлекался Средневековьем и публиковал лингвистические и литературоведческие статьи. Одноклассник Ф. Пероутки вспоминал, что когда учитель прочел его первое сочинение, то перед всем классом назвал его будущим писателем²⁰. С современными чешскими поэтами Пероутку познакомил другой преподаватель. А с шестого класса его учил славист, литературовед и этнограф Иржи Горак, позже ставший профессором университета, а после Второй мировой войны — послом Чехословакии в Москве. Он открывал ученикам мировую литературу, включая русскую. Великий любитель чтения Пероутка поражал учителя своими знаниями русских писателей. В служебных документах он нигде не упоминал о знании русского языка, хотя в одной из статей признался, что «довольно хорошо читал по-русски»²¹.

В 16 лет, в период формирования личности, интерес Пероутки к русской литературе усилила доступность ее переводов на чешский, публиковавшихся, к примеру, в серии «Русская библиотека», выходившей в издательстве Яна Отты. Сыграли свою роль и несколько встреч на каникулах с интересными людьми, например, с переводчиком Грубым, который открыл ему Антона Павловича Чехова. Этот «потрясающий лирик» стал пожизненной любовью Пероутки, имен-

¹⁹ [https://peroutkovy-spisy.webnode.cz; Kosák M. V mlhovině // \[электронный ресурс\] Kanon. 04.04.2019. URL: http://i-kanon.cz/2019/04/v-mlhovine/](https://peroutkovy-spisy.webnode.cz; Kosák M. V mlhovině // [электронный ресурс] Kanon. 04.04.2019. URL: http://i-kanon.cz/2019/04/v-mlhovine/) (дата обращения: 30.11.2021).

²⁰ Steinbach K. Svědek téměř stoletý. Pr., 1990. S. 15–16.

²¹ Peroutka F. Možno pasmatret' // Peroutka F. O věcech obecných. Pr., 1991. S. 311.

но под его влиянием он писал свои рассказы, поражаясь, как тот мог отражать в своем творчестве действительность, «еще не зная всех ее тайн»²². «Только гораздо позже я понял, что Чехов потрясающий писатель, но Толстой крупнее его»²³. Он ясно определил, какое влияние оказала на него русская литература: контакт с ней «разбудил мою душу»²⁴. Повлияла на него и концепция творческой личности, созданная Ф. Кс. Шальдой.

Свой большой интерес к русской литературе Пероутка проявлял и как редактор «Трибуны». В 1922 г. он отважился издать отдельной книгой «Из дневника журналиста» цикл своих двадцати рассказов в духе русской литературы. В периодике они выходили под псевдонимом Петра Ефимовича Антокольского. В книге он раскрыл свое авторство. Рассказы объединяет время и место действий, показанных с позиции вымышленного редактора петроградского периодического издания «Маяк» 1917 г. Второстепенными персонажами там выступают Керенский и Ленин, и коллега, редактор Антон Павлович (!) Петипеский. Пероутка писал рассказы, откликаясь на любимых русских писателей. Например, вдохновителем текста «Как я пишу» стал с точки зрения идеологии и стиля Антон Павлович Чехов. В рассказах в разной связи выступают Тургенев, Достоевский, Некрасов. Окаймлением цикла служит сдобренная юмором история редактора и его приятельницы, которые занимаются литературным трудом и в своей жизни воссоздают и описывают наблюдаемые в произведениях ситуации.

Материал подается в разных аспектах, свидетельствующих о неудовлетворенности автора своим литературным творчеством, ограниченном журналистикой и ее заработками. Будто уже тогда Пероутка осознавал пожизненную двойственность своей деятельности между журналистикой и художественной литературой. Однако свое раннее литературное творчество он представил вполне убедительно²⁵.

²² *Peroutka F. Ruské sedmihvězdi // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 92; Peroutka F. Jáci jsme. Pr., 1934. S. 59.*

²³ *Peroutka F. Ze vzpomínek zaznamenaných pro vysílání Svobodné Evropy // Peroutka F. Deníky, dopisy, vzpomínky. S. 88–90, 94.*

²⁴ *Peroutka F. Ruské sedmihvězdi // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 92.*

²⁵ *Kosatík P. Čechovova politika // Peroutka Ferdinand: život v novinách. S. 74–80; Hoffmeister A. Povrch pětiletky. Pr., 1931. S. 10–16.*

* * *

Восприятие Пероутки русской литературы можно показать и на примере сборников неполитической публицистики: «Какие мы» (1924), «Да и нет» (1932), «Личность, хаос и дурные привычки» (1939), а также, привлекая сборник «Прилично ли быть реалистом» (1993) и сборники радиокomentarиев «Продолжение следует» (1984) и «Судьба свободы» (1995). Необходимо остановиться и на сборнике политической публицистики «Об общих вещах» (1991), и на трехтомнике радиокomentarиев «Говорит Фердинанд Пероутка» (2003–2006), снабженном именным указателем, которого нет в других изданиях.

Анализируя чешский характер в сборнике эссе «Какие мы», которые Пероутка публиковал в ежедневной прессе в 1922 г., а потом издал отдельно, он привлекал для сравнения авторов и произведения мировой литературы, прежде всего русской. Он судил о ней по поискам в ней смысла существования своего народа, многочисленного, но при этом непостижимого, скрывающего много тайн и вызывающего большой интерес и массу вопросов²⁶. Пероутка связал ее рождение с моментом, когда она нашла опору в национальных реалиях «от молитвы до полной мисок еды»²⁷. Он считал, что Достоевский ошибся, написав о русских, что «они могут понять все на свете», тогда как сам не понимал западного образа жизни, не понимал, что и верующему человеку нужен социализм. Пероутка утверждал: «Духовная история России полна примеров непонимания Запада. Взгляните на образы иностранцев в русской литературе! [...] Из русских книг любой народ мог бы узнать о важнейших комических чертах своего характера»²⁸. Способностью вдумываться и понимать иностранцев Пероутка наделял чехов. (Останавливаться на том, что его работы пронизаны размышлениями о социально-политических проблемах русской истории, мы не станем.)

Пероутка анализировал и слова чеховских персонажей «Ничего не понимаю!» в интерпретации Достоевского, усмотревшего здесь движение от глупости к геройству. Припомнил воссоздание эпохи и среды обитания Гоголем, Тургеневым, Писемским, Гончаровым, Достоевским, Салтыковым-Щедриным и Л. Толстым, чьи произве-

²⁶ *Peroutka F.* Jací jsme. S. 25.

²⁷ *Ibidem.* S. 48.

²⁸ *Ibidem.* S. 56–57.

дения при всей их неповторимости складываются, по его мнению, в образ своего поколения. Авторы, помимо отражения собственной судьбы, «воссоздавали одновременно и духовную хронику своего отечества»²⁹. По их романам с «прочным надличностным началом», проистекающим из глубокого погружения в национальную среду, можно было бы реконструировать русскую историю. На творчестве Достоевского, к кому Пероутка обращался очень часто, он показывал ошибку человека, который был прав в том, чего надо желать, но ошибался в том, как этого можно добиться. Пероутка показал поиски писателями свободы в самодержавии, царском абсолютизме и в православии.

Размышляя о славянской гуманности, Пероутка занялся гуманностью русской литературы. Он нашел ее, с одной стороны, в блестящем психологизме, в умении реально показать мир каждого человека («...люди не бледные тени»), а с другой, в связях с христианской моралью, которые, по сравнению с Западом, еще не были ослаблены³⁰. Развиваясь, «эта литература не становится гуманнее какой-либо из западных». В качестве примера он приводит Горького, назвавшего гуманность русской классики обманом, исходящим от людей, которые, опасаясь борьбы с реакционерами, мечтая о покое, призывали народ к пассивности в форме христианского гуманизма. Пероутка твердил, что гуманная русская литература возникла в стране, чрезвычайно негуманной, где «на русские спины обрушивался русский кулак», где «любовь и мистический гуманизм призваны были заменить гражданственность и гуманизм светский» в условиях, где «нехватка поступков восполнялась бурными эмоциями». Эту проблему Пероутка осветил с помощью статьи Мережковского о Лермонтове и упоминания о суде присяжных в «Дневнике» Достоевского. Обобщая, он трактовал гуманность русской литературы как своего рода «покорность, которая была единственно возможной формой гражданственности в царской России». Вывод для чешского читателя было таков: «Наша гуманность имеет западный характер [...] Западный гуманизм не столь мягкотелый».

На примере Горького Пероутка критиковал представления о характере русского человека, обратив внимание на его амбивалентность («неоправданная жестокость рядом с гуманностью»). Считал,

²⁹ *Peroutka F. Jací jsme*. S. 68.

³⁰ *Ibidem*. S. 141–149.

что «человечность здесь идеал, а реальность оставляет желать лучшего» и что чаще речь идет о «гуманизме духа и воли, чем нервов и чувств». Он показал это на «Братьях Карамазовых» Достоевского и «Анне Карениной» Толстого. В связи с этим он подчеркнул, что такая гуманность «редко когда озарена светом искренней и простой радости» и что он так и не нашел в русской литературе произведения, из которого бы вытекало, что «в дружеских чувствах и в общении с людьми есть что-то очень приятное».

В работе «Какие мы» есть и мнение о Масарике. «Основатель государства» Масарик сравнивается с «анархистствующим Толстым», в чем автор усматривает различия между двумя национальными характерами. В то время как Масарик преследует «доступные и простые цели, которые может предложить любой чиновник», Толстой «ставит задачи очень трудные, для решения которых надо было бы вывернуть человека наизнанку»³¹. По мнению автора, между гуманизмами обоих нет сходства и связей. Размышляя о ценности человеческой жизни, Пероутка находил в русской литературе мысли, «оправдывающие убийства», а в Достоевском — мыслителя, который считал это чем-то естественным³². В книге «Какие мы» Пероутка проявил хорошее знание Пушкина, Чехова, Блока, Герцена и Аполлона Григорьева.

В сборник «Да и нет» (1932) автор включил статью «После смерти Толстого», написанную к столетию со дня его рождения³³. Пероутка считал, что великие исторические события, случившиеся после смерти Толстого, такие как Первая мировая война и большевистская революция, отодвинули в прошлое идеи писателя, например, о непротivлении злу насилем, показав, что они устарели и не прокладывают путь вперед. Как мыслитель, пытавшийся притормозить динамизм современной эпохи, Толстой не успел «удержать мир в рамках специфического буддистского христианства». Пероутка пытался объяснять Толстого через его отношение к простым крестьянам, через его недоверие к науке, образованию, цивилизации, к искусству и т.д. Толстой был последним, кто «верил в святость русского мужика». Пероутка считал, что «не Толстой, а Ленин понял мужицкую душу» и что бедняки не отвергают ни культуру, ни цивилизацию, но стремятся приспособить их к себе, что характерно для социализма.

³¹ Peroutka F. Jací jsme. S. 167.

³² Ibidem. S. 203.

³³ Peroutka F. Zanedlouho po Tolstém // Peroutka F. Ano a ne. S. 91–107.

Далее Пероутка разбирает отношение Толстого к азиатству, «восточному фатализму», который не верит в европейскую активность, в значение людских деяний. Он показывает это на фигурах Наполеона и Кутузова из «Войны и мира», этого «гимна людской пассивности». «Если мы верим в смысл людских поступков, в разумность попыток изменить мир, то нам не место рядом с Толстым», — пишет Пероутка. Победа добра не означает, по его убеждению, что можно опустить руки. Он соглашается с мнением Горького, в котором видит новую Россию, что Толстой «был преградой на пути народа в Европу». В своей работе Пероутка показал, что ему известен спор о войне между Достоевским и Толстым, а систему взглядов Толстого он назвал его религией, философией жизни. Он считал, что с ее помощью Толстой лечил самого себя, свою раздражительность и горячность, но что она не более чем поиски условий, которые помогли бы ему обрести покой и счастье. Пероутка подчеркнул неуважение Толстого к разного рода институтам, а, указывая на его жизненный опыт, опроверг надежды писателя «лишь на законы человеческой морали».

Подытоживая свой анализ Толстого, Пероутка писал: «По большей части от его мудрости исходит неприязнь к жизни — и вряд ли стоит с благодарностью преклонять перед ним колени. Его идеалы невозможно воплотить ни за что на свете. Они ведут к смерти». Опровергая идеализм и нигилизм, Пероутка писал: «Нам-то нужны идеалы, которые помогали бы жить». Однако художественное творчество Толстого исследователь назвал «немеркнувшим», хотя оно отражает не поступки, а просто жизнь. «Толстого, как и Гомера, — считает Пероутка, — нельзя превзойти». Величие его творчества он видит в его «огромной содержательности» и в «правдивом отражении действительности». В одном из своих литературных обзоров Пероутка признал, что при всех своих достоинствах и недостатках писатель был ярким и выдающимся явлением XIX века, что его творчество относится к «величайшим прославлениям простоты и естественности бытия», против которого он как пессимист, ищущий выхода в буддизме, в конце концов восстал³⁴.

Пероутка коснулся русской литературы в ряде статей сборника «Да и нет»: разбирая творчество Отокара Бржезины, он упомянул Тургенева, в статье о Ленине — Достоевского и Горького; анализируя

³⁴ *Peroutka F. Čím je nám Chesterton // Peroutka F. Ano a ne. S. 225.*

оптимизм Честертон, противопоставил ему и русскую литературу с образами «вымирающих характеров, воль, семей и с пассивной меланхолией»³⁵. Он опять вспомнил Толстого с его пессимизмом и поиском выходов в скептической и безрадостной религиозности, которая «отличается больше не верой, а безверием», и хочет покоя, поскольку «крик разбудит разум, который скажет, что жизнь не имеет смысла». Даже у Достоевского, согласно Пероутке, впечатляла не позитивная часть его творчества, а «клиника больной души». Положительного героя писатель, по его мнению, не доработал. Салтыков-Щедрин отразил страдания, Гончаров — бездарность, Тургенев с его верой в молодость и любовь — меланхолию. Чехова Пероутка ассоциировал с концом русской классической литературы: он ни во что не верил, «высмеивая подряд все идеалы». Он видел в Чехове «виртуоза печали, трогательного скептика», который показал, что «что бы ты ни делал — все бессмысленно». Все у него терпит крах из-за людского несовершенства, непостоянства чувств и ошибочных взглядов. Пероутка упоминал также Арцыбашева, Андреева и Куприна, которые, как ему казалось, без содрогания и боли спекулировали трагизмом.

Последний сборник перед Второй мировой войной Пероутка издал в 1939 г., назвав его «Личность, хаос и дурные привычки». Он состоял из аналитических и критических статей о литературе. В статье «Особенности направления» он обратился к Л. Толстому — «дуалисту, который всю жизнь отчаянно стремился к монизму», а с помощью крестьянина вернулся к природе»³⁶. В статье о прозе поэта Витезслава Незвала «Хроника с конца любой эпохи» он писал: «Судьбой Достоевского стала его способность обрисовать распутство, а не идеал»³⁷. В статье о Франтишке Ксаверии Шальде он упрекнул этого «франкофила» в том, что он не занимался «олицетворением естественности» — русской литературой XIX столетия³⁸.

В статье «О духе трех литератур» он объяснил, что хотя русская литература XIX века сильнее, вдохновеннее и глубже английской ли-

³⁵ *Peroutka F. Čím je nám Chesterton. S. 201–258.*

³⁶ *Peroutka F. Vysvětlení směru // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 9–20; Peroutka F. O věcech obecných. S. 138–153.*

³⁷ *Peroutka F. Kronika z kterékoliv doby // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 78–92.*

³⁸ *Peroutka F. F. X. Š. // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 156–173.*

тературы той поры, он предпочитает читать «менее сильных и глубоких англичан», они ему нужнее, ибо русская литература основана на правде бытия, английская же — на практицизме и пробуждении вкуса к жизни³⁹. По мнению Пероутки, и англичане познали разные стороны действительности, но пришли к выводу, что лучше построить мост через реку, чем как русские, с их суровостью и непредсказуемостью, блуждать по реке в поисках брода. Русская литература отражала человеческие чувства в своих многословных текстах, английская же их скрывала. Русские показали, «как можно довести идею, которая могла бы служить жизни и облегчать ее, до состояния, когда она становилась вредной». Мысль о свободе могла привести у Достоевского к самоубийству; мысль о совершенствовании личности у Л. Толстого возникала лишь перед смертью человека. Герои русской литературы страдали от желаний добиваться «непреодолимой любви к людям», но из-за тщетности усилий «развращали свои умы и сердца».

В состав сборника Пероутка включил и статью «Воспоминания о России», посвященную Чехову⁴⁰. Пероутка вспоминал молодость, когда попал под влияние этого писателя мирового уровня, «великого художника своего времени», которого никто не превзошел по «глубине познания жизни». При этом речь шла об авторе, «более грустном, чем все остальные». Как рассуждал Пероутка, по сравнению с другими литераторами, он никогда не был приемлемым для марксистской критики и не годился кандидатом в «певца пятилетки». С пробуждением русского человека к активности чеховские персонажи исчерпали себя. Согласно Пероутке, Чехов был крупнейшим живописцем метафизической пассивности. Он упомянул, что Л. Толстой справедливо сравнил Чехова с Тургеневым, чей мир Чехов углубил и расширил. Оба писателя были пессимистичнее и безутешнее Достоевского или Гоголя. В пьесах Чехова «нет конкретного зла», его прекраснодушные, бездеятельные персонажи не испытали «никаких особых несчастий», с ними не происходит ничего трагического. Его героям присуще «тихое ощущение скуки и своей ненужности», они охотно поддаются своим настроениям, размышляют о скоротечности времени, бренности бытия. Демонстрируют его пустоту и горечь.

Далее автор показал контекст вступления Чехова в литературу в трудное для России время, в период духовного истощения 1880-х гг.,

³⁹ *Peroutka F. O duchu tří literatur // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 21–30.*

⁴⁰ *Peroutka F. Ruská vzpomínka // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 146–155.*

когда умер Достоевский, сошел с ума Гаршин, а Л. Толстой отрекся от своего прошлого и, боясь смерти, учился у мужиков смирению. Интеллигенция тогда страдала от депрессий, пессимизма, росло число самоубийств. Чехов подставил зеркало своей эпохе, стал писать «прекрасные, трогательные», совершенные по форме рассказы о «лишних людях, их бесхарактерности, о пустой, скучной, бесцельной жизни». Их юмор и грусть вытекали из одного истока — «ощущения человеческую слабость». Это стало константой всего писательского творчества. Толстому Чехов казался наиболее легкомысленным именно там, где тот переживал сильнейшее отчаяние, потому что из творчества уходила вера, русская православная идея, «некий вид альтруизма и социализма», выступавшего за то, чтобы «больше верить в человека, чем в Бога», а смысл жизни искать «в помощи людям». В этой связи Пероутка упомянул и атеистов, например, Белинского. У Чехова такая вера отсутствует, а его лиризм прорастает из меланхолии. Мережковский в творчестве Чехова видел конец литературы, которая была до него, а Пероутка ему поддакивал, оглядываясь на рождение «по-мопассановски любопытного взгляда на мир» и на конец определенной формы русской прозы. Чеховский импрессионизм размельчили его преемники.

Чеховские персонажи демонстрировали свое бессилие, их желания не осуществлялись. Объектами внимания были отсутствие свободы, крах и обман. Писатель отражал иллюзии и реальность, показывал, что мечты рождаются не из познания истины, а от нервов. Под влиянием Шопенгауэра он создавал мир, где «никто никогда ничего не откроет» и где единственной мудростью было «не множить хаос, ничему не удивляться и не двигаться с места». Пероутка проанализировал и повесть «Палата № 6». Чехов не отдалился от своих персонажей. О потере иллюзий, о «страшной правде», о «слабых и милых» людях он писал деликатно и спокойно. С течением времени Пероутка узнал, что «удивительный человек» Чехов «мог быть и опасным» и вести, даже рискуя ошибаться, активную жизнь.

Из радиовыступлений Пероутки в эмиграции сложился сборник «Продолжение следует», вышедший в 1984 г. в знаменитом эмигрантском издательстве супругов Шкворецких «Sixty-Eight» в Канаде. В сборник вошли и несколько статей о русской литературе и ее авторах. Первая, названная «Разрушитель Достоевский» (1956), возникла по случаю годовщины смерти писателя, о которой вспом-

нили Советский Союз и его сателлиты. До той поры автор «Истории великого инквизитора» об угнетении человека тиранией не пользовался популярностью. Коммунистический режим узнавал здесь себя, обедняя и догматизируя жизнь своими запретами. Пероутка считал русскую литературу «величайшей, ценнейшей литературой современной эпохи, лишь в минимальной степени оскверненной писательским эгоизмом»⁴¹. Достоевский был для него автором, уделявшим основное внимание жестокости, страданиям, злобе, нервозности, дикости и душевным мукам людей. Его нельзя было читать для отдыха, у него не было милых, мирных и послушных персонажей и счастливых концов.

Революции удивляли Достоевского меньше, чем других, он бежал от них в мистику, но его опасения оправдались, и «бесы, которых он ждал, пришли». Как известно, Пероутка считал ошибкой поиски писателем выхода в православии и царском абсолютизме, против которых выступали демократы. В результате победил другой абсолютизм. «Многие суждения Достоевского о России были окрашены страхом перед революцией». Он предвидел демонизм, а хотел решать проблемы с помощью общечеловеческой любви, что было очень благородно, но нереально. Он был идеалистом и верил, что «душа — основа всего, а мысли и чувства так же реальны, как и камни». Сутью его произведений является трагизм с утратой добра и благородства. Пероутка полагал, что тоталитарный режим не всемогущ, что духовность как основу бытия нельзя спасти ни снижением цен, ни изобилием товаров. «Материализм может пригодиться диктатуре, уверенной что бездуховное общество можно, как мягкую глину, мять в своих руках. Спиритуализм, вера в духовные ценности способны препятствовать диктатуре». Пероутка считал, что мир должен сопротивляться злу, но при этом задавал вопрос: «А не потеряла ли душа человека энергию, которая нужна, чтобы ненавидеть зло?» Послание Достоевского актуально и сегодня: «Сопровитляйтесь злу!».

В статье «Русское семизвездье» (1959) Пероутка написал: «Мировая литература не создала ничего лучшего, чем шекспировская драматургия и славное семизвездье русских авторов», которыми он считал Гоголя, Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Толстого и

⁴¹ *Peroutka F. Podvratný živel Dostojevského // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 51–55.*

Салтыкова-Щедрина⁴². Он подчеркивал «удивительную жизненность их персонажей», «импонирующую ясность и собранность», а также «волнующие образы униженных и оскорбленных, отвращение к насилию». Ссылаясь на свою эпоху, Пероутка критиковал коммунизм, который навязывал писателям свои нормы. Упомянутые им авторы сами определяли свои замыслы и методы, «тонко и умно описанные факты» оборачивали в пользу художественных произведений. Когда Тургенев отражал жизнь сельчан, он не говорил, что надо что-то для них сделать, но его творчество подрывало рабовладельческие устои.

Проясняя свою позицию, Пероутка опирался на Чехова: художник должен хотеть и надеяться, отличать существенное от несущественного, освещать характеры персонажей и разговаривать на их языке. Произведения писателей, возникавшие при царе, могли правильно подавать факты, но не умели делать выводы. Классики воспринимали все глубоко, остро реагируя и на своих недругов. Они создавали великолепных, живых и достоверных персонажей, что является главной задачей писателя. Люди учились у них смотреть на мир. Коммунистический тоталитаризм наложил запрет на пристальное внимание к фактам, добавил свою теорию, вредившую литературе и чреватую утратой человечности. Литература всегда была связана с политикой, писатель напоминал о том, о чем не знал политик, и возникал диалог. Коммунисты приказали искусству быть заодно с политикой. Эта система означала крах русской литературы.

Двумя другими статьями о русской литературе были «Великая книга Пастернака» (1959) и «Смерть и слава Пастернака» (1960)⁴³. Роман «Доктор Живаго» в восприятии Пероутки был скорее «нравственным подвигом», чем литературным событием. Писатель как лирик сумел выразить свои сильные чувства, но как эпик, создатель персонажей, он был слабее. Форму выбрал романист, действующий заодно с философом и лириком. Величие русской литературы, как считал Пероутка, в этом произведении не проявилось, хотя оно было серьезным, критическим, достоверным, сострадало человеку и раскрывало его душу. Рождению книги способствовала и политика, конфликт между режимом и писателем, хотя он и не был арестован,

⁴² *Peroutka F. Ruské sedmihvězdi // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 92–96.*

⁴³ *Peroutka F. Pasternakova velká kniha, Pasternakova smrt a sláva // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 112–116, 123–125; Peroutka F. 22. listopadu 1958 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 1. S. 449–452.*

в чем сказались перемены, наступившие после смерти Сталина. Автор был связан с действительностью, отвергая ее вульгарные стороны. Он бережно относился к слову, добиваясь его выразительности, писал с молодым задором и с мудростью человека, произносящего «последнее слово». «Пастернак был из тех, кто относится к литературе как к святому призванию и видит в писателе того, кто выступает вслед за священником».

Бессмертие его деяний Пероутка видел в «защите правды» от силы, в гармонии творчества с натурой автора и его жизненными ценностями. Писатель был великим человеком, выступал против искажений и унижений действительности и превратился в символ. Своей книгой он отвергал коммунизм, мог принять социалистические идеалы, но не примкнул к социалистам из-за их практики. Пастернак считал революцию и гражданскую войну злом. Являясь их свидетелем, он писал, что революция «лишила человека всех его прав и выгнала из укрытия в бушующее море насилия, произвола и случайностей». Если коммунизм не отделим от революции, то лучше обойтись без него.

В статье «Одиннадцать социалистических реалистов» (1969) Пероутка осветил дискуссию на страницах журнала «Новой мир», показав атмосферу советского общества⁴⁴. Он сравнил ее с ситуацией в Чехословакии: «В некоторых вещах Советы у себя дома культивируют более пристойную форму несвободы, чем та, которая под их патронатом возникла в Чехословакии». Одиннадцать писателей-патриотов занимались творчеством в согласии с властью. «Они отвергали идеологию буржуазии, которая — как писал Пероутка — не занималась убийством писателей и обеспечивала более высокий уровень жизни». Суть дискуссии он усмотрел в том, что журнал выступал за патриотизм в своем собственном понимании, а оппоненты — за его варианты, опиравшиеся на природу и историческое прошлое. В этой же статье автор осудил оккупацию Чехословакии в августе 1968 г.

Некоторые выступления Пероутки о русской литературе вошли в сборники «Говорит Фердинанд Пероутка» (2003–2006). К ним относится текст от 1 декабря 1962 г., отметивший, как «тесный сюртук правительственного контроля расплзается по швам на теле набира-

⁴⁴ *Peroutka F. Jedenáct socialistických realistů // Peroutka F. Budeme pokračovat. S. 150–154.*

ющей силу <русской> литературы и его приходится латать снова и снова»⁴⁵. Автор размышлял, становится ли современная литература «холодной, бледной, слабой и нелюбимой» из-за сложившихся противоестественных обстоятельств. Вспоминал, что Сталин установил диктатуру над искусством, предвестьем которой были учения Ленина и Маркса. Литература должна была пропагандировать эту диктатуру и воспитывать трудовую мораль. Это было вредно для литературы и бесполезно для экономики. Читателям «тенденциозная литература быстро надоедала». А если от нее не было пользы для народного хозяйства, так пусть бы она распоряжалась человеческими душами.

«Советский социалистический реализм стал первым литературным направлением, которое было создано исполкомом политической партии». А ценность произведению придает лишь внутренний мир писателя, все то, что он пережил и прочувствовал. Возникшая ситуация была противоестественной, чреватой террором. «Ныне писатель должен громко оглашать свои планы на каждый год. Раньше он мог и не знать, что придет ему в голову в ближайшее время. Теперь он разъезжает по всяким форумам, надеясь, что именно там его осенит вдохновение». Писатели были призваны воспитывать в людях качества, которые у них самих отсутствовали. «Но можно было притвориться, сделать вид, что задача выполнена». Возникала, например, проблема с положительным героем, поскольку его создание — важнейшая цель писателя. Достоевский вспоминал об Алеше из «Братьев Карамазовых», «этом обещанном положительном типаже, лишь как о бледной и скучноватой тени». Пероутка заостряет ситуацию: «Положительный герой энергично шагает по страницам всех романов, но советская литература оказывается при этом в опасной близости от кукольного театра».

Наконец, 16 марта 1963 г. Пероутка занялся солженицынским описанием ГУЛАГа в журнале «Новый мир»⁴⁶. «Один день Ивана Денисовича» он оценил как возможность рассказать правду о до сих пор скрывавшихся вещах. Писатель «будто начал обновление знаменитого русского реализма» и, «увлеченный жизненным материалом», возможно, останется «автором одной книги». Ему не надо было ничего

⁴⁵ *Peroutka F.* 1. prosinec 1962 // *Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 2. Pr.*, 2005. S. 139–142.

⁴⁶ *Peroutka F.* 16. března 1963 // *Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 2. S.* 157–160.

выдумывать, это могло бы только навредить его «импонирующей непосредственности». Пероутка считал, что созданию «величайшего произведения из когда-либо написанных о концлагерях» помог жизненный опыт Солженицына и принцип конкретности в отражении материала. Ограниченность же его метода состояла в отказе от обобщений, от выяснения причинно-следственных связей. Пероутка пишет: «Этот достоверный психологизм и конкретность Солженицына пришлось по вкусу либерализирующемуся советскому правительству. Оно еще не знало, как бы на все это посмотрел человек, у которого есть время подумать и чья мысль не занята борьбой за жизнь в концлагере [...]. Об одном дне рассказана впечатляющая правда. А что с остальными днями? Свет яркое, но справа и слева — темнота». Пероутка подчеркивал, что автор описал «самый добрый, самый лучший день», а если бы он рассказал о плохом дне, то не было бы уверенности, что работа получится. И врагом героя выступает сокамерник, а не надзиратель, «не тот, кто вырвал человека из его жизни и послал туда, откуда его не хотят выпустить».

Произведение это возникло не по заказу, но Солженицын написал именно то, что требовалось. «Где-то в ящиках, несомненно, лежали и другие рукописи, тоже правдивые, но которые не годились». Пероутка размышлял и о том, как похожи были оба тоталитарных режима — нацистский и коммунистический, построившие концлагеря, и как похоже вели себя их узники. Коммунистическая диктатура приоткрывала «дозированную правду». Пероутка обратил внимание на то, что в ту пору, когда разыгрывалось действие упоминавшегося произведения, «Советская Россия выступала как защитница мира, [...] которая в силу своей исключительности имела право на насилие». Это право подвергают сомнению благосостояние жителей капстран и произведение Солженицына. Пероутка отмечал, что многие вещи, как считает Солженицын, не должны оставаться «такими, как прежде».

В 1974 г. Солженицын был выдворен за рубеж из-за выхода в Западной Европе книги о сибирских концлагерях⁴⁷. Сравнивая это с публикацией в России в 1893 г. книги Чехова «Остров Сахалин», Пероутка делает вывод, что Советскому Союзу было чего бояться и что

⁴⁷ *Peroutka F.* 23. únor 1974 // *Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 3.* S. 214–217; *Peroutka F. Solženicyn a duch času // Peroutka F. Budeme pokračovat.* S. 182–186.

скрывать⁴⁸. «До его возникновения, — пишет он, — еще не был придуман судебный приговор, по которому можно было бы уничтожать писателей. При царизме рождалась прославленная русская литература, возникала и социальная литературная критика, выступали социалисты Белинский и Добролюбов, публиковались анархистствующие воззвания Льва Толстого. Сегодня вряд ли было бы известно имя Пушкина, если бы царизм освоил методы подавления литературного творчества, возникшие с коммунизмом». По мнению Пероутки, Солженицын был среди тех, кто не боялся выражать свое мнение, даже зная, что многим рискует. Он не хотел эмигрировать, понимал, что для вдохновения ему нужно жить со своим народом.

Итак, эта статья показала большой интерес к русской литературе Ф. Пероутки, известного чешского журналиста, личности, владеющей системой ценностей и четко формулирующей свои взгляды. Этот интерес проявлялся на протяжении всей жизни Ф. Пероутки, более шестидесяти лет занимавшегося своей профессией. Зондирование книжных изданий его публицистики показало, что он прекрасно ориентировался в русской литературе, которая всю жизнь была для него источником вдохновения⁴⁹. Он был убежден, что «период русской реалистической классики был лучшим периодом современной литературной истории»⁵⁰. Несговорчивые и даже деструктивные произведения русских авторов той эпохи, тонко анализирующие психологию и душу человека, он считал блистательными и отмечал, что «из русской литературы всегда проникали на европейские просторы печально-пессимистические веяния»⁵¹. Их для Пероутки олицетворяли Гоголь, Достоевский, Тургенев, Л. Толстой, Чехов и Горь-

⁴⁸ *Peroutka F.* 17. prosinec 1966 // *Peroutka F.* Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 2. S. 369–372.

⁴⁹ Добавим, что когда Пероутка высказался в январе 1977 г. по поводу возникновения Хартии 77, основной платформы оппозиции в Чехословакии после ее советской оккупации в августе 1968 г., то он использовал образ унтера Пришибеева из чеховского рассказа. За год до кончины он опять вспомнил своего любимого писателя в эссе, где сравнивал разные требования к литературе; *Peroutka F.* 22. ledna, 2. duben 1977 // *Peroutka F.* Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 3. S. 296–295, 304–305; *Peroutka F.* 23. ledna 1977 // *Peroutka F.* Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 3. S. 214–217; *Peroutka F.* Klasicismus a romantismus // *Peroutka F.* Budeme pokračovat. S. 218–221.

⁵⁰ *Peroutka F.* Zločin a čest Karla Teige // *Peroutka F.* Úděl svobody: výbor z rozhlasových projevů 1951–1977. Pr., 1955. S. 9; *Peroutka F.* 1. prosinec 1962 // *Peroutka F.* Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 2. S. 139.

⁵¹ *Peroutka F.* Čím je nám Chesterton // *Peroutka F.* Ano a ne. S. 225.

кий. Свои юношеские увлечения Пероутка позже дополнил оценкой англосаксонского реализма с его позитивным настроем, тогда как «русская литература была полна прекрасных и благородных идей, сошедших с ума»⁵². Однажды Пероутка признался, что он воспитан на русской и немецкой литературах, в американской же ему многое не нравится из-за ее коммерциализации. Свои знания он использовал в публицистическом творчестве, в котором литературная проблематика не была главной.

В своих воспоминаниях он писал, что уже в 1917 г., когда ему было двадцать два года, он замечал в русской литературе, у Гоголя и Пушкина, опасливое отношение к революции, к плебейским слоям, «постоянный страх перед тем, что может случиться в России в один прекрасный день». Он называл Россию страной, которая постоянно ждала каких-то потрясений: «Уже Гоголь содрогался в ожидании чего-то ужасного, внезапного и непредсказуемого. С той поры русское подсознание так и не освободилось полностью от предчувствия катастроф [...] Революционность и катастрофичность пронизывают русскую литературу и философию». Пероутка ссылаясь на Пушкина, считавшего, что революция «поднимает наверх людей, для которых собственная жизнь стоит полкопейки, а чужая не стоит ни гроша»⁵³.

В работе о чешском характере «Какие мы» (1924), имевшей принципиальное значение, самое большое место в рассуждениях о роли славянства, русофильства и России из всех национальных литератур заняла русская литература. Через сорок лет он обратится к ней в итоговой статье «Русское семизвездие». Особенно много Пероутка занимался Толстым, Чеховым, Достоевским, Пастернаком и Солженицыным. Особенность профессии журналиста определила активность его популяризаторской деятельности. Задачей дальнейших исследований творческого наследия Ф. Пероутки может стать выяснение степени оригинальности его изысканий. Недаром он говорил, что Мережковский и другие выдающиеся русские критики дописали «нам Толсто-

⁵² *Peroutka F. O duchu tří literatur // Peroutka F. Osobnost, chaos a zlozvyky. S. 27; Peroutka F. 14. ledna 1956 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 1. S. 273.*

⁵³ *Peroutka F. Ze vzpomínek zaznamenaných pro vysílání Svobodné Evropy // Peroutka F. Deníky, dopisy, vzpomínky. S. 88–90; Peroutka F. Cesta k revolučnosti // Peroutka F. O věcech obecných. S. 262–266; Peroutka F. 12. května 1962 // Peroutka F. Mluví k vám Ferdinand Peroutka. Díl 2. S. 115–118.*

го и Достоевского»⁵⁴. О том, как влиятельный чешский интеллектуал (и не он один) анализировал в рамках политической публицистики ситуацию в советской России, тоже одна из возможных тем работ о Ф. Пероутке.

(Перевод Л.Н. Будаговой)

⁵⁴ *Peroutka F. Nutná kapitola o kritice // Peroutka F. Sluší-li se býti realistou. S. 64.*

«БОГОВНИК» ИСМЕТА РЕБРОНЬИ

Аннотация: Исмет Ребронья (Исмет Ребронья) (1942–2006) принадлежит к корпусу черногорской, сербской и боснийской литературы. Одна из главных тематико-мотивных доминантов поэтики этого писателя — миф. В этой работе мы рассмотрели славянский неомифологизм в поэзии Исмета Реброньи в сборниках стихов *Газилар* (1978), *Среда и Среда кћи* (*Среда и Среда-дочь*) (1983), *Паганска крв* (*Языческая кровь*) (1986) и *Кероника* (1991). Мифопоэтический образ мира Исмета Реброньи состоит из людей, богов, животных и растений. «Герои» поэзии — язычники-славяне, а также приверженцы монотеизма (ислама). Ключевой частью мифопоэтического мира человека Реброньи являются боги и низшие божества. Помимо известных из литературы богов, в этом пантеоне есть и те, которые являются творением автора. Мифические существа и *теньевые* животные играют здесь важную роль. Человек этого мира принадлежит в первую очередь к аграрной культуре, поэтому растения (злаки, лекарственные травы, священные деревья) также занимают привилегированное место. Пространство построено в виде чистых и нечистых мест, а некоторые временные рамки являются табу (дни / часть дня). Образ славянского мира иногда начинается с письменных источников, с которыми автор часто находится в полемических отношениях, особенно если речь идет о текстах, которые представляют славян как дикую инаковость. Ребронья воспевает славянского человека, помещенного в большой пространственно-временной диапазон, размышляя о формировании его идентичности и места внутри и между различными *цивилизованными* и *варварскими* народами.

Ключевые слова: славянские боги, змея, ласка, дракон, демоны, священное дерево, жертва, язычники, перевернутый мир.

Aleksandra R. POPIN
(Serbia)

ISMET REBRONJA'S "BOGOVNIK"

Abstract: Ismet Rebronja (1942–2006) belongs to the corpus of Montenegrin, Serbian and Bosniak literature. One of the main thematic-motive dominants of the writer's poetics is a myth. This paper has dealt with the Slavic neomythologism in the poetry of Ismet Rebronja in the books of poems *Gazilar* (1978), *Sreda i sreda kći* (1983), *Paganska krv* (1986), and *Keronika* (1991). The mythopoetic image of Ismet Rebronja's world consists of people, gods, animals, and plants. The "heroes" of the poems are pagans — the Slavs, but also members of monotheism (Islam). The key parts of the mythopoetic world of Rebronja's man are the gods and lower deities. Apart from the gods known from the literature, in this pantheon, there are also those who are the author's creation. Mythical creatures and *shadowy* animals play an important role. The man of this world be-

longs primarily to an agrarian culture, so plants (grains, medicinal herbs, sacred trees) also occupy a privileged place. This space is constructed in the form of clean and unclean places, and some timelines are tabooed (days/parts of days). The image of the Slavic world sometimes starts with written sources, which the author takes often in a polemical way, especially when it comes to texts that present the Slavs as the *wild* other. Rebronja sings about a Slavic man placed in a large space-time span, contemplating the formation of his identity and place within and between different *civilized* and barbaric people.

Keywords: Slavic gods, snake, weasel, dragon, demons, sacred tree, sacrifice, pagans, upside-down world.

Исмет Ребронья (1942–2006) по месту своего рождения и воспитания (Годуша близ Биелого Поля, Черногория) и по большей части жизненного и творческого пути (Нови Пазар, Сербия) принадлежит к корпусу черногорской, сербской и боснийской литературы. Он в равной степени связан с течениями современной сербской поэзии и балканской боснийской литературы, играя в последней во многих отношениях роль логофета¹. Одной из главных доминант в поэтике этого автора, в его темах и мотивах, является миф. Основное внимание в этой работе мы уделим славянскому неомифологизму в поэзии Исмета Реброньи, в его книгах «Газилар» (1978), «Среда и Среда-Дочь» (1983), «Языческая кровь» (1986), «Кероника» (1991), обращаясь, по мере необходимости, и к его прозаическим трудам.

Мифопоэтическую картину мира Исмета Реброньи составляют люди, боги, животные и растения. Герои его стихотворений — язычники-славяне и вместе с тем приверженцы монотеизма (ислама), населяющие область Санджака, в мировосприятии которых глубоко укоренены народные предания, ритуалы и обряды. В существующих на сегодняшний день исследованиях творчества Реброньи утверждается, что при создании своего славянского поэтического мира он использовал исторические данные из текстов Сакса Грамматика, Псевдо Цезария, Прокопия, Константина Порфирогенита, а также летописей Нестора, пользуясь, кроме того, выводами, представленными в работах Веселина Чайкановича. Отдельные элементы славянской религиозной жизни могут рассматриваться и как результат этимологических изысканий самого автора. Значительную роль в формировании мифопоэтической картины мира Исмета Реброньи сыграли

¹ *Пешикан Љуштановић Љ.* Модерни песник и древна прича // *U spomen Ismetu Rebronji* (1942–2006). Novi Pazar, 2010. С. 99.

жители современного Санджака, сохранившие остатки языческой культуры в устной традиции и в отдельных областях своей жизни. Исходя из этого, мы разделяем позицию Теодора Росича, который утверждает, что речь идет о воспевателе культуры, чьи «темы и мотивы направлены на разгадку тайн культуры и цивилизации»².

Определяя основные мотивы в сборнике стихотворений Реброњи «Газилар», можно обнаружить, что они составляют триаду «человек — природа — смерть»³. Человек здесь принадлежит к аграрной культуре и в этом качестве является неотъемлемой частью природы в самом широком смысле слова, идет ли речь о его жизни или смерти. Например, в стихотворении «Ствол» (*Стабло*)⁴ человек, переходящий через поле, судя по всему, мертвый, переживает частичное превращение в дерево: «У него синие ветви, Выросшие, Вынуто сердце, И нутро травяное». При этом его новая экзистенциальная роль состоит в том, чтобы быть пристанищем для пчел. В стихотворении «Женщина и орел» женщина поит орла⁵, очевидно, для того чтобы повесить плодородие и сохранить урожай, а зеленая птица «предвещает из леса зло»: «Облака уничтожат Пшеницу, Гром зажжет Село». Лирический герой в стихотворении «Невестица» во время косьбы случайно уничтожает гнездо ласки⁶ и в страхе ожидает мести животного, которое может убить в лесу его сына, а в других строках крот-отец ведет тайные разговоры с кротом, заставляя его встречаться с мертвыми⁷.

² *Pociћ T.* Тематско-мотивске доминанте у поезији Исмета Реброње // *U spomen Ismetu Rebronji* (1942–2006). С. 17–19.

³ Мотив смерти обозначен в самом названии заглавного стихотворения сборника, поскольку Газилар — это одно из крупнейших мусульманских кладбищ в Санджаке, расположенного в городе Нови-Пазар.

⁴ Стихотворения будут цитироваться в подстрочном переводе по изданиям: *Реброња И.* Газилар. Београд, 1978; *Реброња И.* Среда и Среда кћи. Београд, 1983. *Реброња И.* Паганска крв. Београд, 1986; *Реброња И.* Кероника. Београд, 1991.

⁵ О верованиях, связанных с орлом у славян см.: *Гура А.* Символика животиња у словенској народној традицији. Београд, 2005. С. 456–458.

⁶ Сам Реброња в книге «Собака Сократа» (*Сократов пас*) упоминает о мстительной ласке, рассказывая историю, случившуюся в Бихоре и подобную той, что была записана Д. Бандичем в Шумади, о матери-ласке, которая чуть не отравила косарей, думая, что они убили ее детей: «В Бихоре ласка была в некотором смысле табу. Никто не должен был убивать ее, потому что она могла подуть, как змея, то есть убить без прикосновения, одним своим дыханием» (*Rebronja I. Sokratov pas*. Podgorica, 2009. С. 45). См. также: *Гура А.* Символика животиња у словенској народној традицији. С. 150–151.

⁷ Стихотворению «Крот» предшествует стихотворение «Винтовка», в котором говорится, что выстрел висящего на стене дробовика разбудил отца среди ночи и заставил его отправиться на охоту, а вечером он вернулся домой едва живой.

Человеку может грозить падеж скота, гибель урожая, его самого или его домочадцев, при этом первые две беды по значимости почти равносильны последним. Все это может быть вызвано демонами («Змея была в селе, и бесновались стада»), сплетением драматических обстоятельств, подобных удару грома (стихотворение «Орех») или вызванных грехами общины: «Что-то произошло и воду выпили. Жаждой страдают девушки и звери. Почему что-то произошло и воду выпили? Потому что мы большие грешники» (стихотворение «Высохла добрая вода»). Кроме уже упомянутых животных, в жизни человека особое место занимает змея, связанная с женским материнским началом («Лишь родится человек, змея будит его мать»), и подчеркивается ее роль хранительницы дома⁸ («Есть одна змея, ползает по стенам») и великий грех такую змею убить⁹ (стихотворение «Змея»¹⁰).

Смерть днем и ночью подстерегает человека. Она может наступить в результате насилия (стихотворение «Полдень»), неосмотрительного поведения или поступка (стихотворение «Хава), самоубийства («Несчастье»), непогоды («Орех»), или же вовсе без всякой причины («Белая девушка», «До утра»). Хава умерла из-за хохота, падая с проклятой черешни. Причины этого несчастья, возможно, кроются в двух известных народных верованиях, одно из которых сообщает, что женщине не подобает «залезать на дерево, ибо она недостойна этого»¹¹, а другое относится к числу бытующих у мусульман преданий или «сказок», где черешня — это священное дерево¹². В. Чайка-

Наверное, поэтому он получает возможность общаться с мертвыми и говорить молча, и сам он мертв, потому что для героя этой книги убить животное равносильно самоубийству — после этого он становится частью потустороннего мира. Возможно, поэтому в стихотворении «До утра» его кровать ночью пуста. В дополнение к этим интерпретациям можно вспомнить верования о кроте как о хтоническом животном, связанном со смертью (см.: *Гура А.* Символика животного у словенской народной традиции. С. 196–204).

⁸ «По селу прошла / Женщина / Вся в белом / С зеленой веткой / В руках / И стада сошли с ума / И за женщиной / В лес пошли». Белый цвет как атрибут демонического и потустороннего в этой книге встречается нередко.

⁹ Петар Костиц (1989) также писал о культе змеи, об образе змеи-хранительницы в верованиях сербов и боснийцев Сеничко-Пештерской равнины, а также о других сходствах и различиях в традиционных культурах этих двух народов, населяющих упомянутый регион.

¹⁰ «Почти незаметный человек, гармонист убивает / Змею / Гармонист и не знает, / Насколько мал человек, / А змея велика» («Змея»).

¹¹ *Пећо Љ.* Обичаји и веровања из Босне. СЕЗ. Књ. XXXII. Београд, 1925. С. 375.

¹² *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1994. С. 199.

нович приводит данные о том, что в некоторых местах черешня считается проклятым деревом, а в религиозных обрядах большую роль играет сжигания вишневого коры, из которой делают факелы под названием лила¹³, а также устройство идолов из вишневых пней¹⁴.

О греховности самоубийства Реброњя говорит в стихотворениях «Несчастье» и «Белая птица». В первом из них музыкант Сулейман покончил с жизнью, убедившись в безумстве своего искусства, и как самоубийца он мог быть похоронен не на кладбище, а лишь под березой. Во втором стихотворении, которое составляет своеобразный диптих с первым, поется о девушке, молящейся за душу Сулеймана: «Наконец / Греховный Сулейман / Был перенесен / Под другую березу». «Беспокойные» мертвые посещают и тревожат живых, и даже могут навредить им. Героиня стихотворения «Невид» «Цветами и костями / Косарей засыпает / Милых отводит / На Лим, чтобы купать, / У пахарей плуги крадет / На ткацком станке нити рвет / Потом закалывает птиц / И душит серн, / Раскидывает коноплю». Причина такого поведения девушки-покойницы, вероятнее всего, заключена в том, что при жизни она не познала любви, не состоялась в роли супруги и матери. Подобно ей ведет себя и Белая девушка — умершая сестра лирического героя: «Как ни пройду близ Газилара / Она в белое полотно заворачивается. / Вечером в белую птицу / Обращается / Дом наш обходит стороной / И на Лим летает». Крестьянин Эмро каждую ночь приходит спать в дом отца лирического героя, но ничем не может ему помочь¹⁵. В традиционной культуре даже человек, погибший от удара грома, не мог быть похоронен на кладбище, чтобы не навредить живым, то есть своей смертью не вызвать непо-

¹³ Сжигание коры дикой вишни в канун Петрова Дня — это обычай сербов и боснийцев (см.: *Петровић П.Ж.* Лила и олалија и сродни обичаји. Београд, 1927. С. 4–17). М. Неделькович рассказывает о лиле в разных частях Сербии, особенно на Сеничко-Пештерской равнине, в окрестностях Сеницы и Нови-Пазара (*Неделькович М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990. С. 139–140). Авторы не оспаривают влияние обеих религий на этот обычай, подчеркивая его древность и считая, что он не является коренным обычаем южных славян. Черешня была запрещена в использовании для практических целей, и говорят, что св. Сава благословил плод черешни, но дерево проклял (*Кулушић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1998. С. 344).

¹⁴ *Кулушић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1998. С. 343–345.

¹⁵ Это стихотворение «До утра» в книге следует после стихотворения «Крот», так что возможной причиной деятельности покойного является тайное сотрудничество отца с кротом.

ходу. По этой причине путник, убитый громом под орехом, был похоронен на том же самом месте, где его настигла смерть¹⁶: «Когда заходит солнце, / Путник / Залезает на дерево / Собирает орехи до зари / Никто не может пройти по селу до рассвета». Все же те, кто умерли спокойно и в течение жизни были цельными натурами, успокаиваются и после смерти («Спи, кладбище»)¹⁷. К ним относится и Хамза, который «был на хорошем счету и выглядел представительно — [...] / Сейчас на его могиле муравейник, и по нему я узнаю Хамзу»¹⁸.

Как мы видим, герои книги «Газилар» — это представители человеческого общества, члены семьи, в нескольких стихотворениях они называются «человек» и «женщина», в то время как в других стихах они носят боснийские имена собственные, и из контекста видно, что они близки лирическому герою. Когда речь идет о существах из другого мира, они в основном представлены в виде не нашедших упокоения покойников или табуированных животных (змея, ласка, крот), Божества же, как таковые, нигде не упоминаются, если не принимать во внимание неопределенное «Что-то» из стихотворения «Высохла добрая вода».

В отличие от книги «Газилар», в сборнике стихотворений «Среда и Среда-Дочь» ситуация несколько иная. Пространство здесь во многом определено точнее: помимо привычных мест, таких как дом и усадьба, дорога, лес и гора, автор почти каждое стихотворение

¹⁶ Душан Бандич заявляет, ссылаясь, в том числе, и на записи Тихомира Джорджевича, что умершие насильственной смертью являлись «нечистыми», что на них было наложено табу и их не хоронили на кладбищах, чтобы не беспокоить других умерших, а тем самым и всю деревенскую общину, или чтобы они не стали причиной некоего другого несчастья, которое было бы связано с причиной их смерти (*Bandić D. Tabu u tradicionalnoj kulturi Srba. Beograd, 1980. S. 134–135.*)

¹⁷ Лиля, как утверждает автор в последнем разделе книги стихов «Среда и Среда-Дочь» («И еще это»), это бабушка, мать отца (*Реброња И. Среда и Среда кћи. С. 55*), а в конце книги «Кероника», лиле дается следующее определение: «Славянская богиня молока», в честь которой накануне 29-го июня жгут костры-лилы (слово *лила* в сербскохорватском означает грудь, грудь матери, мать, старуху, а также ритуальный костер, в котором горит береза или кора черешни) (*Реброња И. Кероника. Београд, 1991. С. 78*).

¹⁸ Если мы прочтем этот поэтический образ в ключе традиционной культуры, мы сможем включить в его толкование веру в связь муравья с хтоническим миром, с душами умерших, то есть все то, из-за чего муравейник нельзя разорять, а муравьев нельзя убивать, потому что тот, кто делает это, будет наказан. (См. *Кулушић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. С. 312; Гура А. Символика животиња у словенској народној традицији. С. 381–386; Чајкановић В. Стара српска религија и митологија. Београд, 1994. С. 101*).

связывает с некоторыми из микро-топонимов, о которых сообщает в «Дополнениях» к этой книге, а также в сборниках «Кероника» («Боговник») и «Nulla Insula» («Appendix I») ¹⁹.

Самыми употребительными топонимами у И. Реброњи являются пещера Лиса, гора Лазма и река Потайница, а также и гора Ком. В своих объяснениях автор сообщает, что он пытался сначала по преданию Якуба, а потом позднее найти пещеру Лиса на картах и в книгах, что Лиса — это гора Зла; еще он говорит о том, что ребенком, верил, будто на горе Лазма живут «невидимые козы, у которых облик человеческий, а шерсть и рога — козы» ²⁰. Он полагал, что пещеру и гору населяют некие существа *стравила*. Упомянутые в книге топонимы обозначают чужое, нечистое пространство, то есть места, населенные демонами, опасными для человека. Сборник этот открывается стихотворением «Лиса на полпути», и можно считать, что оно играет роль предисловия. Здесь вводятся топонимы пещера Лиса и Потайница как пространственные координаты, образы Горопада — лесного божества, которое крушит деревья в лесу, и девушки Белы — будущей жертвы, любимой пищи богов. Кроме того, здесь возникает славянская богиня рода и плодородия Среда и прочие призрачные персонажи.

В упомянутых «Дополнениях» к сборнику можно найти объяснения, связанные с определенными историческими событиями (личного, местного или общеисторического характера), и особенно драгоценны объяснения, касающиеся так называемых *божил*. Под ними подразумеваются славянские боги и боги других языческих религий, а также божества низшего порядка, «такие как пни или домовые» ²¹. Автор также разъясняет эпитеты, относящиеся к стихотворным образам особых растений и животных ²².

Когда речь заходит о людях, то она связана с интересом к далекому славянскому прошлому, поэтому в стихах поется о сыне Дивине,

¹⁹ О топонимах своего края, а также других областей, населенных славянами, Реброња говорит и в своих этимологических исследованиях, собранных в еще не опубликованной работе «Etymologicon», выдержки из которой вышли посмертно в книге «Собака Сократа».

²⁰ Реброња И. Среда и Среда кћи. С. 52–53.

²¹ Реброња И. Nulla insula. Pljevlja, 2007. С. 338.

²² Эти разъяснения очень ценны для читателей и исследователей творчества Реброњи, поскольку они смягчают «герметичность, которая сопровождает развитие поэзии» (Самарџија С. Речи у времену. Београд, 2018. С. 491).

девушке по имени Бела, Дуридане и прочих²³. Переходя же к категории демонов и божеств, Ребронья переносится в эпоху сотворения персонифицированных божеств в ходе лингво-исторического процесса. Там же, где образ какого-либо бога появляется впервые, ему дается особое имя, взятое из наиболее близкой сферы, которой он управляет²⁴. Таким образом, в этой книге мы найдем Здухача, Врана и Брзана, божила Горопода, Жестокого Смука и Жестокого Оса, Дремона, Бескрила и, конечно же, Среду и Среду-Дочь.

Среда²⁵ и ее дочери Зеба и Ватрена — это единственные женские божества (демоны) в этой книге. Они действуют среди людей самостоятельно или совместно с каким-либо другим божеством, которое причиняет вред, вызванный собственными злыми намерениями или проступком человека. Так, в стихотворении «Склоны» (*Откоси*) они изображаются как защитницы детей, однако они бессильны перед Жестоким Смуком и Жестоким Осом: «Он зовет детей, и они покрываются стружьями», а исцеление наступает лишь после вмешательства Здухача²⁶. Божественная природа Среды подчеркнута в стихотворении «Вечера», в котором представлена картина своеобразного

²³ Подобные именованья людей — одна из важных особенностей и книги прозы «Белые внуки» (1986), основной темой которой является языческое прошлое славян, но в которой также говорится и о переходе членов семьи к монотеистическим религиям.

²⁴ В книге «Язык и миф: вклад в изучение имен богов» Эрнст Касирер цитирует выводы исследования Германа Узенера об именах богов, в том числе и богов литовцев, так что «мы видим, помимо бога снега мерцающего Близгулиса, также бога крупного рогатого скота воющего Баубиса, бога пчел гудящего Бирбулиса, а также бога землетрясения громяющего Дребкулиса» (*Касирер Е. Язык и миф: прилог проучавану имена богова. Сремски Карловци — Нови Сад, 1998. С. 148*).

²⁵ О верованиях в Среду в своей семье автор в «Дополнениях» говорит следующее: «Бабушка, мать отца, учила нас послушанию. На искаженном арабском. Днем. И в сумерках она запирала дверь, затыкала замочные скважины и щели под порогом, чтобы не вошла Среда. Она говорила, что Среда — это женщина, не злая и не добрая, у нее конопляные волосы. И у нее также есть дочери. Бабушка никогда не пряла накануне среды. В конце жизни бабушка была забывчивой. И я всегда напоминал ей о кануне среды. И она покорно бросала кудель» (*Ребронья И. Nulla insula. С. 55*).

²⁶ «Здухач — по сербским и черногорским поверьям, человек или животное с демоническими свойствами, обладающий способностью бороться с непогодой, защищая свои угодья от нападения других демонов. Здухач принадлежит к категории двоедушников: во время сна душа Здухача-человека или Здухача-животного покидает тело и, отправляясь на борьбу с демоническими противниками, ведет за собой ветры и гонит градоносные тучи» (*Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 2. С. 303*) (*Прим. редактора*).

жертвоприношения: «Перед Средой урожай меда / Сноп ржи / И живой Зеленый Кос // Среда вершит суд / И дети горячи, как ячменные зерна / Мы не будем говорить, чем ужинает Среда». Различные способы защиты и табуирование определенных женских занятий, то есть нарушение запрета и страх наказания переданы в стихотворении «Из-за руна» (*Због руна*). Чтобы защитить плоды и домочадцев, Среду привязали к вершине тиса, у ворот поставили белого быка, перед ульями зажгли лучину и просыпали семя дикого льна, женщин же связали, чтобы они случайно не согрешили, занявшись работой, а мужчины заснули под черешней. Однако, перед самой полночью мать отца нарушила запрет, что должно было вызвать наказание со стороны Среды. Среда в стихотворении «Вид» (*Вид*) представлена как злой демон, ибо все блага и достаток семьи пропадают, стоит ей их увидеть: «Голос петуха прерывается / У быка истончился рог / Пшеничный колос побелел // Сын Дивина без обеих лошадей кочует к Лисе».

Среди мужских божеств (или демонов) в поэзии РеброЊи доминирует Горопад, о котором автор говорит, что это «лесное божество, ломающее деревья во время ходьбы по лесу»²⁷. В нескольких стихотворениях он показан как могущественная сила, которой побаиваются, которой угождают, но его облик наиболее рельефно показан в стихотворении «Небрежный» (*Неопрез*). Здесь люди молятся ему о плодородии, и если приносят жертву, то он «открывает небеса»²⁸. Однако вследствие людской неосторожности, вызвавшей убийство Дрозда²⁹, небеса закрываются.

Здухачи выступают в этой книге как защитники людей. Они участвуют в их жизни, особенно когда те сталкиваются с неудачами. Иными словами, они действуют как активные и равноправные члены общества, что вполне соответствует духу традиционной веры в этих персонажей. Наиболее выразительно о деятельности здухачей говорят стихотворения «Обзовка, Душителъ и Памятник» (*Обзовка*,

²⁷ РеброЊа И. *Nulla insula*. С. 345.

²⁸ Легенду о Горопаде автору, вероятно, рассказывал дедушка: «Дедушка не запрещал нам глядеть в небо. Дедушка говорил, чтобы мы подходили, когда небеса открываются. Тогда можно пожелать всего, что угодно. Горопад даст нам все с открытых небес» (*РеброЊа И. Среда и Среда* кн. С. 56).

²⁹ Дрозд в этой книге — это лесное божество или дух, который, кажется, немного ниже по статусу, но все же очень важный, он может быть принесен в жертву, может предсказывать судьбу.

Здухач и Помен): «Борьбу за спасение дома, / домашнего очага ведут здухачи Вран и Брзан против Дождевняка с Земли и Дождевняка с Неба»³⁰. Те окружают дом, желая завладеть его обитателями, уничтожить их, желая, разрушить домашний очаг. Здухач в одноименном стихотворении, видимо, близко связан с отцом семейства, а, может быть, является одним лицом с ним. Олень, «превращенный в отца», угрожает градом. А отец, простертый над ячменным полем, защищает посевы, чтобы драма борьбы со стихией окончилась победой. Связь отца и здухача мы видим и в стихотворении «Памятник» (*Помен*):

В сумраке является Сын Дремон

В перьях Коса

Воздвигает памятник отцу

Мы в молитвах как овцы на пастбище

Произносим кость и глаз

Здухач входит в ствол березы

Утром сторукий памятник

Пустил листья

Мы оказались в прохладе.

При том, что в основе книги «Среда и Среда-Дочь» лежат религиозные аспекты традиционной культуры и языческой религии славян, в двух стихотворениях и в нескольких отрывках из раздела «И еще это» (*И још ово*), без которых нам сложно было бы понять содержание стихов, угадываются признаки исламизации общества, а именно — начало двоеверия³¹. Речь идет о стихотворениях «Бройница» и «Святое место». Первая и третья строфы первого стихотворения содержат молитву отца и старца: «Белые овцы / Черные овцы / Голос молитвы». Как поясняет автор, «дед не умел молиться Богу. Наш родственник Хаджи-Захир сказал деду, что надо поклоняться

³⁰ В этом стихотворении автор придает дождевому червю отрицательные черты, хотя в традиционных славянских культурах он имеет позитивную символику (Словенска митологија: енциклопедијски речник. / Ред. С.М. Толстој, Љ. Раденковић. Београд, 2001. С. 146–147). Мы нашли только одно негативное свидетельство о дождевых червях, которое предположительно возникло от падших ангелов, не попавших в ад, хотя Бог проклял их и изгнал с небес (*Zovko I. Od hrvatskog naroda po Herceg-Bosni, Mañi prinosi. Vjerovaña iz Herceg-Bosne. Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Sv. IV. Zagreb, 1899. S. 146*).

³¹ Об этом см.: *Zirojević O. Islamizacija na jugoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd, 2003. S. 43.*

Богу со словами «Белые овцы, черные овцы» вместо молитв из Корана, если человек не знает мусульманских молитв (дов). Дед однажды так молился в поле». Вторая и третья строфы отражают проблему своеобразного бунта древних божеств (Оса, Ужа, Горопада) и священных растений: «Не шелохнется бор / Не цветет черешня / Все умолкло»³². Переплетение новой и старой религий очевидно и в стихотворении «Святое место», в котором присутствуют мотивы Черного Камня (Кьябе), а также фигурируют Зеба, Среда и Среда-Дочь. Значение *Детей Черного Камня*, из которых делают ожерелья женские божества, становится нам ясным лишь после чтения «Дополнений», где говорится о детской вере автора в то, что маленькие черные камешки, которые он собирал для ожерелий, это Дети Черного Камня, то есть бусины, которые просыпал его родственник³³.

Книга стихотворений «Языческая кровь» появилась в том же году, что и прозаическое сочинение «Белые внуки», заметна и перекличка между этими двумя книгами. Точнее, стихи из «Языческой крови» — это лирические записи, сопровождающие жизнь славянской общины во времена многобожия и, в меньшей степени, в начале христианизации славянских племен, что также является темой вышеупомянутой прозы³⁴. В отличие от предшествующего сборника,

³² Следующая цитата также говорит о своеобразном двоеверии в народе: «Мы уважали Среду. И дождь. Град и Тис. Мы также уважали ужа, рогатую гадюку и Лису. Мы верили Лиле и Якубу. На арабском языке Ли́ла научила нас послушанию Богу. А мы думали, что бог — это большая сосна над нашей деревней. И мы верили, что женой бога была черная черешня в скале над деревней». (*Реброња И. Среда и Среда књи. С. 55*).

³³ *Реброња И. Среда и Среда књи. С. 53–54*.

³⁴ Прозаическая книга «Белые внуки» охватывает гораздо более широкий временной интервал, чем книга стихов «Языческая кровь» (см. *Лотин А.* (Не)повестье у приповедаче и хроничаре у прози Бели унци Исмета Реброње // *Zbornik radova o književnom stvaralaštvu Ismeta Rebronje*, ur. N. Rebronja. Beograd, 2018. С. 43–54). О мифопоэтической картине мира в этой книге см.: *Жижовић О.* Митопоетски свет Исмета Реброње у роману Бели унци // *Zbornik radova o književnom stvaralaštvu Ismeta Rebronje*, ur. N. Rebronja. С. 95–114). Объяснение синтагмы «белые внуки» мы находим в книге «Собака Сократа»: «В Бихоре белый внук — это каждый потомок после внука, то есть правнук, а белый дед — каждый предок перед своим дедом. Белые сербы или белые хорваты — это те, кто где-то далеко и о которых осталось еще слабое воспоминание. Это метафора. Красное — это то, что ближе по крови, а белое — это то, что по крови дальше, ибо кровь со временем становится прозрачной и белеет. Связи (родственные, по крови) ослабевают. Таким образом, белый русский — это некто, уже не вполне русский...» (*Rebronja I. Sokratov pas. Podgorica, 2009. S. 71*). Поэтому можно сказать, что стихотворения книги «Языческая кровь» уже рассказывают о временах белых дедов.

который был локально маркирован, этот больше связан с событиями биографии самого поэта. В этой книге пространственно-временные рамки уходят намного дальше в славянское прошлое, а лирические герои могут принадлежать к любой славянской общине. Однако и здесь автор придерживается того же способа именованя людей и божеств, о котором уже говорилось ранее. Так, нам являются девушки Куна, Бела, Српа, Срна, охотник Ясик, Подбела, воевода Сверук, пастухи Забела, Хладжа, Раджа³⁵ и боги Дивизма, Бреза, Оплода, Богоража, Богодажда, Добросила и, наконец, Древогоя...

Основные темы книги «Языческая кровь» — это взаимоотношения человека и богов и влияние исторических событий на человека и славянскую общину, особенно влияние крещения, переселений и войн. Человек, принадлежащий этому обществу, ежедневно находится в контакте с богами. Поскольку речь идет о человеке аграрной и охотничьей культуры, почти вся деятельность его подчинена борьбе с непогодой и связана с защитой стад и плодов, от которых зависит его жизнь. Так, например, в стихотворении «Залужане огораживают село» из цикла «Богораж» представлен обряд опаживания, который проводят по указанию старого охотника Ясик «две голые сестры, Куна и Бела». Старец совершает некий чин и над берестой, так что козосродные боги, Дивизма и Брез, очевидно, более близкие демонам, нежели богам, покидают огороженное пространство.

Боги, о которых говорится в этой книге, требуют, чтобы им угождали различным образом³⁶, преимущественно в виде жертвоприношений, при этом очень часто они сами или их тени, которые связываются с определенными деревьями, оплодотворяют смертных женщин. Об оплодотворении говорится в стихотворении «Журавль во льну», «Гость» и «Сверукова засуха». Темой первого стихотворения является принесение жертвы из растений, что вызывает сход божил с гор, приносящих с собой ствол черной сосны, а на нем главного бога, то есть его *тень*. Он приказывает, чтобы «божила раз-

³⁵ Некоторая пространственно-временная маркировка была достигнута во втором и третьем циклах стихов в именах таких людей, как Добросрб, Дабижив, Вида, Дабиша, Белиша, Грубиша, Косара, принадлежавших к сербскому ареалу (ср.: *Грковий М. Речник личних имена код Срба*. Београд, 1987).

³⁶ Наиболее безболезненное общение между человеком и богом здесь — это молитвы, не исключющие жертвоприношения (стихотворения «Молитва о кабане», «Сверук прославляет бога Гора», «Молитва о ежевике», «Молитва о змеях», «Молитва богу Грома»).

множали стада», однако «С кобылы и со стад / Сошли все божила / Навалились на невесту». В другом стихотворении боги посетили людей в виде путников (нежданных гостей)³⁷ и под грушей «Оставили тени / Чтобы оплодотворить женщину». В третьем стихотворении говорится о большем числе происшествий: о выборе Сверука воеводой, о прелюбодеянии в поле охотника Негобрата и жены Грабула, о рождении молодого бога, о деятельности божил, срывающих планы охотников, и о возникновении засухи под влиянием бога Оплода.

Когда дело касается жертвоприношения богам, обычно это кровавая жертва, а иногда приношение овощей или молока³⁸. В песне «Хладж зовет Богодажда» герой во время засухи, вызванной Огнибогом в отсутствие Богодажда, закалывает ночью ягненка в качестве дара богу дождя³⁹. Ягненок является жертвой и в стихотворении «Добросрб совершил грех». Грех человека здесь состоит в том, что ночью он поджигает вишневое дерево, что вызывает гибель новорожденного ребенка и жеребенка. Согласно голосу из леса, Добросрб должен принести жертву под тисовым деревом, что он и делает с помощью своего брата Пештера и племянника Божетка. Жертва была принята богами Костором и Владжом, которые сообщают об этом тису⁴⁰, и тогда жеребец и дочь оживают, а стадо Добросрба увеличивается. Дабижив в одноименном стихотворении, напротив, послушен: после жатвы он приносит Богоражу зерно, а Владжу — черную кровь⁴¹ после посева.

³⁷ О гостеприимстве по отношению к страннику, обусловленном тем, что он, возможно, имеет божественную природу, говорится в стихотворении «Грубиша просит путешественника зайти». Человек обещает приносить в жертву растения, хлеб, а также поклоняться пням.

³⁸ Многочисленные примеры жертвоприношений, а также переход от принесения в жертву животных к растительным жертвам можно найти в книге «Белые внуки».

³⁹ Стихотворение заканчивается словами Хладжа, который провозглашает себя богом дождя, поскольку Богодажд так и не появляется. Такое утверждение может быть истолковано как своего рода бунт против бога, который не выполняет своих обязательств перед человеческим сообществом. Подобный мотив мы находим и в стихотворении «Охотник Подбел», в котором человек обладает способностью понимать язык животных и отказывается становиться «жертвенной травой» (здесь используется игра слов, ведь подбел — это лекарственная трава).

⁴⁰ В поэтике Исмета РеброЊи тис, помимо того, что является мощным апотропеем, также играет роль дающего тень священного дерева и, вместе с тем, он имеет выраженные признаки божества, особенно в стихотворении «Белые внуки».

⁴¹ Кровавая жертва животного является мотивом для стихотворений «Сверук прославляет бога Гора», «Молитва о ежевике», в то время как о молочном жертвоприношении (молоко женщины, то есть молочная рожь) упоминается в стихотворении «Дойка» (*Мужса*).

О человеческом жертвоприношении⁴² рассказывают написанные почти как драмы стихотворения «Српа», «На тисе говорит Српа» и «Говорит Радж». Жители Белого Залуга просят бога Треборуя из Маглена не брать девочку Српу у тисового дерева, взамен они обещают принести ему в жертву кровь животных (оленя, козерога и козла)⁴³. В другом стихотворении девушка, ожидающая, что ее принесут в жертву, отрицает существование богов в Заселье и указывает своему палачу, что град не обойдет их стороной, если они убьют ее: «Моя кровь не усыпит богов», «Богам нет дела до ржи», «Из-за моей крови / Не перестанет град», «В подлеске / Неспokoйные осины / И дерево и лист / Это не боги / Уже дует ветер / Упало гнездо горлицы / Боги не виноваты, виноват ветер // Не дери горло, Радж». В третьем из указанных стихотворений Радж перечисляет все несчастья, которые постигнут их общину, если Српа добровольно не пожертвует собой, и говорит обо всех тех благах, которые будут даны народу и ее душе богом Житодаром. Он указывает, почему лишь она подходит для жертвоприношения: «У тебя Српа волосы / Как у спелой конопли / И у тебя глаза как льняное семя / У тебя желтые руки / От сот / Ты легко отгонишь рой пчел // Бог пчел любит твою кровь». Интересно, что в этом стихотворении также говорится о том, как видит себя община: «И Житодар может сделать нас волками / И мы сами, думая, что мы волки / Страдающие на горе жаждой / Идя на источник / Мы несем мед / Мы покупаем стрелы / И белые ножи». Говорится также о том, как их видят другие, *цивилизированные* народы: «Когда мы во Фракии / Ищем соль для стад / Женщины прячутся / Боясь, что / Мы съедем их груди / А детей разобьем о стену // Житодар накажет Фракию»⁴⁴.

⁴² О принесении в жертву юношей и девушек по жребию говорится и в «Повести временных лет» (*Нестор Повијест минулих љета или Несторов љетопис*. Београд, 2003. С. 49–52).

⁴³ В стихотворении также упоминаются другие боги, властители определенных местностей: Буй хранит источник, в котором спит Крилокос, владелец стада и растений Маглен — горы, Бог из Заселья — Благой Буй.

⁴⁴ В этом описании славян мы узнаем часть текста Псевдо-Цезаря о Склавинах, в котором также говорится, что славяне перекликаются между собой как волки, когда те начинают выть. В стихотворении «Обращение к богу Жишке» кроме этого историка, названного Псевдом, также упоминается Феофилакт Симоката, причем оба в негативном контексте. Историческую конкретизацию, связанную с христианизацией славян, то есть свидетельство Сакса Грамматика о короле Вальдемаре и острове Руян, мы находим в подтексте стихотворения «Возвращение Сакса Грамматика».

Книга стихов «Языческая кровь» заканчивается «Хвалой Житодару». Из ее содержания следует, что в общине, о которой все это время говорилось, он, пожалуй, самый важный бог. Житодар и физически весьма велик: его глаза, как два озера, его зубы, как белые колышки, забитые вокруг поля, его руки, как реки; он хранит «наше племя в горах»; у него острый серп и тупой молот; он силен: «Кто не сдастся Житодару, / Будет сломан, как сухая соломинка». В стихотворении «Языческая кровь» лирический субъект рассказывает о своем рождении и заявляет, что он — дитя бога Младжа: «Охотники говорят, что Младж / С ужом прошел через рожь // И потому в мать / Пролил языческую кровь».

Книга стихов «Кероника» названа по последнему стихотворению в сборнике. Там среди прочего, говорится о том, что Кероника «снимает штаны в общественном месте, обычно на обочине дороги или на собраниях», с целью, вероятно, «выяснить, согласны ли боги принять жертву». Этот «обряд» также проводился над скотоводами, которые отказывались спаривать мериносовых овец с овцами печорской породы. Содержание стихотворения является своего рода путешествием во времени. Оно сопровождается совершением этого обряда с целью наказания, как это делалось, начиная с древности у славян и кельтов, во времена Второй мировой войны и в послевоенный период вплоть до современности, то есть до того момента, о котором рассказывает Реброња. В конце стихотворения высказывается сомнение лирического субъекта по поводу возможности искоренения этого обычая и в целом по поводу цивилизованности Европы: «Я говорю своему другу а он не отвечает / Европа цивилизована / Дьявол цивилизован / Когда у меня на уде будет спать муха // А в общем у Европы / Невинность отнял бык / И не важно что / Это был Зевс // Тот кто предал псу / Девушку Европу после / Ездовых ночей / В пещерах Беотии». Именно такой принцип построения стихотворений мы встречаем почти во всей этой книге: мотивы и темы славянского прошлого (с часто возникающими ссылками на античность) обрамлены голосом лирического героя из настоящего⁴⁵. Он погружается в славянское прошлое, чаще всего, чтобы вырваться из бредовой политической реальности или показать с помощью дитахроническо-

⁴⁵ Чаще всего лирический субъект начинает свой рассказ с картины современности, которая мотивирует его обращение к прошлому, чтобы в конечном итоге вновь вернуться в настоящее.

го «зонда», что некоторые исторические обстоятельства являются предопределяющими для славянских племен. Книга стихов «Кероника» от проанализированных ранее сборников отличается явными связями с письменной литературой, то есть в ней больше мотивов, связанных с историей разных славянских народов (племен), прежде всего народа русского. Например, в стихотворении «Изображение Бодрика» лирический субъект выступает потомком Бодричей, описывает их герб и говорит о храме в Ретре, о Титмаре и крещении славян, в то время как в стихотворении «Змејне Вали», помимо прочего, упоминаются подробности из «Повести временных лет». Разумеется, в этой книге имеются и стихотворения более личного характера, в которых говорится об отце или других членах семьи лирического субъекта («Через мост», «Ужин крота», «Я и грецкий орех», «Скифская требуха», «Лейла Ясика»). Тем не менее, и в них иногда имеются указания на известные цитаты, взятые, например, из «Истории» Геродота (поэма «Скифская требуха»).

Мир настоящего в этой книге Реброньи перевернут, и кажется, что он уходит в мифическое прошлое, чтобы, по крайней мере, фиктивно восстановить то время. Урегулирование этой ситуации отражено в стихотворении «Пчелиный бог приходит»: «Гром поворачивается против Солнца, растения растут вверх ногами», «Вены граба обращены вверх / Ветви на земле». Все это можно истолковать как нарушение космоса или выворачивание древа мира. При этом лирический субъект задается вопросом, не настало ли время появиться матери Перуна, богине Лоте и Осени, богу пчел. Таким образом, приближается время *судного дня*, а возвращение той, «с белым дождем» и бога благородных насекомых, возможно, могло бы создать новый космос. Апокалиптическую картину гораздо более широкого масштаба, в форме исторических бунтов среди *варварских* и *цивилизованных* народов (словенцев, фракийцев, венгров, аваров, греков) изображает нам некий знахарь или поэт с Лима в стихотворении «Склавиника». На пространственно-временной контекст указывают топонимы Тирас (Днепр), Истрос (низовья Дуная), Салоники, Опсикион, Гордосерба, а также сами народы, о которых идет речь. *Самыми варварскими* из всех являются славянские племена (*славянские собаки* «гречанкам облизывают грудь, как щенки»), но в общем грабеже и блуде, осквернении женщин и богинь от них не отстают и цивилизованные народы: «Пришли с фаллосами греки / Греки хуже варваров».

Пантеон славянских богов в этой книге был сформирован как комбинация поэтических образов (что было доминантой предыдущих книг) и богов, уже известных в литературе. Примером этого являются стихотворения «Просьба поднять полегшую рожь» и «Степа и Дубока». Оба они построены по вышеупомянутому принципу (в рамках современности) и содержат молитвы и перечисления жертвоприношений богам для повышения плодородия. Для каждого бога очерчен свой круг деятельности и тип жертвоприношения. В первом стихотворении козий пастух Годун — это тот, кто призывает богинь Жито, Ниву, Морану, Нию, Мокошь, Краду, Лилу и богов Йесиха и Сведида⁴⁶. Степа и Дубока, супружеская пара из Добровола, — лирические герои других песен Реброњи. Они молятся Дажьбогу, богу Купину и богиням Лиле и Боруте на Ладжевце. Ладжевец занимает особое место в поэзии и прозе Реброњи, потому что это «храм под открытым небом между Бихором и Пештерой; ежегодное шествие туда совершается и сейчас в 20-й день июля, чтобы умиловить грозного громовержца и насылателя града. Ладжевац был главным храмом под открытым небом между Лимом и Рашкой. Шествие туда посвящалось не только Перуну и его помощникам, но и Ладе, ведь девушки, которым эта богиня благоволила 20 июля, выходили замуж»⁴⁷.

Несколько более конкретную картину хаоса мы находим в стихотворениях «Святой Бор мертв» и «После смерти Бора». В первом из них, помимо отца лирического героя — певца и козьего пастуха, еще одним необходимым селу «отцом» является Бор Защитник. Бор (как именуется по-сербски сосна) был срублен неким Катилой в 1984 г. ради строительства спичечной фабрики. Значение образа сосны и факта вырубки сосен в мифопоэтическом мире Реброњи чрезвычайно велико, о чем может свидетельствовать то немаловажное место, которое она занимает в сборнике прозы «Белые внуки». Кроме того, это священное дерево⁴⁸ приравнивается к мифическим

⁴⁶ Нива — «славянская богиня зерна», Ния — славянская богиня в виде змеи, на которой покоится Земля. Нию к этому принуждает Хранитель Петух, который никогда не спит, лишь изредка закрывает глаза. Когда Ния расправляет свое тело, Петух ее клюет, а от ее ползания возникает землетрясение. Йесих — бог еды и питья, а Крада — богиня сжигания мертвых, и, по словам автора, в ее честь названа деревня Краденик в Бихоре, т.е. согласно этому обычаю хоронить славян.

⁴⁷ *Реброња И.* Кероника. Београд, 1991. С. 78.

⁴⁸ Согласно В. Чайкановичу, помимо того, что сосна дает очень густую тень, с ней связывается и еще целый ряд преданий. Она может являть собою божество,

деревьям других народов: священному Дубу Донара во Фрицларе, Священному дереву в шведской Упсале, священному дубу, срубленному Святым Бонифацием, христианизировавшим Германию. Во втором стихотворении повествуется о перевернутом мире и, среди прочего, говорится следующее: «У всех еще на голове есть по три рога / Мы совсем рассердили / Бога Чернобога».

Помимо привилегированных животных (кратов, ласок, волков), стоит также упомянуть орла, о котором как о посреднике поется в уже упоминавшемся стихотворении «Женщина и орел». Та же роль отведена ему и в этой книге в стихотворении «Цветок с ревом белого волка»: «У земледельца уже нет глаза / Он трубит в охотничий рог / Потом стреляет из ружья / Убивает орла-доносчика // Кричит мать / Бритва режет ей волосы / Кто теперь будет нести наши души / Вместо орла». Однако мотив орла появляется и в стихотворениях «Фотография», «Волны дракона» и «Мой орел Симаргл». Орел в этих стихах залечивает раны и рождает героев, а кроме того, играет роль посредника для перемещения во времени — он переносит лирического героя из настоящего в славянское прошлое.

Итак, как показал анализ произведений И. Реброньи, неотделимой частью мифопоэтического мира его лирических героев являются боги и низшие божества — божила. В дополнение к богам, известным нам из литературы, таким как бог грома, Лада, Кикимора и т.д., в этом пантеоне есть также Горопад, Среда, Ос, Осень, Богоражд, Древогой, Крилокос, Крада, а также ряд других, созданных самим автором. Также важны мифические существа (например, *аждая* и *здухач*) и животные (змея, ласка, птицы, крот, ящерица). Поскольку человек этого мира (лирический герой) относится преимущественно к аграрной культуре, то привилегированное место здесь также занимают растения (грецкий орех, бузина, гречка, зерно), а тис, вишня и сосна возведены в ранг священных деревьев. С точки зрения пространственно-временной парадигмы в этом мире присутствуют места чистые и нечистые, алтари для жертвоприношений и табуированные дни и время суток.

а «в деревнях, как православных, так и мусульманских, между Новой Варошью и Прибоем сохранились старые сосны (и другие деревья), которые являются священными и которые запрещено срубить. Православные организуют здесь собрания, а мусульмане устраивают пикники. В эти места приезжает особенно много мусульман, как женщин, так и мужчин» (*Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. С. 34–35).

Образ славянского мира в поэтических книгах Исмета Реброньи создавался в виде надстройки над научными источниками, которыми пользовался автор и с которыми он часто полемизировал, особенно когда речь шла о текстах, где славянский мир изображается как иной, дикий мир. Поэзия Реброньи говорит о славянском человеке, находящемся в широком пространственно-временном контексте, автор размышляет о формировании его идентичности и о его месте в ряду различных цивилизованных и варварских народов.

Говоря о поэтике авторов, увлеченных мифами, мы задаем вопрос, с чем это может быть связано. Конечно, когда речь идет о литературоведении, нет однозначных решений и ответов, но в качестве причины обращения Реброньи к мифу мы могли бы принять мнение другого поэта, для которого миф также был одним из основных поэтических определений. Размышляя о мифе и поэзии, Миодраг Павлович заявил следующее: «Миф — это грамматика поэтического мышления, миф — это грамматика воображения. Но в своих формах он также совпадает с грамматикой человеческого поведения, с синтаксисом исторических ситуаций и событий. Мифические образы возникают не только из глубин нашего коллективного бессознательного начала и подсознания, миф также возникает из догадок об исторических событиях, из подсознательных и субисторических беспокойств человеческих масс; из поведения человеческих групп, начиная с семьи и заканчивая государством»⁴⁹.

*(Перевод Л.К. Гаврюшиной
и С.В. Мацнева)*

⁴⁹ Pavlović M. Dnevnik pene. Beograd, 1972. S. 29.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ
И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ:
МАРЕК ХЛАСКО И СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ**

Аннотация: В статье рассматривается проблема автобиографического мифа, широко разработанная современным ученым Д.М. Магомедовой на примере Серебряного века. Сергей Довлатов и Marek Hlasko были яркими представителями писателей, ведущих наррацию от первого лица, где этот вопрос особенно важен. В статье представлены два пути развития автобиографического мифа такого типа в рецепции литературной критики.

Ключевые слова: теория литературы, повествование от первого лица, автобиографический миф, Marek Hlasko, Sergei Dovlatov.

Victoria I. FYODOROVA

**AUTOBIOGRAPHICAL MYTH
AND ITS RECEPTION OF LITERARY CRITICISM:
MAREK HLASKO AND SERGEI DOVLATOV**

Abstract: This article examines the problem of autobiographical myth, extensively developed by contemporary scholar D.M. Magomedova using the example of the Silver Age. Sergei Dovlatov and Marek Hlasko were prominent representatives of writers leading a first-person narrative, where this issue is particularly important. The article presents two ways in which this type of autobiographical myth has developed in the reception of literary criticism.

Keywords: theory of literature, first-person narrative, autobiographical myth, Marek Hlasko, Sergei Dovlatov.

Автобиографический миф, по определению Д.М. Магомедовой, наиболее широко из современных ученых разработавшей это понятие, представляет собой «особый тип соотношения эмпирических жизненных событий и художественного творчества: исходная сюжетная модель, получившая в сознании писателя онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его творчестве [...] Источники этой легенды — в первую очередь quasi-автобиографические сочинения [...] Не менее важны культурно значимые жесты, “отмечен-

ные” поступки, отразившиеся в сознании современников, анекдоты, зафиксированные слухи и т. п.»¹. По мнению исследователя, это литературное явление располагается между двумя полюсами: между вниманием исключительно к внутренней структуре текста при игнорировании биографии писателя и восприятием текста как отражения фактов авторской биографии.

Понятие «*биографической легенды*» было введено в обиход в 1920-е гг. Б.В. Томашевским², в этот же период Ю.Н. Тынянов пишет о «*литературной личности*» Гейне, далекой от биографического подлинного Гейне»³, позже, начиная с 1970-х гг., этот вопрос разрабатывался Ю.М. Лотманом⁴ и другими. В настоящее время, как уже было отмечено, крупнейшим исследователем этого явления является Д.М. Магомедова, изучающая его на примере Серебряного века⁵.

В данной статье предполагается рассмотреть такой аспект автобиографического мифа, как его влияние на рецепцию творчества писателя в литературной критике.

Марек Хласко и Сергей Довлатов в качестве иллюстрации к раскрытию этого вопроса выбраны неслучайно, события жизни героев их произведений нередко коррелируют с фактами биографии прозаиков. Именно эти «*quasi-автобиографические сочинения*» и являются основным источником «*легенды*».

В 2000 г. в России в издательстве «Иностранная литература» вышел первый сборник переводов Марека Хласко⁶, куда кроме повести «Красивые, двадцатилетние» вошли рассказы польского периода писателя, а также часть так называемого «израильского цикла». В одном из первых печатных отзывов на сборник впервые звучит «Хласко — польский Довлатов»⁷, причем звучит без какого-либо кон-

¹ Магомедова Д.М. Автобиографический миф // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тamarченко. М., 2008. С. 10–11.

² Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.

³ Тынянов Ю.М. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 279.

⁴ См., напр.: Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.А. Избр. статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 365–376.

⁵ См., напр.: Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А.А. Блока. М., 1997.

⁶ Хласко М. Красивые, двадцатилетние. М., 2000.

⁷ Презентация книги М. Хласко «Красивые, двадцатилетние» // Ex libris НГ. 2000, 29 июня. С. 14. [Без подписи].

текста. Рассмотрим, каковы могут быть основания для подобного сопоставления.

В первую очередь, это некоторая схожесть перипетий жизненного пути писателей. Оба в свой польский (Хласко) и — соответственно — советский (Довлатов) периоды были известными личностями, оба были в центре внимания литературного и околосредоточенного общества, душой компании, особенным образом одевались, всегда привлекая к себе внимание, с обоими связано масса историй, слухов и сплетен, рассказанных (и рассказываемых до сих пор) их современниками. Однако все попытки Довлатова печататься в советских журналах оканчивались неудачей, в то время как Хласко (в его польский период) не только печатали в ПНР, но и присудили ему Премию книгоиздателей.

Оба по разным причинам оказались на чужбине, обоих, как часто пишут, ждала нелепая трагическая смерть — одного в Бруклине в машине скорой помощи, другого в квартире знакомого в Висбадене. И вновь оговорка: Довлатов уехал по вынужденным обстоятельствам, Хласко же как лауреат Премии получил в качестве поощрения путевку в Париж на год и уехал туда в 1958 г. По истечении срока пребывания прозаик просил польские власти о продлении визы, в чем ему было отказано. Писатель остался за границей нелегально, был лишен польского гражданства, всю жизнь стремился вернуться на родину, писал массу прошений в польское консульство, приходил на все беседы, куда его вызывали, но положительного результата не добился, вернуться в Польшу Хласко так и не довелось.

Довлатов имел определенную известность за границей (напомним, это единственный русскоязычный автор, целых 10 рассказов которого напечатал авторитетный американский журнал «Нью-Йоркер»), Хласко же пользовался большим успехом, его произведения, написанные за границей, нелегально перевозились в Польшу.

Предпринимались попытки вписать обоих прозаиков в общий поэтический контекст. Так, например, А.Ю. Арьев уже в 1993 г. к своей статье «Наша маленькая жизнь», предваряющей собрание сочинений Довлатова в 3-х томах, в качестве эпиграфа выбирает цитату из Хласко: «...Совет — самый мудрый из тех, что мне доводилось слышать от братьев писателей: “Если хотите что-нибудь написать, рассказывайте об этом. Всем. Неважно, будут вас понимать или не будут. Рассказывайте; всякий раз вам придется выстраивать

свою историю от начала до конца; через некоторое время вы поймете, какие элементы важны, а какие — нет. Главное, чтоб вы сами себе умели все рассказать”. И я начал рассказывать; я рассказывал свои истории в Польше и в Израиле, серьезным немцам и Артуру Сандауэру, который поминутно перебивал меня вопросом: “К чему вы клоните?” Не знаю; в том-то и штука, что не знаю. Зато я знаю, что буду бежать всю дорогу — и ни на минуту не замолчу»⁸.

В этой же статье исследователь вскользь упоминает об общем для обоих писателей влиянии Хемингуэя: «Следы американских веяний сохранились и в поздних произведениях Довлатова, например в “Филиале”. Эта последняя из написанных им повестей завершается пассажем столь же эффектным, сколь и знакомым: “Закурив, я вышел из гостиницы под дождь”. Всякий, читавший Хемингуэя, сразу — и не без оснований — вспомнит финал романа “Прощай, оружие!”: “Немного погодя я вышел и спустился по лестнице и пошел к себе в отель под дождем”. Впрочем, этот брутально-лирический росчерк услаждал вместе с Довлатовым юность целого литературного поколения. Будораживший наше воображение Марек Хласко, в двадцать четыре года оказавшийся изгнанником и умерший в тридцать пять в Висбадене, так и не увидев своей Польши, завершает один из рассказов — “Обращенный в Яффе” — точь-в-точь тем же факсимиле: “И я под дождем вернулся в гостиницу”»⁹.

Что же может служить более убедительным критерием подобного сравнения («Хласко — польский Довлатов»)? Представляется, что им может быть жизнетворчество прозаиков, влияние на критическую литературу автобиографического мифа, созданного — вольно или невольно — молвой. Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в области исследования творчества писателей.

В истории интереса к Хласко в критике можно выделить два основных этапа. Первый приходится на вторую половину 1950-х гг. Это период, когда Хласко создает свои самые значительные вещи польского периода. «Голос поколения»¹⁰, «Рождение писателя»¹¹ —

⁸ *Арьев А.Ю.* Наша маленькая жизнь // *Довлатов С.Д.* Собрание прозы: в 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 5.

⁹ Там же. С. 20–21.

¹⁰ *Kijowski A.* Głos pokolenia // *Kijowski A.* Różowe i czarne. Kraków, 1957. P. 260–272.

¹¹ *Lichniak Z.* Narodziny pisarza // *Lichniak Z.* Raptularz literacki. Warszawa, 1957. P. 138–143.

вот некоторые из статей, посвященных Хласко, названия которых говорят сами за себя. Безусловно, Хласко восторгает читателей времен польской «оттепели».

В 1960-е гг., зарубежный период писателя, его имя находится под запретом в ПНР и пользуется широкой известностью в эмигрантской печати, которая нелегально проникает в Польшу.

Вторая волна интереса к Хласко в польской критике нахлынула в конце 1980-х гг. в связи с концом ПНР. Она охватила все 1990-е гг. и даже первую половину 2000-х гг. Издается все, написанное им в период вынужденной эмиграции. О нем пишут такие видные польские литературоведы, как Богдан Рудницкий, раскрывший тему эстетики кино и принципа монтажности у Хласко¹², Ежи Яжембский (игра и маски как основополагающий мотив произведений прозаика)¹³, Станислав Стабро¹⁴ (сентиментализм, соцреализм а rebours у Хласко) и др. Некоторые критики обращаются к *литературной* автобиографии Хласко «Красивые, двадцатилетние» и его рассказам от первого лица как к источнику *подлинной* биографии писателя. Так, например, Ян Галант, открывший, несомненно, своей монографией новые горизонты в изучении поэтики Хласко, пишет: «Трудно определить, когда писатель говорит *правду*, а когда инсценирует для читателей *представление*»¹⁵.

Осознание проблем, связанных с автобиографическим мифом Хласко, приходит в польскую критику довольно рано, уже в 1980-е гг.: «...занимая позицию объективного наблюдателя мы получаем необыкновенно вдохновляющий на размышления материал, который имеет мало общего с Хласко как автором рассказов и повестей, свидетельствовать о котором должны его произведения, а не определенные события личной жизни, получавшие специфическую интерпретацию в атмосфере тех лет»¹⁶.

Петр Кунцевич позже, в 1994 г., 5 том своего труда «Агония и надежда», посвященного польской прозе и поэзии XX в. начинает главой

¹² Rudnicki B. Marek Hłasko. Warszawa, 1983.

¹³ Jarzębski J. Hłasko — retoryka grzechu i nawrócenia // Jarzębski J. Powieść jako auto-kreacja. Kraków, 1984. P. 275–325.

¹⁴ Stabro S. Legenda i twórczość Marka Hłaski. Kraków, 1985.

¹⁵ Galant J. Marek Hłasko. Poznań, 1996. P. 105.

¹⁶ Sobeczko T. Hłasko — zjawisko także literackie // Miesięcznik Literacki. 1983. № 8. P. 62.

«Течение Хласко», где рассказывает о влиянии Хласко на его современников. Кунцевич отмечает очень важный для нас факт: «Легенда об этом писателе значительно переросла интерес к его творчеству. В огромном количестве публикаций литературного анализа очень мало, в основном это сопоставление правды с легендой, легендой, старательно культивируемой самим Хласко. Даже его мать признавала, что он был мифоманом [...] Сегодня сложно определить, что правда, а что вымысел. Например, Хласко утверждал, что он сын пожарника и прачки, а в тоже самое время он был сыном адвоката, а его мать была студенткой романской филологии, позже служащей. И так дело обстоит со всем прочим»¹⁷.

Любопытно, что практически идентичные слова мы услышим в многочисленных статьях и интервью о Довлатове: «Довлатов рад был, когда его истории пересказывались как случившиеся в жизни. Рад был именно потому, что слепком с этой жизни они никогда не бывали. Да и пересказать их, на самом деле, невозможно. Разве что заучив наизусть. Какие бы известные названия улиц и городов, какие бы знакомые фамилии, какую бы «прямую речь» героев в довлатовских текстах ни обнаруживали, их ни в коем случае нельзя расценивать как хроникально документальное свидетельство. В прозе Довлатов неточно называет даже собственный день рождения, на обложках своих западных изданий ставит неверный год отъезда за границу, в разных случаях несходным образом мотивирует одни и те же поступки, а личные достижения расценивает то как выигрыш, то как проигрыш»¹⁸.

Корпус литературы и других материалов, посвященных Довлатову, как, впрочем, и Хласко, огромен. Большая часть из них — это воспоминания, статьи, интервью, документальные фильмы, передачи. В основном они касаются биографии писателя, историй, анекдотов и слухов о нем. Серьезные научные работы появляются только в 2000-х гг. Это статьи в сборниках и журналах, диссертации, монографии. Исследователей интересуют такие аспекты творчества Довлатова как категория жанра в творчестве писателя, эволюция его поэтики, поэтика цикла, поэтика комического, иронии, поэтика абсурда, семантические особенности произведений и многие другие вопросы, касающиеся прозы писателя.

¹⁷ *Kuncewicz P.* Agonia i nadzieja. Proza polska od 1956. Warszawa, 1994. Т. 5. Р. 8.

¹⁸ *Арьев А.* Наша маленькая жизнь // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2017. С. 5.

Серьезный, как нам представляется, перелом происходит в 2012 г., когда одновременно появляется кандидатская диссертация Н.В. Погосяна «Коммуникативные стратегии в прозе С. Довлатова: “Ремесло”, “Наши”, “Чемодан”»¹⁹, где исследователь, в частности, обращается к соотношению стратегий анекдота, притчи и жизнеописания в произведениях Довлатова, и докторская диссертация Г.А. Доброзраковой «Поэтика Довлатова в контексте русской литературы XIX–XX вв.», написанная на основе опубликованной немногим ранее монографии под одноименным названием. Исследовательница проделала большую работу, представив, среди прочего, подробный обзор существующей критической литературы о Довлатове. Отмечая некоторые значимые труды о творчестве писателя, Доброзракова пишет: «Обратной стороной возрастающего интереса к Довлатову является его мифологизация. Ежегодные публикации “вторичных” текстов, воспроизводящих творческую биографию писателя (нередко в виде шуток, острот, баек), свидетельствуют о бытовании в русской литературе довлатовского мифа, которому сопутствует ритуал почитания, проводимый, как правило, в дни рождения и смерти объекта культового поклонения. Усилиями друзей Довлатова, в первую очередь, редактора журнала “Звезда” А. Арьева, организуются мероприятия, направленные на увековечивание памяти писателя. Способствуют восприятию Довлатова как фигуры культовой и многочисленным документальными фильмами о нем»²⁰.

Также исследовательница систематизирует мифы о Довлатове, выделяя шесть: «В средствах массовой коммуникации Довлатов и его творчество представлены в разных обликах: за 20 лет после смерти писателя сконструировано несколько моделей довлатовского мифа, которые можно свести к следующей классификации: 1. Довлатов — народный писатель (Д. Ольшанский); 2. Довлатов — писатель, ориентирующийся на традиции западной литературы и не имеющий особого отношения к русской литературе (И. Бродский, П. Вайль, А. Генис); 3. Довлатов в СССР был неудачником, находившим утешение в пьянстве, зато американский период в жизни писателя был исключительно триумфальным (В. Попов); 4. Довлатов — неглубо-

¹⁹ Погосян Н.В. Коммуникативные стратегии в прозе С. Довлатова («Ремесло», «Наши», «Чемодан»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

²⁰ Доброзракова Г. А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012. С. 3.

кий писатель: ни ему, ни его героям не ведомо, что такое “трагизм человеческого бытия” (И. Ефимов); 5. Довлатов — хороший писатель, но плохой человек (В. Львова); 6. Довлатов — скверный человек и плохой писатель (В. Рыбин, Б. Марков, Е. Антипов, Ю. Сидоров). Внимательное разглядывание всех мелочей в биографии Довлатова, околдовлатовские сплетни и слухи мешают объективному восприятию и изучению его творчества; идет процесс поглощения писателя мифом»²¹.

Если бы мы задались целью подобным образом систематизировать компоненты мифа о Хласко, мы получили бы во многом схожую картину: популярный писатель, на которого огромное влияние оказал Хемингуэй. Особого внимания заслуживает модель «Хласко — восточноевропейский Джеймс Дин», до сих пор кочующая из статьи в статьи и объединяющая целый комплекс представлений: Джеймс Дин — американский актер, трагически погибший на взлете своей карьеры в 24 года. К сожалению, сейчас эта «продуктивная» в своей многокомпонентности модель уже не столь очевидна, как в 1950–1960-е гг.

В настоящее время корпус воспоминаний, включающих в себя рассказы и анекдоты о Довлатове, увеличивается с каждым годом²². Появился заметный интерес к театральной стороне творчества Довлатова — это касается как театральной темы в его нарративе, так и театральных постановок по мотивам его произведений. О нем (и по мотивам его прозы) снимают документальные и художественные фильмы («Конец прекрасной эпохи» Станислава Говорухина, «Довлатов» Алексея Германа-младшего). Но при этом продолжают появляться литературоведческие работы, в довлатоведении ведутся споры о поэтике нарратива Довлатова, в рамках которых вопроса о «правде и вымысле» уже не возникает²³. Из последних серьезных научных трудов стоит обратить внимание на диссертацию Е.А. Власовой «Интертекстуальное поле прозы Сергея Довлатова»²⁴, защищенную в 2019 г.

²¹ *Доброзракова Г. А.* Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012. С. 3–4.

²² См., напр.: *Скульская Е.Г.* Компромисс между жизнью и смертью. Сергей Довлатов в Таллине и другие встречи. М., 2018; *Попов В.Г.* Довлатов: биография. М., 2018.

²³ См., напр.: *Доброзракова Г.А.* Страсти по Довлатову // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 54–59.

²⁴ *Власова Е.А.* Интертекстуальное поле прозы Сергея Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

Если в случае Довлатова решение было найдено в смещении акцента в сторону интереса к внутренней структуре текста, к его поэтике и коммуникативной природе, то с Хласко ситуация обстоит несколько иначе. Элемент игры, масок, поз является, очевидно, настолько сильной частью его автобиографического мифа, что попытка его преодолеть потребовала усилий иного рода: Анджей Чижевский, двоюродный брат Хласко, в руках которого после смерти матери писателя оказался огромный архив собранных ею документов, в 2000 г. пишет первую большую биографию Хласко²⁵. Его книга представляет собой сборник документальных материалов и свидетельств, организованных минимальным комментарием автора, с помощью которых он восстанавливает те моменты биографии Хласко, которые могли послужить основой для рождения автобиографического мифа.

В центре внимания Чижевского оказываются отношения Хласко с польскими властями после отъезда писателя из страны, его материальное положение в разные годы, взаимоотношения с коллегами по цеху, наконец, обстоятельства смерти. Все это, подкрепленное сухими цифрами, печатями, выраженное в договорах, донесениях, письмах и фотографиях, — это, а не «Красивые, двадцатилетние» или «израильский цикл», является *подлинной* биографией писателя Марека Хласко, говорит Чижевский своей книгой. В 2012 г. она была переиздана.

До сих пор появляются передачи о Хласко, документальные фильмы, воспоминания, публикуются неизданные ранее произведения²⁶. Из последних монографий, посвященных писателю, мы можем отметить книгу Юстыны Бакнолл-Хольньской «Марек Хласко на экране — сценарии, адаптации, кинопортреты писателя»²⁷, где первые две части посвящены работам Хласко в кино и анализу его сценариев, а третья — исключительно легенде о писателе: историям о нем, слухам, анекдотам, воспоминаниям. Серьезных же научных работ о *нарративе* Хласко (в контексте именно нарратологии) так и нет.

Как мы увидели на примере двух прозаиков, автобиографический миф может представлять собой препятствие и даже некоторую опасность для изучения творчества писателя. В одном случае это пре-

²⁵ Czyżewski A. Piękny dwudziestoletni. Biografia Marka Hłaski. Kraków, 2000.

²⁶ См., напр.: Hłasko M. Wilk. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2015; Hłasko M. Najlepsze lata naszego życia. Warszawa, 2016.

²⁷ Bucknall-Hołyńska J. Marek Hłasko na ekranie. Scenariusze — adaptacje — filmowe portrety pisarza. Poznań, 2015.

пятствие удалось преодолеть, в другом же — нет. Очевидно, в случае Хласко тот элемент, который Д.М. Магомедова называет «культурно значимыми жестами» и «“отмеченными” поступками, отразившимися в сознании современников», был настолько устойчив, что так и не позволил (по крайней мере, пока что) выйти из замкнутого круга «тождества героя, нарратора и автора»²⁸, где под автором подразумевается автор биографический.

Рассмотренные примеры также ярко свидетельствуют о том, насколько важно изучение автобиографического мифа как отдельного феномена, как много он может нам дать для конструирования «литературной личности» писателя и как важно различать его с собственным анализом художественного текста.

²⁸ *Galant J. Marek Hłasko...* P. 99.

**ДВОЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ЮЖНЫХ
РЕСПУБЛИК БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ В СЛОВЕНИИ
В СБОРНИКЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ ЗОРАНА КНЕЖЕВИЧА
«ЗЕМНОВОДНЫЕ УМИРАЮТ ДВАЖДЫ» (2014)**

Аннотация: Предметом нашего рассмотрения стал сборник краткой прозы «Земноводные умирают дважды» (2014) словенско-сербского писателя Зорана Кнежевича, родившегося в 1958 г. в Воеводине и мигрировавшего в 1995 г. в Люблянну, в частности, попытки автора передать двойную идентичность героев-иммигрантов, их существование в пространстве между двумя культурами и языками. Для этого писатель обращается к сложным художественным образам (среди которых метафоры «сверла, которое сверлит в желудке», «мячика для пинг-понга, стучащего в голове», «убоя белого козленка», «поля сои» и пр.), передающим удвоенный груз и давление, которым подвергаются его персонажи; кинематографичный характер нарратива, держащий читателя в постоянном напряжении, позволяет отразить высокий эмоциональный накал текста. Теоритические исследования отношений к другому / чужому в работах представителей Любляннской школы психоанализа частично послужили нам инструментарием для анализа данного явления.

Ключевые слова: современная словенская проза, тема миграции в литературе, межкультурность, двойная идентичность, Зоран Кнежевич.

Aleksandra N. KRASOVEC

**THE DUAL IDENTITY OF IMMIGRANTS FROM THE SOUTHERN
REPUBLICS OF THE FORMER YUGOSLAVIA IN SLOVENIA
IN THE COLLECTION OF SHORT PROSE BY ZORAN KNEŽEVIĆ
“AMPHIBIANS DIE TWICE” (2014)**

Abstract: This paper focuses on the short prose collection “Amphibians die twice” (2014) by the Slovenian-Serbian writer Zoran Knežević (born in 1958 in Vojvodina and having migrated to Ljubljana in 1995), in particular on the author’s attempts to express the dual identity of the immigrant protagonists, and their existence in the space between two cultures and languages. For this the writer applies to complex artistic images (among which are metaphors of “drill that drills in the stomach”, “ping-pong ball banging in the head”, “slaughtering a white kid”, “soybean fields”, etc.) that convey the doubled burden and pressure that his characters are under; the cinematic nature of the narrative, keeping the reader in constant tension, allows to reflect the high emotional intensity of the text. As toolkit for analyzing this phenomenon, we partially used theoretical

studies of attitudes towards the other / alien in the works of representatives of the Ljubljana School of Psychoanalysis.

Key words: modern Slovenian prose, the topic of migration in literature, transculturality, dual identity, Zoran Knežević.

Тема иммигрантов из республик бывшей Югославии стала в словенской литературе настоящим событием после беспрецедентного успеха романа Горана Войновича «Чефуры вон!» (*Čefurij raus!*, 2008). Это самый популярный словенский роман последнего десятилетия, за ним последовали два других произведения писателя на близкую тематику «Югославия — моя страна» (*Jugoslavija, moja dežela*, 2012) и «Инжир» (*Figa*, 2016); в 2021 г. вышло из печати продолжение дебютного романа Войновича — «Джорджич возвращается» (*Đorđić se vraća*). В 2014 г. увидело свет и русскоязычное издание романа «Чефуры вон!» в переводе автора этих строк, опубликованном Издательством Ивана Лимбаха в Санкт-Петербурге¹. Войнович, который родился в 1980 г. Любляне, в боснийско-хорватской семье, относится ко второму поколению иммигрантов в Словении. Являясь абсолютно двуязычным, он осознает множественность своей этнокультурной идентичности. Ему первому удалось ярко и талантливо высветить переселенческую ущемленность, поскольку «чефур» — это пейоративное обозначение приезжих из южных республик бывшей Югославии. Среди других книг последних лет, продолжающих проблематику переселенцев, следует упомянуть романы «Словенский и я» (*Slovenščina in jaz*, 2013) Симоны Лечник, «Никто» (*Nihče*, 2013) Мехмедалии Алича, «Вычеркнутая» (*Izbrisana*, 2014) Михи Маццини, «Неважно как» (*Kakorkoli*, 2014) Полоны Главан, «Все мои грехи» (*Vsi moji grehi*, 2019) Феликса Плохла, «Конец. Снова» Дино Баука (*Konec. Znova*, 2015), сборники рассказов Дияны Маткович «От имени отца» (*V imenu očeta*, 2013) и Зорана Кнежевича «Земноводные умирают дважды» (*Dvoživke umirajo dvakrat*, 2014).

Переселенцев «с юга», как, помимо уничижительного «чефуры», называют словенцы иммигрантов из Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, Черногории и Македонии, мы могли бы отнести к типу «опасных других», или «модной» на сегодняшний день жертвы, которая, по словам словенского философа Ренаты Салецл, соответствует господствующим в обществе идеологическим дефинициям и позво-

¹ *Войнович Г. Чефуры вон! / Пер. со словен. А. Красовец. СПб., 2014.*

ляет объединить разрозненные элементы и проблемы сложного социума². Теоретики люблянской философской школы психоанализа выделяют также «симптом», который, по сути, характеризует жертву сообщества. Симптом возникает из-за маргинальных явлений, социальных «эксцессов», существующих якобы в качестве исключения, отклонения или искажения установленного нормой порядка, которые можно устранить или исправить. Однако, при более пристальном рассмотрении именно они проливают свет на всю систему и ее функционирование. Славой Жижек отмечает: «“Идентифицироваться с симптомом” значит распознать в “эксцессах”, в нарушениях “нормального” положения вещей то, что дает нам доступ к их истинному устройству»³. Негативный дискурс в адрес чужих — это не просто форма цитирования, повторения каких-то известных идей или исторических предрассудков, но «новый» способ констатации определенных социальных противоречий⁴. В этой связи может возникнуть вопрос, в чем чехуры составляют симптом словенского общества? Что они говорят о словенском обществе как таковом, которое видит в них чужих, из-за которых якобы растет преступность, которые угрожают экономическому благополучию словенского большинства, их культуре и языку. Художественные произведения на данную тему показывают нам, как в создание социальных чужаков так или иначе вовлечен весь социум, культурные институты и идеологические аппараты государства. Проблема мигрантов — одна из наиболее острых сегодня и не только в Словении — тρέбует от высказываний ангажированной позиции.

На территории Словении немало литераторов-переселенцев из республик бывшей Югославии, и причины, по которым они оказались в Словении, у них тоже различные. В целом они распределялись по разным миграционным потокам, среди которых выделяется массовая миграция рабочей силы в 1960–1980-х гг., когда в двухмиллионную Словению прибыло около 200 тысяч мигрантов, представляющих собой недостающую рабочую силу для развития словенской промышленности⁵. Второй поток миграции — теперь уже

² Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М., 1999. С. 130.

³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 134.

⁴ Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. С. 132.

⁵ Zajc M. Jezikovni tarzanizem (Slovenski jezik kot nacionalistični problem v začetku osemdesetih let) // Prispevki za novejšo zgodovino. 2017 (57). 2. S. 191–203. URL: <https://ojs.inz.si/pnz/article/download/231/385?inline=1> (дата обращения: 05.03.2020).

беженцев — пришелся на начало 1990-х гг. и балканский конфликт, в котором Словения, тогда уже независимая, не принимала участия. В этом же потоке оказались и политические мигранты, то есть часть интеллектуальной элиты, которая, причисляя себе к диссидентам и не соглашаясь с политикой правительства (в частности, сербского), была вынуждена мигрировать. Среди последних была, например, писательница, антрополог, доктор филологических наук, специалист по античной культуре Светлана Слапшак (род. 1948). Переехав из Белграда в Люблян в 1991 г., она с тех пор живет и работает здесь. С 1960-х гг. она активно выступает за свободу самовыражения и защиту человеческих прав. С. Слапшак автор более 50 книг, 400 статей (по языкознанию, классической филологии, балканистике и гендерным исследованиям) и более 1000 эссе, наряду с многочисленными переводами с древнегреческого, греческого, латинского, французского и английского языков. Светлана стала также одной из женщин, которые были коллективно номинированы организацией 1000 Peace Women на Нобелевскую премию мира в 2005 г.

Зоран Кнежевич олицетворяет собой политическую и экономическую миграцию одновременно. Он родился в 1958 г. в Воеводине, переехал в Словению в 1995 г. в возрасте 37 лет, прежде всего, из-за несогласия с сербской официальной политикой. Сначала он был рабочим строительной компании, после ее банкротства более двух лет жил на пособие по безработице. В настоящее время он трудоустроен в качестве охранника. В Словении Кнежевич окончил социологический факультет Люблянского университета по специальности культурология. Литературным творчеством стал с успехом заниматься лишь в возрасте пятидесяти лет. Сборник его рассказов «Земноводные умирают дважды», вышедший в 2014 г., был удостоен на Словенском книжном сейме премии за лучший литературный дебют года⁶.

⁶ Хотя сборник рассказов Кнежевича представляет его первую книгу, до ее выхода в свет он успел получить несколько наград за отдельные рассказы на так называемых «прозаических многоборьях», проходящих в рамках самого крупного ежегодного литературного фестиваля в Словении — «Фабула» («Fabula»): это рассказы «Поле сои» (*Polje soje*) в 2008 г. и «Опоясывающий лишай» (*Herpes Zoster*) в 2013 г. Рассказ «Комната» (*Soba*) победил на конкурсе Радио Словения (Ars) как лучший короткий рассказ в 2012 г. См.: Koledar dogodkov: Dvoživke umirajo dvakrat Zoran Knežević. URL: https://www.pomurec.com/vsebina/29372/Predstavitev_knjige_Dvozivke_umirajo_dvakrat_Zoran_Knezevic (дата обращения: 05.03.2020).

Выучив словенский язык в достаточно зрелом возрасте, Кнежевич, однако, решил писать свои тексты именно на неродном ему словенском языке. Среди проживающих в Словении авторов, выходцев из республик бывшей Югославии, есть те, кто пишет на родном языке, и те, кто в достаточной степени овладел словенским, чтобы сочинять художественные произведения на нем. Вышедшая в том же 2014 г. книга «Из языка в язык: Антология современной литературы национальных меньшинств и иммигрантов в Словении» (*Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljenske književnosti v Sloveniji*)⁷ вновь подняла вопрос о том, чтобы причислить авторов, пишущих на несловенском языке, но проживающих в Словении и работающих здесь, к словенским литераторам, которые бы в равной степени владели всеми правами на перевод их текстов, на публикацию и получение тех же привилегий, которыми располагают словенские писатели, пишущие по-словенски⁸. Вышеупомянутая писательница Светлана Слапшак, больше двадцати лет живущая в Словении, пишет свои художественные тексты по-сербски и публикует их в Сербии, те затем переводятся на словенский⁹. Свои научные и публицистические тексты, в частности еженедельную колонку в мариборской газете «Вечер» (*Večer*), она пишет по-словенски и, к сожалению, часто становится объектом нападков и обвинений в СМИ, в том числе в ее якобы плохом знании словенского языка, со стороны правого политического лагеря и словенских националистов¹⁰.

⁷ *Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljenske književnosti v Sloveniji* / [glavna in odgovorna urednica Lidija Dimkowska; prevajalci Nada Grošelj ... et al.]. Ljubljana, 2014.

⁸ См. Красовец А.Н. Из языка в язык: Антология современной литературы национальных меньшинств и иммигрантов в Словении / *Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljenske književnosti v Sloveniji*. Любляна, 2014. 816 с. [рец. на книгу] // *Stephanos*. 2019. № 6 (38). С. 160–165. DOI: 10.24249/2309-9917-2019-38-6-160-165.

⁹ Например, опубликованный по-сербски в 2016 г. роман Светланы Слапшак «Равновесие» (*Ravnoteža*) был удостоен награды «Золотой подсолнечник» (*Zlatni Suncokret, Vital Golden Sunflower Award*) как лучшая художественная книга 2017 г., а также вошел в шорт-лист самой престижной литературной награды Сербии — премии журнала НИИ и награды «Меша Селимович». По-словенски книга увидела свет в 2018 г.: *Slapšak S. Istomesečniki: roman v dvanajstih poglavjih z epilogo*. Novo mesto, 2018.

¹⁰ См., например: *Krajnc R. Slapšakova podivjala: Predsednik državnega sveta Kovšca se ji je zataknil v grlu, ko ji je dejal, da on bolje govori srbsko, kot ona slovensko!* // *Nova24TV*. 26.08.2019. URL: <https://nova24tv.si/slovenija/politika/slapsakova-podivjala-predsednik-drzavnega-sveta-kovsca-se-ji-je-zataknil-v-grlu/> (дата обращения: 08.03.2020).

Зоран Кнежевич изначально решил избежать аутсайдерской для словенского культурного пространства позиции и сразу перешел к написанию литературных текстов по-словенски. Его стиль отличается минимализмом и экономностью выразительных средств, автор говорит, что это не связано с плохим знанием языка, точно так же, он бы писал и по-сербски, поскольку всегда стремится выразить как можно больше с помощью минимального числа слов¹¹. Немного языкового колорита добавляют отдельные слова по-сербски, выделенные курсивом, но таких мест найдется в целом не более десяти.

Сборник Кнежевича «Земноводные умирают дважды» (*Dvoživke umirajo dvakrat*) состоит из 13 рассказов. «Земноводные» здесь метафора для обозначения переселенцев и чужих; по-словенски слово «dvoživka» включает в себя значение «две жизни», термин «культурные земноводные» («kulturene dvoživke») указывает на второе поколение иммигрантов или же обладателей двойной (гибридной) национальной идентичности¹². Герои Кнежевича всегда где-то «в промежутке», в уязвимом положении обособленных, их непринадлежность к какому-либо пространству делает их незащищенными от любого рода давлений, которые могут иметь социальную подоплеку или просто быть давлением большинства, удару подвергаются происхождение и личная чувствительность персонажей и их связанная с этим восприимчивость. Авторское внимание нацелено на исследование болезненно-го поля столкновения двух культур, жертвами которого оказываются те, кто находится между «когда-то прежде» и «сегодня», между тем, что «там» и что «здесь», и которые чувствуют на себе давление с обеих сторон, поскольку они не «ихние» и не «наши», они незаметные и даже «вычеркнутые»; своего рода земноводные, которые не могут найти себя ни «там на юге», ни в «белой Любляне», и которые умирают дважды — как «на родной земле», так и в «стране обетованной»¹³.

Повествование в рассказах ведется от первого и от третьего лица, а порой и от второго. Помимо проблемы миграции, которая объеди-

¹¹ «Ko sem začel sanjati v slovenščini, sem vedel, da sem tu doma». Intervju s pisateljem Zoranom Kneževičem. 16.01.2015 // Moja generacija. URL: <https://www.rtvslvo.si/moja-generacija/prosti-cas/kultura/ko-sem-zacel-sanjati-v-slovenscini-sem-vedel-da-sem-tu-doma/355890> (дата обращения: 13.02.2020).

¹² См., напр.: *Dekleva B., Razpotnik Š.* Čefurji so bili rojeni tu: Življenje mladih priseljencev druge generacije v Ljubljani. Ljubljana, 2013. S. 38–44.

¹³ *Radaljac A.* Dvoživke s presečišč // *Pogledi*. 2014 (5). 15–16. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/dvozivke-s-presecisc> (дата обращения: 05.03.2020).

няет все рассказы сборника: речь в них идет не только о двойной идентичности переселенцев, но и об отношениях в семье, между поколениями, между различными историческими периодами и политическими системами (титовским коммунизмом и современным капитализмом), между патриархальным миром Воеводины и урбанистическим миром Словении, о проблемах насилия, в частности семейного, о мире мужчин в Сербии. Тема войны не затрагивается Кнежевичем напрямую, но всегда угадывается как некий болезненный фон и причина актуального неблагополучия. Так, следствиями военного конфликта становятся самоубийство восемнадцатилетнего парня в рассказе «Глаза Байры Бешлича» (*Oči Bajre Bešlića*), не перенесшего мобилизации и тюремного ареста; изнасилование девушки мужиками в военных униформах, повлекшими за собой психическое расстройство жертвы и убийство своего новорожденного ребенка (рассказ «Комната» — «Soba») ¹⁴; здесь же возникает важная проблематика горевания, того, как представители различных культур по-разному проходят этот сложный процесс, во многом зависящий от бытующих в том или ином культурном пространстве ритуалов (рассказ «Третья тарелка» — «Tretji krožnik») ¹⁵. Именно с темой расставания и горевания связана другая проблематика сборника — вопрос отрицания, неприятия, игнорирования травматических вещей и событий, отказ от смирения с тяжелой реальностью, что оказывается еще более травмирующим и ведет к гораздо более сложным, зачастую тупиковым ситуациям. Писателем затрагивается тяжелое положение простых рабочих, существующих на грани нищеты. В рассказе «Секунда или заливка бетона в зимнее время» (*Trenutek ali betoniranje v zimskem času*) гибели одного из рабочих на стройке из-за падения на него емкости с бетоном предшествует краткое описание образов боснийских строителей и их мыслей за секунду до происшествия ¹⁶. Рассказ «Опоясывающий лишай» (*Herpes zoster*) погружает читателя в проблему безработицы иммигрантов и весь связанный с этим страх ¹⁷. В рассказе «Карусель» (*Vrtiljak*) главной оказывается любовная тематика в структуре сурового патриархального общества, которое ломает не только женские, но и

¹⁴ Knežević Z. Dvoživke umirajo dvakrat. Ljubljana, 2014. S. 17–21, 27–32.

¹⁵ Ibid. S. 111–125.

¹⁶ Ibid. S. 78–79.

¹⁷ Ibid. S. 151–156.

мужские судьбы¹⁸. Рассказ «Уравнение» (*Enačaj*) описывает гомосексуала, чья двойная идентичность также связана с необходимостью подстраиваться под традиционный уклад воеводинской семьи, а переезд в Словению в данном случае выглядит как бегство во имя спасения собственной жизни¹⁹.

Фабульная структура рассказов Кнежевича заимствует кинематографический эффект с неотъемлемым «саспенсом» (состоянием тревожного ожидания), линейное развитие сюжета в определенный момент принимает неожиданный поворот, создает своеобразную петлю, которая уводит повествование в абсолютно неожиданном направлении; этим отчасти объясняется и успех автора на конкурсах «прозаических многоборий». Экономность языковых средств, динамизм в передаче событий и живость диалогов в свою очередь также придают нарративу кинематографичный характер, позволяя тем самым отразить высокий эмоциональный накал.

Переселенцы существуют на пересечении двух миров, зачастую герои говорят о бездомности, поскольку речь идет не о двух домах, а об отсутствии дома вообще. Мигранты оказываются в ситуации чужого / другого как в новой стране, так и на покинутой ими родине («чефур» в Словении, Янез в Сербии). С наибольшей пронзительностью такое положение представлено в рассказе «Мики или хромой на забое скота» (*Miki ali šepavec na kolinah*)²⁰, где в призме авторского внимания оказываются отношения между сыном Мики, иммигрантом в Словении, и его авторитарным сербским отцом. На фоне жестокой сцены перерезывания горла белому козленку и сдирания с него шкуры отцом и сыном, вынужденным ему помогать, разворачивается вся сложная гамма презрительных отношений между двумя мирами. Отец уничижительно называет сына «словенац», отец же для него мясник-убийца, не заслуживающий его доверия и теплоты, поэтому на отцовском допросе о том, как ему живется в Словении, он не в состоянии ответить:

«Если я скажу тебе, что супер, то солгу, но и то, что там плохо, нельзя сказать. Где-то между. Черт подери, я все время где-то между. Между тобой и мамой, между Словенией и Сербией, мне кажется, что моя история — где-то между жалостной и историей об успехе.

¹⁸ *Knežević Z. Dvoživke umirajo dvakrat. S. 80–110.*

¹⁹ *Ibid. S. 145–150.*

²⁰ *Ibid. S. 33–53.*

[...] Я не знаю, где мое место, папа. Думаю, что в Словении. Там я живу, хожу в горы, встречаюсь с друзьями, у меня есть подруга, мы живем вместе в съемной квартире. В Словении я уже восемнадцать лет. У меня есть словенское гражданство. И все же, когда я перед праздниками собираюсь вас навестить, друзья спрашивают меня: Едешь домой? [...] Да, думаю, что мое место в Словении. В начале у меня были с этим проблемы. Когда я приезжал к вам, я спрашивал себя, я уезжаю или возвращаюсь. И наоборот: когда я был у вас, я спрашивал себя, завтра утром я уезжаю в Люблян и возвращаюсь в Люблян. Так было в первые годы моей жизни в Словении. Теперь я знаю, что в Словении мой дом. Потом на каком-нибудь празднике слышу, как пожилой господин, сидящий рядом со мной и не знающий меня, говорит: Янкович не должен быть премьером, потому что он серб. Сербь крадут. Тогда я уже не был так твердо уверен, что я дома. [...] Я чувствую себя как земноводное, папа. Но я не живу двойной жизнью. Я дважды умираю, папа. Я земноводное, которое умирает дважды. Сперва умираю в Словении, когда вижу, что о Сербии публикуют только плохие новости, и потом слышу комментарий кого-нибудь, кто это читает: это же сербы [...]. Во второй раз я умираю в Воеводине, когда я приезжаю и меня спрашивают, как Янезы, и рассказывают какой-нибудь идиотский анекдот о словенцах, в котором все мужчины педики»²¹.

Герой очевидно имеет проблематичные отношения с авторитетом как таковым, которому он не в состоянии оказать сопротивление, что двойственно отражается на его жизни: сперва в его личных отношениях с родителями и в более широком социальном плане, который хоть и легче переносится, но все также приводит героя к тому, что он не может найти свое место, постоянно оказываясь в роли униженного. Почти натуралистическое описание убийства козленка, на фоне которого протекает внутренний монолог героя, является своего рода наглядной иллюстрацией того, что происходит с людьми, оказавшимися на пересечении двух миров, — это мучение, давление и нанесение травмы.

Размышления героя демонстрируют, насколько другой / чужой необходим для подтверждения идентичности каждого в отдельности: это то название, без которого человек оказывается чужд само-

²¹ *Knežević Z. Dvoživke umirajo dvakrat. S. 44–46. Перевод со словен. здесь и далее мой. — А. К.*

му себе и от чего он во что бы то ни стало стремится уклониться. На базе этих отличительных составляющих и конструируется «воображаемое сообщество», каковым является концепт «народа» как таковой (самые общие критерии которого — это язык, культура, религия, история и территория)²². Логика стереотипа еще раз доказывает, что индивид идентифицирует себя с этническим сообществом в его конфронтации с теми, кто в него не включен, а точнее исключен, и что народ существует и репродуцирует себя прежде всего в форме дискурса, поскольку нет идентичности вне дискурса.

Так, анализируя явление национализма, неприятие другого на почве расизма, а также явление речи-ненависти, словенский психоаналитик Р. Салецл отмечает, что субъект изначально нацелен на другого из-за того, как тот получает удовольствие («их» музыка, «их» еда...)²³. Расист целится в то травматическое ядро жертвы, вокруг которого она формирует свою идентичность. Наиболее чудовищное словесное насилие происходит тогда, когда жертва не отвечает рационально, когда слова попадают в самую сердцевину ее существа. Боль жертвы дает расисту подтверждение существования Большого Другого, он же делает себя инструментом последнего, воспринимая свои оскорбления не как злодеяния, а как оправданный акт²⁴. Так, герой рассказа по имени Мики занимает место жертвы в данном механизме и не может вырваться из его жестокого замкнутого круга.

Метафора «сверла, которое сверлит в желудке» отражает состояние постоянной тревожности и стресса, в котором пребывает герой-иммигрант. У него даже есть опасения, что в момент прямой конфронтации это сверло просверлит сердце и врежется в головной мозг, чего бы он точно не смог вынести²⁵. В рассказе «Поле сои» (*Polje soje*) это чувство передает мячик для пинг-понга, который постукивает в голове у протагониста²⁶. Мы видим, однако, что это чувство испытывает герой еще до своего переезда в другую страну, наибольшее напряжение концентрируется вокруг отношений с властным отцом и авторитарным патриархальным миром, кото-

²² См. об этом: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

²³ *Салецл Р.* (Из)вращения любви и ненависти. С. 64.

²⁴ Там же. С. 130–131.

²⁵ *Knežević Z.* Dvoživke umirajo dvakrat. S. 47.

²⁶ *Ibid.* S. 11.

рый герой отказывается принимать и поэтому всячески уклоняется от него. Рассказ «Опясывающий лишай» (*Herpes Zoster*) в свою очередь описывает эмоциональное выгорание и стресс иммигранта, оказавшегося без работы и безуспешно пытающегося в течение нескольких лет найти новую службу, нервное перенапряжение в результате вызывает заболевание, от которого нет лекарств, единственное средство — поменьше волноваться — погружает героя в страшный заколдованный круг, из которого, кажется, нет выхода.

«Между-мир» героя-иммигранта представляет собой также конфликт пространств двух миров, между которыми он вынужден существовать. Наиболее яркое воплощение получает пространство покинутой родной Воеводины, ее крестьянско-патриархальный мир, который представляют поле сои, пшеничное поле, так называемые «ямурь» («*jamure*») — большие ямы, выкопанные немцами во время Второй мировой войны для постройки землянок, которые стоят наполненные водой и превратились в неприглядные пруды: рассказы «Поле сои», «Уравнение», «Ямура или А вы кто?» (*Jamura ali kdo ste pa vi?*)²⁷. Эти пространства отчуждения олицетворяют собой некую опасность, угрозу, страх, беспокойство или отцовскую авторитарно-деструктивную любовь. В рассказе «Поле сои»²⁸ герой после долгих лет, прожитых в Канаде, приезжает по просьбе матери навестить ее и отца. Тот засеивает вместе с сыном поле сои и уговаривает его вернуться домой, так как все здесь достанется ему: «Дом, трактор и нива. Здесь я буду среди своих»²⁹. Таким образом ставится знак равенства между собственностью, которая материализует принадлежность некому пространству, и «своими», то есть близкими, родными людьми, хотя между сыном и отцом нет взаимопонимания, а есть абсолютное отчуждение, и насилие, ставшее также поводом для отъезда сына на другой континент.

Словения изображается более нейтральным, в чем-то даже обезличенным пространством, не диктующим каких-либо жестких социальных и мировоззренческих норм, представляя таким образом область относительной внутренней свободы по сравнению с общинным иерархическим укладом Воеводины. Несколько раз упоминаются словенские горы, контрастирующие с воеводинской равниной.

²⁷ *Knežević Z. Dvoživke umirajo dvakrat. S. 54–77.*

²⁸ *Ibid. S. 8–16.*

²⁹ *Ibid. S. 14.*

Они защищают населенные пункты от ветра, и являются местом для прогулок и горнолыжного спорта. Однако вместе с этим переселенцы в Словению оказываются беззащитными перед крайностями безжалостного капитализма, экономическими кризисами, существуя в непрерывной борьбе за выживание.

Потрет иммигранта, который рисует нам Кнежевич, — это тонко чувствующий человек со своим мнением, отличающимся от мнения большинства, совершивший побег в надежде на лучшую жизнь, в поисках убежища от политического и социального гнета в более благоприятной в этом отношении среде. Найденный человеком небольшой островок своего личного *здесь*, в Словении, вызывает непонимание и даже неприятие его родного пространства. Наибольшая конфронтация происходит именно на линии взаимодействия традиционного патриархального мира сербской деревни и индивидуалистично-урбанистской словенской культуры.

Название сборника Кнежевича указывает не только на двойное личное пространство иммигранта, на некое промежуточное положение между двумя мирами, но, очевидно, и удвоенное страдание. Герои его рассказов, как и он сам, представляют первое поколение иммигрантов (в отличие, например, от героев Горана Войновича и Дияны Маткович, которые принадлежат ко второму поколению иммигрантов с двойной этнокультурной и языковой идентичностью), в результате чего отношения между оставленной родиной и страной нового пребывания выглядят напряженными, почти враждебными, вызывают болезненные переживания и зачастую напоминают незаживающую рану. Переезд в другую страну — личный выбор героев, что влечет за собой также выбор и конструирование новой идентичности, изучение еще одного языка, но также представляется результатом некоей ангажированности. Протагонист, однако, чаще всего страдает из-за отрицательных стереотипов, которые все еще активно функционируют между близкими южнославянскими народами, из-за нежелания людей вырваться из них и понять другого; герой не в состоянии найти возможность противостоять бытующим предрассудкам и так или иначе оказывается в роли жертвы, когда происходит столкновение двух миров.

Критики упрекают Кнежевича в том, что он, обращаясь к так называемой «модной» тематике, которая сама по себе оказывает его текстам большую услугу, не потрудился представить актуальную

социальную проблематику в новом свете, дав якобы лишь грубый набросок острых социальных противоречий в своей ориентации на широкого читателя (упреки касаются и того, что почти у всех его героев слабо оплачиваемая тяжелая работа, хотя у них есть высшее образование)³⁰. Такого рода взгляд, не предлагающий ничего, на что не обратил бы внимание обычный человек, якобы обедняет функционирование литературы, она таким образом подвергается тем же процессам прекаризации, что и более широкая ткань общества³¹. Возможно, причина этому в том, что дискриминационность словенской системы по отношению к иммигрантам все еще остается важным фактором их жизни, о чем сами писатели-иммигранты так или иначе вынуждены напоминать. Автор в очередной раз демонстрирует тот удвоенный объем насилия, которому подвергаются люди с двойной идентичностью: структурное, социальное и экономическое насилие словенского социума и непосредственное физическое, психологическое, иерархическое насилие сербского общества. Писатель, однако, в очередной раз продемонстрировал, что личные истории — один из лучших способов приблизиться к другому. А кинематографичный характер текстового нарратива, то с ускоряющимся, то замедляющимся ритмом, позволяет автору передать всю напряженность существования в «меж-пространстве», возникающем в области столкновения двух культур.

³⁰ *Vršič Z. Preživeta bolečina vmesnih prostorov — Zoran Knežević: Dvoživke umirajo dvakrat.* 2014. URL: <https://www.trubarjevahaliterature.si/index.php/rubrike/mladakritika/1283-preiveta-boleina-vmesnih-prostorov> (дата обращения: 13.02.2020); *Radaljac A. Dvoživke s presečišč // Pogledi.* 2014 (5). 15–16. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/dvozivke-s-presecisc> (дата обращения: 05.03.2020).

³¹ *Tomažin A. Zgodbe, ki jih piše življenje. Zoran Knežević, Dvoživke umrejo dvakrat.* Ljubljana, 2014. URL: <http://www.ludliteratura.si/kritika-komentar/zgodbe-ki-jih-pise-zivljenje/> (дата обращения: 13.02.2020).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. ЧАПЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ И МНЕНИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Аннотация: О К. Чапеке достаточно много говорилось и писалось как его современниками, так и потомками. Исследователи старались дать оценку его политическим и философским взглядам, вновь и вновь возвращаясь к его эстетике. Однако его творчество до сих пор не раскрыто до конца и продолжает быть предметом споров. Задача данной статьи — опираясь на мнения известных литературоведов и основываясь на анализе его произведений, подтвердить их актуальность, непреходящее значение для сегодняшнего дня и показать несостоятельность некоторых пейоративных оценок, раздающихся в его адрес и компрометирующих личность и творчество великого художника и гуманиста.

Ключевые слова: К. Чапек, «Р.У.Р.» «Кракатит», «Война с саламандрами», С.В. Никольский, Р. Пинсент.

Kseniya K. MASLOVA

THE WORKS OF K. CHAPEK IN THE CONTEXT OF MODERNITY AND LITERARY CRITICS VIEWS

Abstract: A lot has been said and written about K. Chapek by both contemporaries and descendants. Researchers have tried to evaluate his political and philosophical views, returning again and again to his aesthetics. However, his work continues to be the subject of controversy. The purpose of this article, based on the opinions of well-known literary critics and based on the analysis of his works, is to confirm their relevance, their enduring significance for today, and to show the inconsistency of some pejorative assessments that are distributed in his address and compromise the personality and works of the great artist and humanist.

Keywords: K. Capek, “R.U.R.”, “Krakatit”, “The War with the Salamanders”, S.V. Nikolsky, R. Pinsent.

Карел Чапек — один из крупнейших писателей XX в., достаточно хорошо исследованных. Однако его творчество продолжает быть предметом споров, особенно в англоязычном мире. Исследователи старались дать оценку его политическим и философским взглядам, вновь и вновь возвращаясь к его эстетике. Однако, несмотря на это, личность Чапека до сих пор не раскрыта до конца, а его творчество продолжает быть предметом споров, особенно в англоязычном мире.

В этой работе мы обратились к суждениям нескольких авторов, предметом изучения которых являются в первую очередь драма «Р.У.Р.» (*R.U.R.*, 1920) и роман «Кракатит» (*Krakatit*, 1924), пытаясь определить, поддерживая или оспаривая их взгляды, степень актуальности ряда важнейших проблем творчества Чапека с точки зрения их современного восприятия.

Для того, чтобы более полно ответить на вопрос, можно ли считать произведения К. Чапека актуальными и по сей день, обратимся к ряду работ отечественных и зарубежных специалистов.

В исследованиях некоторых советских литературоведов высказывались мнения о том, что Чапек недостаточно современен и глубок в некоторых своих произведениях (такая оценка, впрочем, порой давалась и дается и всей его литературно-эстетической программе) и подчас слишком сосредоточен на проблемах мещанства, избегая более насущных, по их мнению, проблем. Например, М.А. Макина в своих работах показывала, как Алексей Толстой, написавший пьесу «Бунт машин» по мотивам чапековской драмы «Р.У.Р.», «улучшил» произведение Чапека, якобы «преодолев» слабые стороны подлинника, например его «мелкобуржуазную ограниченность»¹. Олег Михайлович Малевич также подчеркивал «ограниченность мировоззрения писателя, не признававшего тогда активной положительной роли прогрессивной идеологии в искусстве»². (Однако, если отбросить политико-философскую оценку произведений К. Чапека, большинство литературоведов советского и нынешнего периодов не забывали отметить огромный талант писателя³.)

В работах зарубежных авторов, на которых мы хотели бы сосредоточиться, можно также уловить тенденции недооценки чапековского творчества. Так, например, в своей книге «Комедии вопреки»⁴ («Comedies of Defiance: An Introduction to Twentieth Century Czech Fiction», 2001) профессор Роберт Портер из Университета Глазго под-

¹ Макина М. А. Творчество А.Н. Толстого 20-х годов (1922–1930.). Л., 1955. С. 76.

² Малевич О. М. Карел Чапек: критико-биографический очерк. М., 1989. С. 60–61.

³ См. Никольский С. В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. М., 1973; Ковтун Е.Н. Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиция Герберта Уэллса.: Автореф. дисс. на степень канд. филол. наук. М., 1991; Волков А.Р. Карел Чапек и проблема реалистической условности в драматургии XX века. М., 1982.

⁴ См.: Porter R. Comedies of Defiance: An Introduction to Twentieth Century Czech Fiction. Portland, Oregon, 2001. P. 51.

нимает вопрос: «Отчего же произведения Чапека, такие популярные в Англии межвоенного периода, в наше время практически забыты?» Ответ, по мнению автора, кроется отчасти в том, что джентльменское мировосприятие Чапека, в высшей степени интеллигентское, более не удовлетворяло запросам читателя, пережившего Вторую мировую войну и, в частности, такое вопиющее явление, как Холокост. Тот же Портер добавляет, что «Чапек никогда по-настоящему не понимал природу возникавшего зла».

Профессор Роберт Пинсент из Лондонского университета оценивает наследие К. Чапека еще более критически⁵. Так, по мнению Пинсента, писатель предпочитал быть легкомысленным оптимистом, антисемитом и антиинтеллектуалом, обывателем, не соприкасающимся с реальностью, он должен был бороться и обличать зло, но предпочитал развлекать. Пьесу Чапека «Р.У.Р.» он окрестил «расистской». Помимо всего прочего, Пинсент считает Чапека злостным ретроградом, который сознательно привносит в свои произведения консерватизм, возвращаясь сам и, таким образом, завлекая читателя в мир прошлого, в XIX в., уходя от современности. Большинство подобных взглядов резюмируется профессором Пинсентом в обзорной статье, опубликованной в журнале «Славянская и восточно-европейская литература» («The Slavonic and East European Review») в 2000 г. По мнению Яна Чулика из Университета Глазго, механизм критики Пинсента заключается в том, что, увлекаясь идеей, он часто не рассматривает ее в общекультурном контексте и игнорирует других авторов, исследующих тот же вопрос.

Теперь рассмотрим подробнее критические замечания из тех, что перечислены выше, выявляя их природу и учитывая комментарии других исследователей.

Работы Роберта Пинсента, посвященные Чапеку, в первую очередь основываются на книге «Братья Чапек глазами семьи» (*Čarpi očima rodiny*, 1995) Гелены Кожелуховой (он приводит в своих работах обширные цитаты из нее), племянницы писателя, и на мемуарах Ярмилы Чапковой, жены Йозефа Чапека, старшего брата Карела.

⁵ Здесь и далее см.: *Pynsent R.B. Ďáblové, ženy a národ. Výbor z úvah o české literatuře. Praha, 2008. S. 373–398, 415; Pynsent R.B. Tolerance and the Karel Čapek Myth // The Slavonic and East European Review. Vol. 78. No. 2. April, 2000. S. 331–353; Pynsent R.B. Tolerance a mýtus o Karlu Čapkovi // Pynsent R. B. Ďáblové, ženy a národ. S. 373–398 и др.*

При этом Ян Чулик считает, что мнение Пинсента строится, в первую очередь, на анализе критической литературы, а не оригинальных текстов Чапека.

«Итак, Карел писал свои статьи и книги, а Масарик (Чехословацкий президент) составлял свои постулаты, и оба считали, что тем самым они помогают спасти мир. Это, несомненно, приносило им удовлетворение, даже счастье. Однако никому это не помогало, напротив, они притупили нашу бдительность относительно опасностей, кроющихся внутри нас самих»⁶⁷, — рассуждает Кожелухова. Интересно, что чешский писатель Иван Клима отвергает мнение последней о том, что Масарик «негативно влиял на Чапека», считая ее мнение предвзятым. Напротив, на Чапека оказали сугубо положительное влияние социально-философские, глубоко гуманистические взгляды президента.

В ходе тщательного исследования как литературных текстов Чапека, так и воспоминаний о нем современников становится ясно, что утверждения о преднамеренном «притуплении бдительности в отношении опасностей внутри нас», в которой обвиняют Чапека, не выдерживают критики, скорее наоборот — знакомство с его творчеством создает совершенно противоположное впечатление. Приведем в доказательство тому несколько примеров.

Обратимся к драме «Р.У.Р.». Здесь очевидны попытки решения больших социальных вопросов (что произойдет позднее в более крупных жанрах, например, в романах «Фабрика абсолюта» — *Továrna na absolutno*, 1922; «Кракатит» — *Krakatit*, 1922; «Война с саламандрами» — *Válka s mlouky*, 1936). Автор ставит мысленный социально-философский эксперимент, допуская изобретение того, что было бы способно быстро изменить жизнь человечества, обострить социальное напряжение до предела, до непосредственного конфликта, и, как следствие, разрешиться неминуемым финалом. В этих обстоятельствах особенно четко и наглядно предстают те или иные проблемы и тенденции современной жизни. Чапек критикует бесчеловечность, милитаризм, малодушие или даже полное отсутствие духовности. Драмы и романы Чапека носят характер ироничных сатирических утопий, предостерегают от опасности дегуманизирующих

⁶ Koželuhová H. Čarpci očima rodiny. Praha, 1995. S. 109.

⁷ Перевод здесь и далее, если это не оговорено особо, автора статьи.

тенденций (видимо, это и есть «тлетворное» влияние Т.Г. Масарика, о котором говорят Кожелугова, Пинсент и проч.), от пренебрежения нравственностью. В социально-фантастической драме «Р.У.Р.» Чапек обнаруживает интересную возможность синтеза приемов научной фантастики с приемами других жанров, итогом чего становится использование в научной фантастике жанра драмы. В романе «Кракатит» научно-фантастическое допущение более правдоподобно, чем в пьесе и в других произведениях писателя. Оно связано с фактически уже сбывшимся предсказанием Чапека. Пусть современникам Чапека оно казалось несбыточным, но оно не было столь фантастичным, как «бунт машин» или «эликсир вечной жизни», и опиралось на аналогии с реально растущей мощностью военного оружия, примененного во время Первой мировой войны. Таким образом, роман «Кракатит», включая научно-фантастическое допущение, может восприниматься как гиперболизация уже существующих явлений и тенденций — тем более что экспрессивные фантазмагорические картины как бы вырастают из изображения, тяготеющего к реалистическому плану. Действие романа не сдвинуто ни в прошлое, ни в будущее, оно разворачивается в реальных странах. Места событий достаточно ясны: сначала это Чехия, затем Германия (военный комбинат в Балтине-Дортуме) и Италия. Есть даже элемент социального противопоставления выходца из народа инженера Прокопа и аристократической среды, военных кругов. Большинство событий романа происходит в реальном бытовом контексте, а отдельные фрагменты напоминают картины из произведений Тургенева, Достоевского или Чехова. Писатель стирает грань между реальностью и фантастикой. Зачастую события воспринимаются как сновидения и галлюцинации тяжелобольного Прокопа. Лихорадочное состояние инженера вызывает ощущение кошмара, чудовищности и противоестественности тех злых сил, которым Прокоп дал волю, создав кракатит. В то же время художественный эффект достигается использованием приемов приключенческого жанра, сказки, символично-поэтическими средствами.

Таким образом, сочетая разнообразные художественные средства, Чапек нашел возможность затронуть и вскрыть самые сложные проблемы современности. Так, по мнению русского литературоведа И.А. Бернштейн, «эстетика Чапека характеризуется удивительной связью между фактической достоверностью и элементами фанта-

зии»⁸. При этом, на наш взгляд, важно отметить, что реальность в его произведениях отражает не столько определенную эпоху, сколько вечные явления социального бытия. А герои обладают характерами, наиболее типичными для решения проблем, которые поднимает автор. Например, в драме «Р.У.Р.» Чапек ставит вопрос, имеют ли люди моральное право эксплуатировать мыслящих роботов, созданных из тканей и органов, точь-в-точь как люди. Эта проблема присуща, с одной стороны, миру будущего, техническому прогрессу, а с другой стороны, чему-то, что существует вне времени. Так автор явственно показывает читателю, что эксплуатация и пренебрежение одними разумными существами других не может продолжаться вечно и влечет за собой страшные последствия, в которых виноваты целиком и полностью эксплуататоры. Этот вопрос актуален во все времена, ведь пока существует человек, существует и потребность в доминировании кого-то над кем-то, или же, попросту, в захвате власти кем-то. Эту ситуацию можно проследить и в романе «Кракатит», где вещество невиданной мощи (напоминающее атомное оружие) — кракатит — открывает перспективы обретения невиданной доселе власти тому, кто сможет овладеть им. При этом понятие «кракатит» в романе имеет несколько смыслов. Во-первых, это непосредственная аналогия с разрушительным вулканом Кракатау, и в этом случае само название говорит, что будет, если оружие попадет в руки людям. Во-вторых, это понятие в переносном значении связано с представлением о катастрофических, разрушительных силах, скрытых в человеческом обществе и в человеке и способных вырваться наружу. Этого достаточно, на наш, взгляд для того, чтобы опровергнуть утверждение критиков, которых мы цитировали выше, о «притуплении бдительности» Чапека «в отношении опасностей внутри нас».

По мнению профессора Пинсента, К. Чапек избрал снисходительный подход к своим читателям и к тем, кого считает мещанами, и его собственные политические убеждения, по-видимому, заключаются в таком же «страусином» (формулировка Пинсента) эскапизме. Тем не менее, профессор Иржи Голы из Карлова университета в Праге парирует это утверждение так: «Пинсент всего лишь вторит критике, высказываемой в адрес Чапека со стороны коммунистов и като-

⁸ *Bernštejnová I.A. Čapkovy estetické názory a problem realism // Acta Universitatis Frolinae. Philologica 4–5. Slavica Pragensia XXIII. Pr., 1989. S. 28; см. также: Бернштейн И.А. Карел Чапек. Творческий путь. М., 1969.*

ликов, для которых Чапек как сторонник либеральной демократии и, конкретно, президента Т. Г. Масарика, был врагом»⁹. Такое мнение поддерживает и профессор Ф. Вшетичка из Университета Палацкого в Оломоуце, цитируя католического писателя межвоенного периода Т. Водичку, который считал, что Чапек использует концепцию «долга» в «крайне поверхностном и безобразно буржуазном понимании»¹⁰. Вшетичка утверждает, что Водичка не понимал чапековского неприятия конкретного толкования чувства долга. Таким образом, недопонимание Водичкой Чапека, по-видимому, аналогично недопониманию Чапека Пинсентом. Вшетичка обращает внимание читателя на тот факт, что критика, обрушившаяся на Чапека в 1930-х гг., исходящая от ортодоксальных католиков и марксистов, была весьма схожа¹¹. А Иван Клима вспоминает, что некоторые критики того периода характеризовали Чапека как слабого, консервативного и/или реакционного писателя, его даже обвиняли в идеализации современного общества¹².

Прославленный чешский критик-демократ Ф.К. Шальда охарактеризовал Чапека так: «осторожничающий человек в самых красивых, самых привлекательных и самых удобных идеологических тапочках на подкладке из идеалистического хлопка»¹³. А марксистский критик Б. Вацлавек считал его «консерватором, который хочет мира, баланса и счастья. Он ценит лишь бессмысленную, мелкобуржуазную, мало примечательную жизнь»¹⁴. По мнению Й. Чулика, обвинения Чапека Пинсентом и др. в «последовательной осторожности»¹⁵ просто повторяют высказывания, сделанные его идеологическими противниками в межвоенный период.

Что касается осуждения Чапека за его сосредоточенность на незначительном, то, на наш взгляд, это скорее достоинство, чем недостаток. Согласно гуманистической позиции писателя, в центре все-

⁹ *Holý J.* Pynsent's Representative Publication // *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. No. 5. S. 875–880.

¹⁰ *Vodička T.* Stavitelé věží. Tasov, 1947. S. 62.

¹¹ *Všetička F.* Sloupek Karla Čapka // *Podoby prózy*. Olomouc, 1997. S. 119.

¹² *Klíma I.* Velký věk chce mít též velké mordy: Život a dílo Karla Čapka. Praha, 2001. S. 132.

¹³ *Šalda F. X.* Šaldův zápisník. II.: 1929–1930. Praha, 1969. S. 162.

¹⁴ *Václavek B.* Od umění k tvorbě. Praha, 1949. S. 41, 46–47.

¹⁵ См.: Protest v britském deníku The Times proti udělení Nobelovy ceny // The Times. 20 October 1984. URL: <https://legacy.blisty.cz/art/40367.html> (дата обращения: 09.04.2018).

го — человек, и его нужно воспринимать как носителя «нравственных чувств, повседневного жизненного опыта, вульгарного сострадания и других ментальных инструментов, которые непосредственны, потому что их множество у человека, живущего в бесконечно разнообразном мире, объективном, эпическом»¹⁶. Именно поэтому для писателя важны все формы человеческой деятельности, чтобы создавать в своих произведениях образы простых граждан, а не сверхлюдей, уникальных в своем роде. По нашему мнению, умение Чапека запечатлеть человеческие переживания и действия в той или иной ситуации, в мельчайших, порой кажущихся незначительными, подробностях позволяет создать действительно «живые» образы. Проиллюстрировать эту мысль можно, обратившись, например, к образу главной героини драмы «Р.У.Р.» Елены. Он ее «оживляет» при помощи речевой привычки, с которой мы знакомимся с первых же страниц, растягивать по-детски согласные звуки: «ужжасно», «ррраздавите» (на языке оригинала: «hřgozné», «řřgozmaškáte»). Мелочь, деталь, так верно схваченная в реальной жизни, приходится как нельзя кстати и формирует образ героини, ее характер — именно эта непосредственность, детскость, в какой-то степени недопонимание взрослого мира, позволяет ей сжечь рукопись Арчибальда и таким образом раз и навсегда остановить производство роботов.

В свою очередь, отличительной чертой романа «Кракатит» является мастерство автора создавать конкретные, предметные образы, сцены, картины, достигая достоверности, пластики и осязаемости изображения. Достаточно привести цитату: «В полдень Анчи понесла вместе с Нандой корзину белья в сад: белить. Прокоп с облегчением захлопнул книгу — не позволит же он Анчи таскать тяжелую лейку! Отобрал лейку, сам стал кропить белье; густой дождик весело, щедро барабанит по бахромчатым скатертям, по белоснежным большим покрывалам, по широко распыленным мужским сорочкам; вода шумит, журчит, собирается в складках заливчиками и озерцами. [...] Прокоп сел в траву, с наслаждением вдыхая запах влажного белья и следя за проворными красивыми руками Анчи»¹⁷. Именно эти, на первый взгляд, незначительные подробности, то выходя на перед-

¹⁶ Здесь и далее цитаты по: Čapek K. Pragmatismus čili Filosofie praktického života. Praha, 1925. S. 76–83.

¹⁷ Čapek K. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Кракатит. Гордубал. Метеор / Пер. Н. Аросевой. М., 1959. С. 65.

ний план, то, наоборот, удаляясь, позволяют автору изобразить архитипический опыт жизни «обычного человека».

Профессор Пинсент рассматривает экспрессионистскую пьесу «Р.У.Р.» как антисемитскую и расистскую. Это суждение основано на некоторых неявных характеристиках финансового директора фабрики Россума, в котором можно увидеть человека еврейского происхождения. Однако Иржи Голы возражает против данного предположения: «Это одна из многих второстепенных особенностей пьесы. Если бы мы могли сделать вывод о том, что Чапек был антисемитом, то Богумил Грабал, так же, как и чешские писатели еврейского происхождения — Карел Полачек или Ота Павел и многие другие, — должны тоже быть антисемитами»¹⁸.

Даже тот факт, что Чапек никогда не высказывался в антисемитском духе, не является, по всей видимости, для его критиков веским доказательством того, что он не был антисемитом. Приведем цитату из воспоминаний супруги К. Чапека Ольги Шайнпфлюговой о последних днях его жизни, где можно наблюдать резко негативную реакцию писателя (в то время уже смертельно больного, прокованного к постели) на известие о травле евреев: «Вечером у его постели сидело несколько человек. Существовали еще “Демократия детям”, редакционные и другие обязанности, от которых нельзя отказаться и при высокой температуре. Кто-то из друзей принес известие, которому трудно было поверить: евреи были исключены из Общественного клуба. Это прозвучало как первое предвестие морального одичания. Чапек взволнованно приподнялся и, сидя, обвел присутствующих вопросительно-испуганным взглядом нездоровых, блестящих глаз, словно хотел сказать, как он страдает от того, что силы отказали ему в самый критический момент. [...]

— Кто это сделал?

Несколько смущенных голосов пытались найти оправдание: мол, руководители клуба хотели спасти положение, опередить события, предотвратить кару. Чапек не желал, не мог этого понять.

— Когда я встану, — глухо, с явным напряжением произнес он, испытывая стыд за тех, кто впервые унизился до морального прислужничества, — я скажу им, что напрасно они торопятся. Несправедливость и трусость никогда не были добрыми советчиками. Пусть

¹⁸ *Holy: J. Pynsent's Representative Publication. S. 878.*

немцы делают, что задумали, но никто из нас не должен идти им навстречу по дороге безумия и преступлений. Чего бы это ни стоило, лучше потерять все, чем принять участие в злодеяниях. Он пылал отвращением и решимостью»¹⁹.

Однако, по словам Пинсента, на самом деле Чапек не мог преодолеть свой антисемитизм. В представлении Пинсента, доказательство этого можно найти в романе «Война с саламандрами» (1936): «Наконец, жадность Бонды создает глобальный хаос. [Еврей] представляет крупномасштабный капитализм, который Чапек презирал. Автор выбирает именно еврея, чтобы продемонстрировать свое презрение, в романе, опубликованном за 3 года до того, как Гитлер получает кресло канцлера. Чапек близок к тому, чтобы обвинить во Второй мировой войне евреев, делая тем самым этот народ козлом отпущения. Мы никогда не узнаем, было ли это преднамеренным или нет»²⁰.

Нам остается только согласиться с Яном Чуликом, который считает, что Чапек просто фиксирует то, что было на самом деле. В межвоенной Чехословакии действительно было много успешных капиталистов еврейского происхождения, и, несомненно, только за это наблюдение Чапека нельзя окрестить расистом и антисемитом.

Пинсент также критикует Чапека за его антиинтеллектуализмом, по всей видимости, неверно истолковывая смысл отрывка из очерка «Место для Джонатана» (*Misto pro Jonathana!*, 1934). Нижеследующая цитата, по мнению критика, должна служить доказательством чапековской нетерпимости к интеллектуализму в первую очередь: «Ничто так не истощало [культуру], как власть педантов и задир, людей интеллектуально покалеченных приспособленчеством; притворные псевдопроповедники и набитые культурой пугала, узколюбые наставники и диктаторы, ученые ослы, брюзжащие евангелисты, радикальные придиры, неврастенические эстеты правят в этой, в целом непереносимой, ограниченной и самодовольной, безжизненной и крайне скучной интеллектуальной элите»²¹. Позднее Иржи Голы объясняет реакцию Пинсента так: «Пинсент выводит свое заключение из этого проявления преувеличенного популизма Масарика и

¹⁹ Шайнфлюгова О. Из книги «Чешский роман» // Чапек в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 220–221.

²⁰ Pynsent R.B. Tolerance and the Karel Čapek Myth. P. 350.

²¹ Holý J. Pynsent's Representative Publication. P. 879.

доказывает, каким антиинтеллектуалом был Чапек. Целью этого очерка для Чапека было не нападение на интеллектуалов, а критика благоприятной среды для тоталитаризма. [...] В своем очерке Чапек критикует тех интеллектуалов, которые отказались от обязательств перед общественностью в своих собственных странах и вместо этого демонстрировали позицию, угодную авторитарным властителям, или же скрывались от общественной жизни в освоенных сферах своей деятельности»²².

Чапек не был пропагандистом антиинтеллектуализма, однако во весь голос он критиковал многих интеллектуалов того времени, сознательно избирающих тоталитарный режим. Он действительно во многих своих произведениях высмеивал псевдоинтеллектуалов. Так, например, в пьесе «Р.У.Р.» мы находим такую колкую ремарку: «Дело в том, что у них [роботов] идеальная память. Вы можете прочитать им двадцать томов Научного словаря, и они повторят вам все подряд, наизусть. Но ничего нового они никогда не выдумают. Они вполне могли бы преподавать в университетах...»²³. Однако это, конечно, не антиинтеллектуализм. Скорее это можно расценивать как протест против издержек истинных интеллектуальных достижений и простого тиражирования чего-то выдающегося.

Прошло более 80 лет со дня смерти Карела Чапека, и, казалось бы, все должно было быть о нем уже сказано. Однако, как показывает проанализированный выше материал, можно с уверенностью отметить, что в жизни и творчестве писателя еще остаются не до конца проясненные страницы и вопросы. Они могут трактоваться по-разному, в частности с ущербом для осмысления личности и творчества Чапека, что показывают рассмотренные нами работы профессора Пинсента.

По нашему мнению, К. Чапек, несмотря на то что его опыт частично уходит корнями в Австро-Венгерскую империю, является истинно современным писателем. Подлинный интеллигент, интеллектуал, он был внимательным наблюдателем жизни разных социальных слоев, прозорливым пророком, выдающимся мастером слова, благодаря чему смог описать многие механизмы человеческого поведения, которые могут быть актуальны в любое время, и, пожалуй, особенно — в нашу эпоху.

²² *Holý J.* Pynsent's Representative Publication. P. 879.

²³ *Чапек К.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Пьесы / Перевод Д. Горбова. М., 1958. С. 108–109.

Работы же английского богемиста Р. Пинсента демонстрируют причудливую преемственность риторики догматической и современной западной литературной критики.

ПОЛОНИЗМЫ В РОМАНЕ В.В. КРЕСТОВСКОГО «КРОВАВЫЙ ПУФ»

Аннотация: В статье анализируются многочисленные полонизмы, употребляющиеся в дилогии В. Крестовского «Кровавый пуф». В дилогии представлены не только отдельные лексемы, но и целые фразы на польском языке, чаще всего гибридного польско-русского характера. Нередко названия глав романа даны на польском языке. Приводятся также польские молитвы и песни. Полонизмы относятся к разным частям речи. Большую их часть составляют нарицательные существительные (19 лексико-семантических групп) и имена собственные. Анализируются способы адаптации полонизмов для понимания их русскоязычными читателями. Функция передачи локального колорита и национальной маркированности польского персонажа сочетается в романе Крестовского с идеологической: показом поляков как вдохновителей и организаторов восстания 1861–1863 гг. («кровавого пуфа»), то есть врагов Российской империи.

Ключевые слова: полонизм, функция, часть речи, нарицательное существительное, имя собственное.

Natalia E. ANANYEVA

POLONISMS IN THE NOVEL “THE BLOODY POUF” BY V.V. KRESTOVSKY

Abstract: The article analyzes the numerous polonisms used in V.Krestovsky’s diology “Bloody pouf”. The diology contains not only words, but also whole phrases in Polish, most often of a hybrid Polish-Russian character. Often the titles of the chapters of the novel are presented in Polish. Also included are Polish prayers and songs. Polonisms refer to different parts of speech. Most of them are common nouns (19 lexical and semantic groups) and proper nouns. There are analyzed ways of adapting polonisms for understanding them by Russian-speaking readers. The function of transmitting the local specificity and national marking of the Poles is combined in Krestovsky’s novel with the ideological one: showing the Poles as the inspirers and organizers of the uprising of 1861–1863 (“bloody pouf”), that is, the enemies of Russian Empire.

Keywords: polonism, function, part of speech, common noun, proper noun.

Дилогия «Кровавый пуф», написанная в 1874 г., состоит из частей «Панургово стадо» (I книга) и «Две силы» (II книга). Это произведение, описывающее злоключения главного героя, студента Константина Хвалынцева, попавшего в сети коварных поляков-заговорщиков (и в первую очередь красавицы Цезарины — стереотипного

образа русской литературы), готовящих восстание 1861–1863 гг., а затем освободившегося из этих тенет, имеет ярко выраженную антипольскую направленность, чем, по всей видимости, было обусловлено непечатание дилогии в Советском Союзе. Агентура поляков действует и в провинциальном Славнобубенске, и в столичном Санкт-Петербурге. По количеству полонизмов дилогия В. Крестовского, пожалуй, занимает главенствующее место в гипертексте русской литературы XIX в. (действие второй книги происходит в Варшаве и Белоруссии, что подразумевает, само собой, увеличение числа польскоязычных элементов, а также наличие белорусизмов). Исследователь польских заимствований в русской литературной речи второй половины XIX в. В.М. Шетэля отмечает даже, что Крестовскому «чуждо понятие о чувстве меры в употреблении польских слов»¹, с чем трудно не согласиться. В.В. Крестовский, длительное время проживавший в Варшаве, исследовавший ее подземную жизнь и служивший редактором «Варшавского курьера», безусловно, хорошо знал польский язык и польские реалии. Целые страницы романа повествуют об истории Речи Посполитой и актуальных политических событиях, происходящих на польских землях. В дилогии представлены не только отдельные польские лексемы, но и целые фразы на польском языке (чаще всего в транслитерации на «гражданке»), а отдельные главы имеют польские названия (причем нередко в латинской графике). Например, девятая глава первой части первой книги называется «*Cegla* (с отсутствием *l*. — Н. А.) *wielkiego budowania*»², девятнадцатая глава озаглавлена «*De* (вместо *do*. — Н. А.) *funduszu zelaznego*» (с отсутствием точки над первым *z*: *zelaznego*. — Н. А.) с переводом «Железному фонду»³ Во второй книге число польских названий глав возрастает. Четыре озаглавлены на латинице: пятая глава первой части «*Szkolka dla dzieci Wiejskich*» — с ошибочным *o* вместо *ó* и *l* вместо *ł* в первом слове и с заглавным *V* вместо строчного *v* в последнем; в сноске дан перевод «Небольшая школа для деревенских детей (польск.)»⁴; одиннадцатая глава той же части «*Kochajmy sie!*» — с *e* вместо *ę* в возвратной частице,

¹ Шетэля В.М. Польские заимствования в литературной русской речи второй половины XIX века.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 7.

² Польск. «Кирпич большого строительства». Крестовский В.В. Кровавый пуф. М., 2007. С. 73.

³ Там же. С. 145.

⁴ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 575.

перевод, данный в сноске, не совсем точен: следовало бы «Возлюбим друг друга!» или «Давайте любить друг друга!», поскольку «Мы любим друг друга» не передает побудительности к действию, выраженной в польской императивной форме⁵; восьмая глава третьей части «*Hymn narodowy*» — перевод в сноске «Государственный гимн (польск.)»⁶; первая глава четвертой части «*Do broni!*» — перевод «К оружию! (польск.)»⁷. Ср. также польскую надпись на латинице: «*Boze, zmiłój sie nad nami!*»⁸, т.е. «Боже, смилуйся над нами!» (корректная запись была бы: *Boże, zmiłuj się nad nami!*). Далее это высказывание приводится и в транслитерации (пример см. ниже). В латинице приведено также высказывание Подвиляньского «*ze dymem pożarów*» (корректно было бы: *z dymem pożarów*). В сноске дан перевод: «С дымом пожаров (польск.)»⁹.

В пяти главах второй книги польские лексемы приведены в транслитерации и без перевода: «*Палац сломяны*» (четвертая глава первой части) — т.е. «Соломенный дворец»; «*Киермаиш*» (девятая глава той же части) — т.е. «ярмарка»; «*Панское полеванье*» (десятая глава той же части) — т.е. «господская охота»; «*Фацеция паньська*» (с избыточным мягким знаком после *c* — ср. польск. *pańska*) — двенадцатая глава той же части (т.е. «господская шутка»); «*Сеймик панский*» (четырнадцатая глава той же части) — т.е. «господский сеймик»; «*Панна Ванда*» (восьмая глава второй части). Некоторые названия глав представляют собой гибридные образования: русские в своей основе фразы, в которые «вкраплены» польские лексемы. Например, в I книге: название шестнадцатой главы четвертой части — «*Чего никак не мог предвидеть пан грабя*» (польск. *pan hrabia* «господин граф»); введение слова *пан* с соответствующими польскими антропонимами в названии четвертой главы четвертой части («*Пан граф Тадеуш и просто пан Анзельм*»). Примеры гибридных названий глав из II книги: «*Похороны некоего “почтивего человека”*» (польск. *porzeczony człowiek* «порядочный человек») — название второй главы второй части; «*Ржонд противу ржонда, справа противу справы*» (польск. *rząd* «правительство»), в род. п. ед. ч. должно быть окончание *-и*, т.е. *ржонду*, польск.

⁵ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 615.

⁶ Там же. С. 822.

⁷ Там же. С. 936.

⁸ Крестовский В.В. Кровавый пуф. М., 2007. С. 346.

⁹ Там же. С. 92.

sprawa «дело») — название девятой главы второй части; «*Лесная маювка*» (польск. *majówka* «маёвка») — название четвертой главы четвертой части; «*Генерал-довудца и его штаб в прадедовском замке*» (польск. *dowódca* «командующий, командир») — название второй главы четвертой части. В названии одиннадцатой главы четвертой части содержится отапеллятивный антропоним *Робак* (польск. *robak* «червяк»), одновременно являющийся псевдонимом «ксендза-довудцы» жандармов-вешателей, заимствованным из «Пана Тадеуша» А. Мицкевича (псевдоним Яцека Соплицы): «*Робак, ксендз-партизан и вешатель*».

Каскад польских надписей (в транслитерации) видит Константин Хвалынцев на стене «школки» в имении пана Котырло: «*Боже, змилуй сен' над нами!*» (эквивалент вышеприведенной фразы на латинице), «*Боже, збав ойчизнен!*» («Боже, спаси родину!»), «*Под твоен' обронен' уцекамы сен'!*» («К твоей защите прибегаем!»)¹⁰. Обращает на себя внимание непоследовательность передачи конечного *ę* (*ень, ен', реже ен*). Современным формам ж. р. *twoją, swoją, toją* соответствовали более старые с носовым переднего ряда, что и пытается передать в транслитерации Крестовский (*твоень*).

Еще одну надпись читает Хвалынцев на траурном кресте: «*Тен кржиж поставионы ту на памионтке* (корректно: *на памионтке*, т.к. польск. *ramiątka* женского рода. — *Н. А.*) *о дню 2-ого марца 1861 року в Варшаве*»¹¹ (рус. «Этот крест поставлен здесь в память о дне 2 марта 1861 года в Варшаве»). Приведем еще несколько польских фраз, употребленных польскими персонажами. Пан Котырло говорит: «*Алеж то глупсьтво* (избыточен ь. — *Н. А.*), *муй пане! то юж надто!*»¹² (переведено только последнее слово: слишком, чересчур). Фраза пана Прындица: «*Алеж за яким дзяблем!?*»¹³ (рус. «Но какого же черта?»). Ксендз Кунцевич в главе «Сходка» (I книга) произносит, в частности, такие фразы: «*Цо то есть за человек тэн пан майор Лубяньский?*»¹⁴, «*жебы виштак было як сенподоба*»¹⁵ (некорректная сегментация в последней лексеме, надо: *сен подоба*. — *Н. А.*); рус.

¹⁰ Крестовский В.В. Кровавый пуф. М., 2007. С. 576.

¹¹ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 599.

¹² Там же. С. 583.

¹³ Там же.

¹⁴ Крестовский В.В. Кровавый пуф. М., 2007. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 150.

«Чтобы всё было как нравится». Пан Копец говорит: «*Алежь знатно, пане, москаля побили! Досконале!*»¹⁶; «*Кэзськи интэрес, муйпане!*» (с избыточным *ь* в прилагательном: польск. *kiepski* «отвратительный», а также некорректным слитным написанием *муйпане*)¹⁷.

Ср. также выкрики «панов»: в главе «Сеймик панский» (вторая книга, первая часть): «*Нех жіе Польска! Нех жіе вольносьць!.. Пречь за* (вместо *з* — польск. *z*. — Н. А.) *москалями!.. Засмроздили Польскен' москале!*»¹⁸. Переведены в тексте только первая фраза («Да здравствует Польша!») и первое слово из последней («Испакостили»). При этом вместо *засмроздили* следует форма *засмродзили* (польск. *zasmródzić*), а в *пречь* при твердости польского *sz* мягкий знак избыточен.

Кунцевич в беседе с Пшецыньским сыплет польскими прибаутками: «*Век наш крутки — выпиемы вудки... А ну-бо! По килишку!*»; «*Век наш не дługi, выпиемы по другей!*»¹⁹; «*Слухай, коханы: “Жебы быць нам стулне на тым свеце, выпиемы, браццишку, по тршецей!”*»²⁰. Приводятся молитвы на польском языке.

В гродненском костеле пан с «чиновничьей кокардой», к которому Хвалынцев обратился на французском языке, отвечает ему по-польски: «*Чи ж пан не муви по-польску? Пан не розуме?* (в сноске дан перевод: «Разве пан не говорит по-польски? Пан не понимает?»)²¹.

Во второй книге наряду с белорусскими песнями приводятся религиозные тексты на польском языке или польско-белорусской смеси, «кантычки». Так, один «старушек подкосыцельны» поет «Лазаржа»:

*Певны человек богаты
В золото, серебро, шарлаты,
Ядзь, пил, тьлько танцовал,
Дзень и ноц банкетовал...*

(непольские формы здесь: *человек* и *ядзь* — польск. *człowiek*, *jadł* или многократный *jadal*). Непонятными для русскоязычного читате-

¹⁶ Крестовский В.В. Кровавый пуг. СПб., 2011. С. 609.

¹⁷ Там же. С. 637.

¹⁸ Там же. С. 649.

¹⁹ Крестовский В.В. Кровавый пуг. М., 2007. С. 148.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Крестовский В.В. Кровавый пуг. СПб., 2011. С. 691.

ля в вышеприведенной религиозной песне могут быть слова *невны* (польск. *rewny* «некий») и *шкарлаты* (польск. *szkarlat* «пурпур, ярко-красный цвет»).

Второй религиозный текст («Декалог», польск. *Dziesięcioro przykazań*, здесь «Дзесенциора») — польский (дан так же, как и первый, в транслитерации):

*А Бог розсказал: верж в Бога едного,
Друга: имения не берж дармо Его,
Тршещие: паментай, бысь свенцил дни мое,
Чварте: шануй ойца, маткон' твоен',
Пионте: не забий, шусте: не цудзолож,
Сюдме: не крадний; усьме: фальшу не множ,
Адзевенте: не по жондай,
До цудзых жонек не пршисёндай²².*

Во втором тексте обычны некорректные *o* на месте *ó* (произносится как *u*, следовало бы писать: *Буг*, а не *Бог*; *цудзолуж*, а не *цудзолож*; *мнуж*, а не *множ*). Традиционна передача польского диграфа *rz* (на месте которого с XVIII в. произносится *ж* или после глухих *ш*) как *рж* или *ри* (*верж* — польск. *wierz*, *берж* — польск. *bierz*, *пршисёндай* — польск. *przysiędaj*). Ошибочно для вин. п. ед. ч. сущ. ж. р. на *-a* дана форма с окончанием *-он'* (*маткон'* — польск. *matkę*, должно было бы быть *маткен'* или *маткен* в соответствии с принятой в издании системой обозначений). Избыточным является *ь* в *усьме* (польск. *ósmie*), а также некорректная сегментация отмечена для *по жондай* (польск. *pożądaj*) и *Адзевенте*, в котором также неверно передан носовой и некорректна сегментация (польск. *a dziewiąte*). Приведем перевод, отсутствующий в тексте:

*«Бог приказал: верь в Бога единого,
Второе: не бери бесплатно его имущества,
Третье: помни, чтобы ты чтил мои дни,
Четвертое: чтй отца, твою мать,
Пятое: не убий, шестое: не прелюбодействуй,
Седьмое: не укради, восьмое: не умножай лжи,
А девятое: не вожделей,
Не присаживайся к чужим женам».*

²² Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 592.

Приводится также «припев народного гимна» («Боже цось Польске»):

*Пршед Тве олтаржи занесим благане:
Ойчизны вольность рач нам вруциц, Пане!*

(т.е. «К твоим алтарям вознесем мольбу! Родины свободу изволь нам вернуть, Господи!»).

Издевающийся над попом Сильвестром пан Копец, «презус (т.е. *prezes*. — Н. А.) комиссии судной» поет:

*С там-тэй страны (вместо строны. — Н. А.) Вислы
Компала сен врона,
А пан поп наш мыслял,
Же то его жона!*

Здесь в сноске переводятся сегменты *с там-тэй* (польск. *z tam-tej*) — «с той стороны» и *компала сен* (польск. *kąpala się*) — «купалась»²³.

Компания польских панов (пан Шпарага, пан Копец и др.) во время застолья поют соответствующую песню на польском языке:

«— *Выпил Куба до Якуба*», — начинал пан Шпарага.

— *«Якуб до Михала»*, — подхватывал пан пулковник, отчеканивая такт своей саблей.

— *Выпил ты, выпил я* —

Компания ца ла! (опечатка: должно быть *чала*. — Н. А.)

— *«А кто не выпил»*, — присоединялись голоса любителей, — *«тэго ве два кия!»* И вслед за ним «компания чала» подхватывала во всю глотку:

*Цупу-лупу! лупу-цупу!
Тэго ве два кия!»*²⁴

Далее следует продолжение застольной песни:

Индык с со сем, барщ с биго сем
(неверная сегментация, следует *с сосем, с бигосем*. — Н. А.),
*Ядлы негдысь паны,
Дзись шинкарка и кухарка
Едзон' як боцяны.*

²³ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 623.

²⁴ Там же. С. 618.

*Кто жабами жіє,
Тэго ве два кія!
Лупу-цупу! цупу-лупу!
Тэго ве два кія!*²⁵

В данном случае переводчиком является действующий персонаж (Свитка-Калиновский), который по просьбе Хвалынцева переводит вначале припев («Кто не выпивает, того, значит, цупу-лупу в две палки»), а затем и продолжение песни, сопровождая его комментариями, которые мы опускаем: «Индюка с соусом и борщ с бигосом — некогда паны лишь едали, а теперь всякая шинкарка [...] и всякая кухарка едят, словно аисты [...] А кто желает наслаждаться блюдами из лягушек [...] того бей в две палки! Цупу-лупу! лупу-цупу! Бей того в две палки!»²⁶. Русифицированной является форма *кія*, употребленная с числительным *два* — польск. *dwa kije*. Странным представляется вкрапление *i* в текст в современной орфографии (*жіє, кія*).

Цитируется и более новый гимн — «Мазурка Домбровского»: «*Марш, марш, Хлопицький, а за ним Дембицький!*.. «*Еще Польска не згинэла!*» (возгласы «пана-пулковника» Копца)²⁷.

Яркое представление о польско-русском гибридном языке польских персонажей романа дает беседа ксёндза-пробоша Ладыслава Кунцевича с полковником Болеславом Казимировичем Пшещынским в I части дилогии. Ксёндз-пробош обращается к Пшещынскому²⁸:

«Ну, пойдём *до кабинета* [...] Я давно уж с нетерпением ждал *пана* [...] *Сядай, муй коханы, сядай на ту фотелю...* ближе к камину!.. Ну, *так то ладне!*.. Чем же мне подчивать *пана*? [...] *Не пий з блазнем, не пий з французом, не пий з родзоным ойцем, з коханкой не пий, а з ксёндзем вытий* — таков мой закон! Я дам *пану* добрую цыгару, а *Зося* подаст нам клубничного варенья и бутылочку *венгржину* (польск. *węgrzyn* м. р. — Н. А.), а у меня ведь — сам знаешь, *коханку*, — заветные! От *Фукера* из *Варшавы* выписываю, — отказать *не можно!*»²⁹; «То еще моему деду, *пану Богушу Кунцевичу*, сам *яснеосвецоны пан ксионже Адам Казимерж Чарторыйский* на охоте в *Пулавах* презентовал на *памёнтек* (польск. *ratkiatka* ж. р. — Н. А.),

²⁵ Крестовский В.В. Кровавый пух. СПб., 2011. С. 618.

²⁶ Там же. С. 619.

²⁷ Там же. С. 609.

²⁸ Польские элементы, включая ономастикон, выделены курсивом.

²⁹ Крестовский В.В. Кровавый пух. М., 2007. С. 74.

бо пан дед Богуш (тенчас еще млоды человек) добрже забил недзьведзя с едней карабелей!»³⁰.

И далее течет беседа ксендза с его агентом Пшецыньским, в которой то и дело появляются полонизмы:

«Ну, и цо ж, мой коханы?»

— Ну, и ниц! — пожал плечами полковник.

— *Як-то ниц?!..* Ведь стреляли?» (речь идет о спровоцированных событиях в целях поднятия крестьян на восстание в Высоких Снежках. — *Н. А.*); «Крепки они очень, мой ксенже канонику» (слова Пшецыньского)³¹; «Терпение, терпение, муй коханы брацишку!.. Я доволен паном: пан действовал хорошо! *Ойчизна неподлеглая, вольная, не забудет послуги паньскей!..* Каждое такое действие, как было в Снежках, это новый кирпич в фундамент *велькего будованья!*» (слова ксендза)³². Далее речь ксендза идет целиком на русском языке, кроме обращения («И ты, муй коханы панку, придержался тут доброй политики») ³³ и отдельных вкраплений польских слов (*бискуп, с забраного края, маппа* — со сноской «план, ландкарта» — польск. *тара*; «Эту маппу составил один из наивысших *филяров велькего будованя, пан грабя Скаржиньский*»³⁴; «Пан знает, цо то есть за дроги человек!..») ³⁵. В письме от «бискупа» также вставлены отдельные полонизмы: *забранный край, паны*, как добрые *обыватели* (т.е. граждане), *посессоры, пакцяжи* (с объяснением: «*prakciarz* — еврей, арендующий панских коров»), *наезд, каты, гицели, жолнерж, хлоп, москаль, ржонд московский, маппа, пан грабя, свентый Казимерж* и *свента справа* («Бог и свентый Казимерж помогают свентей справа»), *быдло наяздов(ое)* («столкновение между хлопами и быдлом наяздовым»), крестьянский или *хлопский* вопрос, *шляхетный*, труды и усилия *свентего костела* и нашей *свентей вяры, ойчизна* («опоясанные поясом любви к *ойчизне*»). Заканчивается письмо латинской фразой (в тексте также есть латинизм *ergo*), обычной для поляка-католика, тем более священнослужителя: «*Benedicat vos Pater, Filius et Spiritus Sanctus. Amen*» — с переводом в сноске: «Да благословит вас отец,

³⁰ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 75–76.

³¹ Там же. С. 77.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 78.

³⁵ Там же.

сын и дух святой. Аминь». Ксендз обращается дальше к полковнику, говорит о новом эмиссаре, через которого получено письмо, употребляя следующие полонизмы: «Як сам москаль!» (о хорошем знании эмиссаром Францишком Пожондовским русского языка), «*коханы пршияцелю*», «подлегалные» (т.е. *podlegli* — подневольные; здесь игра слов: «мы люди *подлегалные*, а потому нам всегда следует прятаться *под легальность*»)³⁶; «Юж!» (польск. *już* «уже»), «Ну и *цо жс!*» Пшецыньский повторяет фразу «Ну, *то добрже*». Полонизмы употреблены и в косвенно-прямой речи, т.е. речи нарратора, передающей слова собеседников. Ср. «Недаром оба они (Пшецыньский и ксендз. — Н. А.) называли себя *цеглой велькего будованя*³⁷ с подробным объяснением в сноске этого выражения: «*Cegła* — кирпич (правильно *cegła*. — Н. А.). *Wielkie budowanie* (с *v* вместо *w*. — Н. А.) — великое строение, — стародавний, специальный термин для обозначения конспиратной (*sic!*) деятельности *польской sprawy*. Возник он первоначально от “белых” (?). Ср. также пример косвенно-прямой речи с полонизмами: «Один (т.е. Пшецыньский. — Н. А.) писал донесение по своему особому начальству, другой (т.е. ксендз Кунцевич. — Н. А.) — к *превелебному пану бискупу с забраного края*»³⁸.

Кроме *накцяж*, *мапта* и *велькего будованя*, полонизмы не объясняются. Если многие из них понятны без перевода, то некоторые всё же требовали бы объяснения — например, *карабеля* (польск. *karabela* «кривая сабля»), *килишек* (польск. *kieliszek* «рюмка») или *филяр* (польск. *filar* «столп, опора»), хотя второе слово, неоднократно употребляемое в диалогии, впоследствии переводится.

Разнообразен польский ономастикон романа, представленный в первую очередь антропонимами и топонимами, а также другими типами онимов. Среди антропонимов — это и имена действующих лиц, и прецедентные имена, связанные с польской историей, культурой и литературой. Среди персонажей диалогии это уже упомянутые полковник *Болеслав Казимирович / Казимирыч Пшецыньский* (с русифицированным отчеством) и ксендз-каноник *Ладыслав Кунцевич*, а также славнобубенский губернатор *Непомук Анастасьевич* (снова русифицированное отчество) *Гржиб-Загржимбайло*, его жена *Констанция Александровна Гржиб* (или «пани Констанция», как ее

³⁶ *Крестовский В.В.* Кровавый пух. СПб., 2011. С. 80.

³⁷ Там же. С. 81.

³⁸ Там же.

именует Кунцевич), служанка Кунцевича *Зося*, его дед *Богуш Кунцевич*, учитель латинского языка *Феликс Мартынович Подвиляньский*, эмиссар *Францишек Пожондовский*, доктор *Адам Яроц*, «пан грабля» *Тадеуш Слонецкий*, *Анзельм Бейгуш*, очаровывающая Хвалынцева по заданию организаторов «польской sprawy» графиня *Цезарина Маржецкая*, упоминаемый как поляк *Матвей Осипыч Яснопольский*, исправник *Шипчинский*, *Кулькевич*, пан *Котырло* и пани *Котырло*, их дочери *Котырлувны*, *Свитка-Калиновский*, пан *Хомчевский*, посредник *Селява-Жабчинский*, ассессор *Шпарага*, пан *Косич*, пан *Прандич*, типографщик *Иосиф Колтышко*, капитан *Чарыковский*, граф *Северин Маржецкий*, «пан пулковник» *Конец*, *Почебут-Коржымский*, ремесленник *Пшездецкий*, *Лесницкий* и др.

Иронико-сатирическое и негативное отношение к польским персонажам проявляется и в онимах, и в непосредственной наррации. Так, иронически звучит фамилия имеющих польские корни княжон *Почечуй-Чухломинских* (ср. *почечуй* — геморрой, вторая часть ассоциируется с названием провинциального городка *Чухлома* — показатель захудалости данного рода). Многократное повторение звука *ч* в этой фамилии создает неблагозвучный фонетически эффект «шипящести». Юмористически для русского уха звучит и фамилия губернатора *Гржиб-Загржимбайло*, с ее двойным *рж*. При этом вторая часть может ассоциироваться на основе паронимии с глаголом *загрести*, что является определенной характеристикой деятельности главы славнобубенской администрации.

Пример непосредственной отрицательной характеристики польского персонажа — описание вкрадчивости пана Ладыслава Кунцевича: «Взгляд у пана ксендза был мягонький, тихенький, но немного как будто кошачий и в душу заползающий, и голос тоже был тихий, мягкий, немножко тягучий и отчасти сладкий. Говорил он словно бы гладил вас по шерстке бархатною кошачьею лапкою»³⁹. У Пшещынского отмечается «невъразимо любезная, гоноровая “гжечность”», составляющая «неотъемлемую принадлежность родовитых поляков»⁴⁰. Эти описания ассоциируются с русской пословицей «мягко стелет, да жестко спат». Иронически описывается поместье пана Котырло, где царят грязь и обжорство. Отмечается театральность

³⁹ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 74.

⁴⁰ Там же. С. 13.

поведения Цезарины, демонстрирующей Хвалынцеву пятнышко на груди, выдаваемое ею за шрам от раны, полученной от русской пули во время демонстрации в Варшаве и специально на глазах у Хвалынцева вышивающей знамя с изображением Богородицы и двумя надписями на польском и русском языках: «*Boze, zmiłój cie nad nami*» (корректно *Boże, zmiłuj się nad nami*) и «За свободу вашу и нашу».

Среди прецедентных имен представлены: покровитель Литвы святой *Казимир*, героиня восстания 1831 г. «знаменитая довудца графиня *Эмилия Плятер*», граф *Понятовский* (на самом деле князь), король *Ян Собеский*, «яснеосвещены пан ксионже» *Адам Казимерж Чарторыйский* (бывший некоторое время министром иностранных дел Российской империи), *Тадеуш Костюшко*, св. иезуит *Иосафат Кунцевич*, *Адам Мицкевич*, король *Стефан Баторий* (ср.: «под Псков еще *Баторий* ходил»⁴¹), гетман *Жолкевский* (ср.: «*Жолкевский* когда-то и в Москве сидел»⁴²), сосланный в Сибирь один из руководителей Ноябрьского восстания 1831 г. *Петр Высоцкий* («наш знаменитый деятель тридцать первого года, *Петр Высоцкий*»⁴³). Во второй функции — в качестве прозвища Болеслава Пшецыньского — употреблен антропоним *Болеслав Храбрый* (имя польского князя-короля). На страницах диалогии встречаются такие польские топонимы, как хоронимы *Ржечь Посполита / Польша / Польшка* (в гимнах) / *Конгресувка* «Царство Польское» (например: «еще *Ржечь Посполиту* помнят!» — слова ксендза Кунцевича), *Литва* (как часть «Ржечи Посполитой»), гидронимы *Неман, Вилия*, астионимы *Варшава, Гродно // Гродна // Grodna, Вильно*, название местности *Пулавы* (владения Чарторыйских), оттопонимические прилагательные (например, *овручский* от названия города *Овруч* на Житомирщине: «бывший *овручский* Базыльянский»)⁴⁴. Представлены в диалогии и два наиболее чтимых польских иконима (ср.: «Несколько других картинок изображали [...] страдания каких-то католических святых и две богородицы: *Остробрамскую* и *Ченстоховскую*»⁴⁵). Заметим, что значительное число приведенных польских имен представлено при описании кабинета ксендза Ладыслава Кунцевича, а их носители изображены

⁴¹ *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 637.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. М., 2007. С. 76.

на портретах, висящих в этом кабинете. К ономастике относятся уже указанные выше гимны «*Боже, цось Польске*» и «*Еще Польска не згинэла*» и цитаты из них. Упоминаются героини поэмы Мицкевича *Кропител* и *Зося*, а также приводятся прецедентные междометия, употребляемые Кропителем (*шах-мах, трем-брем* и *плюск*), которые цитирует «пулковник» Копец. В качестве клички предводителя шайки разбойников используется еще одно имя из поэмы «Пан Тадеуш»: *Робак* (псевдоним Яцека Соплицы). При этом дана ее апеллятивная мотивация (польск. *robak* «червяк»). Имя владельца варшавского винного магазина *Фукер* можно трактовать и как урбаноним (заказать что-то у Фукера, пойти к Фукеру). Представлены в романе и геортонимы (*Боже народзене* «Рождество») и этнонимы (*москаль, поляк, полька, жид*). В ряде случаев даны польские формы экзонимов. Ср.: наряду с *Сибирь* употребляется и польская форма с твердым *p* по мужскому роду («*Сибиру* не надо, Панове! [...] *Сибиру* не хочу!..») — слова «пана пулковника»⁴⁶. Для антропонима *Наполеон* дана польская форма творительного падежа *Напольйонем*.

По-польски говорят не только поляки, но и проживающие на белорусско-литовской территории (польских северо-восточных Кресах) православные поп Сильвестр и его жена, а также евреи. Попадья так приветствует Хвалынцева: «*Прошен, пана*»; *А, пан з Росци!* ... *То для мне бардзо притемне!* [опечатка: *n* вместо *й* в *притемне*. — *Н. А.*] *Прошен пана закоштоваць...*»⁴⁷. В сноске дан перевод: «*А, пан из России! Это для меня очень приятно. Прошу пана откушать*». Искаженная русская речь гродненских евреев-коммерсантов (со смешением шипящих и свистящих — типа *мозжем* «можем» и *сикрипка* «скрипка» и другими попытками передать еврейский акцент) изобилует вставками из польского языка как целых фраз, так и отдельных слов. Ср.: «*фактор тутейши*», «*А мозже* [т.е. *може*. — *Н. А.*] *пан гербату тие с румем, ... чи з коннякем, чи то з сокем яким*», «*засшпева*» (т.е. *заспева* — польск. *zaśpiewa* «запоет»), «*Ниц, муй коханы!*»⁴⁸, «*пулковники*», «*панство*»⁴⁹, «*сикарпетки*» (т.е. *скарпетки* — польск. *skarpetki* «носки»), «*вода колоньсика*» (т.е. *колоньска* — польск. *woda kołońska* «одеколон»), «*антрамент*» (т.е. *атрамент* — польск. *atrament*

⁴⁶ *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 637.

⁴⁷ Там же. С. 653.

⁴⁸ Там же. С. 676–677.

⁴⁹ Там же. С. 678.

«чернила»), «мидло» (польск. *mydło* «мыло») ⁵⁰, «гудзики» (польск. *guzik* «пуговица»), «запалки» (польск. *zapalki* «спички»), «ренкави чки» (неверная сегментация — *ренкавички* — польск. *rękawiczki* «перчатки») ⁵¹, «окуляры» (польск. *okulary* «очки»), «буриштынове» (польск. *bursztynowe* «янтарные»), «таки сляби» [т.е. слабы. — Н. А.], «ситарушек» [т.е. старушек. — Н. А.] ⁵² и др. Русифицированные словоформы (ср. окончание вин. п. ед. ч. существ. ж. р. -у — гербату или им. мн. ч. прилагательных -и /-ы — ср. нитки *ангельски*) сочетаются с польскими (ср. окончание тв. п. ед. ч. существ. м. р. -ем — з *ру-мем*, з *сокем*, з *коньякем*). В гибридной польско-русско-белорусской речи евреев-торговцев польские окончания встречаются и в русских адъективах: -и в стяженных формах ед. ч. м. р. (*сиями* [т.е. самы. — Н. А.], *найлучши*, *парижски*) или -е в стяженных формах им. мн. ч., причем с характерным польским суффиксом -ов: *янтарове*.

Рассмотрим многообразие польских апеллятивных субстантивов и лексем иной частеречной принадлежности, представленные в диалогии.

Лексико-семантические группы апеллятивов:

1. Номинации лиц (названия лиц по профессии, социальному статусу, возрастной характеристике, родственным отношениям и др.):

- 1) Социальные слои общества: аристократы и дворянство — *грабя* (польск. *hrabia* «граф»), *круль* (польск. *król* «король»), *ксионже* (польск. *książe* «князь»), старые полонизмы *магнат*, собир. *магнатерия* (польск. *magnateria* «магнаты») и *шляхтич*, собир. *шляхта*, *дробная шляхта* (польск. *drobna* «мелкая»), *шляхетство*, искаженное *нечельник* (польск. *naczelnik* «начальник, предводитель»), *цесарж* (польск. *cesarz* «император»), *филяр* (польск. *filar* «1. столб; 2. столп (общества)», здесь во втором значении); низшие слои — *хлоп* (польск. *chłop* «крестьянин, мужик»).
- 2) Военнослужащие: *довудца* (польск. *dowódca* «командир, командующий; предводитель, вожак»), собир. *жандармерия*, *жандармы* (польск. *żandarmeria* «жандармы»), *жолнерж* (польск. *żołnierz* «солдат»); *пулковник* (польск. *pulkownik* «полковник»).

⁵⁰ Крестовский В.В. Кровавый пух. СПб., 2011. С. 680.

⁵¹ Там же. С. 68.

⁵² Там же. С. 682.

- 3) Служители культа и церковные служащие (одновременно входят в группу «Религиозная терминология»): старый полонизм *ксендз* и *ксендз-декан*, *бискуп* (польск. *biskup* «епископ»), *опат* (польск. *opat* «аббат»), *органиста* (польск. *organista* «органист» — включаем в данную группу, поскольку речь идет о церковном органисте), *сакристиян* (польск. *zakrystian* «ризиничий», «церковный сторож»).
- 4) Должности, занятия, профессии: *асессор* (польск. *asesor* «заседатель»), *визитатор* (польск. *wizytator* «инспектор», здесь *отец-визитатор*, т.е. одновременно церковнослужитель), *возный* (польск. *woźny* «возный, приказный в суде»), *кастелян* (польск. *kasztelan* «кастелян»), *маршалок* (польск. *marszałek*), *официалист* (польск. *oficjalista* «конторщик в имении»), *пакцяж* (польск. *pakciarz* — значение см. выше), *посессор* (польск. *posesor* «арендатор»), *фактор* (польск. *faktor* «комиссионер, посредник»).
- 5) Возрастная характеристика: *паненка*, *панич*, *старушек* (польск. *staruszek* «старичок», в сочетании *старушек подкосьцельный* употреблено в значении «нищий»), *хлонец* (польск. *chłopiec* «мальчик»).
- 6) Родственные отношения: *брацисшек* (польск. *braciszek* «братец, братик», частотно употребление в обращении к человеку, не состоящему в родстве с говорящим), *жон(к)а* (польск. *żona*, *żonka* «жена»), *матка* (польск. *matka* «мать, мама»), *ойцец* (польск. *ojciec* «отец», часто употребляется во вторичной функции — по отношению к священнослужителю).
- 7) Межличностные отношения: *коханек* (польск. *kochanek* «возлюбленный, любовник», употребляется как обращение *коханку* «дорогой, любезный, милый» — ср. прозвище одного из Радзивиллов, часто так обращавшегося к окружающим, — *ranie kochanku*), *коханка* (польск. *kochanka* «возлюбленная, любовница»), *пршыяцель* (польск. *przyjaciel* «друг»).
- 8) Пейоративы и слова в переносном пейоративном употреблении: *блазен* (польск. *blażen* «шут»), *быдло* «скотина (по отношению к людям)» (польск. *bydło* «1. скот(ина) (о животных); 2. скотина (о людях)»), *гицель* (польск. *hycel* «1. собачник (отлавливающий и уничтожающий собак); 2. ист. помощник палача; 3. негодяй»), *кат* «негодяй, подлец» (польск. *kat* «палач»), *здрайца* (польск. *zdrajca* «предатель, изменник»), шпег

- (польск. *szpieg* «шпион», в тексте встречается и латинское написание *szpieg*).
- 9) Специфическая форма обращения *мосьц* (польск. *mość* — сокращенная форма от *miłość*) «милость» — ср. *превелебной мосьци*.
 - 10) Сакральная и мифологическая лексика: *Буг* (польск. *Bóg* «Бог»).
 - 11) Отношение к чему-либо, в частности к месту происхождения или проживания (кроме этнонимов): *цудоземец* (польск. *ciudziemiec* «иностранец»).

II. Номинации, относящиеся к политической и административной лексике: *вольность* (польск. *wolność* «свобода»), *громада* (польск. *gromada* «громада — единица административного деления, село; сельский сход»), *жалоба* (польск. *żaloba* «траур; траурная одежда»; в диалогии имеет политическое значение: носящие «жалобу» женщины-польки демонстрируют свое отношение к утрате Польшей независимости), *местечко* (польск. *miasteczko* «местечко, городок»), *народова справа* (польск. *sprawa narodowa* «национальное дело»), *наязд* (польск. *najazd* «набег»), *оброна* (польск. *obrona* «защита»), *повстаніе* (польск. *powstanie* «восстание»), *ойчизна* (польск. *ojczyzna* «родина»), *ржонд* (польск. *rząd* «правительство»), *сеймик* (польск. *sejmik* «сеймик»), *фольварк* (польск. *folwark* «усадеб-ба, фольварк»), *народовы фундуш* (польск. *fundusz narodowy* «национальный фонд»).

III. Названия зданий, учреждений и их частей, строительного материала: *заездный дом* (польск. *dom zajezdny* «постоялый двор»), *каварня* (польск. *kawiarnia* «кафе»), *каплица* (польск. *kaplica* «часовня», одновременно относится к церковной лексике), *киермарш* (польск. *kiermarz* «ярмарка»), *кляштор* (польск. *klasztor* «монастырь», одновременно относится к церковной лексике), *кнайпа // кнейпа* (польск. *knajpa* «ресторан, закусочная, трактир»), старый полонизм *костел* (польск. *kościół*, одновременно относится к религиозной терминологии), *палац* (польск. *pałac* «дворец»), *плебания* (польск. *plebania* «дом приходского священника», одновременно относится к церковной лексике), *цегла* (польск. *cegła* «кирпич»), *школка* (польск. *szkółka* — уменьш. от *szkola* «школа»), *фара* (польск. *fara* «приходской костел», одновременно относится к церковной лексике), *филия* (польск. *filia* «филиал, подразделение»), *цукерня* (польск. *cukiernia* «кондитерская»).

IV. Религиозная и церковная терминология (помимо уже указанной в группах «Названия лиц» и «Названия зданий»): *бrevиарий* (польск. *brewiarz* «требник»), *дзесенциора* (польск. *dziesięcioro przykazań* «декалог, десять заповедей»), *медалик* (польск. *medalik* «образок, медальон с изображением святого»), *кантычка* (польск. *kantyczka* «религиозная песня»), *комжа* (польск. *komża* «стихарь»), *конфессионал* (польск. *konfesjonal* «исповедальня»), *кржиж* (польск. *krzyż* «крест»), *крижек* (польск. *krzyżek* «крестик»), *крштеленица* // *хрштельница* // *крштельничка* (польск. *chrzcielnica* «купель»), *миша* (польск. *msza* «литургия, месса, обедня»), *набожёнство* (польск. *nabożeństwo* «богослужение, церковная служба»), *олтарж* (польск. *oltarz* «алтарь»), *орнат* (польск. *ornat* «риза, фелонь»), *офяра* (польск. *ofiara* «жертва»), *парафия* (польск. *parafia* «церковный приход»), *ружанец* (польск. *różaniec* «четки»), *хоронгва*, мн. *хоронгви* (польск. *chorągiew* «хоругвь (церковная)»), *шкяплерж* (польск. *szkaplerz* «образок, ладанка»).

V. Слова, связанные с грамотой, чтением, письмом и т.п.: *антрамент* (польск. *atrament* «чернила»), *верш* (польск. *wiersz* «стих(отворение)»), *гумн* «гимн»), *ксьёнжска* (польск. *książka* «книга»), *латина* (польск. *łacina* «латинский язык»), *литера* (польск. *litera* «буква»), *фацеция* (польск. *faciesja* «анекдот, пикантная история», лит. *фацеция*, здесь «шутка, проделка»).

VI. Названия посуды: *килишек* (польск. *kieliszek* «рюмка»), *фулижанка* (польск. *filizanka* «чашка»), *шкляничка* (польск. *szklaneczka* «стаканчик»).

VII. Еда, время приема пищи: *барщ* (польск. *barszcz* «свекольник»), *бигос* (польск. *bigos* «тушеная капуста с копченостями, бигос»), *вендли на* (некорректная сегментация, должно быть *вендли* — польск. *wędlina*, обычно мн. ч. *wędliny* «колбасные изделия, копчености»), «*генсь зе сливками и з яблоками*» (польско-русский гибрид, в котором последний субстантив дан по-русски, а остальная часть — по-польски: польск. *gęś* «гусь», *ze (z)* «с», *śliwka* «слива»), *кава* (польск. *kawa* «кофе»), *коляция* (польск. *kolacja* «ужин»), *мазурки* (польск. *mazurek* «вид сдобы»), «*мнихи*» — указано в качестве блюда (польск. *mnich* «монах», но также и «вид вареников»), «*налесники зе повидлами*» (польск. *naleśniki* «блины», *ze* «с», мн. ч. *powidła* «повидло»), *обядек* (уменьш. от польск. *obiad* «обед»), *оборанки* (польск. *ob(w)arzanek* «бублик, баранка»), *сос* (польск. *sos* «соус»),

«сухаречка» (польск. *suchareczek* — уменьш. от *sucharek* «сухарик»), *чеколяда* (польск. *czekolada* «шоколад»), *шинка* (польск. *szynka* «ветчина»).

VIII. Названия напитков: *венгржина* (польск. *węgrzyn* «венгерское, т.е. токайское»), *вишнювка* (польск. *wiśniówka* «наливка из вишен»), *вудка* (польск. *wódka* «водка»), *гербата* (польск. *herbata* «чай»), «*кава за сметанкой*» (польск. *kawa ze śmietanką* «кофе со сливками»), *литевка* (польск. *litewka* «старая литовская водка»), *малинувка* (польск. *malinówka* «настойка из малины»), *миодек* (польск. уменьш. от *miód* «мед», ср. польскую фамилию *Miodek*), *пивко* (польск. *piwko* — уменьш. от *piwo* «пиво»), *помаранчувка* (польск. *pomarańczówka* «апельсиновая настойка»), *рум* (польск. *rum* «ром»).

IX. Названия одежды и ее атрибутов: *венгерка* (польск. *węgierka* «венгерка (род куртки)»), *гудзик* (польск. *guzik* «пуговица»), «*жалоба*» как название траурной одежды, *жупан* (унгаризм, пришедший в русский через польский *żupan* «род кафтана»), *каптур* (польск. *kapтур* «капюшон, капор»), *кожушек* (польск. *kożuszek* «полушубок»), *конфедератка* (польск. *konfederatka* «конфедератка (вид головного убора)»), *кошуля* (польск. *koszula* «рубашка»), *кунтуш* (польск. *kontusz* «кунтуш»), *рнкавички* (польск. *rękawiczki* «перчатки»), *хустка* (польск. *chustka* «платок»), *чамарка* (польск. *czamar(k)a* «венгерка (одежда)»), *сикарпетка* (польск. *skarpetki* «носки»). Часть номинаций — вошедшие в литературный русский язык старые полонизмы (*венгерка*, *кунтуш*, *конфедератка*, *жупан*).

X. Названия танцев: русифицированная (по женскому роду) *мазурка* (польск. *tazurek*).

XI. Животный мир: *боцян* (польск. *bocian* «аист»), *врона* (польск. *wrona* «ворона»), *индюк* (польск. *indyk* «индюк», употреблено и как название блюда — «индейка, индюшка»), *недзьведь* (польск. *niedźwiedź* «медведь»), *орзел* (польск. *orzeł* «орел», употреблено в переносном смысле — как герб Польши), *робак* (польск. *robak* «червяк»). Ср. также прилагательное *коцья* (польск. *kocia* «кошачья») — адъектив, образованный от существительного *kot* «кот, кошка».

XII. Названия металлов и минералов: *злото* (польск. *złoto* «золото»), *сребро* (польск. *srebro* «серебро»).

XIII. Номинации, обозначающие временной промежуток: *дзень* (польск. *dzień* «день»), *ноц* (польск. *noc* «ночь»).

XIV. Средства гигиены: *вода колоньсика* (польск. *woda kolońska* «одеколон»), *мидло* (польск. *mydło* «мыло»).

XV. Названия предметов мебели: *фотеля* (польск. *fotel* «кресло»).

XVI. Названия оружия: *карабеля* (польск. *karabela* «кривая сабля»).

XVII. Названия частей тела: *глова* (польск. *głowa* «голова» в словосочетании *трунья глова* (т.е. череп), белое изображение которой было нашито на черном драповом пальто одной из дам, участвующих в похоронах «почтивего человека» в Гродно⁵³), *лытки* (мн. ч., ед. ч. *łydka* «икра») (ноги) — ср. в хвастливой речи Копца: «*целый чварты корпус московский от одного виду нашего лытки покажет!*»⁵⁴).

XVIII. Названия отдельных конкретных предметов: *запалки* (польск. *zapalki* «спички»), *кайданы* (польск. *kajdany* «кандалы»), *кйй* (польск. *kij* «палка»), *манна* (польск. *tara* «карта»), *окуляры* (польск. *okulary* «очки»), *памёнтек* (польск. *pamiątka* «вещь, связанная с памятью; сувенир»), *шиба* (польск. *szyba, szybka* «оконное стекло»), *файка* (польск. *fajka* «трубка» (курительная)).

XIX. Абстрактная лексика разнообразной семантики: *гжечность* (польск. *grzeczność* «вежливость»), *господарство* (польск. *gospodarstwo* «хозяйство»), *интерес* (польск. *interes* «дело»), *ойчизна* (польск. *ojczyzna* «родина»), *покора* (польск. *pokora* «смирение»), *полеванье* (польск. *polowanie* «охота»), *польцизна* (польск. *polszczyzna* уст. все польское), *фальш* (польск. *falsz* «ложь»).

Широко представлены в диалогии и другие части речи.

Польская глагольная лексика репрезентирована инфинитивными и определенными глагольными формами:

1) Инфинитивы: *вруциць* (польск. *wrócić* «вернуться»), *закошто-ваць* (польск. *zakosztować* «испробовать, отведать»), *запалить* (польск. *zapalić* «закурить»), *пришесендаты* (объединение польск. *przysiąść* «присясть» и *przysiądać* «присаживаться»).

2) Императивы:

- 2 л. ед. ч. *берж* (польск. *bierz* от *brać* «брать»), *верж* (польск. *wierz* от *wierzyć* «верить»), *збав* (польск. *zbaw* от *zbawić* «спасти»), *змилиуй сен* // *змилиуйсен* (польск. *zmiłuj się* от *zmiłować*

⁵³ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 694.

⁵⁴ Там же. С. 649.

się «смилостивиться»), *крадний* (польск. *kradnij* от глагола *kraść* «воровать»), *паментай* (польск. *pamiętaj* от глагола *pamiętać* «помнить»), *пий* и *не пий* (*pij*, *nie pij* от глагола (*nie*) *pić* «не пить»), *пожондай* (польск. *pożądaj* от глагола *pożądać* «пожелать, возжелать»), *почекай* (польск. *pozekaj* от глагола *pozekać* « подождать»), *слухай* (польск. *sluchaj* от глагола *śluchać* «слушать»), *сядай* (польск. *siadaj* от глагола *siadać* «садиться»), *тржймай* (польск. *trzymaj* от глагола *trzymać* «держатъ»), *цудзолож* (польск. *czudzołóż* от глагола *czudzołożyć* «прелюбодействовать»), *шануй* (польск. *szanuj* от глагола *szanować* «уважать»);

- 1 л. мн. ч.: *kochajmy się* (польск. *kochajmy się* от глагола *kochać się* «любить друг друга»);
- Описательная форма 3 л. ед. ч.: *нех жие* (польск. *niech żyje* «да здравствует»).

3) Формы настоящего и будущего времени:

- 1 л. ед. ч. *вем* (польск. *wiem* от *wiedzieć* «знать»), *винишувен пану* (польск. *winszuję* от *winszować* «поздравлять»), *выпендзям* (польск. *wyrędzam* от глагола *wyrędzać* «выгонять»), *не позволям* (польск. *nie pozwalam* от глагола (*nie*) *pozwalać* «(не) разрешать»), *прошен* (польск. *proszę* от глагола *prosić* «просить», употреблено в значении «пожалуйста»).
- 3 л. ед. ч. (*не*) *вытне* (польск. (*nie*) *wypije* от глагола (*nie*) *wypić* «(не) выпить»), *жие* (польск. *żyje* от глагола *żyć* «жить»), (*не*) *муви* (польск. (*nie*) *mówi* от глагола (*nie*) *mówić* «(не) говорить»), *подоба сен* (ср. *як сен подоба*, демонстрирующее свободное перемещение польской частицы *się* в предложении, польск. *podoba się* от глагола *podobać się* «нравиться»), (*не*) *розуме* (польск. (*nie*) *rozumie* от глагола (*nie*) *rozumieć* «(не) понимать»);
- 1 л. мн. ч. *вытнемы* (польск. *wypijemy* от глагола *wypić* «выпить»), *уцекамы* (польск. *uciekamy* от глагола *uciekać* «убегать»);
- 3 л. мн. ч. *едзон* (польск. *jedzą* от глагола *jeść* «есть, кушать»).

4) Формы прошедшего времени:

- 3 л. ед. ч. м. р.: *банкетовал* (польск. *bankietował* от *bankietować* «пировать»), *забил* (польск. *zabił* от *zabić* «убить»), *мыслял* (польск. *myślał* от *myśleć* «думать, мыслить»), *презнен*

товал (польск. *prezentował* от *prezentować* «представлять»), *розказал* (польск. *rozkazał* от *rozkazać* «приказать, велеть»), *свенцил* (польск. *święcił* от *święcić* «освящать, святить»);

- 3 л. ед. ч. ж. р.: (*не*) *згинела* (польск. (*nie*) *zginęła* от глагола (*nie*) *zginąć* «(не) погибнуть»), *кмпала сен* (польск. *karpała się* от глагола *karpać się* «купаться»).
- 3 л. мн. ч.
 - а) личные формы: *засмродзили* (польск. *zasmrodzili* от глагола *zasmrodzić* «наполнить зловониями»);
 - б) неличные формы: *ядлы* (польск. *jadły* от глагола *jeść* «есть, кушать»).

5) Форма сослагательного наклонения с частицей *бысь* (польск. *byś*).

6) Substantiva verbalia (герундиальные формы): *будованье* (польск. *budowanie* от глагола *budować* «строить»), *жебранье* (польск. *żebranie* от глагола *żebrać* «нищенствовать, просить милостыню, побираться»).

Отмечены полонизмы-адъективы разнообразной семантики (сюда относим изменяющиеся по типу адъективов причастия, указательные и притяжательные местоимения, порядковые числительные). Из собственно прилагательных и страдательных причастий представлены следующие полонизмы:

1) Стяженные формы им. п.:

а) единственного числа

- м. р.: *вельки* (польск. *wielki* «большой, великий»), *вейски* (польск. *wiejski* «сельский»), *длуги* (польск. *długi* «длинный, долгий»), *дужы* (польск. *duży* «большой»), *коханы* (польск. *kochany* «любимый»), *крутки* (польск. *krótki* «короткий, непродолжительный»), *кэпски* (польск. *kiepski* «плохой, скверный, дрянной»), *млоды* (польск. *młody* «молодой»), *москевськи* (польск. *moskiewski* «московский»), *моцны* (польск. *mocny* «сильный, могучий»), *несмертельны* (польск. *nieśmiertelny* «бессмертный»), *невны* (польск. *pewny* «некий»), *поветовы* (польск. *powiatowy* «относящийся к повету, районный»), *превелебный* (польск. *przewelebny* «преосвященный»), *родзоны* (польск. *rodzony* «родной»), *свенты* (польск. *święty* «святой»), *сломяны* (польск. *słomiany* «соломенный»), *таки* (польск. *taki* «такой»), *тутейши* (польск. *tutejszy* «местный, здешний»), *ценжски* (польск. *ciężki* «тяжелый»), *цудзы* (польск. *czudzy* «чужой»), *яснеосвецоны* (польск. *jaśnie oświecony* — княжеский титул «ваше (их, его) сиятельство»);

- ж. р. *ангельешка* (т.е. *ангельска* — польск. *angielska* «английская»), *бяла (кава)* (польск. *biała kawa* «кофе со сливками // с молоком»), *народова* (польск. *narodowa* «национальная»), *стара* (польск. *stara* «старая»), *цала* (польск. *cała* «целая»);
- ср. р. *народове* (польск. *narodowe* «национальное»).

б) множественного числа: *шановне* (ср. обращение *шановне панство*; польск. *szanowne* «уважаемые» — форма женско-вещная, употребленная некорректно в сочетании *шановне панство*, должна быть лично-мужская форма — польск. *szanowni państwo*), *бурштынове* (польск. *bursztynowe* «янтарные»).

2) Русифицированные, то есть нестяженные формы им. п.:

а) единственного числа

- м. р. *завзятый* (польск. *zawzięty* «ожесточенный, яростный, упорный»), *краёвый* (польск. *krajowy* «отечественный»), *маршалковский* (польск. *marszałkowski* «относящийся к маршалу, принадлежащий ему»), *москевський* (польск. *moskiewski* «московский»), *наяздовый* (польск. *najazdowy* «относящийся к набегу»), *старожитный* (пан) (польск. *starożytny* «древний, античный»), старые полонизмы *шляхетный* и *шляхетский* (польск. *szlachetny* «благородный», польск. *szlachecki* «шляхетский, относящийся к шляхте»);
- ж. р. *правдивая* (польск. *prawdziwa* «настоящая», ср. слова Кунцевича: «*Я вас попотчую **правдивой**, старой литевкой*»);
- ср. р. *гуртовое* (польск. *hurtowe* «оптовое», ср. *гуртовое* целование рук у пана и пани, т.е. все (гуртом) целовали руки у пана и пани), *народовое* (польск. *narodowe* «национальное»).

б) множественного числа: *окренговые* (польск. *okręgowe* «окружные»), *парафияльные* (польск. *parafialne* «приходские»), *повятвые* (польск. *powiatowe* «уездные, поветовые»).

Качественные прилагательные отмечаются не только в положительной степени, но и в суперлативе: дат. ед. *найянейшему*, ср. в исказенной речи торговца еврея: «*найлепи од этохго*»⁵⁵.

Порядковые числительные и числительное *еден, една*, изменяемые как адъективы: *друга* (польск. *druga* «вторая»), *дзевянте* (польск. *dziwiąte* «девятые»), *сиудме* (польск. *siódme* «седьмое»), *тршецье, тршеця* (польск. *trzecie* «третье», *trzecia* «третья»), *усьме* (польск.

⁵⁵ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 682.

ósmе «восьмое»), *чварте* и *чварты* (польск. *czwarte, czwarty* «четвертое, четвертый»), *шусте* (польск. *szóste* «шестое»); *еден, една* (польск. *jeden, jedna* «один, одна»).

Указательные и притяжательные местоимения:

- м. р. *мой* наряду с *мой* (польск. *mój* «мой»), *тен* (польск. *ten* «этот»);
- ж. р. *тамта* (польск. *tamta* «та»), архаическая форма вин. п. ед. ч. ж. р. притяжательного местоимения *twoja твоен* (польск. *twoje*, современная форма *twoja* «твою»).

Неродовые местоимения: вопросительное и относительное *цо* (польск. *co* «что»), отрицательное *ниц* (польск. *nic* «ничего»), квантор всеобщности *виштко* (польск. *wszystko* «все»).

Наречия: *зараз* (польск. *zaraz* «сейчас»), *юж* — наречие и частица (польск. *już* «уж»), *як* (польск. *jak* «как») и др.

Союзы и частица: *але (ж)* (польск. *ale(ż)* «но (же)»), *альбо* (польск. *albo* «или»); ср. в функции частицы в речи гостиничного лакея в Гродно: «*Альбо я вем?*»⁵⁶ (польск. *albo ja wiem?* «Да разве я знаю?»), *як* (польск. *jak* «если, как»), *чи* (польск. *czy* 1. (частица) «ль, ли»; 2. (союз) «или»), неопределенная частица *сь* (польск. *ś*), добавленная к местоимениям (например, *цось* «что-то») и др.

Полонизм, употребленный в наррации, обычно вводится в кавычки, что сигнализирует о его принадлежности к иноязычному (не русскому) языковому коду. Чаще всего эта лексема до этого была употреблена в речи какого-либо польского персонажа или лица, говорящего на польском языке. Способы объяснения полонизма и адаптации его для понимания русскоязычным читателем традиционны для русской литературы. Полонизм либо переводится в сноске, либо значение польского элемента уясняется из более широкого контекста, либо (что бывает реже) создается бином, первой частью которого является польская лексема, а второй — русский эквивалент (ср. «*лайдаки-разбойники*»). Адаптационные техники сводятся к употреблению в польских словах русских флексий (например, -у в 1 л. ед. ч. презенса и в вин. п. ед. ч. существительных ж. р. на -а, нестяженных форм им. п. прилагательных польского происхождения и русских флексий в их косвенных падежах: -ого вместо -его, -ой вместо -ей и др.). Все это приводит к появлению не только гибридных польско-русских фраз, но

⁵⁶ Крестовский В.В. Кровавый пуф. СПб., 2011. С. 683.

и отдельных гибридных форм (ср. род. п. ед. ч. *крайовой* «местной», где объединены корень с польской семантикой и русское окончание или *свянта*, употребляемая наряду со *свента*, где представлена контаминация русской огласовки корня — *святая* — и результат польской контракции с *j* — польск. *święta*). Таким образом, текст романа демонстрирует не только столкновение польских и характерных для реакционной части российской элиты второй половины XIX в. идеологием, но в какой-то степени отражает его на языковом уровне.

Итак, в диалогии В.В. Крестовского представлено редкое для русской литературы своего рода «вторжение» польской языковой стихии (как в виде интертекста, т.е. элементов, повторяющихся в других произведениях русской литературы, так и в качестве идиостилевых особенностей данного писателя). Часто мы имеем дело с гибридными польско-русскими фразами. Функция передачи локального колорита и национальной маркированности польского персонажа сочетается с идеологической (как в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского, впоследствии у Н. Островского в «Рожденных бурей» и у И. Эренбурга в «Бурной жизни Ластика Ройтшванца») — показом поляков вдохновителями и реализаторами «кровавого пуфа» (восстания 1861–1863 гг.), т.е. врагами Российской империи. И завершается диалогия патетическим призывом к полякам «слиться с русским народом». В противном случае, по мнению Крестовского, им грозит после победы Пруссии во франко-прусской войне 1870 г. растворение в германском этносе. Крестовский в конце произведения ставит серию риторических для него вопросов: «Суждено ли длиться еще и еще этой “борьбе за существование” между двумя силами? Сознает ли наконец одна из них неизбежную дилемму, которая с беспощадной логикой говорит ей: “либо исчезай с лица земли, бесследно растворяясь в культурном германском начале, либо сливайся с русским народом, чтобы возродиться как народ в могучем славянстве” [идея панславизма. — Н. А.]. Признает ли польская интеллигенция прямо и честно этот *единственно возможный для нее выход*, или же, *оставаясь верной своим традициям*, ничему не научась и ничего не умея забыть, попытается вновь разразиться еще одним кровавым пуфом? Как знать! Это покажет будущее...» Но, как известно, будущее опровергло предположения Крестовского: польский народ сохранил свою идентичность и национальное самосознание в возродившемся в 1918 г. государстве.

II.

ВЗАИМОСВЯЗИ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
И ИХ ЛИТЕРАТУР

**«РУССКИЙ СЛЕД»
В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
БАЧКСКО-СРЕМСКИХ РУСИНОВ.
ЗАМЕТКИ О КОНТАКТАХ И ИДЕНТИЧНОСТИ**

Аннотация: Дискуссии о количестве восточнославянских народов не прекращаются и в XXI столетии. В этом контексте крайне интересны историко-культурные контакты между отдаленными сегментами восточного славянства, а также влияние этих взаимоотношений на идентичность. В статье обозреваются контакты между бачкско-сремскими русинами (в Сербии и Хорватии) и русскими в XVIII–XXI вв. Восприятие русинами русских за этот период претерпело изменения. Длительное время русины, по-видимому, ассоциировали себя с населением далекой России. Непосредственные встречи русинов с русскими в первой половине XX в. поколебали «общерусские» представления, вызвав полемику о русинской идентичности. После Второй мировой войны набрала силу самостоятельная русинская национальная ориентация. В наши дни среди бачкско-сремских русинов есть русинофилы и украинофилы. Этнонациональное русофильство, как отождествление себя с русскими, практически отсутствует. Однако, как и у сербов, у части русинов распространены пророссийские политические симпатии и интерес к русской культуре.

Ключевые слова: Воеводина, идентичность, литературный язык, Россия, русины, русофильство, русские, Русь, Сербия, Славония, Хорватия.

Mikhail Y. DRONOV

**“RUSSIAN TRACE”
IN THE SOCIAL AND CULTURAL LIFE
OF THE BACHKAN-SREMIAN RUSYNS.
NOTES ON CONTACTS AND IDENTITY**

Annotation: Discussions about the number of East Slavic peoples do not stop in the 21st century. In this context, historical and cultural contacts between remote segments of Eastern Slavs, as well as the impact of these relationships on identity, are extremely interesting. The article reviews the contacts between the Rusyns of Bachka and Srem (in Serbia and Croatia) and the Russians in the 18th–21st centuries. The perception of Rusyns of Russians has changed during this period. For a long time, the Rusyns apparently associated themselves with the population of distant Russia. Direct meetings of Rusyns with Russians in the first half of the 20th century shook the “all-Russian” ideas, causing a controversy about the Rusyn identity. After the Second World War, an independent Rusyn national orientation gained strength. Today, among the Rusyns of Bachka and Srem, there are Rusynophiles and Ukrainophiles. Ethno-

national Russophilism, as identification with Russians, is practically absent. However, like the Serbs, some Rusyns have pro-Russian political sympathies and an interest in Russian culture.

Keywords: Vojvodina, identity, literary language, Russia, Rusyns, Russophilism, Russians, Rus, Serbia, Slavonia, Croatia.

Как известно, в рамках славянского мира именно восточные славяне доминируют численно и занимают наибольшую территорию проживания. Поэтому неудивительно, что вопросы внутренней дифференциации восточных славян и в том числе, особенно, политизированный вопрос о количестве восточнославянских народов нередко являются предметом дискуссий. Корень *-рус*, апеллирующий к наследию условно единой Древней Руси, входит сегодня в целый ряд современных этнонимов (*русские, беларусы, русины* и др.), носители которых обычно не считают друг друга людьми одной национальности. В данном контексте приобретают интерес взаимоотношения наиболее удаленных друг от друга сегментов восточнославянского мира. В настоящей статье предпринимается попытка краткого исторического обзора контактов бачкско-сремских русинов — малочисленной группы, проживающей в границах современных Сербии и Хорватии, и собственно русских (великороссов) — самого крупного восточнославянского и славянского народа. Часто эти контакты носили не прямой характер, а выражались в знакомстве русинской образованной публики с русской культурой, особенно литературой. Именно поэтому, на наш взгляд, уместно говорить о «русском следе» в общественно-культурной жизни русинов. Без претензии на исчерпываемость, будут представлены основные вехи данных русинско-русских соприкосновений в тесной связи с вопросом генезиса бачкско-сремской русинской идентичности.

* * *

История бачкско-сремских русинов (самоназвание — *Руснаци*; ед.ч. м.р. — *Руснак*; ж.р. — *Рускиня*), как особой восточнославянской группы (ориентируясь на их самосознание), насчитывает уже более 270 лет. В качестве точки отсчета, принятой в историографии и русинской народной традиции, выступает 1746 г., когда началось массовое переселение русинских крестьян из разных северных комитатов тогдашней Венгрии (прежде всего, из Шариша и Земплина,

в меньшей степени из других регионов) на опустошенные войнами с османами земли Бачки на юге королевства. Впоследствии были новые волны переселений с Карпат, причем не только с севера Венгерского королевства, но и частично из соседней Галиции. Первым центром переселенцев стало село Бачкерестур (венг. *Bácskerezstur*) — современный Руски-Крстур (серб. *Руски Крстур*, русин. *Руски Керестур*), почти моноэтническое село, вплоть до наших дней считающееся своеобразной «русинской столицей». Позднее русины влились в мультикультурную мозаику других населенных пунктов Бачки: Куцуры (серб. *Куцура*, русин. *Коцур*), Нови-Сада (серб., русин. *Нови Сад*), Врбаса (серб. *Врбас*, русин. *Вербас*), Кулы (серб., русин. *Кула*), Джурджева (серб. *Ђурђево*, русин. *Дюрдьов*). Затем русинские семьи начали переселяться и в соседний регион Срем.

Мы не случайно сделали выше оговорку о том, что бачкско-сремские русины являются восточными славянами. Дело в том, что, хотя в их этногенезе принимали участие выходцы с разных территорий, в итоге в Бачке и Среме «победила» речь жителей русинско-словацкого (т.е. восточнославянско-западнославянского) этноязыкового пограничья, в которой парадоксальным образом преобладали словацкие, западнославянские, черты¹. Это обусловило уникальность бачкско-сремского русинского койне (*руски язык, руска бешеда*) на общерусинском фоне, поскольку диалекты (и литературные языки) карпатских русинов в своей основе восточнославянские, претерпевшие лишь меньшее или большее западнославянское влияние. При этом любопытно, что современные носители похожих на *руски язык* говоров на территории Восточной Словакии (в местах выхода части предков бачкско-сремских русинов) считают себя не русинами, а словаками.

Ведущую роль в сохранении идентичности бачкско-сремских русинов в мультикультурной среде традиционно играла Греко-католическая (униатская) церковь, сохранявшая обрядность, почти тождественную православной, но подчинявшаяся при этом Папе Римскому. К слову, во многом именно принадлежность к этой церкви, часто соотносившаяся в народе с «русской верой», способствовала консервации у местных русинов восточнославянских этнонимов и лингвонимов, несмотря на географическую удаленность и упомянутые язы-

¹ Подробнее см. монографию ведущего отечественного специалиста по языку бачкско-сремских русинов: *Чарский В.В.* Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов. Лингвогенетический аспект. МО, Щёлково, 2011.

ковые отличия от остальных восточных славян. Конфессиональная специфика препятствовала ассимиляции бачкско-сремских русинов соседними народами, исповедовавшими православие (сербы), католичество латинского обряда (хорваты) или протестантизм (венгры, словаки). При этом в истории русинской общины все же были случаи ассимиляции — в частности, сербизации тех, кто в условиях дефицита униатских пастырей, руководствуясь близостью обрядности, присоединялся к местным сербским православным приходам.

Представители бачкско-сремских русинов в 1918 г. приветствовали образование Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославии). Несмотря на культивируемую память о своем карпатском происхождении, русины признали новое славянское государство своим отечеством (что, впрочем, не мешает разным группам русинов, в зависимости от национально-политической ориентации, называть своей исторической родиной [Восточную] Словакию или Украину). Именно период существования единой Югославии был ознаменован расцветом русинской культуры, о чем отчасти пойдет речь ниже.

В настоящее время бачкско-сремские русины разделены между Сербией (большая часть) и Хорватией. Согласно сербской переписи населения 2011 г., русинское нацменьшинство, проживающее в основном на территории автономного края Воеводины, насчитывало 14 246 человек. Здесь активно функционирует кодифицированный в 1923 г. бачкско-сремский русинский язык, являющийся одним из официальных языков Воеводины. Он представлен в дошкольных учреждениях, на нем ведется преподавание в нескольких начальных школах, гимназии в Руски-Крстуре и на отделении русинистики философского факультета Университета г. Нови-Сад. Русинский язык ежедневно звучит в радио- и телеэфире, достаточно широко присутствует в сети Интернет. Выходит русинская периодическая печать (еженедельник «Руске слово» и др.). Только с 1945 по 2009 г. по-русински вышло более 600 книг (всех без исключения жанров). Активно действуют национальные организации, проходят ежегодные культурные мероприятия (фестиваль «Червена ружа» и др.). С 2002 г. координацию программ общины в Сербии осуществляет Национальный совет русинского национального меньшинства².

² Руснаци у Србији. Информатор. Руски Керестур, 2009. С. 12–13.

В соседней Хорватии в 2011 г. проживало 2337 русинов. Здесь также действует ряд русинских организаций, выходят периодические и непериодические издания, однако масштаб национальной жизни явно скромнее, чем в Воеводине.

Как в Сербии, так и в Хорватии отмечаются тенденции естественной ассимиляции. Молодежь эмигрирует в экономически более развитые страны, прежде всего, Европейского союза и Северной Америки. Несмотря на усилия русинских активистов, всё это, к сожалению, ставит под сомнение отдаленные перспективы бачкско-сремских русинов как уникального восточнославянского островка в южнославянском окружении.

Интересно, что начиная с первых лет пребывания русинов на новых местах окружающее иноэтническое население воспринимало их именно как русских, в той или иной степени ассоциируя их с жителями далекой Российской империи. Подобное отношение к русинам как русским сохранялось здесь в народной среде до XX в. Иногда это предполагаемое родство русины использовали в своих прагматических целях. Например, в 1746 г. переселенцы, оказавшиеся в Суботице, несмотря на свое униатское вероисповедание, представлялись на новом месте как православные из России или из Речи Посполитой поблизости российских границ. Это делалось, чтобы избежать выплаты церковной десятины местному римско-католическому священнику³. Любопытно, что, когда в 1757–1758 гг. черногорцы массово переселялись в Россию, проходя по пути через Бачку, власти комитата подозревали русинов, что они имеют какое-то отношение к этому переселению⁴.

Новый этап в истории заочных отношений бачкско-сремских русинов с русскими связан с Венгерским восстанием (революцией), вспыхнувшим в королевстве в 1848 г. На следующий год, по договоренности между австрийским и российским императорами, на усмирение бунтовщиков была направлена многотысячная русская армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, в итоге успешно выполнившая возложенную на нее миссию. Широко известно, как непосредственные контакты с русскими военными стимули-

³ См.: *Рамач Я.* Руснаци у Южней Угорскей (1745–1918). Нови Сад, 2007 (Докторске дисертације. Књ. 1). С. 71–72.

⁴ См.: *Рамач Я.* Привредни и друштвени живот Руснацох у јужней Угорскей 1745–1848. Нови Сад, 1990. С. 123–124.

рвали рост национального самосознания русинов в Карпатском регионе: и крестьяне, и немногочисленная интеллигенция, священники и учителя, были воодушевлены осознанием своего этноязыкового и конфессионального родства с населением соседней Российской империи. При этом бачкско-сремские русины, проживая в противоположной, южной, части тогдашней Венгрии, практически не сталкивались с русскими военными. Однако, несмотря на это обстоятельство, весть о решающей роли русского оружия в подавлении Венгерской революции породила в Бачке легенду о том, что русский царь якобы является защитником здешних русинов⁵. Поражение мадьяр, претендовавших на гегемонию в королевстве, от армии Паскевича вселяло в местное русинское население в каком-то смысле национальную гордость⁶.

Показательно, что у тех изначально русинских семей, которые ассимилировались в сербской среде, сохранялись нечеткие воспоминания о своем происхождении не от русинов или руснаков, а от «каких-то русских»⁷.

Таким образом, для идентификации себя с русскими русинам даже было не нужно непосредственно взаимодействовать с предполагаемыми сородичами. Определяющими были схожесть этнонимов и лингвонимов, а также конфессиональная близость (хотя и отнюдь не тождество). В этом контексте большой интерес представляют языковые аспекты, которые стали актуализироваться по мере социального развития, роста грамотности населения и расширения его общего кругозора. На основании наших многолетних наблюдений мы можем утверждать, что едва ли современный русский человек из России, не имеющий специальной подготовки, хорошо поймет бачкско-сремского русина, так же, как и простой русин (даже владея еще одним славянским, сербским или хорватским, языком) — русского. Однако значительная языковая дистанция еще столетие тому

⁵ Текст легенды воспроизведен в работе: *Румянцева О.С.* Питання національної ідентичності русинів і українців Югославії (1918–1991) / *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*. Band. 11. München; Berlin, 2010. С. 104.

⁶ См.: *Медешин Л.* Проблем культурних гранідох у історії етнічних заєднідох: югославянски Руснаци // *Тривалість регіональних культур. Русини і українці на їхній Карпатській батьківщині та за кордоном.* Нью-Йорк, 1993 (Східно європейські монографії, No. CCCLXV). С. 152, 164.

⁷ См., например: *Жирош М.* Бачванско-сримски Руснаци дома и у швецe 1745–1991. Т. II. Нови Сад, 1998. С. 318.

назад, бачкско-сремскими русинами, возможно, не осознавалась, потому что они не имели живых контактов с великороссами.

Классик современной русинистики А.Д. Дуличенко выделяет в среде бачкско-сремских русинов с середины XIX до начала XX столетия, три литературно-языковые традиции, а именно 1) церковнославянскую, 2) «угрорусскую» (или «язычия»), и лишь после них — 3) собственно народную⁸. Первая традиция связана с конфессиональными текстами греко-католической церкви на церковнославянском языке восточнославянских редакций. Вторая, «угрорусская» (от *Угорская Русь* — обобщенного книжного названия русинских территорий в границах Венгерского королевства), традиция была характерна для светской сферы. Под пейоративным и дискуссионным термином «язычие» обычно понимается искусственный макароничный язык, в зависимости от пристрастий конкретного автора объединяющий в себе различное количество диалектных, русских литературных, церковнославянских и прочих возможных элементов. «Угрорусский» язык может рассматриваться как типичное «язычие», причем с сильной русской литературной составляющей. Народная традиция представлена в рукописных текстах на диалекте (записи фольклора, отдельные деловые документы, школьные летописи и т.п.). Думается, что две из выделенных традиций, а именно церковнославянская и, особенно, «угрорусская» в целом способствовали поддержанию в местной среде концепции принадлежности бачкско-сремских русинов к некой широкой «русской», восточнославянской, общности.

Церковнославянский язык был мостом между греко-католичеством и православием, в том числе, конечно же, и православием русским. В Венгрию традиционно приезжали книгоноши с богослужебной литературой не только из Речи Посполитой, но и из России. Их продукция пользовалась популярностью у всех местных восточных христиан: как собственно православных, так и находившихся в церковной унии с Римом. Запретительные меры против распространения иностранных православных книг, принимавшиеся властями, не привели к полному прекращению их поставок. То, какое психологическое влияние на бачкско-сремских русинов оказывало наличие в их храмах книг русской печати, например, ярко охарактеризовал классик современной русинской литературы Михал Ковач (1909–2005).

⁸ Дуличенко А.Д. Jugoslavo-Ruthenica II. Роботи з рускей филології и исторії. Нови Сад, 2009. С. 106.

Хотя этот писатель уже в межвоенный период сформировался как идейный украинец (при этом пишущий по-русински)⁹, в 1991 г. он так описал свое детское «донациональное» восприятие этноконфессиональных реалий: «Кед нас у Шидзе Серби наволовали Русами, то мне не було пейоративне слово. За мене бул и остал руски народ велики народ. Я не правел розлику медзи Українцями и Русами. Мене не було иншаке униятство од православя. Коло крилоса, дзе сом як хлапец читал “Во царствие”, а познейше и “Вирую”, я читал зоз кнїжкох у хторих на перших бокох було видруковане цале родословие московского цара и шицких членох того “самодержавца и императора всея Руси”»¹⁰. Правда, следует отметить, что иногда в униатских приходах подобные страницы богослужебных книг, не имеющие отношения к богослужению, но при этом имплицитно пропагандирующие русское православие, на всякий случай вырезали¹¹. Вероятно, это делалось как из соображений вероучительной чистоты, так и во избежание излишнего тяготения русинов к Российской империи. Данные меры, судя по приведенному признанию М. Ковача, не были полностью успешными.

«Угрорусский» язык или «язычие» использовался в переписке, делопроизводстве, обращениях к официальным лицам и в инстанции. В Бачке и Среме естественным путем он впитывал местные диалектные особенности, что добавляло ему отличий от «угрорусского» языка карпатских русинов. Важно подчеркнуть, что этот искусственный язык все-таки был особенно близок русскому языку и мог так и называться — без приставки *угро-*. При этом с чистым русским языком бачкско-сремские русины до Первой мировой войны скорее

⁹ О взглядах М. Ковача на вопрос внутреннего членения восточного славянства в молодые и зрелые годы писателя см.: *Румянцева О.С.* Питання національної ідентичності... С. 224–225, 300–305.

¹⁰ «Если нас в Шиде сербы называли русскими, то для меня это не было уничижительным словом. Русский народ для меня был и остался великим народом. Я не делал разницу между украинцами и русскими. Униатство для меня не было отличным от православия. На клиросе, где я мальчиком читал “Во царствие, а позднее и “Верую”, я читал по книгам, в которых на первых страницах было напечатано всё родословие московского царя и всех членов [семьи] этого “самодержца и императора всея Руси”» (*Ковач М.* Дияспора. Драгопис и историйни есей. Нови Сад, 1992. С. 394). Следует отметить, что здесь и далее перевод однокоренных прилагательных *руски, русийски* и т.п., обозначающих у разных авторов в разных контекстах различные реалии, не передает в полной мере их уникальную семантику.

¹¹ *Чурчич М.* Библиография кнїжкох, календарох, часописох и новинох на руским язичу. Нови Сад, 2006. С. XIII.

всего не сталкивались. В качестве примера «угрорусского» языка и коррелировавшего с ним этнического самосознания приведем фрагмент из письма учителя Николая Губаша из Куцуры: «Мое мнѣние также то есть, що нашъ народъ во Бачки русскій есть, бо такъ онъ себе самъ русскимъ именемъ всегда звалъ и до днесь себе за такого держать, бо такъ его и другіи народы зовуть» (1899)¹².

Важную роль в поддержании тогда еще не конкретизированной «русскости» в среде бачкско-сремских русинов, играли их контакты с национальными активистами русофильской ориентации в северных комитатах тогдашней Венгрии, в Галиции и Буковине. Так, большой отзвук здесь имела деятельность главного «будителя» карпатских русинов Александра Духновича (1803–1865), сторонника общерусской идеи, выведившего свой род от князей Черкасских из Москвы. Например, широкое распространение получил гимн на слова стихотворения Духновича на «язычии» «Я русинъ былъ, есмь и буду...».

В Бачку и Срем попадали периодические и непериодические издания на приближенном к русскому языку с традиционным этимологическим правописанием. Наиболее авторитетные педагоги XIX столетия, память о которых сохраняется в русинской общине до сих пор, Петр Кузьмяк (1816–1900) и Михаил Враль (1866–1923) также двигались в этом национально-языковом фарватере. В 1890 г. М. Враль впервые в истории издал народные песни бачкско-сремских русинов в сборнике «Русскій соловей»¹³, название которого красноречиво передает представления составителя об этнической принадлежности русинского населения.

При этом, в среде малочисленной интеллигенции все же начинали отдаленно вырисовываться контуры будущих конкурирующих национально-языковых ориентаций. Так известно, что отдельные русины Бачки контактировали в Галиции не только с консервативными панрусистами, но и с украинофилами. Однако показательно, что корреспонденция, адресованная галичанам, писалась не на родном диалекте, а все на том же «язычии»¹⁴.

¹² Гнатюк В. Етнографични материяли з Угорскей Руси. Розправи и статї о Руснацох Бачки, Сриму и Славонїї. V. Нови Сад, 1988. С. 153–154.

¹³ Русскій соловей. «Народная лира» или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчїяхъ / Собральъ и издалъ М.А. Враль. Въ Унгварѣ, 1890.

¹⁴ См.: Рамач Я. Руснаци у Южней Угорскей... С. 434–435.

Что же касается народной массы, то, в условиях удаленности от мест выхода и основного ареала проживания восточного славянства, этнодифференционные процессы в среде которого еще не были завершены, а также угрозы ассимиляции со стороны иноэтничных соседей (особенно мадьяризации, усилившейся после 1867 г.), простые бачкско-сремские русины, по всей видимости, отождествляли себя с другими «русскими» (восточными) славянами. При этом, соотношение между содержанием этнонимов *Руснак*, *Русин* и *Рус*, дополнительно запутанное в результате языковой интерференции, очевидно, еще не сильно беспокоило русинскую общину.

Главную роль в «открытии» бачкско-сремских русинов для широкой интеллектуальной общественности сыграл известный галицийский этнограф Владимир Гнатюк (1871–1926), совершивший в 1895–1903 гг. ряд экспедиций к русинам венгерской части Габсбургской монархии, включая Бачку, и вскоре издавший материалы своих поездок. Будучи идейным украинофилом, ученый отнес бачкских русинов к украинцам, а их разговорную речь, несмотря на преобладающие в ней западнославянские черты, признал диалектом украинского языка. Считается, что активность Гнатюка, вступавшего в непосредственное взаимодействие с русинской интеллигенцией Бачки и посильно знакомившего их с украинофильской интеллектуальной продукцией из Галиции, стимулировала процессы уточнения русинами своей идентичности.

Публикации В. Гнатюка породили в научном мире острую дискуссию об этно-языковой принадлежности бачкско-сремских русинов, которая по сути не прекращается до наших дней — причем не только среди ученых, но и, в первую очередь, среди самих русинов. Интересно, что один из первых участников дискуссии, крупный русский славист Алексей Иванович Соболевский (1857–1929), отзываясь на утверждения Гнатюка, выступил со специальной статьей «Не Русские, а Словаки!». В ней он, в частности, предположил, что «бачванские русские не что иное, как словаки-униаты, привыкшие считать себя русскими и известные у соседей под именем русских, но по языку (а вероятно, и по другим этнографическим признакам) не имеющие прав на это имя»¹⁵. Позднее Соболевский несколько смягчил акценты, перестав отказывать бачкским русинам считать себя теми,

¹⁵ Соболевский А.И. Не Русские, а Словаки! // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 149.

кем они сами хотят, однако остался при своем мнении о словацком характере их разговорного языка.

Как выяснил А.Д. Дуличенко, кроме Соболевского, которого упоминают чаще других, к теме русинов Бачки и Срема обращался в своих публикациях целый ряд других русских дореволюционных ученых, причем даже до дискуссии, развернутой В. Гнатюком. Правда, в данном случае речь преимущественно идет лишь о кратких упоминаниях. В частности, имеются в виду отдельные пассажи из работ Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880), Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), Владимира Васильевича Качановского (1853–1901), Алексея Леонидовича Петрова (1859–1932), Владимира Андреевича Францева (1867–1942) и др. Информация о бачкско-сремских русинах (иногда и противоречивая) была также обнаружена в некоторых отечественных справочных изданиях начала XX в.¹⁶

Однако, пожалуй, наиболее интересным эпизодом в контексте контактов русинов с научным миром Российской империи стал следующий трогательный случай. Как известно, первым печатным изданием, вышедшем на диалекте Бачкрстура, явился сборник стихотворений тогдашнего гимназиста Гавриила (Габора) Костельника (1886–1948)¹⁷ «З мойого валала» («Из моего села»), напечатанный в галицийской Жолкве в 1904 г.¹⁸ К слову, согласно литературоведу Юлиану Тамашу, готовя эту брошюру, Костельник черпал вдохновение из «Евгения Онегина» (влияние Пушкина и Тургенева также заметны и в его более зрелых произведениях)¹⁹. В предыстории сборника «З мойого валала», с которого часто начинают отсчет истории литературы бачкско-сремских русинов, свою позитивную роль сыграл крупный русский ученый академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). При-

¹⁶ См.: Дуличенко А.Д. Jugoslavo-Ruthenica II... С. 339–347.

¹⁷ Г. Костельник, позднее переселившийся во Львов и принявший украинскую национальность, вошел в историю как идеолог Львовского церковного собора 1946 г., проведенного советскими властями с целью присоединения галицийских греко-католиков к Русской православной церкви. В 1948 г. Костельник был застрелен на улице: по одной версии, украинским националистом, по другой — агентом НКВД. В течение всей своей жизни он посильно поддерживал контакты с малой родиной. Именно Костельник — автор «Граматики бачваньско-русской бешеди» (1923) — первой грамматики языка бачкско-сремских русинов.

¹⁸ Костельник Гомзов Г. З мойого валала. Идилски веньец. Жовквa, 1904.

¹⁹ См.: Тамаш Ю. Россия и русские в русинской и малых региональных литературных традициях // Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура. 1 / Slavic Eurasia Papers. Vol. 3. С. 130.

мечательно, что, в отличие от многих своих современников, он, например, с пониманием и симпатией относился к развитию самостоятельной украинской литературы. Поэтому неудивительно, что смелый по тем временам литературный эксперимент молодого русина также пришелся Шахматову по вкусу. В результате, благодаря хлопотам ученого, за издание молодого бачкрстурского поэта заплатила Императорская Санкт-Петербургская академия наук.

Сохранились письма Костельника Шахматову. Так, в своем письме от 26 мая (8 июня) 1904 г. юноша кроме прочего сообщал петербургскому академику: «Я би бул и Вам и преславней академиѣ писал “великоруски” т.е. по вашим кнѣжовним языку, алье бим вельо похибел у ортографиѣ и у самим языку, бо го ище нье знам коректно»²⁰. Как можно заметить уже тогда будущий реформатор бачкско-сремской русинской литературы сдержано относился к потенциалу использования русинами русского литературного языка. При этом показательно, что брошюра «З мойого валала», написанная на простонародном диалекте, а не по-«угрорусски», не пользовалась тогда спросом среди самих бачкско-сремских русинов, о чем крайне сожалел ее автор²¹.

По-видимому, датой относительно массового знакомства бачкско-сремских русинов с великороссами и русским языком следует считать годы Первой мировой войны. В исторической литературе отсутствуют точные цифры о том, сколько именно русинских мужчин и юношей подверглось мобилизации и сколько из них погибло. При этом, однако, известно, что в один лишь отдельно взятый Бачкрстур, главное русинское село, не вернулось около 250 человек, т.е. приблизительно четверть от всех ушедших на войну (при населении порядка пяти тысяч)²².

Известно, что, когда началась война и бачкско-сремских русинов, как и других подданных Австро-Венгрии, начали отправлять на фронт, многие русины пытались симулировать. В качестве одной из причин этого явления называют нежелание сражаться против своих славянских братьев — как сербов, так и русских. Те из русинов, кто оказал

²⁰ Дуличенко А.Д. Кнїжка о руским языку. Увод до рускей филологїї у документох и коментарох. Нови Сад, 2002. С. 38.

²¹ См.: Костельник Г. Чому я став українцем? // Пам'ятки України. 2006. № 1–2. С. 150.

²² См.: Рамач Я. Руснаци у Южней Угорскей... С. 325, 453–454.

ся на русском фронте, охотно сдавались в плен. Как славяне, находившиеся в привилегированном отношении по сравнению с немцами и венграми, они попадали в тыл, где пополняли ряды работников в сельском хозяйстве и на фабриках²³.

Основная масса бачкско-сремских русинов возвратилась на родину весной 1918 г.²⁴. Однако интересно, что некоторые русины навсегда остались в большевистской России. Например, уроженец Бачкрстура Андрей Надь (1877–?), который попал на Урал. Лишь в 1929 г. ему удалось связаться со своей семьей на родине²⁵. Примечательно, что его письмо, которое уже не раз публиковалось, хотя и написано по-русински, содержит явные русизмы, не свойственные рускикрстурам²⁶. Еще более интересен случай Петра Хромиша (1894–?) из Шида. Он также остался в России, стал офицером Красной армии и, согласно утверждениям его родственников, в 1944 г. во время освобождения Югославии даже побывал в родном селе, но остаться со своей прежней семьей отказался²⁷. Кто-то из пленных Первой мировой в Сибири погиб (например, проживший здесь 7 лет Василь Кечкеш из Шида²⁸).

Принято подчеркивать, что возвращавшиеся из России бывшие солдаты распавшейся Австро-Венгрии приносили домой социалистические идеи, получавшие в условиях послевоенной разрухи повышенную популярность. Однако одним из важнейших итогов Первой мировой войны для идентичности бачкско-сремских русинов стало то, что возвращавшиеся лично убедились, что русские, с которыми они традиционно чувствовали заочную связь, в действительности сильно от них отличаются. Эти впечатления отразил в своих воспоминаниях публицист старшего поколения Владимир Шанта (1925–2002), родившийся в Руски-Крстуре и, несомненно, лично знавший ветеранов Первой мировой. Размышляя о проблемах русинской идентичности, он отмечал уже на склоне лет: «Нашо людзе

²³ См.: *Гайдук Л.Л.* Руснаци у Шидзе 1900–1950. Шид, 2010. С. 369.

²⁴ См.: *Рамач Я.* Руснаци у Южней Угорскей... С. 453.

²⁵ См.: *Афич М.* Шлїдом судьби Андрея Надя котри 1916. року остал залапени у Русиї и у Сибиру думал на своїх // Карпатская Русь. Литературно-публицистический альманах. Вып. 1. М., 2013. С. 141.

²⁶ См.: *Рамач Ю.* По следам бачкского русина Андрея Надя // Карпатская Русь. Литературно-публицистический альманах. Вып. 1. М., 2013. С. 140.

²⁷ См.: *Гайдук Л.Л.* Руснаци у Шидзе... С. 370.

²⁸ См.: Там же. С. 369.

добре знали же зме не Руси, бо як зарабровани у Першей шветовой войны, док були на Сибири, похопели хто Руси. Не тримали себе за Русох, а ані Руси нас не прилапйовали як своїх»²⁹. Знакомство русинов с жителями России и осознание своих с ними различий способствовало проникновению дискуссий о русинском языке и идентичности в народную среду, а также болезненному поиску оптимального пути своего национально-языкового развития в межвоенный период.

В условиях нового государства, нарочито декларировавшего свое славянство, Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже Югославии), бачкско-сремские русины получили карт-бланш на общественно-культурную деятельность. Ведущей национально-культурной организацией русинов в межвоенные десятилетия стало «Руске народне просвитне дружтво» (РНПД, «Русинское народное просветительное общество»), основанное в 1919 г. Данная организация традиционно воспринимается исследователями как подчеркнуто греко-католическая и, несмотря на использование в своих изданиях русинского языка, в идейном отношении преимущественно украинофильская — ориентировавшаяся на сближение с большой украинской культурой и языком. Вторым названием РНПД было «Просвита» («Просвещение») — по аналогии со львовской «Просвітою». Поэтому члены РНПД получили неофициальное название «просвиташе».

В контексте интересующей нас темы примечательно, что непосредственно при основании этого общества у его учредителей в своеобразных формах еще присутствовали некие «общерусские» представления. Свидетельством этому является, например, реферат его первого председателя о. Михала Мудрого «О языку за южно-славянску руску писменосц», прочитанный 2 июля 1919 г. Отстаивая право на развитие собственного литературного языка (что в итоге и произошло), докладчик констатировал, что сами «южно-славянски Русини» «кед ше волаю Руснаками, теди думают льем на себе, а гевтих шицких других Руснакох волаю: Горняци, Галицияне, Руси або Москаль»³⁰.

²⁹ «Наши люди хорошо знали, что мы не русские, потому что как попали в плен в Первую мировую войну, пока были в Сибири, поняли, кто русские. Не считали себя русскими, и русские не относили нас к своим» (*Шанта В.* Енигма Русини — Руснаци — Рутени. Дожица, роздумованя и прешвеченя о етничним идентитету югославянских Руснакох. Нови Сад, 2002. С. 14).

³⁰ «... Когда называют себя руснаками, то думают только о себе, а всех тех других руснаков называют: Горняци, Галицияне, Руси или Москаль» (*Дуличенко А.Д.* Кнїжка о руским языку. Увод до рускей филологїї у документох и коментарох. Нови Сад, 2002. С. 59–60).

«Нье гуториме ми, же су нам руски књижевни язики зошицким стра-ни, бо зме и ми дзеци велького русского народу, алье су нам на тельо цудзи, же их нье знаме вигваряц так, як вони вигваряю, же су нам вельо и вельо слова цалком ньепознати»³¹. Заметим, что под книжны-ми языками Мудри подразумевал русский («велько-руски») и укра-инский литературные языки (тогда еще недостаточно известный и не связанный с Карпатами белорусский язык, естественно, не прини-мался во внимание).

В 1920–1930-е гг. РНПД развила активную общественно-куль-турную и в т.ч. издательскую деятельность. Именно под эгидой этой организации было осуществлено издание «Граматики бачваньско-ру-скай бешеди» (1923) Г. Костельника, ознаменовавшее кодификацию местного русинского языка (пускай, и воспринимавшегося самим автором грамматики лишь в качестве украинского диалекта). Кроме книжной продукции «просвиташе» выпускали популярную пери-одику: «Руски календар за югославянских Русиных» (1921–1941), газету «Руски новини» (1924–1941) и журнал для молодежи «Наша заградка» (1937–1941). В отличие от реферата М. Мудрого 1919 г., в изданиях организации превалировала точка зрения, что украин-цы, включая бачкско-сремских русинов, с одной стороны, и русские, с другой, — полностью самостоятельные народы. Однако интересно, что даже в 1930-е гг. на страницах периодики РНПД редко, но все же появлялись статьи с отдельными «общерусскими» акцентами³². Это косвенно свидетельствует о живучести архаичных этноконфессио-нальных представлений, продолжавших бытовать вопреки расшире-нию русинских познаний о многообразии восточнославянского мира и давлению идеологических рамок украинофильства. Также любопытно, что в календарях РНПД иногда публиковались переводы на русин-ский произведений дореволюционных русских классиков.

Неудовлетворенность части русинов идеологией РНПД привела к постепенному формированию оппозиции его деятельности. Мно-гим, особенно вне Руски-Крстура, считавшегося оплотом «просви-ташох», не нравился нараставший украинофильский уклон этой ор-

³¹ «Мы не говорим, что русские книжные языки нам совсем чужды, потому что и мы дети великого русского народа, но они нам настолько чужды, что мы не уме-ем их произносить так, как они произносят, что много-много слов нам совсем неизвестно» (Дуличенко А.Д. Кніжка о руским язюку. Увод до рускай филології у документох и коментарох. Нови Сад, 2002. С. 62).

³² См.: Румянцев О.С. Питання національної ідентичності... С. 153–154.

ганизации, претендовавшей на монополию в общественно-культурной жизни всей русинской общины.

Еще в 1922 г., как ответ еще на самые первые шаги РНПД, в Нови-Саде вышла брошюра «Русски батог», где критике подвергалось мадьяронское прошлое греко-католического духовенства, предлагалось переходить на православие и принимать в качестве литературного русский язык. Авторами «Русского батога» стали нотариус из Куцуры Моисей Мудрый и студент-медик Александр Сакач-Сакачов (как и в Карпатском регионе, бачкско-сремские русины, придерживавшиеся панрусистских взглядов, нередко русифицировали свои фамилии путем добавления к ним окончаний *-ов/-ев*).

В сентябре 1933 г. в г. Стари-Врбас русинские активисты, не поддерживавшие украинофильский и клерикальный греко-католический уклон «просвиташо», основали новую организацию — «Културно-просвितни Союз югославянских Русиных» (КПСЮР, «Културно-просветительский союз югославских русинов»), чуть позже переименованную в «Културно-национални Союз югославянских Русиных» (КНСЮР, «Културно-национальный союз югославских русинов»). Начиная с 1934 г. организация стала выпускать собственную еженедельную газету «Заря» (позднейшие названия: «Русски батог», «Русска правда», «Русска заря»). Ежегодно издавался также «Русски народни календар Заря» (1935–1941). Именно поэтому члены и сторонники КПСЮР получили неофициальное название «заряше». Язык изданий союза («якаш мишанїна русийского и руского языка»³³) сильно варьировался, русинские тексты намеренно насыщались русизмами. Подобный подход логичен: читателям едва ли мог быть полностью понятен неадаптированный русский язык, да и сами издатели не владели русским в совершенстве.

Идеология «заряшо» была несколько эклектичной, включая в себя этнонациональное русофильство, югославский патриотизм, проправославные и социалистические тенденции. В этой связи примечательно, что как православие, так и социализм находились в ментальной связи с Россией. Есть мнение, что общественно-политические взгляды членов КНСЮР в общих чертах предвосхищали послевоенную Югославию.

Приведем отрывок из «Исторіи русского народа» Николая Олеяра-Олеярова (1934), характеризующий усредненные этнонациональные

³³ «...Какая-то мешанина русского и русинского языков» (*Медсши Л.* Проблем културних граніцох... С. 162).

представления «заряшох»: «Ми, югославянски Русини дзеци найвекшого народу у Европи, котри нешка числи до 180 миліони души. Ми, югославянски Русини дзеци того истого велького и славного русского народа, котрого дзеци су и нашо власни браца: Карпаторосси, галиційски Русини, буковински Русини, украински Русини, Білорусини, и московски Русини»³⁴. Оппоненты «заряшох» не соглашались с подобным ходом мысли, усматривая глубинные психологические причины русинского русофильства. Так, например, идеолог «просвиташох» о. Г. Костельник, курировавший ситуацию в Бачке из Львова, считал, что русофилы вместо того, чтобы развивать собственную культуру, становились русскими, «щоб увійти в готове та щоб “панувати”»³⁵.

Возможно, из-за разницы стартовых позиций, влияние «заряшох» на бачкско-сремских русинов в межвоенные годы никогда не сравнялось с влиянием РНПД, опиравшегося на греко-католический клир. Особенно это касается Руски-Крстура — главного села всей общины и центра «Просвити». В этом контексте интересны детские воспоминания В. Шанты. Несмотря на то, что соседи называли русинов русскими (и это в конце 30-х гг. даже доставляло проблемы русинским детям в общении с местной детворой немецкой национальности³⁶), Шанта впоследствии утверждал: «Общерусийска идея у Керестуре уж теди не мала ніяки уплів, бо наш народ ніяк не могол зрозумітиц и прилапиц же Українці, Руси, Білоруси и ми, Руснаци, твориме лем єдну регіональну культуру, а же шицки припадаме єдному велькому рускому народу»³⁷. При этом в некоторых местах, в частности в Кучуре, именно КНСЮР занимал первенствующие позиции.

³⁴ «Мы, югославские русины, дети наибольшего народа в Европе, который сегодня насчитывает до 180 миллионов душ. Мы, югославские русины, дети того самого великого и славного русского народа, которого дети и наши родные братья: карпатороссы, галицийские русины, буковинские русины, украинские русины, белорусины и московские русины» (*Дуличенко А.Д.* Кніжка о руским языку... С. 78–79).

³⁵ *Костельник Г.* Чому я став українцем? // Пам'ятки України. 2006. № 1–2. С. 150. Примечательно, что сам Г. Костельник далеко не сразу нащупал «свою» национальную идентичность. Осознав себя в конце концов украинцем, он потратил десять лет на изучение украинского языка, однако так и не овладел им в совершенстве. И в зрелом возрасте легче всего Костельнику писалось на родном русинском диалекте (после издания грамматики — языке).

³⁶ *Шанта В.* Енигма Русини — Руснаци — Рутени... С. 13.

³⁷ «Общерусская идея в Крестуре уже тогда не имела влияния, потому что наш народ никак не мог понять и принять, что украинцы, русские, белорусы и мы, руснаки, составляем только одну региональную культуру и что все относимся к единому великому русскому народу» (*Шанта В.* Енигма Русини — Руснаци — Рутени... С. 15).

Послереволюционное лихолетье в России, стало причиной массового исхода русских людей за рубеж. Одной из стран, приютивших беженцев, было Королевство сербов, хорватов и словенцев. Как известно, именно здесь отношение к русским со стороны властей было наиболее доброжелательным. Численность русских составила в королевстве несколько десятков тысяч человек. По разным данным, в 1920–1924 гг. здесь насчитывалось от 20-ти (в 1920 г.) до 50-ти тысяч (в 1923 г.) выходцев из России³⁸. Несомненно, кроме русских в Королевство сербов, хорватов и словенцев попадали и представители других национальностей, а также некоторое количество украинцев, белорусов и казаков, не считавших себя русскими. При этом, как подчеркивают украинские исследователи, среди конкретно русской общины были отнюдь не только великороссы, но и значительное количество малороссов с русской идентичностью, считавших русский язык родным³⁹.

Больше всего эмигрантов осело в столичном Белграде. Однако около 8 тысяч беженцев нашли прибежище на севере Сербии, в том числе в Бачке и Среме. Здесь же, в городке Сремски-Карловци, расположился центр консервативной части эмиграции, группировавшийся вокруг Русской православной церкви за границей⁴⁰.

Сербский этнолог Душан Дрляча предпринял попытку сравнения русинов и русских, встретившихся в межвоенный период. Исследователь выделил следующие аспекты, в которых наблюдаются русинско-русские различия: территория происхождения; период переселения и связанный с ним уровень этнического/национального самосознания; демографический и социальный состав мигрантов; территориальное размещение до переселения; сохранение отдельных проявлений этнической идентичности (язык, письменность, вера, личные имена, традиция); внутриэтнические контакты и контакты с народами в новом окружении⁴¹. В целом, русская эмиграция, по свидетельству современников, держалась от местного населения, вне зависимости от его национальности, особняком. Сказывались сильные различия в менталитете и социальном положении, языке, традициях, а в неко-

³⁸ См.: *Ионцев В.А. и др.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 53.

³⁹ См.: *Румянцев О.С.* Питання національної ідентичності... С. 196.

⁴⁰ См.: *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008. С. 15–16.

⁴¹ См.: *Дрляча Д.* Руснаци у етнографских записох. Нови Сад, 2006. С. 91.

торых случаях и конфессии. Поэтому межвоенные встречи с русскими эмигрантами, вероятно, были для бачкеско-сремских русинов в каком-то смысле продолжением первых встреч с настоящими русскими в годы Первой мировой войны. Однако, несмотря на все отличия, отдельные русские эмигранты всё же вступали во взаимодействие с русинами и даже оставили по себе память.

Например, эмигрант Иван Владимирович Розанов, после окончания Первой мировой попав в с. Джурджево, основал при русинском греко-католическом приходе большой церковный хор⁴². Этот хор успешно существует и сегодня, нося имя своего русского православного основателя. Другой русский эмигрант, скаут (впоследствии известный деятель эмиграции в США) Ростислав Полчанинов (р. 1919), установил в 1938 г. контакты с русинской молодежью, а затем с членами КНСЮР. В рамках популяризации скаутизма («разведчества») молодой человек с товарищами даже выпустил несколько номеров бюллетеня «Руски розвидчик» («Русский/русинский разведчик»), материалы в котором помещались сразу на трех языках: русском, русинском и сербском. В начале 1941г. они напечатали русиноязычную брошюру «Цо то розвидчество» («Что такое разведчество»)⁴³.

Следует отметить, что привлечение русской эмиграции к участию в жизни русинской общины входило в программу «заряшох», желавших заменить эмигрантами учителей украинофилов и мадяронов. Однако подобные сближения все-таки носили точечный характер, и, естественно, у них были противники.

⁴² См.: *Отичова Л.* Зоз прешлосци Дюрдьова. Дюрдьов, 1995. С. 133, 135.

⁴³ См.: *Полчанинов Р.В.* Мы, сараевские скауты-разведчики. Югославия. 1921–1941 гг. М., 2015 (Материалы к истории НТС. Вып. 3). С. 240–242. В контексте нашей темы любопытно воспоминание Полчанинова о своем первом знакомстве с русинской темой в русской школе в Сараево: «Мне запомнился такой случай. Привели к нам мальчика по фамилии Зозуля. По-русски он не умел говорить, но когда кто-то назвал его сербом, он ответил, что он не серб, а русский. Мы удивились:

– Какой же ты русский, если не умеешь говорить по-русски?»

Зозуля заплакал. Учительница обняла его и сказала, что он, конечно, русский и что скоро он будет говорить по-русски. Потом, в его отсутствие, она объяснила, что мальчик действительно не русский, а карпаторосс, но спорить и обижать его не надо. Тогда я верил каждому слову учительницы и не сомневался в ее познаниях по карпаторосскому вопросу» (Там же. С. 57). Уже будучи скаутом, ведя агитацию среди русинской молодежи, Полчанинов обращался к ней как к русским.

Оккупация хортистской Венгрией Воеводины и провозглашение Независимого государства Хорватия весной 1941 г. приостановили полноценную общественно-культурную жизнь русинского меньшинства. Обучение в русинских школах в Бачке и Среме было переведено, соответственно, на венгерский и хорватский языки. Обе национальные организации русинов, и РНПД, и КПСР, были запрещены. По-видимому, единственное исключение составила деятельность в Бачке учрежденного филиала «Организации греко-католической молодежи» (венг. *KALOT*), центр которой был в также оккупированной венграми Подкарпатской Руси. В этом филиале состояли бывшие «просвиташи», которые латентно сохраняли верность исповедуемой им национальной программе.

Хотя в среде русинов, среди зажиточных хозяев и греко-католического духовенства и сохранялись мадяроны, события Второй мировой войны произвели сильное впечатление на русинскую общину. Показательно, что к концу войны в Югославской армии и партизанских отрядах сражалось как минимум 4 тысячи посчитанных вместе югославских русинов и украинцев, что составляло 10% от всего русинского и украинского населения, тогда как в целом по Югославии в «народно-освободительной борьбе» участвовало лишь 6% жителей⁴⁴.

Перипетии Второй мировой войны актуализировали у всех славянских народов и в т.ч. у бачско-сремских русинов, широкую славянскую идентичность и панславистские тенденции. Важную роль в этом, как известно, играло то обстоятельство, что именно Советский Союз с его преобладающим славянским (и даже восточнославянским) населением вносил наибольший вклад в победу над врагом.

Примечательно, что в годы войны бойцы Красной армии побывали в русинских селах. Идеалистическая модель подобной встречи, например, представлена в миниатюре послевоенного русинского публициста Яши (Якима) Бакова (1906–1974) «Руска твердиня» (о родном селе Руски-Крстуре): «И Серб и Словак и Мадяр, гоч раз лем препутує през Руски Керестур, запамета його мено. Запаметал го у тей войны ище хтошка. То бул Червеноармеяц. Вон прешол пол Европи. На цалей драги мал лем еден цель: прешлідовац фашисту Германа. Але кед го наведла драга на тоту таблічку, на мах забувал на фашистох и шерцо му ше пребудзело:

⁴⁴ Румянцев О.С. Питання національної ідентичності... С. 245–246.

Ето что? Кажется руское село?

Зуставял машину, ход и побул у валале як у своіх дома.

Нешка, при шицких бешедох о своіх войованю з особитим нагласком спомина и тоту кратку эпизоду же дзешка у Югославиї наишол на руски валал, цо ані у шне не мог подумац»⁴⁵. Правда, можно найти и другие свидетельства, в которых акцентируется банальное языковое недопонимание русинами красноармейцев⁴⁶.

После окончания войны и создания уже социалистической Югославии жизнь национальных меньшинств, включая русинов, тоже начала возрождаться. В 1945–1948 гг. русинов представляла новая организация «Руска матка» («Русинская матица»), которая должна была объединить конкурировавших бывших «просвиташо» и «заряшо». В Руски-Крстуре была открыта русинская гимназия, начала выходить и своя национальная печать (в частности, в 1945 г. была основана старейшая из издающихся в наше время газет бачкско-сремских русинов «Руске слово») и т.д.

Победа СССР в войне благоприятствовала росту русофильских настроений среди русинских селян. Несомненно, что многим представителям русинского меньшинства в Югославии, наверное, даже в большей мере, чем в предыдущие исторические периоды, импонировало родство (как минимум, этнонимическое) с русским народом. Это ощущалось в самых разных местах. Например, в послевоенные годы в репертуар руски-крстурских хоров, где ранее доминировал украинский фольклор, стали проникать также и русские песни⁴⁷. Востребованы были новые переводы русских и советских писателей на русинский язык⁴⁸.

Важным событием, во многом определившим послевоенное национально-языковое развитие русинской общины, стала дискуссия

⁴⁵ «И серб, и словак, и венгр, хотя бы раз проехавший через Руски-Крстур, запомнит его название. Запомнил его в эту войну и еще кто-то. Это был красноармеец. Он прошел пол Европы. На всем пути у него была лишь одна цель: преследовать фашиста германца. Но когда путь привел его к этой табличке, он мигом забыл о фашистах и у него забилося сердце:

«Это что? Кажется, русское село?»

Оставял машину, шел и был в селе как у себя дома.

Сегодня, во время всех разговорах о своей службе он особенно вспоминает и этот краткий эпизод, что где-то в Югославии набрел на русское село, о чем не мог подумать и во сне» (*Баков Я.* Вибрани твори. Нови Сад, 1983. С. 62).

⁴⁶ См., например: *Шанта В.* Енигма Русини — Руснаци — Рутени... С. 22.

⁴⁷ См.: *Шанта В.* Енигма Русини — Руснаци — Рутени... С. 22.

⁴⁸ *Тамаш Ю.* История русской литературы. Београд, 1997. С. 134.

о языке, на котором будет вестись преподавание в гимназии. По этому вопросу прошло три собрания. Показательно, что на первом из них, где присутствовала лишь интеллигенция, победил украинский язык, а на втором, на котором преобладали простые селяне, первенство было за русским языком. Лишь на третьем собрании восторжествовала точка зрения, что преподавать нужно на родном бачкско-сремском русинском языке⁴⁹. Русский язык при этом стал одним из изучаемых в гимназии предметов. При этом стоит отметить, что более всех отстаивавший преподавание на местном языке Я. Баков являлся сторонником постепенного сближения русинского с русским литературным языком. Хотя о себе этот активист говорил, что «ридко даеден Руснак уложел тельо труда да упозна язык и культуру шицких русских народох»⁵⁰ (т.е. восточных славян), он же убедительно заявлял: «Ми Руснаци у Югославиї, а не росийски Руси, ані українски Руси — ми югославянски Руси, як нас сербски народ вола або Руснаци як ше сами од памятку воламе»⁵¹. Таким образом, несмотря на форсирование русинского языка, общая послевоенная атмосфера в идеологическом отношении была хотя бы отчасти «общерусской».

Русский язык иногда появлялся на страницах русинской периодики, а голоса за его широкое введение не утихали еще какое-то время.

Однако в 1948 г. отношение к русинам на государственном уровне стало приближаться к советской модели, в результате чего русины и украинцы Югославии были признаны единым этносом (в официальных источниках «русины-украинцы»). В общественно-культурной сфере стали нарастать украинофильские тенденции. Лишь в начале 1970-х гг. русинов и украинцев официально развели в стороны. «Общерусское» направление при этом уже не рассматривалось в качестве жизнеспособной альтернативы.

Несомненно, что и в 1950-х гг. и последующих десятилетиях еще оставались живы многие бывшие «заряше». Были живы и те, кто по-

⁴⁹ См.: Румянцев О.С. Питання національної ідентичності... С. 255–256.

⁵⁰ «...Редко какой руснак приложил столько труда, чтобы познакомиться с языком и культурой всех русских народов» (Баков Я. Вибрани твори. С. 135).

⁵¹ «Мы руснаки в Югославии, а не российские русские или украинские русские — мы югославские русские, как нас зовет сербский народ, или руснаки, как сами себя испокон называем» (Баков Я. Вибрани твори. С. 67).

сле войны добивался преподавания на русском языке. Как следствие, в среде бачкско-сремских русинов все-таки сохранялась прослойка людей с некоторым сентиментом к «общерусскости», хотя и, в условиях отсутствия поддержки сверху или со стороны, с естественной тенденцией к убыванию.

Важную роль в сохранении «общерусских» взглядов сыграл художник и этнограф Юлиан Колесар (1927–1992), с 1966 г. проживавший на Западе. В Канаде он самостоятельно опубликовал целый ряд собственных и чужих работ, посвященных русинской культуре, в т.ч. переиздал, например, «Исторію русского народа» Н. Олеяра-Олеярова. Резче всего Колесар критиковал земляков-украинофилов, причем не только за украинизацию самих бачкско-сремских русинов, но и за ненависть к великороссам (в частности, он выступал против использования пейоративного этнонима *Москаль*). Несмотря на свой «общерусский» патриотизм, Колесар, подобно Я. Бакову, был сторонником не некоего единого русского народа, а более рациональной концепции братских «русских народов», не игнорируя серьезные отличия между ними⁵².

В наши дни продолжателями дела Ю. Колесара в самой Воеводине стал известный священнический род Холошняев. При греко-католическом приходе села Джурджево действует небольшой музей «Руска одлога», идейным вдохновителем которого в свое время выступил местный уроженец Колесар. Кроме его картин здесь хранится серьезная коллекция ценных изданий и документов, фотоматериалов, этнографических экспонатов⁵³. Несмотря на верность своей конфессии, в национально-языковом отношении представители семьи Холошняй до сих пор стоят преимущественно на «общерусских» позициях. Наглядным свидетельством этому является их приверженность великорусским обрядовым формам (использование трехраменных крестов, великорусский стиль греко-католической часовни на сельском кладбище и т.п.). В некоторых публикациях музея было использовано говорящее название «Руска одлога» (с двумя *с*). В 1996 г. в Нови-Саде удалось переиздать труд Ю. Колесара «История русского народного мена» («История русинского/русского народного имени»), с предисловием Михаила Холошняя.

⁵² См.: *Медвини Л.* Шліди благае Колесаровой души // *Колесар Ю.* История русского народного мена. Нови Сад, 1996. С. 244.

⁵³ См.: *Руска одлога.* Збирка «Руска одлога». Нови Сад, 2012.

Однако в целом, случай джурджевского музея и Холошняев — уже редкое явление. Если не касаться темы пророссийских политических симпатий, распространенных в Сербии (и в том числе среди граждан русинской национальности), в среде бачкско-сремских русинов уже нет этнонациональных русофилов, которые, пускай с оговорками, отождествляли бы себя с русскими. Хотя простые люди идентифицируют себя исключительно как *Руснаци*, в кругах интеллигенции есть как те, кто считает себя представителями отдельного русинского народа, так и те, кто считает русинов специфической ветвью украинцев. Отношения бачкско-сремских русинов с Россией и ее населением скорее не отличаются от таковых у представителей любых других народов. Ведь в современном европейском контексте едва ли удастся игнорировать мощный русский пласт мировой культуры, не говоря уже об определенном влиянии Российской Федерации на политические процессы, в экономике, спорте и т.п. Именно поэтому, например, переводы русской литературы на русинский язык не несут за собой в наши дни особой идеологической нагрузки. Речь идет лишь о помощи русинам при знакомстве с зарубежными произведениями вне какой бы то ни было связи, например, с предполагаемыми особыми отношениями русинов и русских в рамках славянства. При этом, конечно же, следует отметить более комплементарное отношение к России, русским, русскому языку и культуре — со стороны русинов русинофилов, нежели украинофилов, а также граждан Сербии, а не Хорватии, что, впрочем, неудивительно⁵⁴.

* * *

Таким образом, за прошедшие столетия восприятие бачкско-сремскими русинами России и русских заметно эволюционировало. Это происходило в тесной взаимосвязи с осмыслением русинскими интеллектуалами места *Руснакох* и их языка в славянском мире. В условиях отсутствия прямых контактов с Российской империей и общей удаленностью от основного ареала проживания восточных славян, руководствуясь архаичными этноконфессиональными представлениями, апеллирующими к древнерусскому наследию, бачкско-сремские

⁵⁴ В качестве примера современного культурного сотрудничества между бачкско-сремскими русинами и россиянами хочется упомянуть следующее издание, подготовленное совместно нови-садской филологом-русинисткой и русским историком-русинистом: *Хома Цветкович Б., Миронов Г.* Русско-русинский словарь. Бачванско-сремский диалект. Ростов-на-Дону, 2015.

русины, по-видимому, в какой-то степени отождествляли себя с населением далекой славянской страны, в названии которой присутствовал родной для них корень *рус/рос*. Именно как русских, неким образом связанных с Россией, русинов чаще всего воспринимали и их иноэтничные соседи, тем самым лишь укрепляя у русинского населения этот компонент идентичности. Провинциальная литературная жизнь бачкско-сремских русинов, в которой до начала XX столетия доминировали общий для православных и униатов церковнославянский язык и «язычие» со значительным русским компонентом, была важной частью этой картины.

Непосредственные встречи с россиянами во время Первой мировой войны несколько поколебали прежние представления бачкско-сремских русинов об этноязыковом единстве и, тем более, тождестве с ними. Массовое прибытие в Королевство сербов, хорватов и словенцев послеоктябрьской русской эмиграции, в основном державшейся обособленно от местного, в т.ч. русинского, населения косвенно способствовало осознанию лидерами русинов уникальности своей группы, при этом отнюдь не отказываясь от родства с восточным славянством. При этом отмечались отдельные случаи сближения русских эмигрантов с русинской общиной.

Именно в межвоенные годы среди русинских интеллектуалов развернулась полемика о направлении развития собственного языка и культуры. Первоначально ведущие позиции в общественно-культурной жизни заняли «просвиташе», стремившиеся опереться на большую украинскую культуру. Их соперники, «заряше», напротив, скорее ориентировались на старую концепцию единого общевосточнославянского народа, включающего как бачкско-сремских русинов, так и далеких великороссов.

После Второй мировой войны, победу в которой в значительной степени обеспечил СССР, ассоциировавшийся с Россией и русскими, в русинской среде возобновились дискуссии относительно собственной идентичности. Несмотря на наличие среди послевоенной интеллигенции ощутимого количества этнонациональных русофилов, в итоге победило самостоятельное русинское направление, ранние стадии которого (идея «русских народов») можно рассматривать и как творческое развитие прежних «общерусских» представлений. В настоящее время в среде русинских интеллектуалов присутствуют по большому счету лишь две национальные ориентации: русинофилы и украинофилы.

Подводя итог сказанному, следует признать, что несмотря на неизвестность бачкско-сремских русинов широким массам в самой России, существование нашей страны, русских как народа, всемирно известной русской культуры и литературы, уже в силу предполагаемой родственности, оказывало на небольшую русинскую общину Бачки и Срема большее или меньшее, прямое или косвенное влияние в течение всей ее истории. Несомненно, что этот неравномерный и противоречивый «русский след» в общественно-культурной жизни бачкско-сремских русинов, связанный скорее с общими корнями, а не с прямыми контактами, еще нуждается в детальном изучении и комплексном осмыслении.

**ПОВЛИЯЛА ЛИ
ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ
НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ?
К ПЕРЕМЕНАМ В XX ВЕКЕ ТОЛКОВАНИЙ
ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ**

Аннотация: В этом исследовании рассматриваются изменения, происходящие на протяжении всего XX в. в интерпретации отношений между русской революцией 1917 г. и образованием Чехословакии осенью 1918 г. Межвоенная эпоха подчеркнула заслугу в этом Т. Г. Масарика и чехословацких легионов, а после Второй мировой войны — особенно в 1948–1989 гг. — создание Чехословакии связывалось с Октябрьской революцией в России, с откликом на выступления коммунистов. Современная (в начале XXI в.) интерпретация возникновения Чехословакии отличается по отношению к российской среде разнообразием; отмечается важная роль Февральской революции 1917 г., свержения царя, что могло привести и к свержению Австро-Венгерской и Германской империй.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская революция 1917 г., возникновение Чехословакии, русофильство, Масарик, Олдржих Ржига, XX век, интерпретация истории, марксизм-ленинизм.

Bohumil JIROUŠEK
(Czech Republic)

**DID THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA
INFLUENCE THE EMERGENCE OF CZECHOSLOVAKIA?
TO THE CHANGES IN THE 20th CENTURY INTERPRETATIONS
OF HISTORICAL EVENTS**

Abstract: This study deals with the changes in the interpretation of relations between the Russian Revolution of 1917 and the establishment of Czechoslovakia in the autumn of 1918, throughout the 20th century. The interwar era emphasized the importance of T. G. Masaryk and the Czechoslovak legions, after the World War II — especially in 1948–1989 — the establishment of Czechoslovakia was associated with the Russian October Revolution of 1917, in response to communist riots. The interpretation of the origin of Czechoslovakia in 1918 is much more diversified today, at the beginning of the 21st century; in relation to the Russian environment, it rather recalls the importance of the February Revolution of 1917, the overthrow of the Tsar, which could also lead to the overthrow of the Austro-Hungarian and German empires.

Keywords: Word War I, Russian revolution 1917, the establishment of Czechoslovakia, Russophilism, Masaryk, Oldřich Ríha, 20th century, interpretation of history, Marxism-Leninism

Для чешской, точнее чехословацкой истории, 1918 год является рубежом, но не переломным в отношении культуры, а основополагающим с точки зрения политики — обретения чешским народом национальной независимости¹. Здесь кроется один из исторических парадоксов. Официальная идеология межвоенной Чехословакии ввела вместо понятия «чешский» новое понятие — «чехословацкий народ»², образованный двумя национальностями. К тому располагала тогдашняя ситуация в Словакии, где до 1918 г. не было высшей школы, и чешская наука, не только историческая, могла восприниматься как наука чехословацкая³. Чехи, что было их заслугой, трудились в недавно созданном в Братиславе Университете Коменского, тогда как молодые словаки заботились о национальной эмансипации, об осознании разницы между чехами и словаками и о требовании словацкой автономии⁴.

Ещё во время войны великие державы приняли решение о создании Чехословакии и подтвердили это на Версальской мирной конференции⁵. Нельзя было пройти мимо роли чехословацкой иностранной армии, чехословацких легионов во Франции, Италии и, конечно же, в России⁶. Да, рассказывая о возникновении Чехословакии нельзя не учитывать события в России⁷. Однако с течением времени акценты менялись.

В межвоенные годы подчёркивалась, прежде всего, роль заграничного сопротивления австрийцам (Томаша Гаррига Масарика, Эдварда Бенеша, Милана Растислава Штефаника или иностранных легионеров). При этом косвенно приуменьшалось значение внутренней борьбы («Чешской мафии») и особенно первого чехословацкого пре-

¹ Československo 1918–1938/2018. České Budějovice, 2018; Republika československá 1918–1939. Praha, 2018.

² Kárník Z. Malé dějiny československé (1867–1939). Praha, 2008. S. 30–31.

³ Prokeš J. Literatura dějepisná // Československá vlastivěda X. Osvěta. Praha, 1931. S. 255.

⁴ Ducháček M. Václav Chaloupecký. Hledání československých dějin. Praha, 2014; Ducháček M., Bilková J. a kol. Václav Chaloupecký a generace roku 1914. Liberec, 2018.

⁵ Dejmeš J. Diplomacie Československa I. Praha, 2012. S. 21–24.

⁶ Напр., Vácha D. Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku (1914–1918). Praha, 2015; Vácha D. Ostrovy v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920). Praha, 2016.

⁷ Dějiny Česka. Praha, 2019. S. 213–214; Rákosník J., Spurný M., Štaif J. Milníky moderních českých dějin. Krize konsenzu a legitimacy v letech 1848–1989. Praha, 2018. S. 79–80.

мьера Карла Крамаржа)⁸. Россия упоминалась только как место пребывания чехословацких легионеров, их героических битв, например, у Зборова⁹, места, куда приезжали Т.Г. Масарик и М.Р. Штефаник для организации легионов и в связи с их возвращением на родину через Сибирь. Иными словами, события в России рассматривались как часть мировой революции, результатом которой, кроме всего прочего, было изменение границ в Европе (и границ чехословацкого государства)¹⁰. Конец Первой республики идеологически ослабил роль Масарика и Бенеша¹¹, и прежде всего подчеркнул преимущество чешского мышления XIX в., понимания чешской истории Палацким¹². Таким образом, в межвоенный период возникновение Чехословакии воспринималось как *«естественный результат длительных предыдущих усилий. В этом и заключается самая надежная гарантия ее существования»*¹³.

Несмотря на сильные традиции русофильства в предвоенном чешском обществе и официальной межвоенной историографии, влияние русской революции не было должным образом осмыслено. В начале войны Россия воспринималась как дружественная чехам страна, и в чешских землях жила надежда на быстрое поражение Австро-Венгрии¹⁴. Однако эта надежда растаяла после Октябрьской революции 1917 г., точнее — после заключения Брестского мирного договора, когда Советская Россия в результате сепаратного мира отдала Центральную Европу Германии и Австро-Венгрии. Масарик, осторожный в оценках русской революции, считал, что положительное влияние на возникновение Чехословакии оказала главным образом февральская революция¹⁵.

⁸ *Krofta K.* Idea československého státu // *Krofta K.* Z dob naší první republiky. Praha, 1939. S. 1–48; *Hliněka A.* Co je dr. Karol Kramář pre Československú republiku? // *Dr. Karel Kramář. Život — Dílo — Práce vůdce národa II.* Praha, 1937. S. 132–140; *Stloukal K.* Československý stát v představách T. G. Masaryka za války. Praha, 1930; *Vašek R.* “Račte to podepsat libovolnou šifrou”. Prezident Masaryk jako anonymní publicista (1918–1935). Praha, 2018. S. 57–70.

⁹ См. *Vácha D.* Srdce tak bohaté na život. Rudolf Medek a jeho doba (1890–1940). Praha, 2017. S. 175–178.

¹⁰ *Masaryk T. G.* Světová revoluce. Praha, 1938. S. 221.

¹¹ *Stříbrný J.* TGM a 28. Říjen. Praha, 1938.

¹² *Krofta K.* Nesmrtelný národ. Praha, 1940. S. 4.

¹³ *Krofta K.* Naše minulost a přítomnost. Praha, 1936. S. 36.

¹⁴ *Horák L.* Národní dějiny mládeži a lidu československému. Praha, 1924. S. 325.

¹⁵ *Ibid.* S. 326.

После протектората, при котором нельзя было даже упоминать о создании Чехословакии, и особенно после осени 1939 г., когда закрытие чешских вузов вызвало крупные демонстрации, в мае 1945 г. наступает период подъёма, период строительства «социализма», который каждый человек и каждая политическая партия понимали по-своему¹⁶.

После Второй мировой войны начинается поиск новых аргументов в пользу сотрудничества Чехословакии и Советского Союза, точнее говоря, в пользу чешской ориентации на Россию и СССР. Требовалось идеологическое объяснение¹⁷ благодарности СССР не только за освобождение во Второй мировой войне, но и за длительное русское влияние на развитие Чехословакии.

В духе социалистического интернационализма следовало подчеркнуть героический смысл образования Чехословакии, «покопаться» в прошлом, связав значительные исторические события с революционным движением рабочего класса. Данная интерпретация прозвучала в статье министра Вацлава Копецкого, вышедшей осенью 1947 г. в коммунистическом журнале «Новая мысль», хотя автор лишь коснулся этой темы¹⁸. Гораздо важнее была конференция «Великая Октябрьская социалистическая революция и наша свобода» (Прага, 1950), организованная Социалистической академией в честь советского историка Ивана Ивановича Удальцова¹⁹. С докладами на ней выступили Олдржих Ржига, Ярослав Харват и др. Уже тогда проявилось стремление обозначить другую дату образования Чехословакии вместо установленного 28 октября. Из доклада Ярослава Харвата следовало не только то, что на создание Чехословакии повлияли Октябрьская революция и декрет о мире (Брестский мир), но и то, что на самом-то деле независимость Чехословакии была провозглашена уже 14 октября 1918 г. (Социалистическим советом, профсоюзами), тогда как дата 28 октября фактически лишь подтвердило, что факт

¹⁶ *Brenner C. Mezi Východem a Západem. Praha, 2015.*

¹⁷ *Bettanin F. Stalin e l'Europa. La formazione dell'imperio esterno sovietico (1941–1953). Roma, 2006; Jiroušek B. a kol. Proměny diskursu české marxistické historiografie. České Budějovice, 2008; Sommer V. Angažované dějepisectví. Stranická historiografie mezi stalinismem a reformním komunismem (1950–1970). Praha, 2011; Olšáková D. Věda jde k lidu! Praha, 2014; Górný M. Die Wahrheit ist auf unserer Seite. Nation, Marxismus und Geschichte im Ostblock. Köln — Weimer — Wien, 2011.*

¹⁸ *Kopecký V. Nové Československo zdraví 30 vítězných let Sovětského svazu. Nová mysl. Ročník 1/1947. Č. 4. S. 2–8.*

¹⁹ *Prečan V. V kradeném čase. Praha — Brno, 1994. S. 284.*

провозглашения республики был украден у народа²⁰. В развитии революционной концепции возникновения Чехословакии большую роль сыграла брошюра Юрия Кржижка и Олдржиха Ржиги «Без Великой Октябрьской социалистической революции не было бы Чехословакии», вышедшая в 1951 г.²¹ Доказательству русских влияний на возникновение Чехословакии способствовали и юбилейные годы (1955, 1957) русских революций.

Пятидесятилетие революции 1905 г. дало повод вспомнить «первую великую народную революцию эпохи империализма» и в Чехословакии²². От русской революции 1905 г. якобы протянулась «прямая линия» к Октябрьской революции 1917 г., а значит и к возникновению Чехословакии, чему была посвящена конференция, состоявшаяся в октябре 1955 г.²³ Эта конференция в духе своего времени подчёркивала влияние вышеупомянутых революций на другие страны²⁴, а, учитывая место проведения конференции, и на отдельные регионы будущей Чехословакии.

Однако настоящая канонизация этой темы произошла на сороковую годовщину Октября, то есть в 1957 г. Кроме отдельных юбилейных статей можно назвать монографию Ржиги «Эхо Октябрьской революции в ЧСР»²⁵. Вплоть до 1989 г. она создавала основу для изложения истории Чехословакии, представляла собой текст, без которого нельзя было включить зарождение ее государственности в контекст марксистско-ленинской идеологии и объяснять возникновение Чехословакии без упоминания о русской революции 1917 г.²⁶

²⁰ Charvát J. Vliv Velké říjnové revoluce na dělnické hnutí v českých zemích // Velká říjnová socialistická revoluce a naše národní svoboda. Praha, 1950. S. 41–50.

²¹ Křížek J., Říha O. Bez Velké říjnové socialistické revoluce by nebylo Československa. Boj české a slovenské dělnické třídy za svobodu v letech 1917–1920. Praha, 1951.

²² Úvodem k pátému ročníku „Sovětské historie“ // Sovětská historie. Ročník 5/1955. Č. 1. S. 1–2.

²³ Celostátní konference k výročí první ruské revoluce v letech 1905–1907 // Sovětská historie. Ročník 5/1955. Č. 6. S. 671; Jiroušek B. Časopis „Sovětská věda — Historie“ jako „vzor“ historikovy práce a nástroj ideologizace vědy // Soudobé dějiny. Ročník 20/2013. S. 379–398.

²⁴ Jiroušek B. Sjezd maďarských historiků 1953 — počátek spolupráce historiků Východního bloku // Naše měna je pevná. Praha — Plzeň, 2013. S. 120–125; Zelník R.E. Perils of Pankratova. Some Stories from the Annals of Soviet Historiography. Seattle — London, 2005.

²⁵ Říha O. Ohlas říjnové revoluce v ČSR. Praha, 1957.

²⁶ Galandauer J.Vznik Československé republiky 1918. Programy, projekty, předpoklady. Praha, 1988. S. 217–226.

Монография Олдржиха Ржиги стремилась показать «решающее значение Великой Октябрьской социалистической революции в борьбе наших народов за национальную независимость, против гнета бывшей монархии и в первой фазе неравной борьбы с новым эксплуататором — собственной буржуазией»²⁷.

Для Олдржиха Ржиги Первая мировая война — это заговор буржуазии, ее мировых интересов, в то время как единственным классом, который мог бы разрешить ситуацию, был, по его мнению, рабочий класс. И даже он, оказавшийся в плену социал-демократии, не смог найти решения, поскольку не осознавал «тесную связь между классовой и национально-освободительной борьбой»²⁸. Только правильное ленинское понимание революционных идей Маркса помогло найти выход, к которому вел долгий путь, в числе прочего связанный и с голодом во время войны. Таким образом, чешский голодающий пролетариат уже после февральской революции 1917 г. начинает понимать, что борьба русских рабочих «является частью их борьбы»²⁹, тогда как социал-демократы этого ещё не осознают. Чешская же буржуазия после падения царизма отдаляется от России и начинает опираться на западных империалистов, стало быть, и на Т.Г. Масарика³⁰. Однако даже после Октября 1917 г. у чешского пролетариата ещё не было партии, обладающей революционным мировоззрением и «стремящейся к социалистической революции; но он, как и пролетарии всех стран, осознавал, какое значение имеет для рабочего движения первая в мире социалистическая революция»³¹. Согласно Олдржиху Ржиге, после Первой мировой войны Версальский договор постепенно поднимает новую революционную волну, ведущую к созданию левой рабочей партии, ориентирующейся на Коминтерн, и к возникновению Коммунистической партии Чехословакии³².

От данной парадигмы чешская историография не освободилась даже к концу шестидесятых годов. Значительную роль сыграла здесь годовщина окончания Второй мировой войны, воспринимаемая как

²⁷ *Říha O.* Ohlas říjnové revoluce v ČSR. S. 10.

²⁸ *Ibid.* S. 29.

²⁹ *Ibid.* S. 57.

³⁰ *Ibid.* S. 67.

³¹ *Ibid.* S. 73.

³² *Ibid.* S. 183–245.

освобождение Чехословакии Советским Союзом в 1945 году³³. Даже либеральный историк Вера Оливова в книге «Наше живое и мёртвое прошлое», инициированной Франтишком Граусом и изданной в 1968 г. для пересмотра «старого» способа изложения истории, не забыла упомянуть русскую Социалистическую революцию: «Революционное движение, кульминацией и одновременно новым импульсом которого стали события в России 1917 г., было, наравне с событиями Первой мировой войны, главной причиной возникновения глубокого кризиса власти в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, из которого родилось новое чехословацкое государство»³⁴.

После вольнолюбивой атмосферы пражской весны 1968 г. в Чехословакию в 1969–70 гг. на руководящие посты, в том числе в науке, возвращаются «кадры» пятидесятых годов³⁵. Это коснулось и Олдржиха Ржиги, который становится не только заведующим кафедры в Карловом университете, но и директором Института чехословацкой и мировой истории Чехословацкой академии наук. Заместителем директора этого института стал Юрий Кржижек. Вместе с ними работал идеолог Карел Герман. Остальные учёные, занимающиеся историей XX столетия, должны были поддерживать их, хотя бы формально, и вместе с Вацлавом Кралем³⁶ заботиться о своей карьере.

Так, в 1970-е годы Ю. Кржижек объясняет Первую мировую войну и распад Австро-Венгрии следствием идеологической борьбы между Востоком и Западом. По его мнению, в капиталистических странах все это трактуется с антимакистских позиций, чтобы ослабить «влияние марксистской историографии»³⁷ и найти причины, почему Австро-Венгрия не должна была распаться³⁸. На Западе якобы необоснованно поднимают на щит «освободительную легенду», которая под влиянием трудов Томаша Масарика и Эдварда Бенеша

³³ *Jiroušek B.* Moderní dějiny a časopis *Nová mysl* v roce 1965 // *Předjaří. Československo 1963–1967.* Praha — České Budějovice, 2016. S. 267–273.

³⁴ *Olivová V.* Svoboda mezi válkami // *Naše živá i mrtvá minulost.* Praha, 1968. S. 187.

³⁵ *Hanzal J.* *Cesty české historiografie 1945–1989.* Praha, 1999. S. 171.

³⁶ *Šperňák R.* „Se soudružským pozdravem“ zůstávám dál. Rok 1968 v životě a díle Václava Krále // *Jiroušek B. a kol.* *Proměny diskursu české marxistické historiografie.* S. 403–411.

³⁷ *Křížek J.* Některé otázky výkladu dějin rozpadu Rakouska-Uherska // *Studie z obecných dějin. Sborník historických prací k šedesátým narozeninám prof. dr. Oldřicha Říhy, DrSc.* Praha, 1972. S. 95–111.

³⁸ *Ibid.* S. 101–102.

раздувает роль и заслуги заграничного сопротивления в возникновении Чехословакии³⁹.

Подобным образом воспринималась Октябрьская революция и позднее, к примеру, в 1977 г. в трудах Яна Галандауера. Автор подчёркивал их связь с работами О. Ржиги и Ю. Кржижка 1950-х годов⁴⁰ и с исследованиями основателя компартии Чехословакии Богумира Шмерала, акцентируя деятельность социал-демократов, которым противостояли остальные слои чешского общества⁴¹. Эта трактовка сохранялась в последующие десятилетия. Карел Герман в 1982 г. оценил революцию 1917 г. в России как «основной рубеж мировой истории, с которого начинается переход человечества от капитализма к социализму» и который является «предметом злобных нападок идеологов и апологетов капитализма»⁴².

Официальная наука Чехословакии 1970–80-х гг. была неспособна отойти от концепции возникновения государства как результата русской революции 1917 г., преодолеть взгляды двадцати-тридцатилетней давности. Близилась семидесятая годовщина Октябрьской революции, которую должны были отмечать уже в эпоху Перестройки⁴³, припоминая по-прежнему заслугу Октября в возникновении Чехословакии: «В честь 70-ой годовщины Октябрьской революции необходимо подчеркнуть историческую роль Великого Октября в борьбе нашего народа за национальную и социальную свободу, за строительство социализма и бескомпромиссную международную политику Чехословакии. Рождение Чехословацкого государства связано с вдохновляющим примером страны Октябрьской революции. Ленинский принцип права нации на самоопределение усилил в 1918 г. многолетнюю борьбу чехов и словаков за создание самостоятельного государства и способствовал их национальной независимости, возникновению Чехословацкой республики»⁴⁴.

³⁹ *Křížek J.* Některé otázky výkladu dějin rozpadu Rakouska-Uherska. S. 105.

⁴⁰ *Galandaauer J.* Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce v české společnosti. Praha, 1977. S. 6–8, 215.

⁴¹ *Ibid.* S. 81–82. См.: *Galandaauer J.* Bohumír Šmeral. Praha, 1978.

⁴² *Herman K.* Velká říjnová socialistická revoluce a teorie „industriální společnosti“ // Historiografie čelem k budoucnosti. Sborník k šedesátinám akademika Jaroslava Purše. Praha, 1982. S. 121–140.

⁴³ Rok 70. výročí Velkého října // *Nová mysl.* Ročník 41/1987. Č. 2. S. 3–11.

⁴⁴ Ideově politické pojetí 70. výročí Velké říjnové socialistické revoluce. Z usnesení sekretariátu ÚV KSČ ze dne 17. dubna 1987 // *Nová mysl.* Ročník 41/1987. Č. 6. S. 77–83.

Журнал Центрального комитета КПЧ «Новая мысль» провел в 1987 г. конференцию по данной проблематике и опубликовал ряд докладов. Вначале вышла работа Яна Галандауера «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов»⁴⁵, которая показала, что в толковании важнейших вопросов современной истории нельзя ждать больших перемен. По сравнению с пятидесятью годами прогресс состоял в том, что датой рождения Чехословакии было признано 28 октября 1918 г., хотя всё ещё котировались предшествующие ей события 14–15 октября⁴⁶.

Можно было бы назвать и ряд других работ о возникновении Чехословакии, вышедших до 1989 г. и акцентировавших роль Октябрьской революции, но мы ограничимся представленными трудами. Подводя итог сказанному, можно отметить, что с 1948 по 1989 гг. взгляды на возникновение Чехословацкого государства практически не менялись. Несмотря на то, что ещё в 1960-х гг. раздавались высказывания в пользу проведения государственного праздника Чехословакии 28 октября, отвергнутого в 1951 г. (поскольку это ассоциировалось с декретами 1945 г. президента Эдварда Бенеша)⁴⁷, 28 октября как праздничная дата была узаконена только в самом конце существования социалистической Чехословакии — в 1988 г.⁴⁸ Тогда уже можно было упоминать о Т. Г. Масарике, хотя и обращалось внимание на его недостаточную идейную продвинутость: он приветствовал падение царизма в России — Февральскую революцию, но не оценил революцию Октябрьскую, хотя и не вступил (посредством чехословацких легионов) в прямое противостояние большевизму⁴⁹.

После 1989 г. наступил поворот. Довольно быстро начала преобладать межвоенная интерпретация событий, подчёркивающая важность мнения и способностей Масарика, игнорирование и даже

⁴⁵ *Galanda J. Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce a národně osvobozené boj českého a slovenského národa // Nová mysl. Ročník 41/1987. Č. 7–8. S. 139–150.*

⁴⁶ *Ibid. S. 149–150.*

⁴⁷ *Rauchová J. „V zájmu povznesení národního a státního vědomí Čechů a Slováků se doporučuje, aby dny 28. a 30. října byly vyhlášeny za dny zrodu Československé republiky.“ IV. sjezd československých historiků a rezoluce o obnovení označení 28. října jako dne vzniku Československé republiky // Československo 1918–1938/2018. S. 273–283.*

⁴⁸ *Ibid. S. 283.*

⁴⁹ *Galanda J. T. G. Masaryk a vznik ČSR. Praha, 1988. S. 23.*

незнание о непрерывности чешского исторического права⁵⁰. «Чехословакия в 1918 г. возникла не как случайный результат усилий одного политического авантюриста. Она стала следствием теоретической и практической деятельности Масарика с 1880–1890-х годов вплоть до 1914 г. Масарик помог чешскому народу осознать преемственность истории, а его действия были восприняты как логический результат всей чешской политики Нового времени, впервые сформулированной еще Ф. Палацким в революционном 1848 г.»⁵¹

Современные исследования отражают альтернативную концепцию истории⁵², вступление в войну США, что придало новые силы Антанте, развитию событий внутри Габсбургской империи, взаимодействию чехов и словаков на протяжении всего 1917 г.⁵³ О событиях в России упоминается в связи с тем, что возникновение компартий в Европе после Первой мировой войны нельзя рассматривать без влияния Октябрьской революции, возникновения Советского государства, послуживших стимулом для их рождения (вспомним Коминтерн). Февральская же революция 1917 г. показала, что можно свергнуть и традиционную монархию, располагающую мощным репрессивным аппаратом: «Русская революция вдобавок разрушила авторитет монархии как стабильного государственного устройства. Для австрийской среды это было опасно тем, что в дуалистической империи, раздираемой национальными противоречиями, император, считавшийся наместником Бога на земле, был одним из немногих функционеров, действующих заодно с топорной государственной бюрократией и армией, всё ещё неспособной добиться успехов»⁵⁴.

⁵⁰ *Jiroušek B.* Josef Kalousek. Historik v národní společnosti druhé poloviny 19. století. Praha, 2018. S. 65–77.

⁵¹ *Šolle Z.* Století české politiky. Od Palackého k Masarykovi. Praha, 1998. S. 226.

⁵² *Dějiny Česka.* S. 221–222.

⁵³ *Rataj J., Martínek M.* Česká politika 1848–1918. Praha, 2015. S. 454.

⁵⁴ *Rákosník J., Spurný M., Štaif J.* Milníky moderních českých dějin. Krize konsenzu a legitimacy v letech 1848–1989. S. 101.

**СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ
(ПО СЛУЖЕБНЫМ ДНЕВНИКАМ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ)**

Аннотация: В статье на основе служебных дневников полномочного представителя СССР в Чехословацкой республике В.А. Антонова-Овсеенко и заведующего бюро печати полпредства Р.О. Якобсона рассматриваются вопросы советско-чехословацкого культурного сотрудничества в 1924–1928 гг. Автор особое внимание уделяет взаимодействию советских дипломатов с деятелями науки и культуры Чехословакии в создании «Общества экономического и культурного сближения с новой Россией», в организации различных культурных мероприятий (выставок и лекций об СССР, выступлений советских писателей, посетивших Чехословакию, издания журнала «Nové Rusko» и др.).

Ключевые слова: советско-чехословацкие культурные связи, «Общество экономического и культурного сближения с новой Россией», В.А. Антонов-Овсеенко, Р.О. Якобсон, Т.Г. Масарик, З. Неядлы, В.В. Маяковский, Л.Н. Сейфулина, И.Г. Эренбург.

Nikolay N. STANKOV

**THE SOVIET-CZECHOSLOVAKIAN
CULTURAL CONNECTIONS IN THE MIDDLE OF 1920s
(BASED ON THE SOVIET DIPLOMATS' SERVICE DATE-BOOKS)**

Abstract: The author of the article investigates the problems of the Soviet-Czechoslovakian cultural cooperation in 1924–1928 based on the service date-books of the plenipotentiary of the USSR in Czechoslovak Republic V.A. Antonov-Ovseenko and the head of the press office of the plenipotentiary representation R.O. Jacobson. The author pays special attention to the communication of the Soviet diplomats with the Czechoslovakian scientific and cultural activists in the making of “The Society of economic and cultural rapprochement with the new Russia”, in the organization of different cultural undertakings (exhibitions and lectures about the USSR, speeches of the soviet writers who have visited Czechoslovakia, publication of the magazine “Nové Rusko” and others).

Keywords: Soviet-Czechoslovakian cultural co-operation, “The Society of the economic and cultural rapprochement with the new Russia”, V.A. Antonov-Ovseenko, R.O. Jacobson, T.G. Masaryk, Z. Nejedlý, V.V. Mayakovsky, L.N. Seifulina, I.G. Erenburg.

Советско-чехословацким отношениям в области культуры в 1920–1930-е гг. посвящена многочисленная литература. Отечественные, чешские и словацкие исследователи внесли значительный вклад в изучение направлений и форм культурного сотрудничества двух стран. В центре внимания историков, литературоведов и искусствоведов были такие проблемы, как образование и деятельность Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией, поездки деятелей науки и культуры Чехословакии в СССР и советских деятелей культуры в ЧСР, восприятие СССР в чешской и словацкой среде, переводы произведений советских писателей и поэтов на чешский и словацкий языки и чехословацких авторов на русский, формы и виды литературных и театральных связей, характер влияния советской культуры на чешскую и словацкую и др.¹

В данной статье предпринята попытка показать, какие проблемы культурного сотрудничества СССР и ЧСР в 1924–1928 гг. нашли отражение в служебных дневниках советского полпреда в Праге В.А. Антонова-Овсеенко и заведующего бюро печати полпредства Р.О. Якобсона.

Служебные дневники обязаны были вести с 1923 г. все советские дипломаты. В них ежедневно вносились записи, в каких мероприятиях они участвовали, с кем встречались и о чем беседовали. Это был своеобразный первичный отчет, который с определенной периодичностью пересылался в Народный комиссариат иностранных дел СССР (НКВД). Основным считался дневник полпреда, а дневник Якобсона, как заведующего бюро печати полпредства, к нему прилагался, или полпред включал его информацию в свой дневник. В последнем случае запись начиналась словами «Из разговора Якобсона с ...». К моменту назначения Антонова-Овсеенко в Чехословакию в июне 1924 г. Якобсон находился в Праге уже четыре года. Несмотря на молодые годы, он был уже известным ученым. Якобсон имел чрезвычайно

¹ См., например: *Будагова Л.Н.* Импульсы времени. Чешский литературный авангард в европейском контексте. М., 2020; *Воробьева Е.Д.* Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925–1927 гг.) // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 33–43; *История литератур западных и южных славян.* Т. 3. М., 2001; *Ивантышина Т.* и кол. Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии / Пер. со словац. Братислава-Йошкар-Ола, 2010; *Россия и русский человек в восприятии славянских народов.* М., 2014; *Amort Ā., Brabec K.* Československo-sovětské vzťahy v oblasti kultúry. Praha, 1975.

широкий круг знакомств, и в начале 1920-х годов научные и культурные связи устанавливались и поддерживались благодаря его личным усилиям и инициативе.

С 1923 г. к культурному сотрудничеству стала проявлять интерес официальная советская дипломатия, о чем свидетельствует запись в дневнике советского полпреда в ЧСР К.К. Юренева от 21 апреля о посещении его профессором Карлова университета Зд. Неедлы. Гость предложил полпреду создать чешско-русское общество, которое занялось бы ознакомлением общественности Чехословакии с советской культурой, наукой и искусством. Эта организация должна была стать противовесом уже существовавшей «Чешско-русской едноте»², созданной эмигрантами и правыми кругами Чехословакии и действовавшей «в направлении ярко враждебном Сов[етской] России»³. Неедлы уверял полпреда, что в новое общество, базой которого он наметил Карлов университет, удастся привлечь многих писателей и профессоров⁴.

К организации общества из-за летних отпусков приступили только осенью 1923 г., для чего из секретного фонда полпредства были выделены соответствующие средства, и в последствии финансирование шло из Москвы. Работа велась осторожно, чтобы не обнаружилась «чрезмерная связь» с полпредством и Коммунистической партией Чехословакии⁵. Поэтому тщательно и долго подбирались кандидатуры в правление общества, и в 1923–1924 гг. в дневниках и переписке полпредов с Москвой отмечалась его малая активность. 11 ноября 1924 г. Антонов-Овсеенко после встречи с представителями правления оставил запись в дневнике: «Вяло идет работа “О[бщест]ва сближения с новой Россией”»⁶. В декабре 1924 г. Антонов-Овсеенко и сотрудники полпредства вместе с правлением Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (так оно стало называться) наметили план его работы: организация в Праге в начале 1925 г. выставки советской книги, издание журнала, проведение лекций о чешско-русских отношениях, о конституции, экономическом развитии

² О «Чешско-русской едноте» см.: *Сератионова Е.П.* Чешско-русская еднота // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 32–41.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Секретариат наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина. Оп. 43. П. 276. Д. 53958. Л. 51.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 53955. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 0138. Реферантура по Чехословакии. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 58.

СССР, о Красной армии. Договорились, что Общество должно вести «двухстороннюю работу», т.е. не только распространять знания о СССР в Чехословакии, но и направлять в Советский Союз произведения чешских авторов, устраивать лекции по чешской культуре и т.д.⁷

Общество, еще не начав действовать, привлекло внимание министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша. В беседе с Яковсоном 7 ноября 1924 г. министр подчеркнул: «Я всецело сочувствую вновь организованному обществу сближения с новой Россией». Бенеш сказал, что рекомендовал целому ряду близких ему людей обязательно вступить в него и причем поскорее, чтобы «общество не успело приобрести репутацию объединения крайне левых элементов, не стало мишенью правой демагогии, которая отпугнула бы от общества нейтральные круги». Он выразил уверенность, что «общество будет важным орудием улучшенной взаимной информации и взаимного сближения»⁸. Бенеш высказал пожелание, чтобы «параллельное общество» было создано в Москве. Министр говорил, что после «установления нормальных отношений» между ЧСР и СССР вопросы культурного сближения «приобретут для нас актуальное значение и большую важность», что у него уже готов план Русского института, к осуществлению которого следовало приступить сразу же после признания Советского Союза Чехословакией. Русский институт Бенеш предполагал создать по образцу уже существовавшего в Праге Французского института и выразил пожелание, чтобы он обслуживался «силами исключительно из Сов[етской] России». По его мнению, там должны читаться курсы по русскому языку, литературе, по современной России и т.д. Бенеш сообщил Яковсону, что при министерстве иностранных дел ЧСР создается Славянский институт, который «задуман очень широко». Он будет заниматься научным изучением всех славянских народов в их прошлом и настоящем, и СССР в этих исследованиях займет «большое место»⁹.

Предложения Бенеша, очевидно, преследовали цель повлиять на формирование состава Общества и, по возможности, контролировать его работу. Поэтому деятельность Общества на протяжении всего времени его существования находилась в поле зрения министерства

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 58, 133–134.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 6.

иностранных дел ЧСР. 12 февраля 1926 г. Антонов-Овсеенко записал в дневнике о посещении его членом правления Общества профессором Б. Матезиусом, которого накануне вызывал заместитель Бенеша В. Гирса. Он расспрашивал Матезиуса о работе Общества, обещал посодействовать материалами, говорил о необходимости изменить его ориентацию, осторожно намекая на «слишком сильное влияние коммунистов»¹⁰.

Опасения чехословацких политиков не были лишены оснований. Правление Общества тесно взаимодействовало с полпредством, в середине 1920-х годов его работу курировал сотрудник отдела печати Я.З. Станкин¹¹. В феврале 1925 г. вышел в свет первый номер журнала Общества «Nové Rusko», в подготовке которого принимали участие сотрудники полпредства. Антонов-Овсеенко записал в дневнике: «Номер составлен довольно обстоятельно и разнообразно. Есть отдел о ЧСР на русском языке»¹². Активисты Общества подготовили материалы в специальный «чехословацкий номер» «Красной нивы»¹³.

Полпредство проявляло большой интерес к публичным выступлениям членов Общества о различных сферах жизни в СССР перед чехословацкой аудиторией. Особое внимание Антонова-Овсеенко привлек член правления Общества подполковник генерального штаба чехословацкой армии, доктор права Ковтняк, с которым он имел продолжительные беседы и снабдил его «некоторыми печатными материалами»¹⁴. Как записал полпред в дневнике, 9 марта 1925 г. Ковтняк очень удачно выступил с публичным докладом «О Красной армии», «обнаружив изрядную эрудицию» и в заключение заявил, что «Красная армия способна только на чисто оборонительную войну, и все разговоры о советском империализме поэтому вздор»¹⁵.

8 февраля Общество организовало «Матицу поэзии новой России». Антонов-Овсеенко отметил «содержательный доклад проф. Матезиуса», прекрасную постановку «Двенадцати» А.А. Блока и «150.000.000» В.В. Маяковского и многочисленность публики, заполнившей театр.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 6. П. 105а. Д. 3. Л. 290.

¹¹ Там же. П. 105. Д. 7. Л. 5, 16.

¹² Там же. Л. 49.

¹³ Там же. Л. 56.

¹⁴ Там же. Л. 55–56, 105.

¹⁵ Там же. Л. 80.

«В общем новое удачное выступление “О-ва сближения”», — подвел он итог¹⁶.

В полпредстве часто устраивались приемы, на которые приглашались члены Общества, чешские и немецкие ученые, театральные деятели, художники и писатели различных направлений¹⁷. Особое внимание уделялось молодым артистам, поэтам и художникам. 14 марта 1925 г. был устроен «чай» для «передовой молодежи» с целью, как писал Антонов-Овсеенко, «приручить наиболее активные и симпатизирующие нам круги пражской передовой интеллигенции». Одновременно полпред стремился решить и другую задачу — «противодействовать наметившемуся расчленению «О[бщест]ва сближения», поскольку «молодые» проявляли недовольство «медлительностью и робостью президиума». По мнению Антонова-Овсеенко, вечер прошел «довольно оживленно», и он планировал в будущем проводить их регулярно¹⁸.

Советское представительство поддерживало отношения и с другими общественными организациями, со студенческими союзами, отдельными представителями науки и культуры. Сотрудников полпредства приглашали на различные мероприятия. 14 апреля 1925 г. Студенческий союз УССР устроил вечер памяти Т.Г. Шевченко, на котором со вступительным словом выступил советник полпредства А.Т. Приходько. На вечере присутствовало около 700 человек¹⁹.

Значительное внимание полпредство уделяло налаживанию обмена научной литературой. В служебных дневниках часто упоминается о совещаниях и беседах на эту тему сотрудников полпредства с представителями министерств иностранных дел и просвещения ЧСР, с чехословацкими и приезжавшими в Прагу советскими учеными²⁰.

5 мая председатель правления «Общества экономического и культурного сближения с новой Россией» профессор Неедлы и Антонов-Овсеенко открыли в Праге «Выставку советской книги», которая была организована «под протекторатом» Общества при активном участии

¹⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 7. Л. 34–35.

¹⁷ Там же. Л. 69–71.

¹⁸ Там же. Л. 78.

¹⁹ Там же. Л. 123.

²⁰ Там же. Л. 184; Там же. П. 105-а. Д. 3. Л. 1.

книжного отдела торгпредства СССР. На открытии присутствовало свыше 150 гостей: представители МИД ЧСР, дипломатического корпуса (французский посланник Ф. Куже, польские и литовские дипломаты, японское посольство в полном составе), деятели науки и культуры, журналисты²¹. Всего выставку посетило 4,5 тыс человек. Она получила благоприятные отзывы в печати²². Сотрудник министерства иностранных дел ЧСР Я. Папоушек при встрече с Антоновым-Овсеем отметил, что выставка книг произвела на него хорошее впечатление, но выразил сожаление, что их невозможно купить. Он пообещал свое содействие в решении проблемы торговли советскими книгами в Чехословакии²³. Шеф бюро информации французского посольства и профессор Французского института в Праге А. Фишель после ознакомления с выставкой по поручению Куже составил подробный доклад для МИД Франции и обзор в «Le mond slave» («Мир славян»). Во время беседы с Якобсоном он «пространно говорил о важности и актуальности проблемы франко-советского культурного сближения, о готовности французских культурных организаций в Праге к сотрудничеству в этом направлении»²⁴.

По случаю закрытия книжной выставки 3 июня в полпредстве был устроен чай для членов президиума Общества. Как записал Антонов-Овсеем в дневнике: «Разговор на политические темы незначителен. Обсуждали персональный вопрос о поездке чешской профессуры на юбилейные торжества Российской Академии наук»²⁵. Скорее всего этим записям никто не придавал бы особого значения, если бы не разразившийся вскоре скандал. Очевидно, на этом приеме при обсуждении кандидатур для поездки в СССР на 200-летний юбилей Академии наук Якобсон предложил кандидатуру президента ЧСР Т.Г. Масарика²⁶. Он сказал, что, по словам профессора Карлова университета Н.В. Ястребова, «формально Масарик не член Академии наук лишь потому, что в свое время не был утвержден в этом звании царским правительством»²⁷. Антонов-Овсеем рекомендовал пригла-

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 7. Л. 168.

²² Там же. Л. 179.

²³ Там же. Л. 193.

²⁴ Там же. Л. 190, 192.

²⁵ Там же. Л. 179.

²⁶ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 1.

сить Масарика на юбилей Академии наук. Коллегия НКВД отнеслась к этому предложению отрицательно. Но 25 июня 1925 г. в письме Чичерину Антонов-Овсеенко продолжал настаивать на приглашении Масарика, так как последний об этом предложении полпредства случайно узнал, и было бы весьма нетактично, если бы после этого приглашения не последовало. «Тем более, что Масарик был в 1915 г. выдвинут в члены Академии ее советом, но не получил утверждения царского правительства, а мы приглашаем членов Академии наук из-за границы», — настаивал полпред²⁸. 29 июня Чичерин сообщил о сложившейся ситуации в политбюро ЦК РКП (б), подчеркивая, что «коллегия НКВД остается при своем отрицательном отношении»²⁹.

Политбюро поручило Чичерину выяснить, каким образом Масарик узнал о предложении Антонова-Овсеенко пригласить его на юбилей Академии наук³⁰. Дневники полпреда подверглись самому тщательному изучению; в них сплошь и рядом встречаются подчеркивания и пометки заведующего подотделом Центральной Европы НКВД Б.Е. Штейна. Служебное расследование указывало на то, что непосредственно или опосредовано Масарик узнал об этом от Якобсона. В докладной записке Чичерину и членам коллегии НКВД Штейн отмечал, что Якобсон встречался с чехословацким президентом, в частности, он ссылаясь на запись в дневнике Антонова-Овсеенко от 29 января 1925 г.: «Якобсон был на “чае” у Масарика [Очевидно, чтобы усилить эффект, Штейн в оригинале дневника над строкой карандашом дописал «очередном», и в записке наркому уже читаем «на очередном “чае”». — Н. С.]. Я разрешил Якобсону отправиться на этот “чай”, хотя в приглашении Масариком из нашего представ[ительства] единственно этого зарекомендовавшегося “беспартийным” сотрудника на лицо некоторая двусмысленность»³¹. Штейн предполагал, что президент ЧСР о намерении полпредства его пригласить мог узнать от Фишеля или секретаря чехословацкой миссии в Москве Й.Э. Шрома, с которыми Якобсон имел продолжительные беседы в первой декаде июня 1925 г.³² Антонову-Овсеенко наиболее

²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 7. Л. 210.

²⁹ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 7. Л. 27; Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 2.

³² Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 2.

вероятным представлялось, что Якобсон сказал Шрому о возможности приглашения Масарика, а тот передал президенту³³. 10 июня Шром подробно рассказал Якобсону о своей беседе с Масариком, которая состоялась накануне в Ланах и продолжалась в течение трех часов. Президент сказал Шрому, что «русский вопрос чрезвычайно интересует его в последнее время». По словам чехословацкого дипломата, «Масарик усиленно следит за советской современной печатью, читает ряд газет и журналов и вообще старается быть в курсе советских дел». Президент подробно расспрашивал Шрома о политической, экономической и культурной жизни в СССР и выразил удовлетворение его работой в Москве. Масарик констатировал, что отношения ЧСР с Советским Союзом ненормальны и заявил: «Если бы у него была малейшая возможность, он, не задумываясь, съездил бы в СССР»³⁴. 15 июля, посетив советское полпредство перед отъездом в Москву, Шром сообщил Антонову-Овсеенко о своем разговоре с Масариком и вновь подчеркнул: «Масарик мечтает посетить “Новую Россию”»³⁵.

Несмотря на разоблачение, и Антонов-Овсеенко, и Чичерин взяли Якобсона под защиту. Полпред писал Чичерину 9 июля: «Я остаюсь при прежнем своем мнении, что Якобсон нам чрезвычайно полезен и реальная польза от него перевешивает возможный вред. До сих пор нет данных, уличающих его в двойственной игре. Добрая половина нашей информации исходит от него и от его источников». Полпред считал преимуществом и беспартийность Якобсона: «Наличие в нашем представительстве беспартийного служащего такой квалификации придает, в глазах чешской общественности и официальных кругов, более “приличный аспект” нашему представительству и облегчает прорыв нами той блокады, в которой нас стараются держать»³⁶. «Не нахожу момент для замены Якобсона подходящим», — заключил полпред.

В свою очередь Чичерин в письме в секретариат ЦК РКП (б) писал: «Наше полпредство совершенно не в состоянии поддерживать сношения с такой массой лиц, как это делается через посредство

³³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 5.

³⁴ Там же. Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 7. Л. 180–183.

³⁵ Там же. Л. 240.

³⁶ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 5.

Якобсона, лично знающего положительно все политические, журнальные и хозяйственные сферы Праги. Такие люди бывают незаменимыми, но иногда болтают не кстати»³⁷. На письме наркома член политбюро ЦК РКП (б), председатель Совета народных комиссаров СССР А.И. Рыков наложил резолюцию: «Болтунов вроде Якобсона можно использовать, но при условии, что наши товарищи не будут в их присутствии болтать о том, о чем нужно еще молчать»³⁸.

23 июля Чичерин довел до сведения Антонова-Овсеенко резолюцию Рыкова в более дипломатичной формулировке: «Она (Инстанция, т.е. политбюро ЦК РКП (б). — *Н.С.*) постановила предложить Вам в дальнейшей Вашей работе быть более осторожным в отношении Якобсона и подобных ему сотрудников во избежание проникновения сведений во вражеский лагерь»³⁹.

Круг общения Якобсона действительно был чрезвычайно широк: президент Т.Г. Масарик, министр иностранных дел Э. Бенеш, его заместитель В. Гирса и другие высокопоставленные сотрудники МИД Чехословакии, служащие австрийского, германского, итальянского, югославского, французского и других посольств в Праге, чехословацкие и иностранные журналисты и т.д. Записи в дневниках свидетельствуют о том, что Якобсон почти ежедневно с кем-нибудь встречался. Если обратиться к дневникам за январь 1927 г. и выделить только наиболее значимые встречи в высших кругах Чехословакии, то обнаружим следующую картину: 19 января был на «чае» у министра иностранных дел Бенеша, 21 января — на аудиенции у президента Масарика, 31 января — на балу в югославском посольстве «под протекторатом короля сербов, хорватов и словенцев и президента ЧСР». На балу пресс-атташе итальянского посольства У. Дадоне представил Якобсона генеральному секретарю Национально-демократической партии Ф. Главачеку и министру образования ЧСР М. Годже. Как отметил Антонов-Овсеенко в дневнике: у Якобсона с Годжей «завязался довольно продолжительный разговор на культурные темы (работы Годжи по словацкому вопросу, работы Якобсона по чешской литературе, чешско-советские культурные сношения)»⁴⁰. Это знакомство

³⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 176.

представляется не случайным, и не исключено, что инициатором знакомства был не Дадоне, а Якобсон. В начале 1927 г. в политических и дипломатических кругах ходили слухи о непрочном положении Бенеша на посту министра иностранных дел и одним из наиболее вероятных претендентов на его место называли Годжу⁴¹. Хотя слухи не оправдались, но и как министр образования Годжа был чрезвычайно полезен советскому полпредству. Когда 15 мая Якобсон в очередной раз встретился с Годжей, тот заверил, что ведет переговоры на предмет признания СССР и заявил: «Я работаю над культ[урным] сближением и ввожу обязательное преподавание русского языка в ряде чешских гимназий»⁴².

Как отмечалось выше, 21 января 1927 г. Якобсон был принят президентом Масариком. Явление исключительное, чтобы президент принимал заведующего бюро печати зарубежного представительства. Даже советские полпреды нечасто удостоивались аудиенции президента. К сожалению, запись содержания беседы Якобсона и Масарика в дневнике Антонова-Овсеенко слишком лаконична, особенно ее начало, которое для нас чрезвычайно важно. Разговор длился $\frac{3}{4}$ часа, а в дневнике ему отведено менее двух страниц. «Масарик говорит вначале по вопросам, связанным с научными работами Якобсона. Далее о вопросах чешской и русской национальной психологии. И о культурных сношениях между ЧСР и СССР»⁴³. Эти принципиально важные для настоящей статьи вопросы занимают в дневнике лишь 3 строки. Для нас каждая фраза президента имеет значение. Что он сказал о научных работах Якобсона? О русской и чешской национальной психологии? О культурных отношениях между нашими странами? Поскольку в скором времени Чехословакию должны были посетить И.Г. Эренбург, Л.Н. Сейфуллина и В.В. Маяковский, собиралась приехать председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей О.Д. Каменева, можно только предположить, что эти вопросы также обсуждались. Причем обсуждались в широком контексте развития чехословацко-советских отношений. Масарик подчеркивал, что полное развитие культурных отношений «будет возможно только тогда, когда будут урегулированы государственные

⁴¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 191.

⁴² Там же. Л. 324.

⁴³ Там же. Л. 163.

взаимоотношения». Он указал на чрезвычайно отрицательную роль национальных демократов в этом вопросе. Сам президент лично стоял на точке зрения необходимости для ЧСР дружбы с Россией, несмотря на свое принципиальное глубоко отрицательное отношение к большевизму. Не так давно, говорил Масарик, он «был одержим шалой мыслью во что бы то ни стало лично съездить в Россию. Лучше все это видеть воочию и договариваться непосредственно на месте. Но мне, конечно, не дали»⁴⁴. Далее президент подчеркнул: «Мне кажется, нынешняя Россия выпускает из виду важный момент. Она не сумела благожелательной линией расположить в свою пользу мелкие славянские государства. Она, пользуясь умело национальными моментами, не сумела использовать славизм, который при отсутствии серьезных расхождений между Россией, с одной стороны, и Чехословакией и Балканскими славянскими государствами, с другой, и при наличии ряда общих интересов, дает возможность использовать эти государства, как своего рода аванпосты в активной политике России в Европе. Они в свою очередь нуждаются в ориентации на Россию. Очень жаль, что не могу по этим основным проблемам международной политики побеседовать с Чичериным»⁴⁵.

Идея сближения славянских государств с СССР, очевидно, была обусловлена ухудшением внешнеполитического положения ЧСР после Локарно и последующих международных событий, усиливших позиции Германии и ослаблявших позиции Франции — гаранта Версальской системы. Вопросы сближения славянских народов и СССР Масарик обсуждал не только с Якобсоном, о чем косвенно свидетельствует разговор Антонова-Овсенко с болгарским посланником в ЧСР Д.Г. Михалчевым 6 марта 1927 г. Разговор состоялся во время их поездки в Кутну Гору. Болгарский посланник сказал, что два дня тому назад он был у Масарика, который сказал о неизбежности признания Советского Союза в ближайшее время, о переменах во внутренней и внешней политике СССР, в частности, что «Москва стала более внимательна к славянским народам».

Далее Антонов-Овсенко записал в дневнике: «Михалчев горячо ратует за организацию у нас института славяноведения — “Ведь существует у вас институт народов Востока! Ведь и в Германии, и во

⁴⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 162–163.

⁴⁵ Там же. Л. 162.

Франции делается так много для сближения с[о] славянством. Вы напрасно пренебрегаете интеллигенцией славянских народов. Вы б[ы] легко могли снискать себе ее симпатии. Институт славяноведения, конференции славяноведов и т.п. в Москве стали бы центром тяготения этой интеллигенции” и т.д.»⁴⁶. Следует отметить компетентность Михалчева в данном вопросе — к тому времени он был уже известным философом, по образному выражению И. Ремке, «Кант на Балканах», и до поступления на дипломатическую службу заведовал кафедрой философии в Софийском университете. «Университетский уклон» болгарского посланника отметил и Антонов-Овсеенко. Он ответил Михалчеву, что вопрос о создании Института славяноведения уже решен, а со следующего года откроется факультет славянских языков в Московском университете⁴⁷.

О заинтересованности чехословацких властей и интеллигенции в сотрудничестве славянских государств и народов свидетельствуют лекции и дебаты о «славянской политике», которые были организованы в клубе «Пршитомност» («Přítomnost») весной 1927 г. Руководители клуба предложили Антонову-Овсеенко принять в них участие, но полпред поставил условия, что приглашение будет принято только в том случае, если будет снят доклад сотрудника чрезвычайной дипломатической миссии Украинской народной республики О. Бочковского «Славянская политика и украинцы» и если к прениям не будут допущены российские эмигранты. Организаторы пошли на уступки⁴⁸.

Дебаты открыл 23 марта 1927 г. Я. Гербен, известный чешский журналист и политик из окружения президента ЧСР, вступительным докладом, построенным на трудах Масарика. И в своем докладе, и в ходе дискуссий Гербен подчеркивал, что «надо следовать заветам Масарика и проводить слав[янскую] политику, прежде всего, у себя дома»⁴⁹.

На заседаниях клуба, на которых присутствовали представители МИД ЧСР и иностранных дипломатических миссий, известные журналисты, неоднократно подчеркивалась необходимость «славянской политики». «Славянская политика и возможна и необходима, — го-

⁴⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 243.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 253–254.

⁴⁹ Там же. Л. 253.

ворил Папоушек в ходе дискуссии о «славянской политике» ЧСР, — существует особое взаимное тяготение славян, с которым не может не считаться государственная политика». Он подчеркивал, что необходимо «не только экономическое сближение», но «и культурное взаимодействие»⁵⁰.

От советской миссии с сообщением выступал 30 марта Якобсон. Как отметил Антонов-Овсеенко, «Якобсон выступил с большим успехом». К сожалению, автору этой статьи не удалось обнаружить текст выступления, хотя полпред сообщает в дневнике, что он прилагается «в одном экземпляре для тов. Ротштейна». Поэтому приходится довольствоваться пересказом из дневника Антонова-Овсеенко: «Согласившись с Гербеном, что славянскую политику следует проводить, прежде всего, у себя “дома”, Якобсон рассказал, каковы взаимоотношения между славянскими народами у нас и какая культурная работа среди них ведется, затем, оговорившись, что советское правительство никакой расовой славянской политики не ведет, кратко охарактеризовал отношения между СССР и славянскими государствами и перешел к недочетам наших культурных взаимоотношений»⁵¹.

В дневниках Антонова-Овсеенко значительное внимание уделено выступлениям в Праге в 1927 г. И.Г. Эренбурга, Л.Н. Сейфуллиной и В.В. Маяковского. Так, 15 февраля полпред оставил запись: «Вчерашнее и сегодняшнее выступления И. Эренбурга с докладом о современной литературе и чтением отрывков из нового романа имели огромный успех»⁵². В тот же день состоялся прием в полпредстве, на котором присутствовало около 90 гостей: журналисты, заведующие бюро печати дипломатических миссий — коллеги Якобсона, видные литераторы и деятели культуры «из разных политических лагерей», правда, в последнюю минуту, сославшись на занятость, отказался прийти К. Чапек⁵³.

1 апреля из Берлина в Прагу приехала Сейфуллина. На вокзале ее обступили журналисты. И сразу же, к досаде полпреда, она «тяпнула одному из них (чеху) нелепую фразу — “у германцев есть цивилизация, но нет культуры”». «Чехи весьма довольны, но немцы

⁵⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 283.

⁵¹ Там же. Л. 274.

⁵² Там же. Л. 230.

⁵³ Там же. Л. 209.

в большой обиде», — отметил Антонов-Овсеенко в дневнике. Эти слова писательницы для советского дипломата были весьма нехотаны, принимая во внимание активное сотрудничество СССР с Германией и тесные отношения полпредства с немецкими политиками и журналистами в ЧСР. Но дальше все пошло благополучно. 2 апреля по случаю приезда Сейфуллиной состоялся большой прием в полпредстве, на котором присутствовало около 120 деятелей культуры при том, что, как отмечал Антонов-Овсеенко, некоторые из приглашенных уклонились. Но, подчеркнул полпред, впервые пришел на прием директор театра на Виноградах Я. Квапил — друг враждебно относившегося к СССР лидера Национально-демократической партии К. Крамаржа. Последующие дни были заполнены встречами с журналистами, приемом в муниципалитете Праге, ознакомлением с культурной жизнью столицы⁵⁴.

13 апреля состоялся «вечер» Сейфуллиной, который устроил Союз студентов граждан СССР. Антонов-Овсеенко отметил, что из 400 присутствовавших было около сотни эмигрантов, «вся эсеровская организация Праги во главе с Черновым, Кускова». Сейфуллиной задавали «много довольно каверзных вопросов», на которые она удачно ответила. На следующий день Сейфуллина выступала на вечере, устроенном Обществом экономического и культурного сближения с Новой Россией. Из-за организаторской слабости Общества публики было вдвое меньше, чем накануне, почти все чехи. Тем не менее, подчеркивает Антонов-Овсеенко, Сейфуллина имела «большой успех»⁵⁵. 18 апреля советскую писательницу пригласил в кафе лидер и идеолог партии эсеров В.М. Чернов. С согласия полпреда встреча состоялась, а от приглашения в ПЕН-клуб по указанию Антонова-Овсеенко Сейфуллиной пришлось отказаться. «Мы бойкотуем ПЕН-клуб за ряд произведенных там без отпора со стороны правления антисоветских выступлений», — пояснил полпред⁵⁶.

19 апреля в Прагу приехал Маяковский. По этому случаю 23 апреля в полпредстве был устроен прием, на котором было свыше 100 гостей⁵⁷. В тот же вечер Маяковский посетил «Освобожденный театр»,

⁵⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 273.

⁵⁵ Там же. Л. 284.

⁵⁶ Там же. Л. 283.

⁵⁷ Там же. Л. 281.

где его встретили овацией. Антонов-Овсеенко отмечает, что публика — чешская передовая молодежь, и больше половины из 800 присутствовавших — русская эмиграция⁵⁸.

26 апреля состоялось выступление Маяковского, устроенное Обществом экономического и культурного сближения с Новой Россией. Присутствовало около 1.200 чел. Из них до одной трети чехи, несколько видных эмигрантов, в частности, известный общественный деятель, публицист и издатель Е.Д. Кускова, представители МИД ЧСР, иностранных дипломатических миссий, журналисты. «Большой благоприятный нам эффект», — отметил Антонов-Овсеенко в дневнике⁵⁹.

В тот же день Маяковский вместе Антоновым-Овсеенко, Якобсоном и советником полпредства Н.М. Калюжным был приглашен на «далматинское вино» в югославское посольство. Передавший приглашение заведующий бюро печати посольства С. Ключич подчеркнул, что Маяковский пользуется популярностью в среде передовой югославской интеллигенции и что на приеме будет присутствовать несколько югославских писателей⁶⁰.

По записям в дневниках советских дипломатов можно судить о расширении советско-чехословацкого сотрудничества в 1927 г. Прагу посетили гости из Белоруссии. В июне прибыл ректор Минского университета В.И. Пичета (в тексте допущена ошибка — т. Пичера) и был чрезвычайно радушно принят профессорскими кругами Праги⁶¹. В сентябре Чехословакию посетили белорусские писатели, к сожалению, в дневниках не указано, кто именно⁶².

Полпредство заботилось о вовлечении в советско-чехословацкое культурное сотрудничество Словакии. С 27 июня по 3 августа 1928 г. Якобсон вместе писателями И.Г. Эренбургом и О.Г. Савичем предприняли поездку по Словакии. «Прием в Словакии был нам всюду оказан превосходный, — писал Якобсон в отчете. — Годжа дал своим людям директиву демонстрировать в пользу советско-словацкого культурного сближения»⁶³.

⁵⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 8. П. 107. Д. 3. Л. 279.

⁵⁹ Там же. Л. 294.

⁶⁰ Там же. Л. 281.

⁶¹ Там же. Л. 347.

⁶² Там же. Л. 378.

⁶³ Там же. Ф. 138. Оп. 7. П. 18д. Д. 13. Л.1.

По возвращении Яacobсон наметил обширную программу развития культурных связей СССР со Словакией:

1. Установление тесных отношений с учеными и деятелями культуры Братиславы и по возможности поездки в Братиславу представителей науки, литературы и искусства СССР.
2. Создание обществ сближения в Турчанском Мартине и особенно в Кошице или по меньшей мере установление связей с культурными и экономическими кругами этих городов.
3. «Осторожная попытка контакта с культабработниками русского движения в Пряшевской Руси» и в случае успеха систематический сбор информации об этом движении, а также литературы и прессы Пряшевской Руси, сведений о резолюциях крестьянства относительно русской школы и т.д.
4. Снабжение информацией о СССР словацких газет и журналов. Яacobсон считал, что для этого был подходящий момент: в то время создавались новые журналы и вообще развевртывалась журнальная жизнь Словакии.
5. Публикация в СССР информации о культурной жизни Словакии и переводов новой словацкой литературы, что, по мнению советского дипломата, «словацкой общественности чрезвычайно импонировало бы».
6. Организация выставки советской культуры в Братиславе или в нескольких провинциальных центрах, которая, по убеждению Яacobсона, могла бы иметь «очень большой успех»⁶⁴.

Таким образом, служебные дневники Антонова-Овсеенко и Яacobсона свидетельствуют, что с 1924 г. вопросы культурного сотрудничества стали в числе значимых в деятельности советского полпредства в Праге. Все более важное место они занимали во время встреч с официальными лицами ЧСР и рассматривались в широком контексте развития советско-чехословацких отношений. Советская дипломатия в большей степени стала осознавать значение культуры как средства воздействия и на общественные настроения граждан Чехословакии, и на эмигрантов. Основное внимание уделялось работе Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией, организации выставок, лекций об СССР, выступлений

⁶⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 138. Оп. 7. П. 18д. Д. 13. Л.12–13.

советских писателей, посещавших Чехословакию. Дневники советских дипломатов позволяют выявить механизм взаимодействия полпредства с общественными организациями ЧСР. При этом следует принимать во внимание особенность данных источников, в которых в первую очередь и преимущественно отражена деятельность полпреда и служащих полпредства, что, однако, ни в коем случае не должно умалять роль чехословацких общественных кругов в развитии двусторонних связей, их инициативы в создании Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией, в организации многих культурных мероприятий.

ОЧАРОВАННОСТЬ НЕИЗВЕСТНЫМ (ИДЕОЛОГИЯ ЧЕШСКОГО МОДЕРНИЗМА И РУССКИЙ АВАНГАРД)

Аннотация: Автор статьи рассматривает проблему конструирования в определенной ситуации явлений отдаленной культуры через речевой акт и намерения конкретной личности. На основе анализа текстов трех известных чешских авторов (Я. Бартоша, К. Тейге, Б. Броука) прослеживается создание ими принципиально разных образцов отдаленных культурных феноменов. Проблема восприятия анализируется через чтение о явлениях культуры и их трансформацию в индивидуальных дискурсивных моделях того или иного исторического периода.

Ключевые слова: дискурс, конструкция, индивидуальное намерение, дискурсивные модели, исторический период.

Vladimír PAPOUŠEK
(Czech Republic)

FASCINATION WITH THE UNKNOWN (RUSSIAN AVANT-GARDE AND CZECH MODERNISM)

Abstract: The author of this study deals with the problem of individual construction of phenomena of distant culture via personal speech acts and intention of concrete individuality in concrete historical situation. Based on text analysis of three Czech authorities in the field of art (J. Bartoš, K. Teige and B. Brouk) he displays how they personalities created radically different images of distant cultural phenomena. The author resolves via his analysis the main problem of processes reading distant cultural phenomena and their transformation to the own discursive models of a certain individual in a certain historical situation.

Keywords: discourse, construction, speech act, individual intention, discursive models, historical period.

Раздумывая об отношении чешских модернистов к русской культуре и о ее воздействии на них, необходимо задать вопрос, находил ли чешский модернизм в русской культуре что-то родственное, вытекающее из их общих свойств, или она привлекала чем-то неизвестным, не совсем понятным? Иными словами, являлись ли русские влияния следствием родственных начал или, скорее, следствием того, что Гарольд Блум называл «неправильным прочтением», означавшим продуктивное расхождение между контактирующими сторонами?

Попытаемся ответить на эти вопросы, рассказав, как чешские модернисты толкуют русские материалы. Поскольку сфера этих вопросов и проблем весьма обширна, мы выберем только три примера, которые охватывают различные этапы чешского модернизма: этап экспрессионизма, вдохновленного Достоевским, этап авангарда в концепции Карела Тейге, находившегося под влиянием русского конструктивизма, и этап деятельности участника Группы сюрреалистов Богуслава Броука, который еще в 1947 г. занимался проблемами рациональной организации общества, материализма, что было мало продуктивным из-за попыток игнорировать многие факты реальной человеческой жизни. Влияние на Броука советской идеологии и культуры, вероятно, было обусловлено навязчивой идеей об их эффективности, позволявшей добиться максимального динамизма общественного развития в духе коммунистической футурологии. На основе этих трех примеров, трех противостояний культур и попытаемся ответить на вопрос, поставленный в начале статьи.

В первое двадцатилетие XX в. чешские читатели запоздало, но весьма активно, начинают интересоваться произведениями Ф.М. Достоевского. Если первая волна чешского модернизма в конце XIX в. была тесно связана с французским натурализмом, то экспрессионистов 1910–1920-х гг. покоряет Достоевский. Интерес к его творчеству наложил свой отпечаток практически на всю первую половину столетия, даже тогда, когда экспрессионизм сменился волной экзистенциализма.

В 1914 г. чешский драматург, экспрессионист Ян Бартош, опубликовал небольшую книгу под названием «Бесы (О жизненной драме Достоевского)»¹. Ян Бартош отметил в чешской культуре прежде всего как автор суровой пьесы «Вороны», в которой он с экспрессионистской гиперболизацией изображает человеческое общество как набор индивидуумов, подстерегающих свою добычу и пожирающих друг друга.

В своей драматической, как следует из названия, книге о Достоевском автор интерпретирует жизнь писателя как неустанную борьбу с демонами, которая завершается личной катастрофой автора, состоящей в обнаружении, именовании и появлении дьяволов. Бартош рассматривает творчество Достоевского как путь к раскрытию

¹ *Bartoš J. Běsové, nákladem vlastním. Praha, 1914.*

глубин ада, начинающийся с периода «До катастрофы» — так называется первая глава. За этим следует драматическое столкновение — катастрофа, определяемая романами «Преступление и наказание» и «Бесы», что соотносится с жизнью их автора — главы «Призрак двойника» и «Малютка с гнойниками (“Братья Карамазовы”»).

С помощью напряженной манеры письма, экспрессионистских образов, избытка метафор Бартош изображает жизнь Достоевского как стремительный поток страшных переживаний, безверия, самонадеянности в существовании Всевышнего. В результате из нескольких ключевых романов писателя складывается автобиографическое произведение, а «жизненная драма Достоевского — сражаться с демонами собственного сердца»².

Кажется, что драматург Бартош в этой книге не анализирует творчество Достоевского, а готовит концепцию своего произведения о нем. Его книга — это фактически краткое изложение пьесы, которую он никогда так и не писал. Он стремился не понять писателя, а скорее использовать его в качестве подходящего объекта для изображения крайнего драматизма действительности. Экстремальные ситуации из романов Достоевского используются им для создания собственной концепции его творчества как борьбы с демонами. Почему так происходит? Из вышесказанного следует, что Бартош не очень-то понимал Достоевского, хотя и восхищался его творчеством и его жизненным опытом, ни обрести, ни пережить который в Австро-Венгрии было невозможно. За мятеж против режима преступнику грозила тюрьма, но не казнь. Вообще считается, что весь Запад не понимал Достоевского. Известно высказывание американского философа У. Джеймса о том, что ему никогда не понять Достоевского, сколь бы долго и внимательно он его ни читал.

М. Бартош восхищался Достоевским, его личностью и творчеством, и то, что он пишет о нем, продиктовано именно восторгом, а не анализом. Он будто говорит: «У нас впереди нечто великое, нечто, что трудно себе даже вообразить». «Но, почитая сегодня, в грустный переломный момент эпохи, его создателя, выше мы не видим никого более могущественного ...»³. Такое мы находим в самом конце текста, будто борьба Достоевского с непостижимым Богом стала метафорой борьбы Бартоша с непостижимым Достоевским. Этим грустным пе-

² *Bartoš J. Běsové, nákladem vlastním. S. 25.*

³ *Ibidem. S. 26.*

реломным моментом, несомненно, является Первая мировая война, подчеркнувшая, как считали экспрессионисты, дихотомию и катарсис, которые были составной частью идейной и культурной атмосферы своего времени.

В чешском контексте русский автор стал, с одной стороны, не очень-то понятным, а с другой — тем более достойным восхищения.

В возрасте восемнадцати лет будущий известный чешский писатель Эгон Гостовский пишет под влиянием «Преступления и наказания» роман «Тропинка вдоль дороги»⁴, в котором молодой студент замышляет убийство ненавистного профессора математики. Это был подлинный преподаватель гимназии в г. Находе, где учился Гостовский. И нет более красноречивого примера недопонимания русского автора в свете очарования его творчеством.

С момента своего создания (1920) пражский творческий союз «Деветсил» занимался пролетарским и авангардным искусством, имея в лице Карела Тейге авторитетного теоретика, тогда лучше многих других соотечественников разбиравшегося в западном и восточном авангарде. Он не стал простым рецептором иностранных влияний, а мог создавать свои собственные концепции. В 1920-е гг. это была концепция поэтизма, а позднее, в середине 1930-х, он внес свой вклад в развитие чешского сюрреализма.

В 1922 г. в Праге вышел сборник «Деветсила», в котором Тейге напечатал свою статью «Искусство сегодня и завтра». В ней представлена совокупность многих часто не признававшихся влияний, таких как влияния дадаизма или футуризма. Тейге писал и о тех, кто его вдохновлял, начиная с представителей США (Дуглас Фэрбенкс), Франции (М. Утрилло, Ш. Корбюзье) и заканчивая русскими деятелями искусства (А. Архипенко, Липшиц, О. Цадкин, И. Стравинский)⁵.

Однако наиболее сильным было влияние русского конструктивизма. В статье 1922 г. он выделяет три его приоритета: «конструкция, экономичность, целесообразность». Там же он напечатал изображение автомобилей 1923 г. Символика очевидна — машина, конструкция, функция и взгляд в будущее. Это отражало формирование главной идеи самобытного представителя чешского авангарда, которая станет и основой оригинального чешского «изма», т.е. поэтизма.

⁴ *Hostovský E. Stezka podél cesty. Praha, 1927.*

⁵ *Teige K. Umění dnes a zítra // Devětsil. 1922. S. 202.*

Конструктивность и функциональность, отвечающие назначению продукта, он считает основой всего современного искусства. Искусство старое Тейге отвергает, как отвергал его дадаизм.

В этот же сборник вошла обширная статья Артуша Черника (тоже члена «Деветсила»), посвященная современному русскому искусству. В ней, помимо Татлина и других сторонников конструктивизма, упоминаются супрематисты, лучисты и другие представители авангарда. Но Тейге никогда не обращал на них особого внимания. Он был слишком поглощен конструктивизмом, считая его инструментом не только нового искусства, но и строительства нового общества как такового⁶.

В статье «Конструктивизм и ликвидация “искусства”», опубликованной в 1925 г. в журнале «Диск» уже после появления поэтизма, Тейге пишет: «Если мы считаем конструктивизм тенью настоящего, названием нынешней эпохи культуры и цивилизации, то должны подчеркнуть, что он не несет с собой ни новой формальной системы, ни априорного эстетического порядка, а отказывается от всех традиционных форм, изменяет всем девяти Музам классического Парнаса; ему важны не формы, а функции»⁷.

Из этой цитаты ясно, какую огромную роль приписывал Тейге конструктивизму. Для него он был знаменем эпохи, ее духовной жизни и культуры, чем-то вроде организующего принципа, механизма, управления временем. Утверждая господство определенной структуры, он сам был такой структурой, управляющей эпохой. Двойственность функции конструктивизма — самораскрытие и власть как организующий принцип времени — лежит в основе взглядов Тейге 1920-х и частично 1930-х гг.

«Наша цивилизация — это цивилизация не искусства, а цивилизация машины», — пишет Тейге в своем исследовании, выделяя это курсивом. Целеустремленная конструкция заменяет искусство, до этого уже отвергнутое футуристами и дадаистами. Рассуждения Тейге синкретичны, он берет для защиты своих взглядов аргументы из разных модернистских направлений. Он их не анализирует, а использует особенно экспрессивные выражения, например: «... футуристы в России и Италии плюют на алтарь искусства». Тейге никогда специаль-

⁶ Černík A. Ruská výtvarná práce // Devětsil. 1922. S. 51–61.

⁷ Teige K. Konstruktivismus a likvidace umění // Avantgarda známá a neznámá II. Praha, 1972. S. 123.

но не занимался изучением футуризма или дадаизма, но на основе индикаторов этих течений создавал свои собственные теории, особо не стремясь к созданию новой эстетической категории, наподобие его «изма» — поэтизма. Он, скорее, стремился к постижению определенных идей и созданию модернистского дискурса. Он говорит о «современной жизненности», которая требует чего-то, заявляет о том, что конструктивизм — это не новое искусство, а «план нового мира», программа новой жизни. В то время как русский конструктивизм являлся одной из эстетических теорий, иногда очень жестко, с помощью кулаков, соревновавшейся с конкурентами (например, с супрематизмом), в трактовке Тейге он отождествлялся с советской революцией, с волной послевоенного социализма, равно как и с отрицанием старого мира, становясь своего рода всемирной энергией, управляемой строгими правилами целесообразности и предназначенной для того, чтобы старый мир как можно быстрее сменился новым. Организующим принципом конструкции является функция, а ее измерением — целесообразность для человеческого сообщества. «Человек — это мерка для всех портных»⁸.

Однако Тейге понимал, что что бы он ни говорил о функциях и строгих правилах, их нельзя превратить в нечто бесчеловечное, чудовищное, в некую иррациональную силу, формирующую общество и историю. Будто он вдруг почти испугался своих слов: вот поэтому меркой у него и выступает Человек.

Тейге говорит о математической интуиции, то есть о том, что свойственно лишь человеку. Только человек сумеет преодолеть строгую механику с помощью изобретения. Для Тейге принципом творчества становится изобретение, а человек — изобретателем. Этот антропоцентризм призван спасти человека и общество от жестоких космических сил. Возможно, именно здесь и заложен будущий конфликт Тейге с коммунистической идеологией, которая в доктринах Маркса и Ленина строит свою философию на основе скучной материалистической механики космического движения материи, пугающего Тейге, этого демиурга чешского авангарда.

Его более поздние подходы к сюрреализму и отказ от конструктивистских и функционалистских приоритетов свидетельствуют о том, что именно конструктивизм, исходящий из России, был одним из глав-

⁸ *Teige K. Konstruktivismus a likvidace umění. S. 125.*

ных русских влияний, русских «обрядов посвящения». Он был связан с революционными событиями, обещал быструю социальную трансформацию мира. Однако все сказанное Тейге о конструктивизме не сложилось в теорию, которая бы отвечала русскому конструктивистскому мышлению. Это, скорее, своего рода молния или озарение, вдохновившие Карела Тейге на собственные размышления о новых способах творчества и планах по преобразованию мира. Полагаем, что более поздняя сталинская реальность, которую Тейге отказывался принять, стала в его глазах источником конфликта между свободой личности, концепцией уникальности человека и безличными механическими силами хорошо работающей машины. То, чему Тейге сначала поклонялся, позже начинало его пугать.

Психоаналитик Богуслав Броук входил в пражской Группу сюрреалистов и в 1930-е гг. прославился такими произведениями, как «Автосексуализм», «Психоэротизм», «Брак», «Санаторий для неполноценных», вызывавшими неоднозначные реакции из-за своей провокационности. В 1947 г. Броук опубликовал обширную книгу «Люди и вещи»⁹, посвященную современному образу жизни. Он критически высказывался о сюрреализме, называя его направлением, «реабилитирующим всевозможное барахло и чудовища»; был недоволен и конструктивизмом, который в силу своего геометрического пуризма тоже являлся создателем нового стиля, с которым Броук всегда боролся. Люди же в своих жилищах прикрывали его романтическими одеяниями и другими разномастными предметами, что давало Броуку основания рассуждать о патологическом отношении людей к вещам. Борьба Броука с этой «болезнью вещами» сводилась к предложению радикально изменить образ жизни путем удаления всего иррационального и лишнего. Именно здесь можно увидеть советский источник вдохновения, ведущий общество к целевому использованию всех доступных средств для перераспределения материальных ресурсов на общественное благо. Броук не исключал, что эти процессы будут внедрены в общество сверху, путем указов или законов. Еще в 1947 г. Броук был членом компартии, но вскоре выходит из нее и после 1948 г. оказывается в эмиграции.

Книга «Люди и вещи», отличается крайним авторитаризмом и решительным отрицанием зависимости человека от материальных

⁹ *Brouk B. Lidé a věci. Praha, 1947. S. 120.*

условий. Броук заходит так далеко, что отвергает традиционное поклонение мертвым на мемориальных кладбищах¹⁰. Он выступает за «рациональную жизнедеятельность», из которой будут удалены все ненужные материальные объекты. Он видит в своей книге научную концепцию, пытается рассматривать объекты и их функции аналитически, беспристрастно и нейтрально с научной точки зрения, но его риторика отказывает человеку в уникальности. Человек в его понимании — один из материальных объектов, возможно глуповатый, но в то же время ориентируемый на то, чтобы быть полезным для общего и для нового образа жизни. Правда и то, что Броук в какой-то момент вдруг испугался своей деятельности и почти полностью от нее отрекся, но его книга «Люди и вещи» остается примером авангардного модернизма, доведенного до абсурда. И ему было свойственно соединение левого радикализма с утопическими идеями организации нового общества, вдохновленными советской революцией. И, наконец, при нем остались одержимость и увлечение функциональностью критикуемого им конструктивизма.

Нам кажется, что в случае с Бартошем, Тейге, и даже с Броуком, вдохновение русским модернизмом — это, скорее, малодифференцированная вспышка интереса, трансформировавшаяся в их собственные концепции и идеи, чем реальное восприятие того, что действительно происходило в нем.

Интерпретация его влияний («обрядов посвящения») гораздо ближе к теории «неправильного прочтения» Блума, чем к анализу и пониманию русского модерна. Однако это никак не меняет тот факт, что озарение с Востока, эта ослепительная вспышка его спектра, оказала ключевое влияние на чешский модернизм и, таким образом, наряду с другими источниками определила его форму.

¹⁰ Brouk B. Lidé a věci. S. 79.

**СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ БОГЕМИСТИКА
ЭПОХИ «НОРМАЛИЗАЦИИ»**

Аннотация: Темой статьи является советская литературоведческая богемистика периода «нормализации» — 1969–1989 гг., эпохи тотального контроля над культурной жизнью в Чехословакии, когда эстетические критерии практически полностью исчезли из литературной критики и переводились лишь произведения, выражавшие поддержку режиму. Показывается, как пытались советские богемисты (И. Бернштейн, Л. Будагова, С. Никольский, Н. Шулгина, ленинградская группа: В. Каменская, И. Инов, О. Малевич, И. Порочкина и др.) представить нежелательных авторов из так называемой «зоны тени» и как в тяжелых условиях цензуры, самоцензуры, в опасениях и сомнениях создавали для читателей и всех интересующихся представление о маленькой, но самобытной чешской литературе, подарившей миру больших писателей.

Ключевые слова: литературоведческая богемистика, нормализация, чешская литература, Союз писателей, политический контекст, Я. Козак, М. Кундера, И. Бернштейн, Н. Шулгина.

Irina A. GERCHIKOVA

**SOVIET
LITERARY CZECH STUDIES (BOHEMISTICS)
IN THE ERA OF “NORMALIZATION”**

Abstract: The topic of the article is the Soviet literary Bohemistry of the period of «normalization», 1969–1989, the era of total control over cultural life in Czechoslovakia, when aesthetic criteria almost completely disappeared from literary criticism and only works that expressed support for the regime were translated. It shows how the Soviet bohemists (I. Bernstein, L. Budagova, S. Nikol'sky, N. Shulgina, the Leningrad group: V. Kamenskaya, I. Inov, O. Malevich, I. Porochkina and others) tried to present authors, representatives of the so-called «shadow zone», and in difficult conditions of censorship, self-censorship, fears and doubts created for readers and all those interested in the idea of a small but original Czech literature, which gave the world great writers.

Keywords: literary bohemistry, normalization, Czech literature, Writers' Union, political context, J. Kozak, M. Kundera, I. Bernstein, N. Shulgina.

Коммунистический режим просуществовал в Чехословакии сорок лет. Половина этого периода, двадцатилетие, начиная с 1969 г. (с момента избрания Г. Гусака генсеком КПЧ) до «бархатной революции» 1989 г., вошло в историю под названием «нормализация» — эпоха тотального контроля над политической, экономической и культурной жизнью страны, чрезвычайно тяжелый период, когда Чехословакия потеряла свою относительную самостоятельность. Это соответствовало нашей эпохе «застоя», пришедшей после «оттепели». В общем-то ничего не происходило, но «была почти убита душа и честь чешского народа»¹.

Советская богемистика этого периода, как, собственно, все гуманитарные науки, усердно обслуживала интересы существовавшего режима и в полном согласии с решениями партии выбирала для анализа, продвижения, перевода произведений тех писателей, которые «связали свое творчество с революционной, пролетарской литературой, ибо почти все яркое и талантливое в чешской литературе было озарено лучами Великого Октября»². Большинство исследований литератур славянских стран в нашей стране до начала 1990-х гг., в частности, знакомство с опытом чехословацких писателей, было призвано убедить нас «в жизненности и совершенствовании социалистического реализма как творческого метода», а также в том, что «вместе с утверждением общественно значимой тематики, освещением актуальных политических и нравственных проблем началось возрождение литературы»³. Представлялось, что чехословацкая литература к концу 1960-х гг. пошла не по правильному пути и ее необходимо было «нормализовать».

Принято разделять в этот период несколько этапов, когда методы воздействия и управления режимом менялись. Настоящая «нормализация», начавшись с чисток в компартии и введением политической цензуры, длилась лишь несколько лет. В сентябре 1968 г. был образован Институт печати и информации, так называемый УТИ (UTI, Úřad pro tisk a informace), были закрыты все существовавшие журналы

¹ *Лаитовичка М.* Нелегкие 70-е годы или что такое «нормализация»? [Электронный ресурс] // Czech Radio. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/nelegkie-70-ye-gody-ili-chto-takoe-normalizaciya> (дата обращения: 13.02.2020).

² *Бернштейн И.А.* Октябрь и новые пути чешской литературы // Великий Октябрь и мировая литература. М., 1967. С. 183.

³ *Кузнецова Р.Р.* Роман 70-х годов в Чехословакии. М., 1980. С. 3, 431.

культурно-политического направления, а всю деятельность на ниве культуры осуществляли два еженедельника «Творба» (*Tvorba*) и «Трибуна» (*Tribuna*), а также «Литерарни мнесичник» (*Literární měsíčník*), с 1982 г. к ним добавился журнал «Кмен» (*Kmen*). Функция цензуры в виде государственного органа не была возобновлена, так как новой власти во главе с Гусаком удалось ввести новый тип скрытой, неофициальной цензуры, основанной на страхе. Достаточно было провести несколько контрольных проверок в театрах, в кинопромышленности и в книгоиздательствах, снять с должности ответственных работников, которые допустили крамолу, и дальше всю работу делал этот самый страх. Так в июне 1972 г. состоялся показательный суд над членами остравского театра «Ватерлоо» (*Waterloo*), первый крупный политический процесс эпохи «нормализации» с обвинением деятелей культуры, которые допустили издевательство и неподобающую постановку «Сына полка» В. Катаева. За подрыв устоев республики было осуждено 8 членов труппы театра.

Директора, главные редакторы и организаторы спектаклей настолько стали бояться потерять свое место, что всю политическую цензуру недобровольно обеспечили сами. Многие литераторы, критики, ученые не имели больше возможности заниматься своей профессией и работали сторожами, истопниками, мойщиками окон.

В 1974 г. Густав Гусак, сменивший на посту президента Людвика Свободу, сам назвал первый период «нормализации» законченным. Но в апреле 1975 г. он получил открытое письмо, написанное в то время уже запрещенным Вацлавом Гавелом, где содержался анализ катастрофического положения общества и призыв решать эту безвыходную ситуацию. Письмо стало первым импульсом к возникновению широкого общественного движения несогласных, диссидентов. Начался второй этап «нормализации», который был временем жесткой борьбы правительства с диссидентами, с «Хартией-77», постепенно превратившейся в организованную группу самых видных диссидентов. Борьба с ними выливалась, в частности, в насильственное выдворение многих из них в эмиграцию, в так называемую «ассенизацию». Родину недобровольно покинули, в первую очередь, диссиденты-деятели искусств, в том числе известные барды Ярослав Гутка, Сватоплук Карасек и Властимил Гршешняк, известный рок-музыкант и архитектор Вратислав Брабенец, такие крупные писатели и критики, как Милан Кундера, Йозеф Шкворецкий, Ар-

ношт Лустиг, Ян Бенеш, Павел Когоут, Иржи Груша и многие другие. Эти имена сразу же были вычеркнуты отовсюду. И для СССР, для советской богемистики «предатели родины» попали под запрет. Эмигрантская литература для нее не существовала вплоть до начала 1990 г. Но оставалась литература официальная и полуофициальная. Официальных, идеологически правильных писателей «стран народной демократии» надо было активно продвигать. Партия всегда считала книгу важным средством формирования общественного сознания, воспитания и распространения знаний, но содержательный и тематический состав издательской продукции находился, прежде всего, под влиянием идеологических установок. Вот какую примечательную информацию мы найдем в «Детской энциклопедии» 1961 г.: «Во всех социалистических странах сформировалась социалистическая литература, опирающаяся на лучшие революционные и демократические традиции национальной культуры и опыт литературы СССР — первого социалистического государства в мире. Вместе с советской литературой литература социалистических стран стала ведущей силой мирового литературного процесса»⁴. Только по данным на 1959 г. было издано 57 польских, 54 чехословацких, 37 болгарских, 33 венгерских, 30 румынских авторов⁵. В последующие годы это количество увеличивалось, а тиражи становились все больше.

Когда Союз чешских писателей во главе с Ярославом Сейфертом, будущим подписантом «Хартии-77» и лауреатом Нобелевской премии по литературе 1984 г. («За поэзию, которая отличается свежестью, чувственностью и богатым воображением и свидетельствует о независимости духа и разносторонности человека»), не выразил должного одобрения политикам, его быстро заменили на новый Союз*, где все члены были лояльны к КПЧ. Председателем его стал поэт Йозеф Кайнар. В конце 1971 г. он умер, и его место на долгих семнадцать лет занял Ян Козак (1921–1995), окончивший в 1951 г. Высшую политическую школу ЦК КПЧ и бывший действующим работником аппарата ЦК. Ян Козак — это символ «нормализации»,

⁴ Детская энциклопедия. Т. 10. М., 1961.

⁵ Геризон М. После Сталина: какую иностранную литературу издавали в СССР // Regnum 13.05.2017. Электронный ресурс. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2274401.html> (дата обращения: 13.09.2019).

* В 1972–1977 гг. это Союз чешских писателей, с 1977 г. по февраль 1989 г. — Союз чехословацких писателей (СЧП).

политический деятель, ставший писателем и по совместительству главным администратором, долгие годы определявшим, кому в чешской литературе быть, а кому — не место ни в литературе, ни в стране. Во главе литературных «чисток» стояло Министерство культуры и СЧП, а условием публикации было членство в «нормализованном» СЧП. Подробно об этом пишет, в частности, Любомир Махала в книге «Панорама чешской литературы»⁶. При Козаке эстетические критерии практически полностью исчезли из литературной критики. Решающим было выражение поддержки режиму. Те, кто входил в руководящий состав Союза чешских писателей, воспринимались как живые классики, их творчество не подлежало критике или хоть сколько-нибудь объективному анализу. Опальных авторов не печатали в ЧССР. И в СССР их, конечно, не печатали. Главным образом, по причине того, что руководство социалистической Чехословакии проявляло невиданное усердие и всеми силами пыталось не допустить произведения этих авторов к переводу на русский язык. Надо сказать, руководство словацких писателей было куда либеральнее.

В 1970-е гг. великими прозаиками и поэтами были объявлены: конечно, сам Козак, Иван Скала, Ян Пиларж, Иржи Тауфер, Йозеф Рыбак, Мирослав Флориан. «Великаном чешской поэзии» стал Донат Шайнер, ключевыми прозаиками Алексей Плудек и Богумил Ржига. Опорой и поддержкой для этих классиков служила литературная критика в лице Иржи Гаека, Яромиры Неедлой, Ганы Грзаловой, Милана Благинки. Наиболее воинствующим был Витезслав Рзоунок, заведующий кафедрой чешской литературы на философском факультете Карлова университета.

В СССР Козака первый раз издали в переводе на русский язык еще в 1963 г. Это была повесть «Марьяна Радвакова», о которой критика писала, что это лучшее из опубликованного до того момента о жизни тогдашней Чехословакии. Козака издавали у нас очень много и огромными тиражами. Повесть «Святой Михал» (издательство «Прогресс», 1974), «Избранное» (изд. «Художественная литература», 1978), куда вошли четыре произведения: роман «Святой Михал» и повесть «Марьяна Радвакова», посвященные преобразованиям в словацкой деревне 1950–60-х годов, а также две повести «Охота на реке Бамбуйке» и «Белый жеребец», написанные по впе-

⁶ Machala L. Panorama české literatury (Lit.dějiny od počátků do současnosti.). 1.vyd. Olomouc, 1994. S. 395.

чатлениям о поездке писателя в Сибирь, о советских людях таежного края. В 1980-е гг. изданы: «Гнездо аиста» (изд. «Худлит», 1982), «Бурлящее вино» (вместе с М. Мацоуреком и В. Ворличкой, «Искусство», 1982); «Адам и Ева» («Худлит», 1986). В серию «Библиотека литературы ЧССР» (комплект из 6 книг) Козак был включен наряду с такими признанными классиками, как Мария Пуйманова, Мария Майерова и Иван Ольбрахт (словаков здесь представлял Альфонз Беднар).

О Козаке много и часто писали наши ведущие богемисты Светлана Александровна Шерлаимова (1927–2019) и Раиса Романовна Кузнецова (1920–2001). И автор данного текста, будучи студенткой второго курса, после встречи на филологическом факультете с делегацией чехословацких писателей во главе с Козаком опубликовала статью в журнале «Советская литература» (*Sovětská literatura*), который выходил в Чехословакии⁷, где в восторге и умилении описывала встречу и то огромное впечатление, которое произвел на всех великий чешский писатель Ян Козак. На вопрос, что могло подвигнуть на это, ответ может быть один — имя Председателя Союза писателей, чьи произведения даже не были прочитаны, хотя все они были включены в программу обязательной литературы курса истории чешской литературы, давало абсолютную гарантию публикации.

Помимо восхваления заслуг членов правления Союза писателей, в эпоху нормализации хорошим тоном было разоблачение авторов, успевших издать в ЧССР свои лучшие произведения в начале 60-х гг. и эмигрировавших (Кундера, Когоут, Шкворецкий). Называть их имена при этом было нельзя. То есть «громили» как бы неких анонимных авторов. Г. Грзалова писала: «В 60-е годы печатались стихи, отражавшие мироощущение, далекое от чувств социалистического человека, инспирированные депрессивными настроениями, неверием в настоящее и будущее. Выходили романы, концепция и структура которых выдавали эпигонство, некритическое отношение их авторов к новомодным направлениям западной литературы. Некоторые произведения прозы представляли собой поток сознания героя, вводили от классовых и исторических конфликтов к конфликтам исключительно этическим, воспроизводили ощущения персонажей, глав-

⁷ Gerčíkova I. Českoslovenští spisovatelé na návštěvě u studentů MGU // *Sovětská literatura*. 1981/9. S. 188–189.

ным образом, в интимной сфере... Вместо конкретно-исторического человека в литературе появлялись фигуры, живущие вне времени и пространства, сосредоточенные лишь на своих сугубо личных проблемах и тревогах»⁸. В таком же русле и наши богемисты клеймили «неправильных» литераторов. Их обвиняли в том, что, активно проявив себя в 60-е гг., они снизили при этом престижность гражданской темы. А вот в 70-е гг. ситуация вокруг поэзии, в частности, изменилась. С нормализацией положения в литературе рухнули препоны, мешавшие притоку важного жизненного материала. Литература Чехословакии вновь стала летописью современной истории, отражая такие ее вехи и страницы, как Октябрьская революция, борьба с фашизмом, Пражское восстание 1945 г., Февраль 1948 г.

Например, роман Козака «Святой Михал» (1971) утверждал «необратимость социалистических перемен в деревне и явился одной из первых книг, свидетельствующих о начале нового этапа в развитии чешской литературы, наступившего после преодоления общественно-политического кризиса 60-х годов»⁹. Сегодня Козак в Чехии оценивается как исключительно слабый автор, и имя его связывают лишь с репрессиями по отношению к писателям, не творившим в соответствии с генеральной линией партии. Когда 4 октября 1991 г. был принят так называемый «люстрационный закон», который был призван не допустить бывших коммунистов, занимавших должностные посты, к управлению новым чешским государством (изначально закон должен был действовать пять лет, но затем Конституционный суд продлил его на неопределенный срок), началась новая «охота на ведьм» и раздавались призывы судить Козака по всей строгости. Дело до суда не дошло.

Сколько же откровенно слабых, но идейно правильных чешских и словацких писателей издавалось в СССР по обязательной квоте для социалистических стран! Вот, например, сборник «Современная чехословацкая повесть. 70-е годы» (Москва, изд. «Прогресс», 1979, тираж 50 000 экземпляров). Представлены три автора: М. Рафай, К. Шторкан и словак Я. Беньо. Из предисловия мы узнаем: «Чехословакия переживает сейчас период интенсивного творческого созидания».

⁸ Грзалова Г. Современный облик чешской литературы // Современная литература Чехословакии. М., 1981. С. 80–81.

⁹ Шерлаимова С.А. Роман о счастливом человеке // Козак Я. Адам и Ева. М., 1986. С. 5.

ния. Далеко позади остались потрясения кризисных 1968–1969 гг., преодолены последствия дезорганизаторской деятельности реакционеров в различных областях жизни...»¹⁰. Тематика повестей: социалистическое производство, трудовая этика и мораль, романтика трудового подвига, нравственное воспитание молодежи. Еще одна характерная книга, призванная представить советскому читателю жизнь в «правильной» Чехословакии, — Карел Мисарж «Окраина» (М., 1980). Тираж 100 000 экземпляров! Автор предисловия обнаруживает «многожанровую природу» этой книги. Это и «политическая сатира, и роман о социальных преобразованиях, и роман семейный, и роман воспитания... и как роман об общественных преобразованиях он связан с традицией советского романа 20–30-х гг. и чешского романа о социалистическом строительстве»¹¹. Важный момент: для чешской литературы особо подчеркивается воздействие советской литературы и ее основного метода, требующего от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии. Причём правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма.

Сегодня в «Программе истории чешской литературы для филологов» (МГУ) нет ни имени Козака, ни имен всех тех, кого издавали огромными тиражами. Да и вряд ли кто-нибудь о них еще вспомнит. «Вот какой парадокс: книги, имевшие в свое время самые огромные тиражи, сегодня забыты. Проза Карела Мисаржа, Богумила Ржиги и других слуг режима сегодня служит лишь материалом для литературоведов. А отвратительные пасквили, такие как «Ва-банк» (*Vabank*, 1974)* Алексея Плудека или «Загвоздка» (*Zádržel*, 1982)** Карела Гра-

¹⁰ Шерлаимова С.А. Предисловие // Современная чехословацкая повесть. 70-е годы. М., 1979. С. 6.

¹¹ Малевич О.М. Карел Мисарж и его роман «Окраина» // Мисарж К. Окраина. М., 1980. С. 12.

* Роман-памфлет, где Плудек изобразил Пражскую весну 1967–1968 гг. как закусочные игры правых сил и еврейский заговор. Книга была отмечена премией Литературного фонда и СЧП в 1974 г. В переводе на русский язык выходили некоторые книги Плудека: «Повесть о Карле IV», «Отречение лорда Вилланина», «По горам идет март» и др.

** Роман о жизни молодого рабочего-машиностроителя, перерождающегося в атмосфере 1968 г. из наивного парня в сознательного борца-строителя социализма.

бала, стали частью паноптикума безобразий и несуразностей чешской литературы»¹².

Конечно, в рассматриваемый период было безопаснее заниматься литературой XIX в. или межвоенного периода. Те же, кто изучал современную литературу, вынуждены были касаться творчества лишь разрешенных писателей. Если же они упоминали еще в 60-е гг. имена Кундеры, Когоута, то впоследствии эти статьи были изъяты из библиотек. Царило единомыслие и шаблонность, никаких субъективистских отклонений. Можно представить, какая самоцензура должна была быть у наших богемистов, чтобы не допустить никаких колебаний в оценке произведений. Хотя мы знаем об истории Карела Чапека, которого «защитил» перед чехами Сергей Васильевич Никольский (1922–2015), сыграв решающую роль в пресечении попыток перечеркнуть творчество чешского автора по политическим мотивам и отбросить все нелепые обвинения. Во многом благодаря Никольскому появлялись на русском языке многочисленные сборники рассказов, очерков, пьес чешского автора, составленные советским богемистом.

Браться за историю чешской литературы в период «нормализации», особенно касаться современной литературы, было как ходить по лезвию бритвы. И нельзя забывать о том, как несмело, завуалированно, но все же пытались советские богемисты «протащить» нежелательных авторов, представителей так называемой «зоны тени» и написать о них, хотя бы упомянуть вскользь.

Нельзя не вспомнить Инну Абрамовну Бернштейн (1919–1992), крупнейшего специалиста по чешской и словацкой литературе, автора нескольких сотен статей и семи монографий. Она работала до конца жизни в отделе зарубежной литературы ИМЛИ, в секторе литератур социалистических стран. В 1978 г. защитила докторскую диссертацию «Развитие реализма в чешском романе XX в. и европейский литературный процесс». С середины 1950-х гг. выходили ее первые рецензии и обзоры в журнале «Иностранная литература», «Современная художественная литература за рубежом», «Искусство кино», в «Литературной газете». Они были посвящены как отдельным чешским и словацким авторам (Т. Сватоплук, К. Чапек, М. Пуйманова),

¹² *Bezr O. Co se četlo a co se psalo za normalizace? Zkoumá to studie.* 30. října 2014. URL: https://www.idnes.cz/kultura/literatura/pouceni-z-krizoveho-vyvoje.A141029_180206_literatura_ob (дата обращения: 13.02.2020).

так и общим проблемам литератур стран «народной демократии». Наряду с официальными авторами, чьи книги выходили в СССР в переводах (Бернштейн часто была автором предисловий), она бралась и за авторов, не соответствующих духу соцреализма, как раз попавших в конце 60-х гг. в «черный список» и не издававшихся более 20 лет ни в самой Чехословакии, ни в СССР. Так, в поле ее зрения был включен М. Кундера (рецензия на его книгу «Владельцы ключей»), И. Клима, литератор-диссидент, печатавшийся в самиздате после 1968 г., автор, в частности, книги «Карел Чапек. Эссе» (рецензия на нее в журнале «Современная художественная литература за рубежом», 1962), а в 1965 г. выходит монография Бернштейн «Литература социалистической Чехословакии: споры, искания, решения», где наряду с официально признанными и разрешенными М. Пуймановой, М. Майеровой, Я. Отченашеком, Ф. Грубином анализируется и творчество Й. Шкворецкого, Л. Ашкенази, М. Кундеры, развенчивающих культ Сталина. Бернштейн отмечала талант этих авторов и новизну их подхода. Следует отметить, что она «открыла» для СССР выдающегося чешского автора Б. Грабала статьей «Заметки о чехословацкой прозе» («Литературная газета», 7.9.1965), где характеризовала Грабала как «ближайшего наследника Гашека», что с точки зрения советского литературоведения, включая его идеологическую составляющую, означало, что Грабалу прочили большое будущее. Статья Бернштейн посвящалась чехословацкой литературной сцене в целом, но, хотя Грабалу отводится в ней всего один абзац, автор отзываясь о нем удивительно тепло, эмоционально. Совсем другой станет монография «Чешский роман XX века и пути реализма в европейских литературах» (М.: Наука, 1979. 303 с.), где рассматривается развитие чешского романа с особым вниманием к Я. Гашеку, К. Чапеку, В. Ванчуре, М. Пуймановой, но обильно цитируются К. Маркс, В. Ленин, Л. Брежнев и утверждается, что лучшие достижения чешского романа XX в. связаны со становлением соцреализма. Это была уже эпоха «нормализации». Монография Бернштейн о Чапеке («Карел Чапек. Творческий путь», 1969) вышла еще раньше монографии Никольского («Карел Чапек — фантаст и сатирик», 1973). В этой работе она стремилась уйти от идеологических клише и достаточно смело писала, в частности, о возможном сочетании фантастики и реализма, особой формообразующей роли фантастики в развитии реализма вообще, отметив новаторский вклад Чапека в современ-

ную фантастику. Надо сказать, Бернштейн стала первооткрывателем чешской фантастики (помимо Чапека) для советских читателей. При ее активном участии вышли книги Йозефа Несвадбы («Мозг Эйнштейна», М.: Мир, 1965), сборник «Как я был великаном» (здесь ее предисловие «Научная фантастика Чехословакии», М.: Мир, 1967), Яна Вайсса («Дом в тысячу этажей», М.: Мир, 1971). Она была автором предисловий, где представляла чешских авторов, рассказывала о становлении жанра. Несвадбу, например, она не только выделила как наследника Чапека, но и подчеркнула, что в его произведениях, как и у других социалистических писателей, мы не найдем тех апокалиптических картин атомных ужасов и грядущего уничтожения человечества, которыми пестрят страницы различных западных бестселлеров. Задача Бернштейн заключалась в популяризации и определении достоинств этого рода литературы, что ей в полной мере удалось. Во времена перестройки она с удовольствием возвращается к Б. Грабалу, и в ее рецензии нашли отражение Пражская весна, Ян Палах, 1968 г., «нормализация», опала Грабала, самиздат, бархатная революция и в целом новое время. Именно она предсказала большое будущее Грабалу и его произведениям, которые наконец-то смогут быть опубликованы в полном объеме и без купюр¹³. Завершающим аккордом работы Бернштейн становится брошюра «Вацлав Гавел: литературный портрет» в соавторстве с Е. Твердисловой и Е. Цургановой (РАН ИНИОН, 1992).

Активно и плодотворно в период «нормализации» работали ленинградские богемисты. Особая заслуга в переводе и представлении русскому читателю Чапека и других авторов принадлежит литературоведу, переводчику, поэту Олегу Михайловичу Малевичу (1928–2013), переводившему как Чапека, так и других чешских драматургов, в частности, Павла Когоута, которого удалось издать уже в 1985 г., когда в Чехословакии это было сделать невозможно. Малевич более всего известен своими литературоведческими трудами (вышедшими на русском и чешском языках «Братья Чапек», «Своеобразие чешской литературы» и «В перспективе десятилетий»), а также сборниками и антологиями «Карел Чапек об искусстве», «Карел Чапек в воспоминаниях современников», «Аппассионата под гильотиной», «Поэты пражского „Скита“»). Малевичем сделано более двухсот пе-

¹³ Бернштейн И.А. Автобиографическая проза Богумила Грабала // Современная художественная литература за рубежом. 1990. № 5.

реводов из чешской и словацкой прозы, драматургии и поэзии. Очень много переводов он делал «в стол», как и другие богемисты. Супруга Малевича Виктория Александровна Каменская (1925–2001) — автор около 200 переводческих и литературоведческих публикаций. Среди них переводы с чешского прозы и стихов И. Вайля, Э. Петишки, Й. Чапека, поэзии Ф. Бранислава, О. Бржезины, Я. Врхлицкого, В. Завады, Я. Сейферта, Я. Урбанковой, М. Флориана, И. Штолы, прозы Я. Йона, И. Климмы, Я. Моравцовой, Я. Отченашека, К. Полачека, Б. Ржиги, Я. Скацела, К. Чапека, пьес Л. Ашкенази, И. Климмы, П. Когоута, В. Шрамковой, книг Ф. Кожики («Дебюро», Л., 1973, и «Фанфары для короля», СПб., 2010, последняя в соавторстве с И. Граковой), Э. Гореловой («Перелетные птицы», М., 1977), Б. Шнайдера («Золотой треугольник», М., 1989), Я. Мукаржовского («Исследования по эстетике и теории искусства», М., 1994, «Структуральная поэтика», М., 1996). В соавторстве с Л. Друскиным, И. Иновым и О. Малевичем В. Каменская перевела пьесу Павла Когоута «Хорошая песня» и многое другое. После ввода войск в Чехословакию в 1968 г. Каменская десятилетиями переводила «в стол» запрещённых чешских авторов. Результатом её труда явилась антология чешских рассказов и повестей «Чёрный Петр» (СПб., 2001)¹⁴. В книгу вошла киноповесть «Чёрный Петр», литературно обработанный сценарий одноименного фильма, снятого Милошем Форманом. Помимо этой повести, а также рассказов Б. Грабала, в сборник вошли произведения Й. Шкворецкого, О. Павела и И. Климмы. Шкворецкого и Климу позже стали активно переводить на русский язык. Эти писатели более или менее были известны в России. Но в том же сборнике были опубликованы авторы, которые с тех пор на русском языке не издавались, но которые, безусловно, заслуживают внимания: Людвик Вацулик, Иржи Странский, Ян Бенеш, Александр Климент и Даниэла Фишера.

В Ленинграде же работала и Ирина Макаровна Порочкина (1925–2014), литературовед, богемист, переводчик, доцент Санкт-Петербургского университета. Сфера ее научной деятельности — чешская литература, вопросы взаимодействия славянских культур, наследие Т.Г. Масарика. Она автор около 200 научных работ по чешской литературе и культуре, которые публиковались в России и за рубежом.

¹⁴ Чёрный Петр: Рассказы и повести соврем. чешских писателей / [Сост., предисл., пер. В. Каменской]. СПб., 2001.

Более 60 лет она преподавала на славянской кафедре, в 2007 году была удостоена премии МИД Чехии «*Gratias agit*» за заслуги в представительстве чешской культуры за рубежом.

Нельзя представить себе богемистику без Игоря Владимировича Иванова (литературный псевдоним Игорь Инов) (1930–2003). Инов — член Союза писателей СССР (с 1961 г.), член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1991 г.), член чешского общества «Демократическое движение имени Т.Г. Масарика», поэт, переводчик, эссеист, также лауреат премии «*Gratias agit*». Известность Игорю Инову принесли высоко ценимые переводы таких ярких чешских поэтов, как Витезслав Незвал, Франтишек Галас, Франтишек Грубин и Владимир Голан.

Вообще для изучения и популяризации чешской поэзии очень многое сделала Л.Н. Будагова. Особо стоит отметить ее связи с культурно-просветительским семинаром «Шрамкова Сobotка», который начал работать в Чехословакии с 1957 г. и был посвящен творчеству чешского поэта Франи Шрамека (1877–1952) и другим проблемам чешской культуры. Этот семинар стал в трудные для страны времена островком свободомыслия и поддержки оставшихся без работы (в результате партийных «чисток») деятелей науки и просвещения, которых приглашали в Сobotку читать лекции и вести культурные программы. Будагова стала единственным иностранным участником этого семинара, «добровольным консулом, — как считали шрамковцы, — чешской культуры» в Москве и своего рода «светом в окне» мрачного периода «нормализации»¹⁵.

В этот период каждый перевод достойного автора и его издание было действительно большим и сложным делом. С наступлением Перестройки ситуация изменилась. Стало возможным переводить и издавать все. Пришли другие времена, было разрешено писать о ком угодно, переводить и издавать кого угодно. Правда уже не 100-тысячными тиражами. Издали Вацлава Гавела, ставшего президентом. (Можно сказать, первое издание запрещенного автора вышло очень оперативно — в 1990 г. в издательстве «Художественная литература», как раз сразу после избрания Гавела президентом 29.12. 1989 г.) Это был сборник «Трудно сосредоточиться» с девятью самыми известными пьесами. Невольно снова вспоминается Козак. Кажется, в издании литературных опусов серьезных функционеров во все време-

¹⁵ Подробно об этом в рецензии: *Герчикова И. Л.* Будагова. О литературе и культуре. Тексты для Шрамковой Сobotки // *Славяноведение*. 2013. № 6. С. 73–74.

на действует один принцип. Политический контекст — главное, что делало пьесы Гавела привлекательными. Хотя вышло много произведений в переводах, пьесы его в России не пошли. Попытки были, но, видимо, политизированное искусство временно и конъюнктурно. Вацлав Гавел был, возможно, сильный политик, но слабый драматург.

Помимо Гавела в новые времена, наконец, официально признали величайшими чешскими авторами и Грабала, и Кундеру, стали издавать Ладислава Климу, Йозефа Вахала («Кровавый роман», 2005). Выяснилось, что многие богемисты тайно встречались и с Кундерой, и с Гавелом. И также работали «в стол».

Нина Михайловна Шульгина (1925–2017) активно переводила в период нормализации чешских и словацких авторов, признанных правильными и благонадежными. И именно Шульгиной принадлежит половина того успеха, которым пользуются в России книги Кундеры, как считают профессионалы литературного перевода. Шульгина начала переводить Кундеру еще тогда, когда само имя чешского эмигранта было под запретом во всем социалистическом лагере. Уже в те годы она увидела в писателе-изгое будущую звезду. «Кундеру я считаю вершиной всего того, что довелось мне переводить. Случилось так, что в 1986 году я поехала в Голландию и открыла там Кундеру. Все о нем говорили, все обсуждали, были там и чехи, уехавшие из страны после 1968 года. Они-то и снабдили меня чешским оригиналом романа “Невыносимая легкость бытия”. Кундера — человек моего поколения. Он прекрасный переводчик Маяковского и сам начинал как поэт. Он мне близок по душевной расположенности, убеждениям, мне нравится его бескомпромиссность, образность, меня трогает все, что относится к его судьбе. Думаю, переводя его книги, я выполнила свой долг перед литературой, перед своей профессией, перед Чехией»¹⁶, — говорила Шульгина в интервью. Она вспоминает, как Я. Козак в свое время прислал в журнал «Иностранная литература», где она как раз работала, письмо, в котором указал лишь трех прозаиков, достойных перевода на русский: это он сам, Вера Адлова (секретарь Союза писателей) и Иржи Кршенек. Адлову и Кршенека Шульгина переводила, считая их вполне достойными, но сама постановка вопроса, конечно, действовала убийственно. На вопрос, как

¹⁶ Шульгина Н. Кундера оправдал мое почти полувековое занятие переводом. Интервью 21.11.2016. [Электронный ресурс] Сетевое издание m24.ru. URL: <https://www.m24.ru/articles/literatura/21112016/122012>.

так получилось, что она стала единственным переводчиком чешских романов Кундера, Шульгина ответила, что сам Кундера, ознакомившись с ее трудами, предложил ей стать единственным переводчиком всех его чешских романов и даже заявил, что его книги живут в России благодаря ее превосходным работам.

О многих переводчиках, литературоведах, историках еще можно было бы рассказать, но, главное, стоит запомнить двадцатилетие советской богемистики, те времена, когда ничего было нельзя, когда под пристальным партийным оком не допускалось ни малейшей погрешности. И все же наши богемисты любили Чехию, и в тяжелых условиях цензуры, самоцензуры, в опасениях и сомнениях создавали для читателей и всех интересующихся представление о маленькой, но самобытной литературе, подарившей миру больших писателей.

**СЛОВАЦКО-РУССКИЕ СВЯЗИ
В ОБЛАСТИ ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРА.
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА**

Аннотация: В статье прослеживается история словацко-русских связей в области драмы и театра, начиная с момента их возникновения во второй половине XIX в., и особое внимание уделяется периоду 1900–1930-х гг. (до начала Второй мировой войны). Влияние русских драматургов (в первую очередь, Н. Гоголя, А. Чехова и М. Горького) хорошо заметно в драматургическом творчестве Й.Г. Тайовского, Т. Вансовой и В.Г.В. (Владимира Гурбана Владимировича). После открытия в 1920 г. Словацкого Национального театра и прихода в его труппу актера и режиссера Я. Бородача, большого поклонника Системы Станиславского и русского театра, все больше русских и советских пьес появляется в репертуаре этого и других словацких театров. Влияние мхатовской школы стало проявляться и в режиссерской манере Бородача, тогда как еще один видный словацкий режиссер того времени Я. Ямницкий испытал явное влияние русского авангарда.

Ключевые слова: словацкая драматургия, словацкий театр, Словацкий Национальный театр, МХАТ, «качаловская группа», Н. Гоголь, А. Чехов, Я. Бородач, Я. Ямницкий.

Anna Yu. PESKOVA

**SLOVAK-RUSSIAN RELATIONS
IN THE FIELD OF DRAMA AND THEATER.
THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY**

Abstract: The article traces the history of Slovak-Russian relations in the field of drama and theater, starting from the moment of their emergence in the second half of the XIX century, and pays special attention to the period of the 1900s–30s (before the beginning of the Second World War). The influence of Russian playwrights (first of all, N. Gogol, A. Chekhov and M. Gorky) is clearly visible in the dramatic works of J. G. Tajovský, T. Vansová and V. H. V. (Vladimir Hurban Vladimirov). After the opening of the Slovak National Theater in 1920 and the arrival of the actor and director J. Borodáč, a big admirer of the Stanislavsky and Russian theater system, more and more Russian and Soviet plays appear in the repertoire of this and other Slovak theaters. The influence of the Moscow Art Theater school began to manifest itself in the director's manner of Borodáč, while another prominent Slovak director of that time, J. Jamnický, was clearly influenced by the Russian avant-garde.

Keywords: Slovak drama, Slovak theater, Slovak National Theater, Moscow Art Theater, “Kachalovskaya group”, N. Gogol, A. Chekhov, J. Borodáč, J. Jamnický.

История связей русской и словацкой драматургии и русского и словацкого театра насчитывает уже более ста пятидесяти лет. Характер этих взаимоотношений целиком и полностью определялся особыми условиями развития драматургического жанра и театрального искусства в Словакии, где в результате многолетнего давления со стороны венгерского руководства Австро-Венгрии вплоть до 1920 г. не существовало ни одного профессионального словацкого театрального коллектива. На протяжении очень длительного периода (до второй половины XX в.) словацкая культура во взаимоотношениях с зарубежной драматургией и зарубежным театром, в том числе русскими, выступала в роли воспринимающей стороны. Из произведений русских драматургов она впитывала особенно близкие для себя черты поэтики, мотивы, образы, перенимала у мэтров русской театральной школы опыт театральных постановок. И лишь после окончания Второй мировой войны пьесы словацких драматургов постепенно начинают выходить за пределы Чехословакии, переводиться на иностранные языки, включая русский, завоевывать внимание советских режиссеров и зрителей в разных уголках нашей страны. Драматические произведения Освальда Заградника («Соло для часов с боем», «Долетим до Милана»), Петера Карваша («Полуночная месса»), Ивана Буковчана («Прежде чем пропоет петух») и других авторов прославили словацкую драматургию и по сей день появляются в афишах российских театров, причем не только московских и петербургских.

Первым драматургом, чье произведение было переведено с русского языка на словацкий, стал И.А. Крылов: его пьесу «Урок дочкам» в начале 1860-х гг. перевел Богуслав Носак (Незабудов) под названием «Хороший урок» (*Dobrá lekcia*)¹. Однако этот перевод так и остался в рукописном варианте, не был ни напечатан, ни поставлен на сцене. По-настоящему же русская драма вошла в словацкую культуру в 1867 г., когда в Словакии состоялась первая публикация русской пьесы — в журнале «Сокол»² была издана комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», которую ее переводчик Ян Лешко озаглавил «Ум привел к несчастьям» (*Rozum spôsobil nehody*). Правда, в этом словацком переводе русская комедия в стихах полностью утратила свою

¹ *Mattová L.* Ruská dráma v slovenskom literárnom kontexte v diachrónnom prehľade // Literatúra v kontexte slovenskej kultúry 20. storočia. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie dňa 16.10.2009 v Banskej Bystrici. Banská Bystrica, 2009. S. 19–24.

² Sokol. Č. 6, 1867.

стихотворную форму. Первым же инсценированным переводом русской пьесы в Словакии стал гоголевский «Ревизор», чью постановку 7 мая 1871 г. представил любительский театр в Турчанском Святом Мартине. Режиссер этого театра и драматург Микулаш Фериденчик осуществил адаптированный перевод пьесы Н.В. Гоголя, назвав ее «Комиссар, или не пеняй на зеркало, коли рожа крива» (*Komisár alebo Nehnevaj sa na zrkadlo máš-li krivé ústa*). В своем переводе М. Фериденчик переместил действие пьесы из России в Словакию, в город Мартин, дал героям другие имена и фамилии (Хлестаков стал Александром Куриным, Осип — Мишкой и т.д.), кого-то из персонажей и вовсе исключил из произведения, и при этом, к примеру, в известной сцене герой Курин (Хлестаков) хвастался дружбой не с Пушкиным, а со словацкими поэтами Колларом и Голлым.

Если говорить в целом о переводах русской драматургии в Словакии в XIX в., то их появление почти всегда было обусловлено желанием любительских театральных трупп осуществить постановку той или иной русской пьесы. И следует признать, что все эти переводы отличаются невысоким художественным уровнем.

В начале XX в. в Словакии начинают переводить драматургию А.П. Чехова, который к этому времени уже был известен здесь по переводам рассказов, активно печатавшихся в словацкой периодике еще с конца 1880-х гг. Первыми переведенными на словацкий пьесами Чехова стали одноактные «Предложение» (*Pytačky*) и «Медведь» (*Medveď*). Перевод «Предложения» был осуществлен в 1902 г. (переводчик — А. Галаша), и в том же году пьеса была поставлена на сцене любительского театра в Мартине. Пьеса «Медведь» в 1903 г. была инсценирована труппой того же театра в очень удачном переводе Йозефа Грегора Тайовского. Словацкий текст «Медведя» был опубликован в журнале «Глас»³ (*Hlas*) и отдельным изданием⁴, после чего пьеса довольно быстро разошлась по многим любительским театрам, став в период с 1903 по 1918 гг. одной из самых популярных русских пьес в Словакии. Причем в той первой, мартинской постановке главную роль исполнял начинающий писатель, впоследствии ставший одним из выдающихся классиков словацкой литературы, Янко Есенский. И на этот раз пресса особо отмечала высокое

³ Hlas. Roč. V., č. 1.

⁴ Čechov A.P. Medveď: žart v jednom dejstve / prel. [Jozef Gregor] Tajovský. Ružomberok, 1903. 15 s.

качество перевода. В частности, газета «Народне новины» писала: «Тайовский заслужил великую благодарность всех друзей словацкого слова за то, что перевел эту жемчужину современной драматургии на словацкий язык. “Медведь” Антона Чехова обошел сцены от Петербурга до Берлина и Парижа. Это — уникальное явление даже для театральных гурманов. Заслуга Тайовского состоит еще и в том, что свой перевод он выполнил не так, как обычно переводят у нас русские произведения: он придал ему словацкую атмосферу, при этом не нарушив оригинальности пьесы, сохранив все характерные детали»⁵.

В начале века словацкие переводчики вновь обращаются к драматическим произведениям Н. Гоголя: друг за другом появляются два новых перевода «Ревизора» (*Revízor*, 1900 — перевод И. Скалицы, 1911 — перевод Ф. Есенского), одновременно с этим по-словацки выходит его пьеса «Женитьба» (*Ženba*) с музыкой и песнями Ферро Релла, чуть позже, в 1912 г., новый перевод «Женитьбы» О. Гюдековой и В. Кубани, а в 1913 г. был переведен отрывок из «Игроков» (*Hráči*, перевод Я. Бурьяна). В те же годы в Словакии начинают переводить и драмы М. Горького: сначала появляются отрывки из его пьес «На дне» (*Na dne*) и «Мещане» (*Mešťiaci*, обе — 1903), а двумя годами позже публикуется перевод «Дачников» (*Letní hostia*, 1905). В 1912 г. Любительский театр в Липтовском Микулаше впервые в Словакии берется поставить отрывки из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. В 1915 г. Й.Г. Тайовский, еще до своего отбытия на восточный фронт, успевает опубликовать новые переводы чеховских пьес «Трагик поневоле» (*Tragik z prinútenia*) и «Юбилей» (*Jubileum*). Из его писем на родину мы также узнаем, что, находясь в русском плену, он приступает к работе над переводами «Вишневого сада» и «Дяди Вани».

Говоря о том влиянии, которое оказала русская драматургия на словацкую довоенную литературу, мы, в первую очередь, должны упомянуть того же Й.Г. Тайовского, одного из крупнейших словацких писателей-реалистов, который одновременно с переводами чеховских произведений работал и над собственными пьесами. Воздействие поэтики Чехова и Горького особенно заметно в драмах Тайовского 1910-х гг. «В услужении» (*V službe*, 1911), «Грех» (*Hriech*, 1911), «Тьма» (*Tma*, 1912), где он перестает ограничиваться

⁵ Národné noviny. Č. 17. 1903. Цит. по: *Машикова А.Г.* Словацко-русские межлитературные связи. Страницы истории. М., 2013. С. 172.

лишь внешними действиями и старается глубже проникнуть в душу героев, в ее самые потайные уголки. Его современник, критик Павел Буйнак, в статье «Драматические произведения Йозефа Грегора-Тайовского» (1922) отмечает, насколько меняется поэтика пьес писателя во втором периоде его драматического творчества (после 1911 г.). В частности, как пишет П. Буйнак, «он обращает свое внимание на бедноту, ибо там душа более широкая, болезненная, драматическая». По мнению критика, именно «русские реалисты способствовали этому перевороту, Чехов и Горький основательно изменили отношение Тайовского к миру»⁶.

«Первой словацкой чеховской пьесой — в плане драматургической техники и идейного звучания»⁷ — называют одноактную комедию Терезы Вансовой «Приятные гости» (*Lubezni hostia*, 1901), в которой почти вовсе исключено драматическое действие, а герои на протяжении всей пьесы ведут всяческие, казалось бы, банальные разговоры. Т. Вансова словно следует новым драматургическим принципам А. Чехова, которые он сам сформулировал в свое время так (по известным и часто цитируемым воспоминаниям Д. М. Горюцкого): «Требуют, чтобы были герой, героиня, сценические эффекты. Но ведь в жизни люди не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи. Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо создать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... но не потому, что так нужно автору, а потому, что так происходит в действительной жизни [...] Не надо подгонять ни под какие рамки. Надо, чтоб жизнь была такая, какая она есть, и люди такие, какие они есть, а не ходульные»⁸. С комедией Т. Вансовой, таким образом, приходит в словацкую литературу новый жанр, который получает свое распространение в первые два десятилетия XX в., — реалистическая одноактная драма, строящаяся на споре героев, конфронтации различных точек зрения при почти полном отсутствии действия, развития реальных событий.

⁶ *Bujnák P.* Dramatické práce Jozefa Gregora-Tajovského // *Slovenská literárna kritika* III. Br., 1981. S. 182–183.

⁷ *Pašteka J.* Slovenská dramatika v epoche realizmu. Bratislava, 1990. S. 138.

⁸ *Горюцкий Д.* Между «Медведем» и «Лешим». Из воспоминаний о Чехове // «Биржевые ведомости». 1904. 18 июля. № 364.

Явные переключки между произведениями словацких и русских авторов свидетельствуют о популярности русского репертуара в то время в Словакии. К примеру, сюжет одноактной комической пьесы Владимира Гурбана Владимиров (писавшего под псевдонимом В.Г.В., V.H.V.) «Репетируют!» (*Cvičia sa!*, 1905) строится на том, что на протяжении всей пьесы молодые влюбленные героини самозабвенно репетируют финал чеховского «Медведя» — сцену с поцелуем. А в следующей своей пьесе-шутке того же года «Фиалка» (*Fialka*) В.Г.В., как и в свое время Гоголь⁹, комически обыгрывает сюжет женитьбы, только на этот раз действие происходит в современном городе, где невесты и женихи ищут друг друга не с помощью свахи, а по объявлениям в газетах. В свою очередь, комическая и гротесковая пьеса В.Г.В. «Нищий» (*Žobrák*, 1911) тематически переключается с «Ревизором»: сюжетная коллизия драмы строится на том, что в большом городе любой человек может выдать себя за кого угодно, и потому находчивый герой-нищий, переодевшись в чужое платье, легко представляется благородным гражданином и заслуживает почтение окружающих.

Новый этап в развитии словацкого театра и драматургии, как и в целом в истории словацкого народа, наступает после окончания Первой мировой войны в независимой Чехословакии. Основным событием и отправной точкой, определившей весь дальнейший путь развития драмы и театра Словакии, становится открытие в Братиславе 1 марта 1920 г. первого профессионального театра страны — Словацкого национального театра (СНТ, *Slovenské národné divadlo*). На протяжении последующих двух десятилетий словацкому театру предстояло пройти трудный путь становления и поиска собственного художественного языка, и на этом пути большую помощь и профессиональную поддержку оказали ему чешские театральные деятели. Фактически первые несколько сезонов труппу Словацкого национального театра составляли чешские актеры Восточно-чешского театра (*Východočeské divadlo*) из Пардубиц во главе с режиссером Бедржихом Ержабеком. Труппа Ержабека перенесла на сцену СНТ все свои драматические спектакли, оперы, оперетты, балеты и регулярно обновляла репертуар, вводя туда произведения, в том числе, и словацких авторов. Что касается русских произведений в афише

⁹ Гоголевская «Женитьба» регулярно ставилась на словацких любительских сценах с 1899 г.

СНТ, то уже в первом коротком сезоне весны-лета 1920 г. здесь давались оперы Н. Римского-Корсакова, оперы и балеты П. Чайковского. Во втором сезоне 29 ноября 1920 г. в СНТ впервые прошла премьера русской драмы — пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы», которая исполнялась на чешском языке. Ровно через год, 22 ноября 1921 г., на сцене братиславского театра впервые была показана русская пьеса в словацком переводе, пьесой этой стал «Ревизор» Н.В. Гоголя. Сразу после этого в декабре в репертуаре театра появляется «Свадьба Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина, а в феврале — «Предложение» А.П. Чехова. Таким образом, названия русских драматических произведений регулярно появлялись в афишах СНТ, начиная с 1921 г.

Важно сказать, что тогда существовало не так много качественных переводов зарубежных пьес на словацкий язык. Стоит отметить, что братиславский театр и до образования Чехословацкой Республики, и в межвоенное двадцатилетие, существовал в космополитичной среде, где уживалось множество культур: на одной и той же сцене городского театра в 1920-е гг. по понедельникам шли представления на немецком языке, по вторникам — на венгерском, в остальные дни — на чешском и словацком, а гастролировавшие зарубежные труппы исполняли оперы по-итальянски, по-французски, по-немецки и по-русски. На братиславскую сцену привозили свои постановки лучшие театры Вены, Будапешта, Берлина.

Особая страница в истории словацкого театра связана с выступлениями в Братиславе «качаловской группы» МХТ. Как известно, весной 1919 г., в тяжелое время гражданской войны, голода и холода в Москве, руководители Московского художественного театра собрались эвакуировать весь театр на юг России. Но оказалось, что для переезда потребуется слишком большое количество железнодорожных вагонов, и тогда была организована группа под руководством ведущих артистов театра О.Л. Книппер-Чеховой и В.И. Качалова, которая самостоятельно отправилась на гастроли по Югу России с двумя спектаклями «Дядя Ваня» и «Вишневый сад». В начале июня, когда группа находилась в Харькове, события гражданской войны неожиданно отрезали ее от Москвы и вернуться назад не представлялось возможным. Так начались почти трехлетние гастроли и странствия по Югу России этой части труппы МХТ, вошедшей в историю как «качаловская группа». Отступая вместе с армией Деникина, группа постепенно расширяла свой репертуар, включая в него инсценировки

произведений Достоевского, Тургенева, пьесы Островского, Чехова, Горького, Сургучева, Шекспира, Гамсуна. «Качаловцы» сперва играли на Юге России (Харьков, Крым, Одесса, Ростов, Екатеринодар), затем — в Грузии (Поти, Тифлис, Батуми), потом проехали через Константинополь, Софию, Белград, Загреб, Люблян, Вену, Прагу, Пльзень, Братиславу и снова оказались в Вене. Гастроли «качаловской группы» МХТ за рубежом продолжались до 21 мая 1922 г.

На сцене театра в Братиславе 14–17 октября 1921 г. «качаловская группа» МХТ представила четыре свои постановки: «Три сестры», «Дядя Ваня», «На дне», «На всякого мудреца довольно простоты»¹⁰. На словацкую публику все это произвело огромное впечатление, о чем позже вспоминала актриса труппы Словацкого национального театра Гелена Петцова (в замужестве Паулины-Тотова): «Их игра была настолько точная, реалистичная и человеческая, настолько прекрасная, что это невозможно выразить словами. Каждая, даже самая маленькая роль была проработана до малейшей детали, а режиссура производила такое сильное впечатление и была такой естественной, что после спектакля я не могла встать с места и сидела молча, мне не хотелось идти домой. От восторга я почти не могла хлопать, чтобы не испортить эти чудесные мгновения. Под впечатлением этих великих образцов я, молодая и восторженная актриса, дала себе слово, что всегда буду ценить даже самую маленькую роль и стараться как можно честнее и лучше ее играть. Нашим самым большим недостатком было то, что нам приходилось все очень быстро разучивать и иногда даже играть без всяких репетиций. Когда мы разговаривали с их лучшим актером Качаловым, мы узнали, что они репетируют иногда неделю несколько сцен. А если действие происходит на природе, то репетируют на природе, чтобы перенести на сцену как можно больше правдивости и реальности. Зритель должен прочувствовать не игру, а саму жизнь. Наибольшее впечатление на меня произвели «Три сестры» Чехова и «На дне» Горького»¹¹.

Огромнейшее влияние гастроли мхатовцев тогда оказали на начинающего словацкого актера и режиссера, в будущем главного режиссера словацкой труппы СНТ и основателя первой актерской

¹⁰ См.: *Martišová-Blahová E.* Slovenské národné divadlo 1920–1995. Bratislava, 1996. S. 31.

¹¹ *Petzová-Pauliny-Tóthová H.* Ako sme začínali v Bratislave // Slovenské divadlo. 1956. Roč. 4. Č. 1. S. 43–44.

школы в Словакии Янко Бородача. Он видел спектакли «качаловской группы» не только в Братиславе, но и чуть ранее в Праге, где тогда учился в пражской консерватории. По его признанию, после одного из пражских спектаклей у него просто перехватило дух: «Это было для нас потрясением, которое мы даже и представить себе не могли на сцене. Это было что-то, о чем мы даже не могли говорить. Все это так глубоко засело у нас в душе, что мы не знали, приснилось ли это нам или было на самом деле»¹². В октябре того же года он видел выступления «качаловцев» на братиславской сцене и вновь испытал похожие чувства: «Пражские впечатления возродились и усилились. Это была для нас настоящая школа, хотя нам никто ничего не объяснял. Об этих спектаклях мы потом говорили весь сезон и всячески пробовали играть так же, как это делали они. Нам очень нравилось, что они словно и не думали о публике, а были сосредоточены на партнере, что на сцене царила сама жизнь и постоянное напряжение, что каждый персонаж преследует свои цели и все постоянно чем-то удивляют друг друга, что все будто догадываются о намерениях друг друга, но пока это не будет высказано вслух, ни в чем не уверены, нравилось, что отсутствовала суфлерская будка, а после каждого действия актеры не кланялись публике, хотя нам ужасно хотелось увидеть их у рампы. Много, много было у них отличий от наших спектаклей. Мы что-то умели из актерской техники, могли глубоко заглянуть в человеческую душу, выразив это через слова и мимику, но о режиссуре никто из нас и не думал (например, о мизансценах). Нас необычайно привлекло взаимоотношение драматического героя с предметами и взаимодействия героев друг с другом. Мы смотрели и слушали как обыкновенная публика, но после спектакля уже рассуждали обо всем как актеры. Второй раз увидеть москвичей было для нас полезно со всех точек зрения. Этот возникший тогда душевный контакт не прерывался всю нашу жизнь»¹³.

Нужно сказать, что в свои юные годы в Первую мировую Бородач воевал на восточном фронте, попал в лагерь для военнопленных в Яранске под Вяткой, там выучил русский язык и полюбил русскую литературу. Придя в труппу СНТ в 1924 г. уже в качестве режиссера, он стал расширять репертуар драматической труппы, включая в него

¹² *Borodáč J.* Spomienky. Bratislava, 1995. S. 71.

¹³ *Ibid.* P. 83–84.

произведения русских авторов (среди них были — Д. Мережковский «Царевич Алексей», 1925; Н. Гоголь «Женитьба», 1926; А. Островский «На всякого мудреца довольно простоты», 1927; Л. Андреев «Тот, кто получает пощечины», 1927; Л. Толстой «Анна Каренина», 1928, Н. Евреинов «В кулисах души», 1929 и др.), а также и советских драматургов (П. Романов «Землетрясение», 1927; А. Толстой «Фабрика молодости», 1931; В. Катаев «Квадратура круга», 1931; А. Афиногенов «Страх», 1933; В. Шкваркин «Чужой ребенок», 1934 и др.). По сути дела именно Бородач становится настоящим пропагандистом русской и советской драмы в Словацком национальном театре.

На постановку пьес Чехова Бородач впервые решился лишь спустя 13 лет после того памятного выступления «качаловцев» в Словакии. В 1934 г. он поставил «Вишневый сад», стараясь максимально приблизиться к своему идеалу, работать по системе Станиславского, в манере МХТ. Однако сделать это в условиях братиславского театра было чрезвычайно трудно: в том сезоне 1933/34 драматическая труппа СНТ в борьбе за зрителя подготовила 17 премьер, 11 из которых ставил Бородач. Времени у режиссера и труппы на творческие искания и вдумчивую подготовительную работу над постановкой не было. Почти каждые две недели необходимо было предьявлять публике очередную премьеру. Работая над «Вишневым садом», Я. Бородач и главный художник СНТ Ян Ладвеница старались следовать стилю мхатовских постановок, насколько это позволяли сделать скромные материальные возможности их театра. По имевшимся у них фотографиям они пытались хотя бы частично воспроизвести декорационное оформление мхатовской постановки «Вишневого сада» 1904 г., созданное легендарным художником-сценографом Виктором Симовым.

Вслед за Бородачом русские драмы стали включать в репертуар своих трупп и другие режиссеры Словакии. Так, пьесы Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Сухово-Кобылина, А. Чехова и других русских и советских авторов появляются на сцене Восточно-словацкого театра (*Východoslovenské národné divadlo*), образованного в 1924 г. в Кошице, втором крупнейшем городе Словакии.

Когда в 1932 г. драматическая труппа СНТ была разделена на две автономные труппы — словацкую и чешскую, в театр на должность руководителя чешской труппы был приглашен из Праги режиссер

Виктор Шульц, ученик знаменитых немецких режиссеров Леопольда Йеснера и Макса Рейнхардта. Шульц привносит в СНТ совершенно новые театральные веяния — социальные и антимилитаристские идеи, стиль чешского и немецкого театрального экспрессионизма, его постановки привлекают зрителей современной сценографией и музыкальной составляющей спектаклей. И хотя в репертуаре чешской труппы преобладали произведения чешских и западноевропейских авторов, Шульц за время своей работы в СНТ (1932–1938) осуществляет несколько заметных постановок русских и советских произведений: «Подросток» Ф. Достоевского (*Výrastok*, 1934) в инсценировке Ф. Гётца, «Егор Булычев» М. Горького (*Jegor Bulyčov*, 1934), «Далекое» А. Афиногенова (*Kde vlaky nezastavují*, 1936), «Маленькие трагедии» А. Пушкина (*Malé tragédie*, 1937). На обращение режиссера к русскому репертуару не в последнюю очередь повлияло его посещение весной 1933 г. Первой международной олимпиады самодеятельного революционного театра в Москве, где в течение четырех недель он ежедневно посещал театры и общался с советскими режиссерами, включая В. Мейерхольда, А. Таирова, Н. Охлопкова. К сожалению, до нас не дошли дневники Шульца, в которых он подробно записывал свои впечатления и содержание бесед с выдающимися русскими театральными деятелями: все они были сожжены гестапо, когда Шульц был арестован. Однако совершенно определенно можно сказать, что эта весенняя поездка в Москву перевернула сознание чешского режиссера, спровоцировала в нем серьезный творческий кризис, за которым последовал новый, ярчайший этап в его творческой биографии. Осуществленные им постановки произведений русских авторов по своему стилю — авангардному, гротескному, с мощной социальной ангажированностью — значительно отличались от реалистической манеры постановки Бородача.

Не менее сильное впечатление оказывало посещение Советского Союза и на других чехословацких театральных деятелей, которым в эти годы удавалось приезжать на театральные фестивали, регулярно проходившие в Москве, и знакомиться с русской театральной школой. В сентябре 1934 г. в составе группы из Чехословакии в Москву отправляется Я. Бородач спустя почти двадцать лет после того, как он побывал здесь в плену в годы Первой мировой. Теперь он уже едет в качестве режиссера Словацкого национального театра. Здесь ему, как и годом ранее В. Шульцу, удастся познакомиться со всеми

ведущими режиссерами московских театров: А. Таировым, В. Мейерхольдом, Н. Охлопковым. Но самое большое потрясение Бородач испытал во время его короткой встречи с самим К. Станиславским: словацкий режиссер буквально упал перед своим кумиром на колени и поцеловал ему руку. Это была клятва преданности мэтру русского театра, и Бородач был верен ей до конца, строго требуя того же от своих учеников.

Спустя два года чехословацкие актеры и режиссеры вновь были приглашены уже на 4-й Московский театральный фестиваль, и среди членов делегации был начинающий словацкий актер и режиссер Ян Ямницкий. Большой поклонник книги А. Таирова «Записки режиссера», изданной в 1927 г. на чешском языке, уже успевший освоить посредством чешского театрального авангарда и постановок В. Шульца в СНТ многие идеи нового русского театра, Ямницкий жадно впитывал в себя все, что удалось ему увидеть в дни его пребывания в Москве и Ленинграде в начале сентября 1936 г. По следам этого путешествия он оставил интереснейшие дневниковые записи, в которых подробным образом описывает увиденные им постановки Е. Вахтангова, Н. Охлопкова, В. Мейерхольда, С. Радлова. По возвращении на родину Ямницкий выступил с публичной лекцией «Десять дней, которые остались в памяти»¹⁴. Помимо чешского и европейского, именно русский авангард повлиял на него сильнее всего, и уже в 1940-е гг. в режиссерских работах Ямницкого заметно влияние театра Охлопкова, Вахтангова. От первого он перенимает свободный принцип работы с театральным пространством: старается использовать зрительный зал, приблизить актеров к зрителям, активизировать их контакты. Все это прослеживается в его спектаклях «Танец над плачем» (*Tanec nad plačom*, 1943), «Мнимый больной» (*Zdravý nemocný*, 1943) и особенно в его постановке пьесы И. Стодолы «Комедия» (*Komédia*, 1944). В ней «актеры выскакивали из лож, выходили спереди и сзади, глазам зрителей открывались самые заповедные уголки театрального закулисья, софиты танцевали, актеры играли при спущенном и поднятом занавесе, при погасших и горящих фонарях, сцена вращалась и останавливалась, музыка то играла, то молчала, на сцене пели и танцевали, и при этом вся

¹⁴ Выдержки из этой лекции спустя 30 лет были опубликованы в журнале «Словенское дивадло»: *Jamnický J. Desat' dní, ktoré zostali v pamäti // Slovenské divadlo. 1964. Roč. 12. Č. 3. S. 310–322.*

сцена выглядела совсем не так, как в обычных спектаклях»¹⁵. Как отмечает современный театровед Н. Линдовска¹⁶, это был максимально отвлеченный театр, в котором было что-то и от карнавальности вахтанговской «Принцессы Турандот», и от увиденных «Аристократов» в Реалистическом театре Охлопкова. Правда, все эти новые для словацкого театра тенденции воплощались Ямницким отнюдь не на русском или советском материале¹⁷, который по понятным причинам в годы Второй мировой войны исчезает с афиш театров подневольного Третьему Рейху Словацкого государства (1939–1945). Последней разрешенной русской пьесой на сцене СНТ стала «Смерть Тарелкина» (*Smrt' Tanierika*, 1941) А. Сухово-Кобылина в постановке Я. Ямницкого.

После освобождения Братиславы войсками Красной Армии в апреле 1945 г. Словацкий национальный театр почти сразу начинает подготовку к новому театральному сезону, который открывается уже в начале июня. Первыми произведениями, показанными на сцене театра после освобождения, стали сразу три советские пьесы: драма В. Шкваркина «Чужой ребенок» в постановке Я. Бородача (*Sudzdie dieťa*, премьера 7 июня 1945 г.), «Русские люди» К. Симонова (*Ruskí ľudia*, премьера 29 сентября 1945 г.) в постановке А. Багара и «Маленькие трагедии» А. Пушкина (премьера 25 октября 1945 г.) в постановке Й. Будского. Этот факт ярко иллюстрирует весь послевоенный период, когда русские и советские пьесы, безусловно, занимают одно из центральных мест в репертуаре словацкого театра. И эта страница в истории взаимоотношений наших культур требует отдельного подробного и вдумчивого анализа.

¹⁵ -j. ch- [Juraj Chvojka] Literárno-divadelná maškaráda // Slovenská politika. Roč. 25. Č. 107. 11.5.1944. S. 3.

¹⁶ Lindovská N. Desat' dní Jána Jamnického so sovietskym divadlom // Slovenské divadlo. 2017. Roč. 65. Č. 2. S. 140.

¹⁷ За всю свою режиссерскую карьеру Ямницкий лишь дважды брался за постановку произведений русского репертуара: «Бесприданница» А. Островского (*Nevesta bez vena*, 1938), «Смерть Тарелкина» (*Smrt' Tanierika*, 1941) А. Сухово-Кобылина.

**СЛОВАЦКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ.
ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ**

Аннотация: Статья посвящена вопросу перевода современных словацких прозаических произведений на близкородственный чешский язык. В ней дается краткий обзор истории вопроса и подчёркивается, что необходимость перевода словацкой литературы на чешский волнует научную и переводческую общественность с момента кодификации словацкого языка. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что перевод необходим, но качество переводов нуждается в улучшении. В данной статье приводятся примеры перевода на чешский язык произведений таких современных словацких авторов, как М. Гворецкого, П. Виликовского, М. Копчая, Баллы, Д. Капитанёвой, П. Пиштаняка и др. Рассматриваются наиболее частотные ошибки, вызванные зачастую небрежным отношением переводчиков к переводу на близкородственный славянский язык. В статье приводятся примеры достойных переводов на чешский язык, высокое качество которых обеспечено чешскими переводчиками, являющимися писателями. В заключение делается вывод о том, что художественный перевод со словацкого языка на чешский необходим не только для удобства восприятия текста чешскими читателями, но для обеспечения полноценного литературного впечатления.

Ключевые слова: современная словацкая литература, художественный перевод, чешский язык, словацкий язык.

Victoria S. KNIAZKOVA

**SLOVAK FICTION IN CZECH TRANSLATIONS.
OVERVIEW OF THE CURRENT SITUATION**

Abstract: The article is devoted to the issue of translation of modern Slovak fiction into closely related Czech language. The article provides a brief overview of the history of the issue and emphasizes that the need to translate Slovak literature into Czech has been of concern to the scientific and translation community since the codification of the Slovak language. However, most researchers agree that translation is necessary, but the quality of translations needs to be improved. This article provides examples of the translation into Czech of works of modern Slovak authors such as M. Hvorecký, P. Vilikovský, M. Kopcay, Balla, D. Kapitáňová, P. Pišťanek, etc. The most frequent errors caused by the negligent attitude of translators are considered. The article provides also examples of worthy translations into the Czech language, the high quality of which

is provided by Czech translators who are writers themselves. In conclusion, it is summarized that a literary translation from Slovak into Czech is necessary not only for the convenience of the text perception by Czech readers, but to ensure a full-fledged literary impression.

Keywords: modern Slovak literature, literary translation, Czech language, Slovak language.

На всем протяжении существования художественной литературы на словацком языке чешский язык неизменно занимал первое место среди языков, на которые она переводилась. Исходя из разрозненных, но в целом репрезентативных аналитических публикаций разных лет, можно утверждать, что за всю историю исследований доля переводов словацкой художественной литературы на чешский язык в общем объеме переводов составляла от 16 до 40 %¹. При этом в целом наблюдается тенденция постепенного увеличения общего числа переводов на чешский язык. Если в 90-е гг. XX в. количество переводных книг колебалось от пяти до десяти в год, то с 2000-х гг. ежегодно переводятся уже десятки произведений, и в последние два-три года количество издаваемых переводов на чешский язык уже достигло 60–70 наименований в год (включая художественные и художественно-публицистические произведения словацких авторов)².

Вопрос о необходимости переводить словацкую литературу на чешский язык начал возникать уже с момента кодификации словацкого литературного языка в середине XIX в. Во второй половине XX в., в период наиболее интенсивного взаимодействия словацкой и чешской литератур, обширная дискуссия по этому вопросу была, к примеру, развернута в публикации Юрая Шпитцера 1965 года³. А в последние несколько лет данный вопрос стал особенно актуален: ему посвящены многие статьи и исследования, некоторые из которых упоминаются нами далее. Во всех этих работах подчеркиваются три основных момента: 1) перевод необходим; 2) качество переводов нуждается

¹ *Kněžek L.* Slovenska literatura v prekladoch 1945–1966. Bibliogr. supis beletrie, detskej literatury a literar. vedy. Martin, 1970; *Pánisová L.* Slovenská literatúra v anglickom preklade — história a súčasnosť (1832 — 2013). Nitra, 2014; Literárne informačné centrum URL: <https://www.litcentrum.sk/institucia/literarne-informacne-centrum> (дата обращения: 01.11.2019)

² *Machala L., Jareš M.* Slovenská literatura v Česku po rozdělení Československa // *Minulost, současnost' a perspektívy literárnovednej slovakistiky*. Bratislava, 2018. S. 77–84.

³ *Špitzer J.* Prekladat'?? // *Slováci česky*. Praha, 1965. S. 34–38.

в улучшении; 3) количество переводов со словацкого на чешский и с чешского на словацкий асимметрично. Рассмотрим подробнее каждое из этих утверждений.

Мира Набелькова в своей монографии 2008 г. «Словацкий и чешский язык в контакте» подчеркивает необходимость художественного перевода со словацкого на чешский. На основе социолингвистического исследования Набелькова делает вывод о том, что за последние десятилетия, когда чехи и словаки проживали уже в разных государствах, сложилась специфическая языковая ситуация, в которой чехи начали испытывать затруднения при понимании словацкого языка, в то время как словаки по-прежнему не ощущают никаких трудностей с восприятием чешского⁴.

Словацкий литературовед Радослав Пассиа характеризует словацко-чешские литературные и культурные отношения как асимметричные⁵. В Словакии чешская литература и культура присутствуют в гораздо большем объеме, чем словацкая культура в Чехии, при этом в Словакии чешские литературные произведения и культурные явления не нуждаются в переводе и примеры переводных произведений на словацкий единичны⁶. Похожая ситуация наблюдается и в области науки и образования: богемистика как самостоятельная специализация в Словакии отсутствует, лишь в 2011 г. появилась возможность изучать чешский язык в рамках программы «Центрально-европейские ареальные исследования» на факультете центрально-европейских исследований в Университете Константина Философа в Нитре, в то время как специальность «Словакистика» представлена в Карловом университете и в Университете Масарика в Брно, где регулярно организуются в том числе и словацко-чешские конференции. Презентацией словацкой литературы и культуры в Чехии занимаются такие организации, как Словацкий институт в Праге (*Slovenský inštitút v Prahe*), Словацко-чешский клуб (*Slovensko-český klub*), Клуб словацкой культуры (*Klub slovenskej kultúry*), Словацкий дом в Праге (*Slovenský dom v Prahe*). Среди них наиболее активно в этом направлении свою деятельность развивает Словацкий институт.

⁴ Nábělková M. Slovenčina a čeština v kontakte. Bratislava — Praha, 2008.

⁵ Passia R. Prekladať, alebo neprekladať? Niekoľko postrehov k súčasným vzťahom slovenskej a českej literatúry // Dokořán. R. 12. Č. 47. 2008. S. 22–24.

⁶ Например, перевод романа Михала Вивега «Игра на вылет» (*Výbijaná*), осуществленный в 2004 г.

Анализ осуществленных переводов и репрезентативный обзор современной ситуации в этой сфере мы находим в статье С. Кукучовой и Л. Махалы с символическим названием «Стать переводчиком просто и быстро»⁷. Авторы перечисляют более пятидесяти переводов художественных произведений со словацкого на чешский, изданных за период с 1993 по 2009 гг. Среди них произведения таких современных авторов, как Юлиус Сатинский, Михал Гворецкий, Душан Тарагел, Павел Виликовский, Даниела Капитанёва, Рудольф Слобода, Балла, Петер Пиштянек, Эва Урбаникова. Анализируя переводы и доступные статистические данные, С. Кукучова и Л. Махала также обращают свое внимание на закономерную односторонность процесса, поскольку в Словакии чешскую литературу по-прежнему продолжают читать по-чешски. В Чехии же, по мнению авторов исследования, необходимо активнее, полнее и качественнее представлять переводную словацкую литературу.

В еще одной статье С. Кукучовой «Современные чешские переводы словацкой художественной литературы»⁸ представлен анализ шести переводов современной словацкой художественной прозы на чешский язык: это произведения М. Гворецкого, П. Виликовского, М. Копчая, Баллы, Д. Капитанёвой, П. Пиштянека. Вывод, сделанный С. Кукучовой, неутешителен: качество представленных переводов низкое и наблюдается общая тенденция небрежного отношения переводчиков к тексту, в результате чего возникают следующие ошибки:

Семантические ошибки вследствие небрежности:

*Idú, ktovie, prečo, rovnó k lekáre*⁹. × *Jdou, kdoví proč, přímo do lékárny*¹⁰.
*V duchu dúfam, že tento výstup nepočujú susedia*¹¹. × *V duchu doufám, že tento výstup neslyší susedka*¹².

*Ako sa volá?*¹³ × *Jak se jmenuješ?*¹⁴

⁷ Machala L., Kukučová S. Překladačem snadno a rychle. K českým překladům současné slovenské beletrie // Listy. Dvuměsíčník pro kulturu a dialog. Roč. 40/2010. Č. 1. S. 45–52.

⁸ Kukučová S. Současné české překlady slovenské beletrie. Bakalářská diplomová práce. Olomouc, 2009.

⁹ Kopcsay M. Stratené roky. Levice, 2004. S. 120.

¹⁰ Kopcsay M. Ztracené roky / Přel. Šárka a Miroslav Zelinští. Zlín, 2008. S. 133.

¹¹ Kopcsay M. Stratené roky. S. 104.

¹² Kopcsay M. Ztracené roky. S. 115.

¹³ Vilikovský P. Čarovný papagáj a iné gýče. Bratislava, 2004. S. 120.

¹⁴ Vilikovský P. Kouzelný papoušek a jiné kýče / Přel. Johana, Kristýna a Miroslav Zelinští. Zlín, 2007. S. 126.

Vyšetrujúci policajt zistil ešte niečo¹⁵ × Vyšetřující lékař zjistil ještě něco¹⁶.

Štrnásť doškrábaných a dostriekaných dverí a šesť tmavých vchodov, ktorých dvere niekto veľmi potreboval¹⁷. × Čtrnáct poškrábaných a postríkaných dverí a šest tmavých vchodů, jejichž dveře nikdo moc nepotřeboval¹⁸.

*Môže sa raz zísť do scenára¹⁹. × Může se to teď hodit do scénáře²⁰.
dva poldecáky s vodkou²¹ × dva podnosy s vodkou²²*

Пропуски слов и предложений:

*Jánoši bez k na konci sa nedal zastaviť²³. × Jánoši nebyl k zastavení²⁴.
zachovalé surové zemiaky²⁵ × syrové brambory²⁶
s akýmsi čistým nepriateľským porozumením²⁷ × s jakýmsi nepřátelským porozuměním²⁸*

Alica zobrala táčnu s kávou a vybehla. Nuž, presnejšie by bolo, vykrívala. Pobralla som sa za ňou²⁹. × Alice vzala táč s kávou a vyběhla ven. Vydala jsem se za ní³⁰.

Семантические сдвиги по причине незнания и недостатка компетенции:

Natoľko, aby platil cudzím ľuďom, sa Kúcaňský nikdy nezrúbal³¹. × Na to, aby platil cizím lidem, se Kúcaňský nikdy nevzmohl³².

¹⁵ *Kapitáňová D.* Nech to zostane v rodine. Levice, 2005. S. 49.

¹⁶ *Kapitáňová D.* Ať to zůstane v rodině / Přel. Miroslav a Šárka Zelinští. Brno, 2006. S. 53.

¹⁷ *Hvorecký M.* Silný pocit čistoty. Levice, 1998. S. 53.

¹⁸ *Hvorecký M.* Silný pocit čistoty / Přel. Olga Turňová. Zlín, 2005. S. 120.

¹⁹ *Vilikovský P.* Čarovný papagáj a jiné gýče. S. 21.

²⁰ *Vilikovský P.* Kouzelný papoušek a jiné kýče. S. 21.

²¹ *Vilikovský P.* Čarovný papagáj a jiné gýče. S. 108.

²² *Vilikovský P.* Kouzelný papoušek a jiné kýče. S. 114.

²³ *Kapitáňová D.* Nech to zostane v rodine. S. 76

²⁴ *Kapitáňová D.* Ať to zůstane v rodině. S. 80.

²⁵ *Hvorecký M.* Silný pocit čistoty. S. 69.

²⁶ *Ibid.* S. 140.

²⁷ *Vilikovský P.* Čarovný papagáj a jiné gýče. S. 112

²⁸ *Vilikovský P.* Kouzelný papoušek a jiné kýče. S. 118

²⁹ *Kapitáňová D.* Nech to zostane v rodine. S. 65.

³⁰ *Kapitáňová D.* Ať to zůstane v rodině. S. 69.

³¹ *Vilikovský P.* Čarovný papagáj a jiné gýče. S. 5.

³² *Vilikovský P.* Kouzelný papoušek a jiné kýče. S. 8.

*Zamiešal guláš žufankou*³³ × *zamíchal guláš vařečkou*³⁴
 „*Kdeže by vyrástol*“, *zakrúti hlavou pani Bohatá*³⁵. × „*Kéž by vyrostl*“, *krouť hlavou pani Bohatá*³⁶.

Обобщающее исследование Л. Махалы и М. Яреша 2018 г.³⁷, основанное на базе «Národní knihovna», базе «Czech-Slovak Translation» и др., освещает весь спектр переводной словацкой литературы в Чехии, и в результате проведенного анализа авторы приходят к следующим выводам:

1. Наибольшую долю среди изданных переводов на чешский язык составляет женская популярная литература.
2. Образ словацкой литературы в Чехии серьезно деформирован из-за некачественного выбора произведений для перевода, и лидирующие позиции по числу переводных книг принадлежат не таким писателям, как Павел Виликовски, Рудольф Слобода, Петер Пиштянек, а авторам популярных романов, детективов и фэнтези (Доминик Дан, Эва Урбаникова, Тая Келеова-Василкова, Юрай Червенак и др.).
3. В отличие от прозы, словацкая поэзия практически не представлена в чешских переводах и встречается лишь в антологиях.
4. Качество переводов, в основном, крайне посредственное. Самым активным переводчиком словацкой литературы на чешский является Мирослав Зелински, который совместно со своей женой и дочерьми за последние 15 лет перевел более 40 произведений.

Несмотря на вышеперечисленные критические отзывы, находят примеры и достойных переводов словацких произведений на чешский язык. Это, прежде всего, произведения, публикуемые издательством «Ветряные мельницы» (*Větrné mlýny*) из г. Брно, где, начиная с 2012 г., вышло 15 переводов современных словацких книг. По край-

³³ *Vilikovský P.* Čarovný papagáj a iné gýče. S. 98.

³⁴ *Vilikovský P.* Kouzelný papoušek a jiné kýče. S. 103.

³⁵ *Kopcsay M.* Stratené roky. S. 15.

³⁶ *Kopcsay M.* Ztracené roky. S. 16.

³⁷ *Machala L., Jareš M.* Slovenská literatúra v Česku po rozdelení Československa // *Minulosť, súčasnosť a perspektívy literárnovednej slovakistiky*. Bratislava, 2018. S. 77–84.

ней мере, на два из них стоит обратить особое внимание: это романы Моники Компаниковой и Петера Криштуфeka. С точки зрения перевода их объединяет то, что в качестве переводчиков выступили чешские писательницы и оба словацких автора положительно отозвались о чешских переводах своих произведений. Моника Компаникова, чей роман «Пятый корабль» (*Piata lod'*) в Словакии переиздается уже в пятый раз и с момента своего выхода в 2010 г. был переведен на 9 языков (румынский, хинди, хорватский, польский, венгерский, болгарский, арабский, чешский, немецкий)³⁸, высоко оценила работу чешской переводчицы — писательницы Катержины Тучковой. В комментарии, данном словацкому изданию «Правда», Тучкова подчеркивала, что в процессе перевода языковая и культурная близость требовала от нее еще большей осторожности и бережного отношения к оригиналу³⁹.

Современный словацкий писатель Петер Криштуфек, уделявший большое внимание распространению словацкой литературы в Чехии, неоднократно утверждал, что в задачу именно писателей входит приобщение чешских читателей к словацкой литературе и именно посредством художественных переводов должно осуществляться культурное сближение двух народов, разобщенных, по его мнению, за годы проживания в разных государствах. О переводах своих книг он говорил так: «Я всегда стараюсь лично познакомиться с переводчиками своих книг и считаю, что консультации очень важны, т.к. я в большом объеме использую аллюзии, игру слов, а также исторические и региональные реалии»⁴⁰. Выбор переводчиков всегда был чрезвычайно важен для Криштуфeka, и критерии, по которым писатель подбирал переводчиков для своих произведений, отличались в зависимости от языка перевода. Так, при выполнении чешского перевода его монументального романа «Дом глухого» перед переводчиком стояла главная задача избежать простого преобразования лексем и создать адекватный литературный текст, используя все возможности чешского языка. Криштуфек хотел, чтобы перевод

³⁸ В настоящее время готовится к публикации русский перевод под названием «Тихая гавань» (пер. А.Ю. Песковой).

³⁹ *Kvasnička M.* Česi, čítajte. Slovenské knihy. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/74638-cesi-citajte-slovenske-knihy/> (дата обращения: 01.11.2019).

⁴⁰ *Sedláková K.* Peter Kristúfek: Česi po slovensky zabudli. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/281313-peter-kristufek-cesi-po-slovensky-zabudli/> (дата обращения: 01.11.2019).

был выполнен писателем, и таким образом, выбор пал на писательницу Петру Гулову, которая прекрасно справилась со своей задачей. Приведем несколько примеров для иллюстрации. Криштуфек считал, что представление Словакии посредством предметов, ставших сувенирной продукцией, не отражает истинной сути словацкой жизни. Эта позиция автора отражена и в романе. В следующем отрывке встречается несколько словацких реалий:

V ten deň sa mal konať Salón, takže si pani Natália nakoniec populní predsa len požičala personál z grófskeho kaštieľa. Kuchára a dve služby. Konal sa zvyčajne v jej milovanej Slovenskej izbe, kde nechýbali válašky, vyrezávaný maľovaný nábytok na mieru, obrazy, sadrový bača s ovčiarskym psom a typický brežiansky kroj⁴¹. × V ten den se měl konat Salón, takže si pani Natália odpoledne nakonec půjčila personál z hraběcího zámku. Kuchaře a dvě služby. Salón se obvykle konal v její milované Slovenské jizbě, kde nechyběly válašky, na míru vyřezávaný malovaný nábytek, obrazy, sádrový bača s ovčáckým psem a typický brežianský kroj⁴².

Лексема *kaštieľ* имеет значение поместья венгерской аристократии, жившей в Словакии, соответственно не имеющей чешского эквивалента, передана аналогом *zámek*. Чтобы подчеркнуть идею автора о декоративности предметов словацкой традиционной культуры переводчица не перевела словосочетание *slovenská izba*, используя чешский эквивалент *pokoř (комната)*, а употребила устаревшую в чешском лексему *jizba (горница)*.

Такую же тонкую работу переводчица проделала и с другими реалиями. Если реалия фигурирует в тексте в качестве декоративного элемента, при переводе на чешский используется прием заимствования. Если же лексема-реалия появляется в тексте в своем прямом значении, она передана на чешский аналоговым переводом. Так, название словацкого национального блюда *kapustnica* в первом примере передано заимствованием *kapustnica*, во втором — аналогом *zelňačka*:

Tina sa stala regulárnou britskou občankou. Túžba po domove ju však prenasledovala pravidelne. Neprekvapilo ma, že Slovensko pre ňu nepredstavujú ani bryndzové halušky (ktoré, mimochodom, neznášala) ani

⁴¹ *Krišťufek P.* Dom hluchého. Bratislava, 2012. S. 58.

⁴² *Krišťufek P.* Dům hluchého (Přel. P. Hůlová) Brno, 2016. S. 91.

kapustnica (pokiaľ mohla, vyhýbala sa jej). Celé roky si namiesto toho nechávala posielať poštou Kávenky. Vravela, že to je pravá chuť domova. Keď si odhryzla, oči sa jej zaliali slzami, tak mi to aspoň tvrdila⁴³. × Tina se stala regulární britskou občankou. Nepřestala ji ale pronásledovat touha po domově. Nepřekvapilo mě, že Slovensko pro ni nebyly ani bryndzové halušky (které, mimochodem, nesnášela), ani kapustnica (pokud mohla, tak se jí vyhnula). Celé léta si místo toho nechala posílat poštou kávenky. Říkala, že to je pravá chuť domova. Když se do nich zakousla, oči sa jí zalily slzami, tak mi to alespoň tvrdila⁴⁴.

Až neskôr som zistil, že napríklad kapustnica, ako ju varí iba on (pretože tak to hovoril) vlastne nie je žiaden originálny recept, presne tak ju totiž robia všetci v našom kraji⁴⁵. × Až později jsem zjistil, že například zelňačka, jak ji varí jen on (tak to říkal) vlastně žádný originální recept není, přesně tak ji totiž dělají v našem kraji všichni⁴⁶.

Безусловно, чешским читателям знакомы многие словацкие реалии, но если бы они читали произведения в оригинале на словацком языке, весь текст воспринимался бы как реалия. Р. Пассиа в своей статье «Переводить или не переводить? Несколько замечаний к современным отношениям словацкой и чешской литератур» обращает внимание на то, что перевод со словацкого на чешский чаще всего превращается в чисто лингвистическую интерпретацию, от которой необходимо отходить. Пассиа подчеркивает важность такого художественного перевода со словацкого на чешский, в котором были бы адекватно переданы все ценности оригинального текста⁴⁷.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: художественный перевод со словацкого языка на чешский не только обеспечивает удобство восприятия текста для чешской аудитории на родном языке, но и дает читателю иной литературный опыт, приносит новые идеи в старые знания и необходим для полноценного восприятия словацкой литературы в Чехии.

⁴³ *Krištúfek P.* Dom hluchého. S. 381.

⁴⁴ *Krištúfek P.* Dům hluchého. S. 574.

⁴⁵ *Krištúfek P.* Dom hluchého. S. 73.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ *Passia R.* Prekladat', alebo neprekladat'? Niekoľko postrehov k súčasným vzťahom slovenskej a českej literatúry. S. 22–24.

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ СЛОВЕНСКОЙ ПУШКИНИАНЫ — ОНЛАЙН

Аннотация: Статья представляет результаты апробации современных онлайн-возможностей для исследования российско-словенских литературных связей, позволяющих «виртуально» получить достоверную информацию о восприятии творчества великого поэта России А.С. Пушкина в словенской печати, начиная с 1838 г. вплоть до настоящего времени. Самым ценным с этой точки зрения сегодня является национальный проект «DLib.si» — «Электронная библиотека Словении». Введены в научный оборот новые фактографические данные. Вместе с тем для наиболее полного представления о предмете исследования необходима работа непосредственно в архивах и библиотеках страны изучения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, словенцы, Электронная библиотека Словении, публикации, переводы, восприятие творчества, онлайн-возможности.

Yulia A. SOZINA

NEW PAGES OF SLOVENIAN PUSHKINIANA — ONLINE

Abstract: The article presents the results of approbation of modern online opportunities for the study of Russian-Slovenian literary connections, which allow “virtually” to obtain reliable information about the perception of the work of the great Russian poet A.S. Pushkin in the Slovenian press, starting from 1838 up to the present. The most valuable one from today’s point of view is the national project “DLib.si” — “Electronic Library of Slovenia”. New factual data have been introduced into scientific circulation. At the same time, for the most complete understanding of the subject of research, it is necessary to work directly in the archives and libraries of the country of studied literature.

Keywords: A.S. Pushkin, Slovenes, Digital Library of Slovenia, publications, translations, perception of creativity, online opportunities.

Настоящее (да, пожалуй, и будущее) современных гуманитарных исследований, в том числе и литературоведения, все больше связано с онлайн-пространством, чему есть целый ряд объективных причин, среди которых и развитие коммуникационных технологий, облегчающих взаимосвязь внутри научного сообщества; и формальные требования индексирования публикаций как в российских, так и зарубежных системах; и трагичные в своей необходимости ограничения

передвижений, связанные с эпидемиологической ситуацией в мире, из-за чего национальные библиотечные и архивные фонды оказываются физически недоступными для иностранных исследователей. «Новая реальность» гуманитарной науки расставляет свои акценты, и теперь весьма значительная доля исследовательского времени приходится на электронные ресурсы, обусловленные их спецификой метода работы.

Задача данной статьи — зафиксировать, какие на современном этапе существуют онлайн-возможности для исследования российско-словенских литературных связей. В качестве объекта исследования выбрана сравнительно «узкая» тема, вынесенная в его заглавие — ведь имя великого русского поэта продолжает жить в современной словенской культуре, литературе и науке.

В настоящее время, наряду с информационными сайтами отдельных исследовательских институтов, факультетов, журналов и издательств, представляющих собственные последние достижения, порталом «COBISS.SI», представляющим из себя, по сути, общесловенский электронный каталог, в который в обязательном порядке вносятся все новейшие и по возможности максимально ретроспективные «карточки» изданий, хранящихся в библиотечных фондах страны, пожалуй, самым ценным с точки зрения зарубежного исследователя литературы, истории, культуры Словении следует признать национальный проект «DLib.si» — «Digitalna knjižnica Slovenije».

Портал предоставляет открытый доступ к печатным и (в меньшей мере) рукописным материалам: книгам, журналам и газетам, фотографиям, иллюстрациям, партитурам и т. д., в первую очередь, не обремененным авторскими правами, т. е. созданным до середины XX в., а также к новым журнальным публикациям в области науки и культуры с некоторой временной задержкой в два-три года по договоренности с редакциями. Здесь анонсируется наличие и/или появление новых как традиционных, так и электронных публикаций с ссылкой в реальные читальные залы, либо на сайты, где с нужными произведениями можно ознакомиться.

Как у любого серьезного ресурса, у портала «DLib.si» есть поисковая система, позволяющая находить любое слово или сочетание букв внутри всего комплекса текстовых материалов, что является бесценным подспорьем для любого рода исследований. Следует, однако, учитывать и ряд, надеемся, временных недостатков этого пре-

красного проекта. Так, в частности, далеко не все первоисточники обрели новую жизнь в электронном виде, и «Электронная библиотека Словении» постоянно продолжает пополняться, но пока все еще не может претендовать на роль универсального, всеобъемлющего хранилища информации. Вместе с тем, на сегодняшний день это самый крупный, приближенный по актуальности к текущему моменту времени, максимально достоверный источник информации для современного иностранного исследователя, в том числе и российских литературоведов.

Прежде всего, целесообразно посмотреть, что в целом предлагает портал (в нашем случае, «Электронная библиотека Словении») при введении в поисковую строку фамилии великого русского поэта. Итак, Пушкин, по-словенски — *Puškin*. Вместе с тем, хотя перед нами словенский национальный ресурс, не стоит забывать и варианты написания, используемые в языках, имевших особый культурный статус в разные исторические эпохи: немецкий *Puschkin* и английский *Pushkin*. На территории современной Республики Словении в период до кодификации словенского литературного языка и еще некоторое время спустя государственным языком оставался немецкий, многие печатные документы, относящиеся к истории культуры словенцев, создавались на нем. В настоящее же время, когда государство стало равноправным членом Евросоюза, единым языком общения для европейской семьи народов признан английский, а потому не стоит забывать, что современная словенская наука в своем стремлении слиться с общеевропейской и тем самым заявить о себе на мировом уровне нередко сразу создается на этом языке международной коммуникации. Справедливости ради необходимо отметить, что для Словении в целом весьма характерна культура владения иностранными языками, что обусловлено положением на межкультурном (межязыковом) перекрестье, само по себе это дает ряд преимуществ. Иногда в соответствующих словенских журналах и научных альманахах и русские статьи публикуются без перевода. Во второй половине XX в., по крайней мере, это была вполне обычная практика, поскольку предполагалось, что большинство читателей знакомы с кириллицей и смогут уловить смысл близкородственного славянского языка, впрочем, к тому же, в свое время достаточное число словенцев изучали русский как иностранный. Стоит обратить внимание и на вариант *Pushkin*, поскольку диакритика могла исчезнуть

при распознавании старой печати либо при достаточно традиционной практике переноса написания словенского (славянского) имени на иные европейские языки, такую диакритику не использующие (что встречается в тех же немецких и английских текстах; такое написание характерно и для венгерского языка).

Если задать поиск только по названиям публикаций, то остается лишь словенский вариант — 65 раз, начиная с 1883 г., что, на первый взгляд, весьма скромно для двухсотлетней истории. Однако при полнотекстовом поиске получаем: *puškin* — 7470 записей (с 1841 г. по настоящее время); *puschkin* — 131 запись (с 1789 по 2020 гг.); *pushkin* — 190 записей (с 1861 по 2020 гг.); *puskin* — 143 записи (с 1861 по 2020 гг.). (Впрочем, сюда входят и «дубли», и созвучное прилагательное от словенского *puška*, т. е. *ружье*, *винтовка*, и пр.) При этом в языковом плане подборка документов, соответствующая словенскому варианту, весьма широка: английский, болгарский, венгерский, греческий, испанский, итальянский, латынь, македонский, немецкий, польский, румынский, русский, сербский, сербо-хорватский (и на кириллице, и на латинице), французский, хорватский, а также ряд изданий, изначально позиционирующих себя как многоязычные. При других вариантах написаниях к этому перечню добавляются еще словацкий и эсперанто.

Как видно из результатов запроса самые ранние упоминания фамилии Пушкин относятся к 1789 г. Связаны они с графом Мусиным-Пушкиным, о котором дважды (4 июня и 27 октября; № 23 и 44) пишет люблянская немецкоязычная газета «Лайбахер Цайтунг»¹; затем (1818) следует, как ни удивительно, российское издание на немецком языке, оказавшееся в личном собрании писателя Ивана Потрча, а потому и переведенное в цифру, посвященное Сигизмунду Герберштейну, где генералу также уделено внимание².

Сам же Александр Сергеевич впервые появляется в 1838 г. (по случайному совпадению, тоже 27 октября) снова в немецкоязычном варианте — в 43-м номере журнала «Иллиришес Блатт», выходящем в Любляне как приложение к уже вышеобозначенному периодическому изданию с 1819 по 1849 г., открытом для немецких и словенских авторов и посвященном вопросам патриотизма, науки,

¹ Laibacher Zeitung. N. 23. 04.06.1789. P. 4; N. 44. 27.10.1789. P. 3.

² *Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein: mit besonderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland. St. Petersburg, 1818. P. 450–460.*

культуры и образования. Здесь на титульном листе как заглавный материал печатается немецкий перевод стихотворения А.С. Пушкина «Делибаш» (1829; *Deli-Bascha*), к сожалению, без указания переводчика³.

В том же году, 8 декабря, в 49-м номере, имя поэта упоминается в связи с выходом в Париже двух томов переводов русской поэзии — на французский: «Все парижские поэты хвалят перевод как чрезвычайно удачный; подборка сделана хорошо, Крылов и несчастный Пушкин включены»⁴, — последняя ремарка свидетельствует о неравнодушном отношении пишущего к судьбе великого поэта.

Хотя в российском литературоведении есть работы, освещающие «первые словенские шаги» Александра Сергеевича, этот факт в них не упоминается, в отличие от следующего: «В “Иллиришес Блатт” № 51 за 1838 год сообщалось о выходе в свет полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 7 томах. В этой же статье сообщались подробности о том, что 3 тома уже поступили в продажу, а в седьмом томе планировалось напечатать портрет Пушкина и его библиографию»⁵, — ссылается в 2017 г. на известный сборник «А.С. Пушкин в южнославянских литературах» 1901 г. Е.В. Степанова⁶.

«Знакомство читательской аудитории с творчеством великого русского поэта состоялось сначала через так называемый язык посредника — немецкий — главное тогда средство общения образованных людей: в 1838 г. в люблянской немецкоязычной газете “Иллиришес блатт” (№ 43) был опубликован перевод “Делибаша”. Позднее там же (№ 51) упоминается об издающемся в Санкт-Петербурге семитомном собрании сочинений А.С. Пушкина», — пишет Н.Н. Старикова в своей статье 1999 г. «А.С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.)»⁷, где также есть ссылка на работу И. Приятеля «А.С. Пушкин у словенцев» в том же сборнике 1901 г.

Однако поисковик не связал этот номер газеты с вышеуказанным запросом. Статью мы смогли найти вручную, обнаружив, что для

³ Illyrisches Blatt: Zeitschrift für vaterländisches Interesse, Wissenschaft, Unterhaltung und Belehrung. 43. 27.10.1838. P. 169.

⁴ Illyrisches Blatt. 49. 08.12.1838. P. 196.

⁵ А.С. Пушкин в южно-славянских литературах. Сборник статей под ред. И.В. Ягича. Том LXX. № 2. СПб, 1901. С. 372.

⁶ Степанова Е.В. Франце Прешерн. Жизнь и творчество. СПб, 2017. С. 577.

⁷ Старикова Н.Н. А.С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.) // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 229.

ее открытия в поисковую строку следовало бы ввести еще один дополнительный вариант написания *puskins* (всего 8 записей с 1838 по 2012 г.) — в иных случаях данный результат не показывается.

27 февраля 1840 г., 9-й номер вновь открывает новый перевод на немецкий — «Ворон к ворону летит...» (1828), получивший по воле переводчика Винценца Цузнара (словен. *Cuznar* / нем. *Zusner*; 1804–1874) либо его редактора название «Два ворона» (*Die beiden Raben*). Примечательно, что именно это стихотворение, под схожим названием, но уже в словенском варианте — *Dva vrana*, поиск на «DLib.si» выдает как первое упоминание поэта в заголовках; перевод выполнен неким Калопером (*Kalopèr*) и опубликован в знаменитом журнале «Люблянски звон»⁸.

Первая запись *Puškin* появляется в 1841 г. — на «иллирийском наречии», современном хорватском языке. Станко Враз⁹ (1810–1851), один из крупнейших поэтов своего времени, родом из Словении, поддержавший иллирийское движение, переселившийся в Загреб и ставшим одним из первых блистательных поэтов в истории хорватского романтизма, в своей книге «Голоса из Жеровинской дубравы» (*Glasi iz dubrave Žerovinske*), вышедшей в Загребе в 1841 г., дважды приводит строки из наследия русского поэта в качестве эпиграфов. В этом сборнике баллад и романсов уже состоявшийся поэт представил переводы на хорватский значительной части своих ранних стихотворений, изначально написанных на словенском языке.

Прямо на титульном листе, тем самым открывая весь сборник, С. Враз приводит четверостишие А.С. Пушкина, по всей вероятности, из поэмы «Бахчисарайский фонтан». Сходство не вполне очевидно, перевод весьма вольный, однако в поддержку данного предположения выступает тот факт, что поэма была впервые опубликована в Санкт-Петербурге в 1824 г., затем через три года переиздана, уже в 1826 г. появляются первые переводы на немецкий и

⁸ Один из двух первых в Словении толстых журналов, посвященных национальной литературе (наряду с журналом «Дом ин свет»). — *Ljubljanski zvon*. 1883. L. 3. Št. 9. S. 544.

⁹ О Станко Вразе мы писали ранее: *Созина Ю.А.* История переводов поэзии Лермонтова в Словении // Лермонтов М.Ю. в культуре западных и южных славян. М., 2016. С. 60–74; *Она же.* Поэзия Лермонтова у словенцев (сопроводительная статья к двуязычному изданию) // *Lermontov M.J. Pesmi in pesnitve*. Radovljica: Didakta, 2015. С. 5–17; *Она же.* ВРАЗ Станко // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 79–80.

французские языки, выполненные соответственно Ж.-М. Шопеном¹⁰ и А.Е. Вульффертом¹¹, произведение получило широкую известность, и С. Враз вполне мог не просто знать о нем, например от своих русских респондентов, но и непосредственно ознакомиться как с русским оригиналом, так и с переводами.

<i>V umje mojem minuvši ljeta.</i>	<i>Родилась я не здесь, далеко,</i>
<i>Čas ot času temnej, temnej;</i>	<i>Далеко... но минувших дней</i>
<i>No zaronilaš pjesnja eta</i>	<i>Предметы в памяти моей</i>
<i>Gluboko v pamjati mojej¹².</i>	<i>Доныне врезаны глубоко.</i>

Второй раз строки Пушкина предваряют балладу «Фредрик и Веруника» — цитата из поэмы «Цыганы» (реплика Земфиры) представлена непосредственно на русском языке, но передана латинским алфавитом¹³:

<i>– Slyšiš? chriplyj son</i>	<i>Слышишь? хриплый стон</i>
<i>I skrežet jaryj!... Как užasno!</i>	<i>И скрежет ярый!.. Как ужасно!..</i>

«Электронная библиотека Словении» располагает сразу двумя электронными вариантами книги Враз: один — из собрания вышеупомянутого Ивана Потрча, другой хранится в Люблянкой городской библиотеке. Примечательно, что на обложке книги и на титульном листе различается написание притяжательного прилагательного, связанного с местечком на северо-востоке Словении — Жеровинцы: на обложке *Žerovinske*, на титуле *Žeravinske* (что больше соответствует хорватской грамматике, но не русской или словенской; словенский же библиотечный ресурс актуализирует второй вариант написания).

¹⁰ В том же 1826 г. «Московский Телеграф» публикует перевод рецензии Э.-Ж. Эро на издание французского перевода «Бахчисарайского фонтана» из «Ревю Энциклопедик»: МТ. 1826. Ч. 9. № 17. Отд. 1. С. 74–78. (Электронный ресурс: URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles-pri-zhizni/080.htm> (дата обращения: 15.02.2021 г.))

¹¹ Первый подробнейший анализ перевода находим уже в 1827 г. в «Московском Телеграфе» за подписью Кс. (К.А. Полевой): «Der Trauerquell» («Бахчисарайский фонтан») verfäbt von Alexander Puschkin. Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Wulfert: МТ. 1827. Ч. 13. № 3. Отд. 1. С. 226–230. (Электронный ресурс: URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles-pri-zhizni/081.htm> (дата обращения: 15.02.2021 г.))

¹² Обратный подстрочник перевода выглядит так: «В моих мыслях прошедшие года. / Время из-за времени темнее, темнее; / Но закралась песня эта / Глубоко в память мою».

¹³ *Vraz S. Glasi iz dubrave Žerovinske. Zagreb, 1841. S. 67. — Опечатка в оригинале: son вместо ston.*

Примечательно указанное издание и тем, что завершается оно списком всех подписчиков, его поддержавших, который расположился с 139 по 152 страницу. Список весьма любопытный, там можно найти многие известные имена, оставившие заметный след в истории славянских народов и их культур: словенцы Франце Прешерн («Prešern Franjo, Dr. pravah spisatelj u Ljublj», с. 150) и Франц Миклошич («Miklošič Fr. VI. Dr. mudroljubja i pravah», с. 151); чехи Франтишек Ладислав Челаковский («Čelakowski Fr. Lad., spisatelj česki») и Вацлав Ганка («Hanka Waclaw, bibliotekar nar. česk. Museuma»; оба на с. 151); словак Павел Йозеф Шафарик («Šafarik P.J., Dr. m. i čuvar kr. česke biblioteke»; с. 151); русские О.М. Бодянский («Bodjanski Jozip Maximovič, profesor slav. jezika i literature na sveučilištu Moskovskom»), П.И. Прейс («Preiss Petar Ivanovič, prof. slav. jezika i literature na sveučilištu Petrogradskom. 2 ex.»), И.И. Срезневский («Sreznjevski Izmail Ivanovič, prof. slav. jezika i literat, na sveučilištu Harkovskom. 3 ex.»; все трое на с. 152) и многие-многие другие.

Если обратиться к собственно словенским публикациям, самым ранним — 1848 г. — оказывается упоминание Александра Сергеевича в ряду славнейших мужей, которыми может гордиться славянство, с самых древних времен: «Ученые люди: Управда (Юстиниан), римский кесарь, Нестор, Гаек из Гайку, Коперник, Боскович, Велеславин, Коменский, Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гундулич, Красицкий, Добровский, Копитар, Вега, Долинар, Линде, Коллар, Шафарик, Юнгманн, Палацкий, Мицкевич, Палмонич, Марко де Доминис, Доситей Обрадович, Косеский, Мажуранич и т. д., и т. д.»¹⁴ (мы приводим целиком данный весьма примечательный список, свидетельствующий о том, что Пушкина хорошо знали и ценили). Это отрывок из статьи «Краткий обзор европейских народов», которую в пяти своих августовских выпусках (№ 10–13, 16), в разделе «Неполитическая часть» на четвертой (заключительной) полосе, печатала газета «Словения», выходившая в Любляне с 1848 по 1850 гг.

Добавляем в поисковик запрос *puškina* — получаем 5139 записей, которые во многом будут совпадать с исходным *puškin*, поскольку оба слова могут встречаться в одних и тех же публикация, но также находим и новые: так, предыдущий поиск совсем не показывал 1849 г.

¹⁴ Kratki pregled evropejskih narodov // Slovenija. 11.08.1848. L. 1. Št. 12. S. 48.

19 июля 1849 г. в газете «Словенске новине», выходившей в Целле, публикуется датированное 10 июля письмо школьного учителя из Триеста Ивана Мацуна, который объявляет о начале работы над югославянской хрестоматией «Цветы югославянские с дополнительными цветами других ветров славянских» (*Cvetje jugoslavjansko s dodanimi cveti drugih vetrov slavjanskih*) и сборе средств на печать, поэтическую часть названной книги, представляя русскую литературу, дополнили бы произведения Державина, Пушкина и Козлова¹⁵. Точно такое же объявление публикует буквально на следующий день и «Словения» — 20 июля¹⁶. И действительно первый том хрестоматии вышел в Триесте в 1850 г. с чуть скорректированным названием и подзаголовком «I. Цветы словенской поэзии»¹⁷. Это издание также можно найти на портале «DLib.si», и в нем также упоминается Александр Сергеевич и его «Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин» в 11-м параграфе «Классификация стихов повествующих» (§ 11. *Razdeljenje pesem pripovedajočih*)¹⁸.

В 1850 г. вышеуказанное периодическое издание сменил «Люблянски часник» (дословно «Люблянская газета»; издатель тот же — Йозеф Блазник), который в конце первого года своего существования в трех номерах публикует сатирическую «Сказку от золотой груши. 1-я часть для ученых»¹⁹ Янеза Трдины (1830–1905), в то время только начинавшего литературную карьеру, публикуя у Й. Блазника свои первые поэтические и прозаические произведения (самые ранние вышли в свет как раз в «Словении», в 1849 г.). И вдруг именно в этой сатирической сказке, там где главный герой с говорящим именем Радоведец (*любопытный*) размышляет о возможных путях объединения славянства, появляется Александр Сергеевич:

¹⁵ *Macun I. Oglas // Slovenske novine*. 19.07.1849. L. II. Št. 29. S. 119–120.

¹⁶ *Macun I. Oglas // Sloveninja*. 20.07.1849. L. II. Št. 58. S. 232.

¹⁷ *Macun I. Cvetje jugoslavjansko s dodanimi cveti drugih slavjanskih vertov*. I. cvetje slovenskiga pesništva. U Terstu. Tiskano po Austr. Lloyd. 1850. Dem zweite Titel lautet: Cvetje slovenskiga pesništva. Zložil Ivan Macun. Kdor zaničuje se sam, podlaga je tujčevi peti. Koseski. U Terstu. Tiskarnica Austrijskiga Lloyd. 1850.

¹⁸ *Ibid.* S. 70.

¹⁹ *T. d. a Jan. Pripovedka od zlate hruške*. I. del za učene // *Ljubljanski časnik*. L. 1. 29.11.1850. Št. 70. S. 280; 03.12.1850. Št. 71. S. 284; 06.12.1850. Št. 72. S. 288.

*Druga in ravno tako gotova pot bi bila, po postavah magnetizma slovanski duh v spanju tudi v Madžare in Nemce razliti. Tako bi oni, ko bi se zjutraj prebudili svoje Göthete in Kyse med tujo robo šteli, se pa sladko pri imenih Palacki, Prešern in Puškin smejali in tedaj z dušo in telesam poslavenjeni gotovo v slovansko zvezo roko podali*²⁰.

Другим и точно таким же верным способом было бы — по законам магнетизма славянский дух во сне и на венгров с немцами разлить. Вот бы они, утром проснувшись, своих Гёте и Кишев за иностранный товар посчитали, да сладко бы при именах Палацкий, Прешерн и Пушкин посмеивались, и тогда они, душой и телом ославянившись, наверняка бы протянули свою руку в славянский союз.

В том же периодическом издании Янез Трдина еще раз упоминает А.С. Пушкина 27 декабря того же (1850) года в своей обширной статье, название которой приблизительно можно перевести как «Ревизия²¹ словенских поэтов»²². Рассуждая о заслугах одного из крупнейших поэтов Йована Весела Косеского (1798–1884), своего современника, Янез Трдина, в частности, пишет:

*Res je sicer ta pesnik do zdaj večidel prestavljal, ker naš clo pesmi, o katerih ni to očitno rečeno, na reči opomnijo, ki smo jih v drugih jeziki brali, pa tudi Schiller, Göthe in Puškin so se s prestavljanjem pečali. Po naših mislih naj bi samo nar bolj izverstni pisatelji prestavljali, ki ne znajo le besed, ampak tudi duh izvirniga jeziga prenesti. De je bil naš Koseski mojster zato, kaže divica orleanska in skorej vse druge prestave nemških in ruskih poezij*²³.

Правда, однако, что этот поэт до сих пор большей частью переводил, потому что наш, даже стихи, о которых напрямую это не сказано, напоминают вещи, читанные нами на других языках, так ведь Шиллер, Гете и Пушкин тоже переводами увлекались. По нашему мнению, пусть как раз выдающиеся писатели и переводили бы, которые не только словом владеют, но и дух оригинала перенести могут. И на то, что наш Косеский был в том мастер, указывает Орлеанская дева и почти все прочие переводы немецкой и русской поэзии.

²⁰ *T.d.a. Jan. Pripovedka od zlate hruške. I. del za učene // Ljubljanski časnik. L. 1. 06.12.1850. Št. 72. S. 288.*

²¹ Словен. *pretres* соответствует рус. *сотрясение, потрясение, перетряхивание* и т. п.

²² *T.d.a. Pretres slovenskih pesnikov // Ljubljanski časnik. 13.12.1850. Št. 74. S. 296; 16.12.1850. Št. 75. S. 300; 20.12.1850. Št. 76. S. 304; 24.12.1850. Št. 77. S. 308; 27.12.1850. Št. 78. S. 312; 31.12.1850. Št. 79. S. 316.*

²³ *Ibid. S. 312.*

Как известно, впервые по-словенски Пушкин звучал лишь в 1853 г. — перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» в свою хрестоматию для школьников включил Ф. Миклошич²⁴. К сожалению, этого издания в «DLib.si» пока нет. Из трех найденных поисковиком публикаций за этот год только две упоминают Пушкина — и вновь 1) вместе со «знаменитыми мужами русско-славянского племени» наряду с Нестором, Ломоносовым, Карамзиным — Суворовым, Кутузовым²⁵; 2) в «Жизни славных славян», в главе XXI, посвященной И.А. Крылову, как его современник и друг²⁶. И так далее, все чаще и чаще — Пушкин упоминается в переводах, журнальных статьях и публикациях, посвященных славянскому миру, России и русской культуре, а также в связи с каким-либо важным событием или просто как обращение к яркому образу. Пушкин постоянно присутствует в культурной жизни словенцев.

Если обратиться к нашему времени, то в XXI в. количество упоминаний Пушкина в «DLib.si» ежегодно варьируется от 28 в 2006 г. до 71 в 2013 г. (только на словенском языке). Так, за 2020 г. это 30 публикаций. К сожалению, доступ к большинству из них пока еще возможен только непосредственно из Национальной и университетской библиотеки, а также вариативно из других публичных и специализированных библиотек Словении. Однако и те пять публикаций (три источника), которые все-таки возможно получить в электронном формате, заслуживают внимания.

Во-первых, это три номера газеты «Нови тедник» Савиньского региона, расположенного в центральной Словении, части исторической Нижней Штирии, с крупнейшим городом Целье (ок. 50 тыс. чел.) — за 30 января, 6 и 13 февраля 2020 г., где еженедельник сначала анонсирует, а затем и весьма подробно освещает Дни русской культуры «Прешерн & Пушкин», проходившие с 5 по 8 февраля. Организованные Центральной библиотекой Целье и двумя гимназиями, они включили в программу выставку, просмотр фильма («Пушкин — последняя дуэль»), круглый стол и конечно же много поэзии. Стихи Пушкина звучали как в словенских переводах, так и в оригинале.

²⁴ Старикова Н.Н. Словенские переводы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина // А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 90.

²⁵ Rozman J. Kratka dogodivščina slavianskega sveta // Drobntince za novo leto 1853. Celovec, 1853. S. 235.

²⁶ Kmetijske in rokodelske novice. 10.09.1853. L. 11. Št. 73. C. 290.

Далее, во-вторых, Институт словенского языка имени Ф. Рамовша (Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств) по результатам двух исследовательских проектов публикует материалы словаря «Э-Грамматика 2019» (*ePravopis 2019*), куда вошли «сложные случаи» правописания в современном словенском языке как предложение для рассмотрения Комиссией по правописанию при САНИ, занимающейся кодификацией национального литературного языка. Так вот, Александр Сергеевич вошел в этот труд дважды — в статьях, раскрывающих слова *car* (в примере *Sankt Peterburg je znan kot mesto carjev, generalov in Puškina*²⁷ / «Санкт-Петербург известен как город царей, генералов и Пушкина») и *prevzvišenost* (в примере *Knjigo Puškin posvetil njeni/Njenji prevzvišenosti knežni Marini Arkadijevni Goliciini*²⁸ / «Книгу Пушкин посветил её/Её светлости княжне Марине Аркадьевне Голицыной»²⁹).

И наконец, пожалуй, для нас самое релевантное: под грифом философского факультета Люблянского университета проф. Тоне Смолей издает монографию «Словенская литература и высшая школа. Градец, Вена, Прага, Краков, Любляна (1839–1943)»³⁰, где также не обходит стороной имя великого русского поэта в главах «Лекции о словенской литературе на словенском языке в Грацком университете до 1919 г.», «Диссертации по словенскому литературоведению в Граце», «Воеслав Моле — краковский студент», «*Перспективы получишь, а средства найди себе сам*. Словенские писатели — слушатели люблянского философского факультета (1919–1929)». Он упоминается в связи с такими известными именами словенских филологов, университетских преподавателей и литераторов как Райко Нахтигал (1877–1958), рассказывавший в Граце даже в 1918–1919 гг. «о пушкинских сказках, что было храбрым поступком, ведь русские темы тогда были нежелательны»³¹; как Матия Мурко (1861–1952), читавший в Граце лекции о гоголевском «Ревизоре» и пушкинском «Евгении Онегине»³²; как Иван Приятель (1875–1937), который еще

²⁷ *ePravopis 2019*. Ljubljana, 2020. S. 140.

²⁸ S. 680.

²⁹ В словенском тексте ошибка, правильно: княгиня Мария Аркадьевна Голицина.

³⁰ *Smolej T. Slovenska književnost in visoka šola*. Gradec, Dunaj, Praga, Krakov, Ljubljana (1839–1943). Ljubljana, 2020. S. 42, 53, 64, 93, 101.

³¹ Там же. С. 42.

³² Там же. С. 53.

в гимназические годы перевел «Капитанскую дочку», а в университетские — написал ряд статей о русской литературе и собирал материалы для исследования «Пушкин в словенских переводах», которое «считается первым компаративистским сочинением на словенском языке»³³ и которое было опубликовано хорватским филологом славистом И.В. Ягичем (1838–1923) в сборнике «Пушкин в южнославянских литературах» (Санкт-Петербург, 1901). В этом ряду Воеслав Моле (1886–1973), опубликовавший в 1909 г. в Кракове статью «О словенской литературе», где вслед за Матией Чопом³⁴ (1797–1835) сравнил значение Прешерна для словенцев со значением Мицкевича для поляков и Пушкина для русских³⁵; и Братко Крефт (1905–1996), защитивший в Любляне диссертацию «Пушкин и Шекспир» (1939)³⁶.

Из, казалось бы, разрозненных фактов складывается четкая картина устойчивого интереса словенской интеллигенции к наследию великого русского поэта, без которого современное восприятие истории мировой литературы немислимо.

Как известно, словенский портал «DLib.si» постоянно совершенствуется, благодаря ему появилось гораздо больше возможностей и результатов обращения к источникам более давних эпох и, как следствие, введения в научный обиход новых фактографических данных. Вместе с тем, нельзя не признать, что для полноты представлений о предмете исследований все-таки следует ехать в страну изучаемой литературы / культуры и только так, работая в библиотеках и архивах, встречаясь с зарубежными коллегами — представителями разных исследовательских школ, полностью погружаясь в материал, можно идти в ногу со временем.

³³ Smolej T. Slovenska književnost in visoka šola. Gradec, Dunaj, Praga, Krakov, Ljubljana (1839–1943). Ljubljana, 2020. S. 64.

³⁴ Čop M. Pisma in spisi / ur. J. Kos. Ljubljana, 1983. S. 79. — Цит. по: Старикова Н.Н. А.С. Пушкин в словенских переводах. С. 228.

³⁵ Smolej T. Slovenska književnost in visoka šola. С. 93.

³⁶ Там же. С. 101. — О названной работе, отразившейся в одноименной монографии исследователя, мы довольно подробно писали в статье: *Созина Ю.А.* Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007. С. 252–263.

РУССКО-МАКЕДОНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация: В статье проанализированы предпосылки и факторы активизации македонско-русских культурных и литературных связей, охвачены научные центры и вузы, содействующие их развитию, показано их проявление в разных областях современной македонской и русской культуры. Автором статьи является не сторонний наблюдатель, а один из непосредственных участников и исследователей изучаемого процесса, отметивший деятельность переводчиков, труды русских и македонских литературоведов, конференции и другие мероприятия, содействующие международным творческим контактам.

Ключевые слова: Македонская академия наук и искусств, РАН, МГУ, Македонский университет, «Из века в век. Поэзия Македонии», Милан Гюрчинов, Гане Тодоровский.

Dimitrija RISTESKI
(North Macedonia)

RUSSIAN-MACEDONIAN LITERARY AND CULTURAL RELATIONS IN THE EARLY 21st CENTURY

Abstract: In the article there are analyzed Russian-Macedonian cultural and literary relations, the scientific centers and universities that promote their development are covered, and their manifestation in different areas of modern Macedonian and Russian culture is shown. The author of the article is not an outside observer, but one of the direct participants and researchers of the process under study. He marked the work of translators, the works of Russian and Macedonian literary critics, conferences and other events that promote international creative contacts.

Keywords: Macedonian Academy of Sciences and Arts, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, Macedonian University, "From century to century. Poetry of Macedonia», Milan Gyurchinov, Gane Todorovsky.

Как в минувшем, так и в начале XXI в. македонско-русские литературные и культурные связи основываются на взаимных славянских и православных корнях. Данные связи весьма понятны, так как их интенсивность зависела от исторических, общественно-политиче-

ских и экономических условий в обеих странах. Можно заметить, что именно эта интенсивность стала расширяться и усиливаться после Второй мировой войны, когда Македония, находясь в составе югославской федерации, становится самостоятельным государством. Интенсивность литературных и культурных связей между Македонией и Россией продолжает возрастать и в начале XXI столетия. Это происходит из года в год параллельно с развитием и укреплением всесторонних отношений между нашими странами и народами. Научная и кадровая основа для этого созданы еще в минувшем веке, благодаря основанию кафедры македонского и русского языков на филологическом факультете Университета им. Кирилла и Мефодия в Скопье, деятельности кафедры славистики на филологическом факультете Московского государственного университета, основанию международного семинара македонского языка, литературы и культуры в Охриде, проведению семи македонско-русских научных конференций (1995, 1998, 2001, 2009, 2012, 2015 и 2017) и другим мероприятиям, в которых принимали участие известные деятели науки двух стран. Необходимо отметить вклад Македонской академии наук и искусств (МАНИ) и Российской академии наук, которые в рамках своих проектов и научных конференций исследовали македонско-русские литературные и культурные связи. Где-то в начале этого столетия началось сотрудничество между Институтом македонского языка и литературы в Скопье с несколькими институтами и университетами России. В 2007 г. наш институт участвует в издательстве юбилейного пятого номера сборника «Филолошки студии», который печатается на четырех языках (македонском, русском, словенском и хорватском), объединяя в исследовании литературы и культуры научную мысль четырех стран. Большое значение имеют и встречи наших и русских писателей, переводчиков, деятелей науки и культуры, а также ежегодные «Майские оперные вечера» в Скопье, международный поэтический фестиваль «Стружские вечера поэзии», международные книжные ярмарки и т.д. Нескольким нашим известным ученым, писателям и поэтам вручены русские награды. Так, например, академики Милан Гюрчинов, Гане Тодоровски и несколько наших профессоров, награждены Указом Президента Российской Федерации, Медалью имени А.С. Пушкина. В декабре 2010 г. Бранко Цветковски награжден за свое поэтическое творчество Медалью имени Владимира Маяковского, а в 2012 г. Медалью имени Сергея Есенина.

Что касается кинематографии, то хотелось бы вспомнить, что македонский документальный фильм «Медовая земля» получил в октябре 2019 г. премию на фестивале «Послание к человечеству» в Санкт-Петербурге, а также гран-при за лучший фильм на фестивале «Человек и природа» в Иркутске. На международном фестивале «Восток-Запад — классика и авангард», который состоялся в 2019 г. в Оренбурге, македонская актриса Зорица Нушева получила награду за главную женскую роль в фильме «Господь существует, ее имя Петруния».

А теперь хотелось бы перейти к обзору переводов русских произведений на македонский язык с начала XXI столетия по сегодняшний день, что стало большим вкладом в развитие македонско-русских литературных и культурных связей. Начнем с переводов современных русских рассказов, составивших антологию Тани Урошевич «Хрустальный мир» (изд. «Три», Скопье, 2002). Туда вошли переводы большинства рассказов русских писателей второй половины XX в. В 2002 г. появился перевод Славки Маневой книги Валентина Распутина «Живи и помни». Пьеса Чехова «Вишневый сад» и короткие рассказы в переводе Марии Найчевской-Сидоровской опубликованы в издательстве «Магор» (Скопье, 2003).

Как в прошлом веке, так и в начале этого столетия македонские переводчики чаще всего переводили произведения русских классиков — Достоевского, Толстого, Чехова и других выдающихся писателей. Произведения Достоевского дважды переизданы на македонском языке. Кроме того, с 1998 по 2004 гг. издательство «Табернакул» выпустило четыре новые книги Достоевского в переводе Тани Урошевич и других македонских переводчиков. В 2008 г. вышла из печати новая книга молодого македонского философа Трайче Стоянова «Достоевский: из подземелья до богочеловека», и в том же году в переводе на македонский вышел составленный нами сборник рассказов Бориса Пильняка «Повесть непогашенной луны», а также роман Людмилы Улицкой «Медя и ее дети» («Просветно дело», Скопье, 2008).

В рамках проекта серийного издания «Русские классики» в газетах «Утрински весник», «Дневник» и «Вест» под лозунгом «Начни отдых с книгой» с 12 июня по 25 августа 2010 г. на македонском языке изданы 12 книг, т.е. 10 бессмертных произведений русской литературы. Они изданы в прекрасном переплете, давая возможность

македонским читателям вновь обратиться к самым известным произведениям Л. Толстого, Пушкина, Чехова, Гоголя, Горького, Булгакова, Островского, Тургенева. Замятина и Солженицына, которые, каждый по-своему, совершили в XIX и XX вв. революцию в русской и мировой литературе. Реализация этого проекта дает всеобъемлющее представление о русской литературе в Македонии начала XXI в.

Из русской поэзии первое место занимают переводы поэтов XIX–XX вв. В 2000 г. появилась книга Гане Тодоровского «Эпидемия свободы. Русская поэзия второй половины XX века». В ней представлены 5200 стихотворений 54 русских поэта. С некоторыми из них македонские читатели знакомятся впервые. Гане Тодоровский является инициатором создания первой антологии русской и советской поэзии на македонском языке, составителем которой является Владимир Огнев. Под названием «Двенадцать» она вышла из печати в 1991 г.

После публикации в 1991 г. издательством «Наша книга» избранных произведений М.Ю. Лермонтова в трех томах в 2003 г. в переводе на македонский язык появляется еще одна его книга под названием «Демон и другая поэзия», составителем, переводчиком и редактором которой является Георги Сталев — прекрасный знаток русской поэзии. Кроме поэм «Демон» и «Мцыри» в эту книгу вошли около 30 стихотворений Лермонтова.

В начале XXI столетия македонские переводчики начали проявлять интерес к русской поэзии Серебряного века, особенно к произведениям А. Блока, Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой и М. Цветаевой. Что касается футуристов, следует отметить снижение интереса к Владимиру Маяковскому и увеличение интереса к Велемиру Хлебникову. В 2005 г. впервые издана у нас его антология под названием «Заумный язык» в переводе Ефтима Клетникова. Введение к ней написал академик Милан Гюрчинов.

Хотелось бы остановиться и на некоторых исследованиях, посвященных русской литературе и появившихся в Македонии в новом столетии.

Вначале речь пойдет о двуязычном издании книги «Прикосновения: русско-македонские темы», автором которой является знаток русской литературы и культуры Гане Тодоровский. В 2000 г. она появилась на македонском языке, а в 2005 г. и на русском. Обе книги — источник данных о взаимосвязи двух культур на протяжении прошлого века. В ней раскрываются литературные, культурные,

исторические и политические контакты двух стран. С нашей точки зрения, особенно интересна первая часть обоих изданий под названием «Македонское восприятие русской литературы», где собраны драгоценные материалы о переводах произведений А.С. Пушкина на македонский язык.

Хотел бы упомянуть и книгу академика Ивана Доровского «Влияние русской и украинской литератур на творчество Райко Жинзифова», впервые опубликованную в Брно на русском языке и с большим опозданием, только в 2003 г., на македонском. Эта книга пользуется большой популярностью, потому что в ней исследуется специфика литературных влияний на творчество Райко Жинзифова.

Как в минувшем, так и в этом столетии крупнейшим исследователем русской литературы в Македонии был академик Милан Гюрчинов. Его книги, включая последнюю — «Заход аксиологического релятивизма», изданную в 2016 г., имеют большое значение для македонской и зарубежной русистики. Перечисление всех его произведений заняло бы слишком много времени, но нельзя не отметить книгу «Облик и смысл» («МАНУ», Скопье, 2000) и особенно ее третью часть «Русский литературный круг» и работу «Гармония в хаосе» с подзаголовком «Русская литературная классика и модерн», вышедшую в издательстве «Культура» в 2004 г. Они основываются на его весьма значительном произведении «Компаративные студии» («МАНУ», 1998). В его первую часть, названную «Теоретические аспекты», Гюрчинов включил свою статью «Михаил Бахтин и корни интертекстуальности», а во вторую часть под названием «Компаративные связи» — свои сравнительно-исторические студии: «С. Есенин и его место в македонской литературе», «Блаже Конески и Б.Л. Пастернак», «Русская литература и ее отражение в македонском литературном и культурном пространстве» и др. Нельзя не упомянуть и монографию академика Гюрчинова «Молодой Чехов», которая вышла в 2004 г. к 100-летию смерти А.П. Чехова. По сути, это его докторская диссертация, которую он защитил в 1960 г. на философском факультете Университета в Скопье.

Может быть это и нескромно, но, ведя разговор о македонско-русских литературных и культурных связях начала XXI в., я хотел бы назвать и две свои книги: «Русско-македонские литературные связи» (2001) и «Межславянские литературные перекрещения» (2007). О них писали несколько русских литературоведов.

Из македонских компаративистов и славистов нельзя не упомянуть коллегу Соню Стойменску-Элзесер из Института македонской литературы в Скопье, автора книги о М.М. Бахтине. В 2005 г. был издан ее труд «Сравнительная славистика», в котором речь идет о творческих взаимосвязях между македонской, чешской, словацкой и русской литературами. Приведу лишь одну из тем этой замечательной книги — тему тоски по Средиземноморью в творчестве Богомила Гюзела и Осипа Мандельштама.

Сейчас речь пойдет о присутствии македонской литературы в России. Если до конца прошлого века ее мало переводили и изучали, то в настоящее время ситуация изменилась. За последние годы в России было переведено столько же произведений македонских авторов, написано столько же статей и монографий о македонской литературе, сколько за предыдущие десятилетия. Огромная заслуга здесь принадлежит ряду выдающихся русских переводчиков и исследователей македонской литературы, а особенно Ольге Панькиной, Сергею Гловюку, Елене Верижниковой, Алле Шешкен и Марии Проскурниной. Первые трое — замечательные переводчики и составители антологий, а последние две — самые известные российские исследователи македонской литературы. О некоторых из них я многократно выражал свое мнение. А сейчас постараюсь кратко рассказать о переводах и антологиях македонской литературы в России.

Все началось в 2000 г., когда в Санкт-Петербурге в переводе Н. Смирнова вышла романная трилогия С. Яневского «Миракли» с предисловием Вячеслава Всеволодовича Иванова. О популярности этого автора свидетельствует тот факт, что перевод романа Яневского дважды переиздавался в России.

Большой вклад в популяризацию македонской поэзии в России в конце XX — начале XXI вв. внес русский поэт Сергей Гловюк. После перевода и издания на русском языке сборников стихотворений Григора Прличева, Кочо Рацина и Константина Миладинова им в 1997 г. была издана книга «Навстречу солнцу: македонская поэзия XIX–XX веков в русских переводах». Но, по-моему, наиболее значимой является его книга «Из века в век. Поэзия Македонии», вышедшая в издательстве «Радуга» в Москве в 2002 г. В ней на двух языках представлены стихотворения 47 македонских поэтов, начиная с Блаже Конеского, Ацо Шопова, Матея Матевского, Гане Тодоровского, Петре Андреевского и других поэтов старшего поколения и

заканчивая молодыми поэтами, впервые представленными русскому читателю, как, например, Янко Нинов, Лидия Димковска, Братислав Ташковски и др. Известный лингвист и переводчик Елена Верижникова перевела для Интернет-сайта македонского издательства «Блесок» на русский язык несколько рассказов Владо Урошевича. Она перевела и несколько рассказов из сборника Петре Андреевского «Все лики смерти», а также на македонский язык пьесу А.Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше», которая была опубликована в журнале «Културен живот» (№ 1–2, 2005).

В 2007 г. в Москве вышел перевод Ольги Панькиной романа Живко Чинго «Големата вода» («Большая вода») с моим предисловием. На арену вышел еще один переводчик и исследователь македонской литературы. Панькина — автор более 50 переводов с македонского языка на русский. Они имеют неопределимое значение для укрепления русско-македонских литературных и культурных связей. О. Панькина — инициатор цикла «Библиотека македонской литературы», в рамках которой каждый год выходит по одной — две, а в последние несколько лет и по десять переводов книг и антологий. Ею переведены следующие антологии: «Македонские рассказы» (2009), «Современная македонская драма» (2010), «Современная македонская поэзия» (2011). Кроме этого Панькина — автор проекта «Македонский роман 21 века» (10 книг), реализуемого совместно с Библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Наряду с перечисленным, Панькина занимается переводами в рамках проекта «135 томов македонской литературы». О. Панькина является составителем и нескольких словарей, например, «Малый русско-македонский словарь», «Русско-македонский разговорник» и др.

В 2011 г. на Международном семинаре македонского языка, литературы и культуры я имел честь представить ее перевод романа Венко Андоновского «Папокот на светот» («Пуп земли»), вышедший в издательстве «Азбука» в Санкт-Петербурге. Тираж — 8 000 экземпляров — был вскоре раскуплен, и роман был вновь переиздан.

В вышеупомянутую антологию «Македонские рассказы», составленную О. Панькиной, вошли ее переводы произведений 50 македонских авторов. В антологии «Современная македонская драма» представлено творчество восьми драматургов Македонии. В 2010 г. эта наиболее плодотворная переводчица македонской литературы в России знакомит российского читателя с книгой македонского

поэта Ристо Василевского «Храмот е сепак храм» («Храм, все-таки храм»). В послужном списке О. Панькиной и ее перевод романа Драгицы Начевской «Ненависть — глубоко», выпущенный в 2010 г. московским издательством «Парабола» в рамках цикла «Всемирный роман». Тогда же был опубликован и перевод О. Панькиной, лауреата награды «Золотое перо», полученной на Международной встрече переводчиков, романа «Время коз» Луана Старовы.

В 2011 г. увидела свет Антология современной македонской поэзии (Москва, издательство «Окоем»). Ее составителем и автором переводов выступает все та же О. Панькина, предисловие же принадлежит Алле Шешкен. Эта наиболее полная русская антология македонской поэзии содержит 360 стихотворений 64 поэтов, начиная с «Ленки» Кочо Рацина и заканчивая стихотворениями самых молодых македонских поэтов Майи Апостоловской и Йовицы Тасевского-Етернияна. Антология содержит и био-библиографические сведения обо всех поэтах, а также список всех стихотворений македонских авторов, опубликованных в России с 1957 до 2011 г. Обзор выдающейся переводческой деятельности Ольги Панькиной завершу ее переводом сборника стихотворений «Запрещенная книга» Веле Смилевского с предисловием Аллы Шешкен. На русском языке он вышел из печати в начале 2012 г. в издательстве «У Никитских ворот» в Москве. Как известно, за этот сборник, признанный лучшим из стихотворных сборников, опубликованных в Македонии, Веле Смилевский на прошлогоднем юбилейном фестивале «Стружские вечера поэзии» получил престижную премию «Братья Миладиновы».

В своей статье я охватил лишь некоторые, наиболее значимые аспекты и труды из разных областей македонско-русских литературных и культурных связей. Однако она содержит достаточно материалов и фактов, опираясь на которые, можно сделать вывод, что македонско-русские литературные и культурные связи продолжают обогащаться и крепнуть, внося свой вклад в углубление дружественных отношений между македонским и русским народами.

РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗВИТИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация: Важную роль в сохранении идентичности славян играет народная дипломатия. Это конструктивные практические шаги организаций по развитию международных контактов, направленных на межличностное взаимодействие. Автор приводит примеры международных проектов: «Славянская культурная дипломатия» (Чехия), «Посольство молодых славян: проблемы и пути их решения» (Словакия), международный конкурс «Сербия в сердце моем» (Москва), а также расширение знаний о самобытной культуре славянских народов среди молодежи в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина и др. Реализация проектов способствует распространению и сохранению национальных языков, популяризации самобытного культурного наследия славянских народов, а также развитию сотрудничества молодежи из славянских государств.

Ключевые слова: глобализация, сохранение идентичности, народная дипломатия, международные проекты, «Славянская культурная дипломатия», «Посольство молодых славян».

Natalya A. BONDARENKO

THE ROLE OF PUBLIC DIPLOMACY IN THE DEVELOPMENT OF INTER-SLAVIC CULTURAL AND SCIENTIFIC TIES

Abstract: People's diplomacy plays an important role in preserving identity. These are constructive practical steps by organizations to develop international contacts aimed at interpersonal interaction. The author gives examples of international projects. These are the project "Slavic cultural diplomacy" (Czech Republic), "Embassy of young Slavs: problems and ways to solve them" (Slovakia), the international competition "Serbia in my heart" (Moscow), as well as expanding knowledge about the original culture of Slavic peoples among young people in State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin and others. The implementation of projects contributes to the spreading and preservation of national languages, popularization of the original cultural heritage of the Slavic peoples, as well as the development of cooperation between young people from the Slavic states.

Keywords: globalization, preservation of identity, public diplomacy, international projects, "Slavic cultural diplomacy", "Embassy of Young Slavs".

В XXI в. человечество столкнулось с новыми вызовами: все возрастающей глобализацией, информационными революциями, миграционными потоками. В этих условиях перед народами особо остро стоит вопрос о защите национальных языков и культур, о сохранении идентичности.

Существенную роль в решении этих проблем играет «народная (общественная) дипломатия». Под «народной дипломатией» понимается совместная деятельность государственных и негосударственных организаций, направленная на расширение международных общественных связей страны¹.

Более полное значение данного понятия есть в исследовании А.Ю. Галеновича. Автор считает, что народная дипломатия — это совокупность форм, средств и методов внешнеполитической деятельности представителей народов мира, национальных и международных общественных организаций, отдельных людей в целях решения или содействия решению как общих, так и частных международных проблем в интересах мира, взаимопонимания и сотрудничества между народами².

Итак, под народной дипломатией мы будем понимать конструктивные шаги общественных организаций по развитию международных контактов через реализацию культурных, научных, просветительских программ.

Взаимосвязи между славянскими народами существовали во все времена, развиваясь с разной степенью интенсивности. Это имеет место и в настоящее время, в первую очередь, в области науки, культуры, образования.

Массовый характер приобретают мероприятия, способствующие расширению знаний о культуре родственных народов. Это фестивали, концерты, конкурсы. Так, далеко за пределами Белоруссии известен Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске; регулярно проходят Фестивали чешской культуры, организуемые ВГБИЛ и Чешским культурным центром в Москве³; в 2019 году

¹ Общественная дипломатия [Электронный ресурс] // Российский центр науки и культуры в Анкаре. URL: <http://tur.rs.gov.ru/%20%09/activities/253> (дата обращения: 03.12.2021).

² Галенович А.Ю. Народная дипломатия в теории и практике внешней политики Китайской Народной Республики: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. URL: <http://cheloveknauka.com/narodnaya-diplomatiya-v-teorii-i-praktike-vneshney-politiki-kitayskoj-narodnoy-respubliki#ixzz65FPqhQKe> (дата обращения: 11.11.2019).

³ Программа Фестиваля чешской культуры в РГБ [Электронный ресурс] // РГБ. URL: <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/cultural-actions/programma-festivalya-cheshskoj-kulturyi-2019> (дата обращения: 11.11.2019).

жители Нижегородской области познакомились с культурой Хорватии и Словакии в рамках Дней Хорватии и Дней культуры Словакии⁴; Дни Сербии прошли на «Тверской, 15»⁵ и т.д. Эти мероприятия проходят при поддержке посольств, культурных центров славянских государств, российских научных учреждений.

Большую работу по обеспечению конструктивного диалога между представителями научных, образовательных, культурных и иных организаций разных стран осуществляет Российско-польский центр диалога и согласия⁶, Польский Культурный Центр, Общества дружбы с Сербией, Болгарией.

Следует назвать несколько проектов, которые инициированы общественными организациями Чехии и Словакии. Один из них — Славянская культурная дипломатия (Чешско-моравский славянский союз). Он предполагает анализ языковой ситуации, сложившейся в бывших странах Восточной Европы в XXI в. После Второй мировой войны славянские государства входили в «лагерь социализма», который противостоял «неславянскому Западу». Несмотря на это, как считают авторы, научные и культурные контакты между учеными стран «восточного блока» с представителями научного сообщества из Западной Европы не прерывались; этот процесс шел не в ущерб языкам — ни родным (славянским), ни западным.

Однако в настоящее время ведущее место в международной коммуникации занимают западные языки (английский, французский, немецкий, итальянский). Родные языки славян приобретают статус «экзотических»; отсюда — отсутствие у молодого поколения мотивации к изучению иных славянских языков. Поэтому перед славянским сообществом стоит задача сохранения родных (национальных) языков, распространения их среди неславянских народов, а также

⁴ Дни Хорватии и Дни культуры Словакии пройдут в Нижегородской области в 2019 году [Электронный ресурс] // Столица Нижний. URL: https://stnmedia.ru/news/22654/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 11.11.2019).

⁵ Дни Сербии на Тверской [Электронный ресурс] // Центр славянских культур. URL: <http://slavic.libfl.ru/2019/11/09/%D0%B4%D0%BD%D0%B8-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B8%D0%B8-%D0%BD%D0%B0-%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BF%D0%BE-D1%81%D1%82-%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7/> (дата обращения: 03.12.2021).

⁶ Российско-польский центр диалога и согласия. URL: <http://rospolcentr.ru/> (дата обращения: 11.11.2019).

популяризации самобытной культуры славян среди молодого поколения. В этой связи предполагается шире использовать СМИ — интернет, ТВ и т.д.

Обеспокоенность авторов проекта обусловлена объективными причинами: возникновением моноэтнических государств⁷, влиянием «глобализационных рисков на систему образования», усилением влияния английского языка на языковую и социокультурную ситуацию в Европе, поскольку «...вторгаясь в иноязычное коммуникативное пространство, глобальный английский не только изменяет лексический состав и коммуникативные нормы принимающего языка [...] но, задавая идеологический вектор концептуализации процессов и явлений, становится катализатором культурных и ценностных трансформаций»⁸. Поэтому «вопрос об идентичности выходит на первый план»⁹. Заметим, что есть разработки по конкретным системным проблемам, которые могут возникнуть в образовании при условии дальнейшей глобализации (Мачехина О.Н.)¹⁰.

В связи с этим следует привести мнение крупного специалиста по вопросам языкового многообразия в ЕС Л. Орбан¹¹ о том, что для осуществления европейской интеграции необходимо большее разнообразие языков, чтобы не допустить доминирования английского языка. Как подчеркивают авторы проекта, для развития мировоззренческого потенциала молодого человека необходим такой запас информации, который способствовал бы сохранению духовности и национального самосознания, а для этого необходимо развивать у молодежи интерес к родным языкам, родной истории и культуре. Известно, что самосознание предполагает развитие исторической па-

⁷ Примером может служить сербохорватский язык, который утратил свой базис с созданием новых государств: *Штейнке К.* Глобализация — регионализация и лингвистика // Глобализация — этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. Кн. 1. С. 255.

⁸ *Гриценко Е.С., Кирилина А.В.* Языковая политика в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 100.

⁹ *Кочетков В.В.* Идентичность и культура в современных международных отношениях. М., 2015. С. 65.

¹⁰ *Мачехина О.Н.* Системные проблемы развития образования в условиях глобализационных рисков // Стратегия развития образовательного пространства в условиях глобальных рисков. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 152–159.

¹¹ Цит. по: *Рекош К.Х.* Языковая политика в Европе — Вавилоне XXI века // Вестник МГИМО-Университета. М., 2014. № 3. С. 227.

мяти, изучение прошлого. Нельзя не согласиться с мнением немецкого культуролога Я. Ассмана, отмечавшего, что историческое беспомощество создает опасность культурного распада.

Широкое распространение получил в Чешской республике проект «Славянская культурная дипломатия», в котором принимают участие ученые, деятели культуры, школьники, студенты из Польши, Словакии, Хорватии, Болгарии, Сербии, России.

В 2017 г. студенты славянской гимназии г. Братиславы представили свой проект «Посольство молодых славян: проблемы и пути решения», цель которого — объединение и развитие сотрудничества молодежи из славянских государств. Свои предложения они озвучили на площадке МДН ежегодного международного форума «Россия и славянские народы в движении эпох», инициированного Институтом языков и культур им. Льва Толстого.

В 2019 г. в этом форуме участвовали не только студенты славянской гимназии Братиславы, но также молодежь из г. Банска-Быстрица (Словакия), г. Ужица (Сербия), из Университета Загреб (Хорватия), а также российские школьники и студенты. Очевидно, что подобные мероприятия позволяют лучше понять друг друга, приобрести навыки ведения переговоров, мотивируют молодежь к изучению славянских языков, истории и культуры.

Большую роль в популяризации наследия славянских народов играют в этом и Общества дружбы. Так, например, с 2010 г. Общество русско-сербской дружбы (председатель — И.М. Числов) при поддержке посольства Сербии в России проводит конкурс патриотической сербской поэзии и песни «Сербия в сердце моем». Цель конкурса — развитие интереса к поэтическому и песенному творчеству сербского и русского народов, а также к памятникам культуры Сербии. Интерес к конкурсу растет год от года: если в первом конкурсе в 2010 г. было всего 43 участника, то в 2019 г. в нем участвовало уже 1200 человек. Среди них были школьники, гимназисты, студенты из Барнаула, Белгорода, Долгопрудного, Калуги, Костромы, Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Саранска, Рязани, а также из г. Гомель (Белоруссия).

Конкурс проходит по следующим номинациям: выразительное чтение произведений классиков сербской поэзии (Й. Дучича, С. Стефановича, Р. Зофовича, М. Ракича и др.), исполнение сербских песен, для студентов — перевод с сербского языка на русский произведений

фольклора или художественной литературы. Этот конкурс поддержал Чрезвычайный и Полномочный Посол РС в РФ профессор Славенко Терзич, назвав его «одной из самых ярких страниц в деятельности Посольства». Участников конкурса приветствовали сербские поэты Любица Милетич, Лиляна Хабьянович-Джурович, студенты и преподаватели Белградского университета, поэт-переводчик А. Парпара и др.

Благодаря этому конкурсу российские школьники и студенты открыли для себя неповторимый мир Сербии, страницы ее героической истории, литературы, музыки; многим из них захотелось изучать сербский язык. Конкурс «Сербия в сердце моем» является яркой иллюстрацией деятельности общественных организаций в рамках «народной дипломатии».

На наш взгляд, необходимо широкое знакомство с культурой славян как в вузах, так и в средних учебных заведениях. Такая практика есть. Например, в Московском государственном медико-стоматологическом университете им. А.И. Евдокимова, где действует славянский научный кружок, в Институте русского языка им. А.С. Пушкина и др.

В 2006 г. в Государственном Институте русского языка им. А.С. Пушкина для студентов бакалавриата были разработаны программы: «Россия и зарубежные славяне: философский и историко-культурологический аспекты взаимосвязей», «Диалог славянских культур», «Русская тема в культуре славян», «Взаимосвязи славянских культур», «Категория прекрасного в культуре южных и восточных славян (эпоха Средневековья)». Общая направленность этих спецкурсов — не только расширение представлений студентов о самобытной культуре, но и отражение «истории взаимосвязей» (Л. Кишкин) России и славянских народов в разные исторические периоды. Методологической и философской основой данных спецкурсов явились диалоговая концепция М.М. Бахтина, которая выявляет глубинное единство языка и культуры; концепция В.М. Жирмунского¹²; цивилизационная концепция «диалога культур» (как методология историко-культурологического анализа различных парадигм воспитания, эволюции их взаимосвязей, выявления целостной картины мира) С.И. Гессена; концепция языковой личности

¹² Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С. 194.

(Ю.Н. Караулов, В.П. Фурманова и др.), а также идея славянской взаимности (Я. Коллар).

В ходе знакомства с важнейшими явлениями в культуре народов студенты приоткрывали малоизвестные страницы своего Отечества, история которого тесно переплелась с известными именами белоруса Симеона Полоцкого, чеха Эдуарда Направника, поляков Яна Черского и Бронислава Пилсудского, словака Душана Маковицкого и многих других.

Эти курсы вызывали интерес у студентов из Молдавии и Румынии, Китая и Сербии, Чехии и Словакии, Вьетнама и Венгрии, помогая им лучше узнать Россию. Один пример из практики: китайский студент попал на первое занятие и отказался посещать спецкурс автора этих строк, заявив, что он приехал изучать русский язык, а славяне ему неинтересны. Однако он приходил на занятия, слушал однокурсников, смотрел чешские, польские, сербские фильмы и в итоге написал работу «А.С. Пушкин в Чехии» (используя книгу Л. Кишкина). В конце спецкурса он утверждал, что именно благодаря спецкурсу он стал лучше понимать русских.

На зачетах в Институте русского языка им. А.С. Пушкина обычно звучат стихи А. Мицкевича и Ю. Словацкого, Т. Шевченко и Яна Неруды, Вани Димовой и Янко Краля, Андрея Сладковича и Десанки Максимович. Это тоже одно из неперемennых условий знакомства с культурой славян.

Итоги работы за год подводятся на ежегодных Кирилло-Мефодиевских чтениях. В секции «Взаимосвязи славянских культур» принимают участие студенты не только вышеупомянутого вуза, но и МГПУ им. В.И. Ленина, МГУ, СПбГУ, а также студенты из Польши, Словакии, Белоруссии. Вот лишь некоторые темы студенческих сообщений: «Языковой вопрос как фактор формирования чешской политической культуры в конце XIX в.», «Литературная жизнь украинской интеллигенции в Праге (20–30 гг. XX в.)», «Проблемы прогресса, культуры, морали в предвыборной кампании чешских клерикалов 1907 г. (по материалам газеты “Чех”», «Образ шута Палечека в русской и чешской литературе», «Образ Родины в поэзии Евгения Маланюка», «Музыка чешской души (чешская поэзия в переводах К. Бальмонта)», «Русско-словацкие культурные связи XIX–XX вв. (актуальность идеи славянской взаимности в эпоху глобализации)», «Фресковая живопись средневековой Сербии», «К истории чешских переводов А.А. Фета» и др.

Таким образом, деятельность общественных организаций в рамках «народной дипломатии» служит пониманию у современной молодежи «живого прошлого», проектированию «живого будущего» и осуществлению настоящего как связи прошлого и будущего.

В XXI в. при широком распространении американской массовой культуры и английского языка перед «народной дипломатией» стоит важная задача сохранения славянских (национальных) языков и популяризации самобытного культурного наследия славянских народов, являющихся составной частью европейской и мировой культуры.

III.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛАВЯНСКИЙ ТОПОС И СЛАВЯНСКИЙ ЛОКУС

Аннотация: В статье рассматривается многозначность понятий *топос* и *локус* как терминов риторических и литературоведческих, служащих для обозначения и различия реальности, создаваемой текстом, и действительности пространства внетекстуального. При этом топос представляется как общее место и как риторический аргумент в дискуссии о локусе славянской прародины в славянском языковедении.

Ключевые слова: славянский локус, славянский топос, locus amoenus, locus horridus, общее место, славянский этногенез и социогенез, полисемия.

Andrey I. LAZAREV

SLAVIC TOPOS AND SLAVIC LOCUS

Abstract: The article examines the ambiguity of the concepts of *topos* and *locus* as rhetorical and literary terms that serve to designate and distinguish the reality created by the text and the reality of the extra-textual space. At the same time, the topos is presented as a common place and as a rhetorical argument in the discussion about the locus of the Slavic ancestral homeland in Slavic linguistics.

Keywords: Slavic locus, Slavic topos, locus amoenus, locus horridus, common place, Slavic ethnogenesis and sociogenesis, polysemy.

Приступая к описанию славянского локуса и топоса, надо принимать во внимание многозначность этих понятий, обусловленную не только семантическим смещением собственно в истории языка, но также и межпредметным смещением, не забывая при этом, что подобная полисемия характерна и для самого коллективного имени *славяне*. Содержание этих новых понятий *славянский топос* и *славянский локус* непросто определить именно в связи с тем, что обе части этих словосочетаний сами по себе многозначны.

В отечественной филологии *топос* и *локус* относятся к понятийной базе литературоведения и риторики, где выражают неодинаковые смыслы. Однако и собственно в литературоведении термины *топос* и *локус* не имеют конкретной семантизации, а наоборот полисемичны и часто смешиваются и взаимозаменяются как синонимы. Один и тот же пространственный образ может называться и локусом, и топосом в зависимости от осмысления его как национального

символа. Так, концепт дома может быть представлен в двух образах: реального — локуса и идеального — национального топоса.

В середине XX в. немецкий исследователь Э. Курциус в книге «Европейская литература и латинское Средневековье» подробно рассмотрел *locus amoenus* как *топос приятного места*, где человек существует в абсолютной гармонии с собой и природой. По Курциусу, минимальный набор элементов топоса включает упоминание деревьев, луга, ручья или родника, к которым могут добавляться пение птиц, цветы, лёгкий ветерок¹. Также исследователь отметил связь топоса с архетипом и указал на то, что это явление коллективного сознания в литературе². В отечественной филологии термин *локус* появляется в трудах о семиотике художественного пространства Ю.М. Лотмана³.

В профильной литературе можно обнаружить множество подтверждений богатой лексической полисемии этих терминов, служащих для классификации пространственных образов. Исследователи высказывают разные точки зрения на причины такой полисемии. Обнаруживая и обобщая различные контекстуальные и дискурсивные значения этих терминов, можно выявить значения, актуальные в контексте данной статьи.

Несмотря на различные аспекты понимания рассматриваемых терминов, в фокусе нашего внимания находится возможность их использования для обозначения и различия реальности, создаваемой текстом, и действительности внетекстуального пространства. При таком взгляде становится очевидным, что пространство художественное не равно реальному, то есть реальность, выраженная в тексте, повторяет действительность только в большей или меньшей степени, но не идентична ей, и что реальность и действительность, являющиеся в ином контексте синонимами, в этом — суть разные категории⁴. Нас же, прежде всего, интересует способность локусов

¹ Curtius E.R. Die Ideallandschaft // Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern-München, 1978. P. 608

² Об этом см.: Махов А.Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 1076.

³ Об этом см.: Неклюдов С.Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былинке // Тезисы докладов во II Летней школе по вторичным моделирующим системам, 16–26 августа 1966 г. Тарту, 1966. С. 42–44.

⁴ Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11 (49). 2005. С. 87–94.

и топосов, выступая во взаимодействии, связывать географическое и культурно-символическое пространства.

Итак, локусы способствуют пространственной конкретизации, так как связаны с пространствами зримыми и осязаемыми, а не абстрактными, тогда как топосы имеют высокий уровень смысловой обобщенности. Например, можно встретить такое описание Венеции в русской литературе, где речь заходит о *венецианском топосе*, не сводимом только к своему локусу в городских пределах, а рассматриваемом в *общеевропейском топосе*⁵. Или, например, *латвийские топосы и локусы* в русском стихе⁶. Между тем, понятия *славянские локус* и *топос* пока не попадали в фокус внимания исследователей. Равно как не становились объектами научного изучения и такие их комбинации, как *славянский топос в русском локусе* или *русский топос в славянском локусе*. (Если не брать в расчёт очень любопытное в отношении соционимии тезисное упоминание В.Н. Топорова об *этноязыковом и культурном славянском локусе*, а именно о *западно-славянском локусе кривичей*, этнониму которых он находит наиболее убедительное объяснение в связи с обозначением высшей жреческой должности.)⁷

Как видно, *локусу* как конкретному пространственному образу, отсылающему к исторической и географической действительности, противопоставляется *топос*, которому отводится роль обозначения «языка пространственных отношений», пронизывающих текст, как, например, *топос бытия*, *топос социально-исторического времени*, и обозначающих место разворачивания смысла (например, В.М. Лурье называет Александрию «*топосом иудейской литургики*»)⁸. Таким образом, топосы выступают репрезентантами пространственных образов художественного текста. В рамках филологии проводятся исследования способов художественного воплощения стран и городов

⁵ Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.

⁶ Тименчик Р. Латвийские топосы и локусы в русском стихе [Электронный ресурс] // <https://postnonfiction.org/descriptions/toposyilokusy/> (дата обращения: 02.02.2020).

⁷ Топоров В.Н. Значение белорусского ареала в этногенетических исследованиях // Славяне: адзінства і мнагастайнасць: Міжнародная канферэнцыя: Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Секцыя 2. Этнагенез славян. Мінск, 1990. «Как раз в прусско-литовской зоне, отмеченной двумя крупными святилищами в Ромове и Вильнюсе, Kriv-, Krivait- ... могут пониматься как своего рода левиты, племя жрецов, священнослужителей». (С. 87–90).

⁸ Щитина Р.В. «Топос» полемики язычества и христианства // Григорий Нисский. Создание канона. СПб., 2013. С. 6.

как в целом, так и их частей. Например, В.Н. Топоров рассуждает о «*главном петербургском локусе*» и «*точечных локусах*», подразумеваемая части города в отношении к целому⁹.

Локус как конкретный пространственный объект вместе со всеми связанными с ним артефактами служит предметом исследования археологов, по результатам которых можно судить о связи локуса и топоса как географического и культурно-символического пространств. Сюжетные же локусы описываются через пары оппозиций, среди которых природный/освоенный человеком, реальный/фантастический и т.п. Из этой межпредметности складывается «представление о локусе, опирающееся прежде всего на *собственные имена и названия*, и по этому «именослову» не только осознаются страны и города, но и создаются их “гео-этнические” (О.Н. Трубачев) панорамы»¹⁰.

Изучению славянского локуса, даже если не терминологически, то по существу проблемы, посвящены многочисленные труды многих известных славистов. Дискуссия о локализации *славянской прародины* представляется предметообразующей и едва ли будет завершена в ближайшей перспективе. Помимо историко-археологических исследований разного рода славянских поселений, существует также несколько лингвистических гипотез: висло-одерская (выдвинутая польскими учёными Ю. Костшевским, Я. Чекановским, М. Рудницким и др.), средне-днепровская (М. Фасмер, Я. Розвадовский, С.Б. Бернштейн и др.) и дунайско-балканская — самая старая из существующих, отвергнутая середине XX в. чешским археологом Л. Нидерле, но поддержанная в работах 1980-90-х гг. О.Н. Трубачевым, отметившим, что «в “Повести временных лет” Нестора написаны слова, которым навсегда суждено остаться краеугольным камнем теории славянского этногенеза». Трубачев локализует прародину в Центральной Европе, на Среднем Дунае и в Паннонии, примерно в тех же краях, где расположены Нойзедлерское озеро и Балатон, с одним из которых некоторые исследователи соотносят *Мурсианское озеро* и *град Новиетун* из «Происхождения и деяний гетов» Иордана¹¹, где тот сообщает, что

⁹ Топоров В.Н. «К петербургскому» локусу М. Кузьмина // Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 550–555.

¹⁰ Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы. С. 93.

¹¹ «И по сей день нет ещё окончательно установленного отождествления ни Мурсианского озера, ни города Новиетуна. Одни полагали, что Мурсианское озеро соответствует болотам Niulsa около гор. Мурсы (Карамзин, Реслер, Моммзен,

sklavīni живут «среди болот и лесов» (*paludes silvasque*), но границей их является именно озеро (*lacus*), в ином случае названное *stagnum*¹².

Поскольку точные координаты славянского локуса остаются предметом дискуссий, не прекращающихся уже несколько столетий, а локализация этих летописных топонимов все еще однозначно не определена, то указываемая в текстах прародина славян-склавинов становится скорее похожей на топос. А поскольку проблемы локализации подробно описаны в литературе, остаётся надежда на развитие нового контекста, каким представляется топос славянской прародины.

Как уже отмечалось, в современных филологических исследованиях одно из ключевых значений понятия *топос* — это *место разворачивания символов*, которое может коррелироваться с каким-то фрагментом реального пространства¹³. Так реальное пространство соединяется с текстуальным, а в зависимости от текста — и с символическим и сакральным. Из ограниченного места, где зачастую разворачиваются какие-то локальные события, рождается смысл обобщенной символики. Так, в соединении локального ландшафта с социальной стигматизацией, выраженной в романо-германской этимологии этнонима *sklavīni*, формируется *языческий славянский топос* как *система общего места*, представляющего собой *смысловую связь целого общества*. Таким образом, через определение локуса можно в общих чертах уяснить, как формируется дискурсивный смысл обобщенной символики склавино-славянского топоса¹⁴.

Именно в этом славянском локусе-топосе, известном из сочинения Иордана, разворачивается смысл значения, принимаемого за этимологическое во всем романо-германофонном мире. И если упростить описание до прямолинейности, то эту коннотацию можно выразить

Нидерле, Третьяков); другие видели его в озерах близ дельты Дуная: либо к югу от нее (Шафарик, Брун), либо к северу от нее (Кулаковский, Шахматов, Шишич, Хауптманн, Графенауэр); наконец, третьи определяли его как Нейзидлерское озеро в Паннонии (Sasinek, Вестберг, Нидерле, Готье)» (*Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне: (Из комментария к Иордану) // *Византийский временник*. М., 1957. Т. XII. С. 10.).

¹² *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне: (Из комментария к Иордану) // *Византийский временник*. М., 1957. Т. XII. С. 3–30.

¹³ *Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы.

¹⁴ Вопрос связи этнонима с локусом требует специального рассмотрения, чтобы можно было прояснить, насколько обитатели того или иного локуса, релевантного текстовому упоминанию, осознавали себя славянами и имели такое самосознание и самоназвание.

так: *sklavīnī-славянский топос — это топос рабов с болот у Мурсианского озера*¹⁵.

В средневековом мировосприятии озёра вообще не обладали особой значимостью и символически были связаны, главным образом, с бедами и отчаянием, т.е. получали отрицательные характеристики, а «незначительное присутствие болот в текстах объясняется довольно редким упоминанием их в Библии и почти полным отсутствием непосредственно связанной с ними библейской символики. В немногих упоминаниях болот в символическом смысле они являются олицетворением пороков»¹⁶.

Из текстов многочисленных исследований о локусе языческой славянской прародины можно составить общее представление о её топосе, имеющем немного более сложную, чем у локуса, структуру. Сложности здесь добавляет полисемия самого понятия *топос*, пришедшего в филологию, как и многие другие филологические термины, из философии, где он имеет значение «*общее место*» и относится к терминологии риторики.

Источником повсеместно принятых *общих мест* являются авторитетные тексты — устные или письменные, а поскольку «общие места суть, по своему семантическому содержанию, имена»¹⁷, есть целесообразность филологических исследований для изучения смысловых связей в обществе, образующем его культуру. С точки зрения культуры, система общих мест содержит три смысловые области: «гносеологическую, моральную и позитивно-познавательную»¹⁸, среди которых нас в первую очередь интересует моральная, которая является *историческим ядром* общих мест.

С распространением церковной письменности славянский топос получил радикально новое наполнение, которое, впрочем, не искоренило народной традиции. Возникла новая система общих мест духовной морали, формируемых религией, однако Священное Писа-

¹⁵ Причем, с учетом истории изменения значений, нынешняя локализация этого топоса ассоциативно распространяется в романо-германском восприятии на весь славянский локус от Белграда до Курильской гряды, поскольку включает в себя весь российский локус. Разумеется, здесь надо иметь в виду дискриминационную негативную стигматизацию и шовинизм со стороны романо-германоязычных народов.

¹⁶ *Ефремова Ю.А.* Природа в цистерцианской традиции XII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 15.

¹⁷ *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М., 1999. С. 121.

¹⁸ Там же. С. 116.

ние, ставшее опорным текстом, фиксирующим аксиомы духовного характера, не отменило фольклорных общих мест, а лишь дополнило их духовными общими местами.

Л.П. Лобанова отмечает, что для двоеверной основы европейской культуры характерно подразделение всей сферы морали на две области: фольклорную мораль и духовную мораль. Эти две области морали следует рассматривать отдельно, в том числе с точки зрения общих мест, поскольку они имеют разную направленность и подразумевают разные цели воспитательного характера¹⁹.

Общество, не чтущее Священного Писания, живет («среди болот и лесов») по законам фольклорной — практической — морали, содержащейся в системе общих мест фольклора и представляющей собой «некоторый набор рекомендаций; она не содержит запретов, носящих всеобщий характер». Фольклорному человеку, не знакомому с «духовной грамотой», то есть не имеющему Священного Писания, неизвестен, например, принцип «не убий». Связано это с тем, что фольклорная мораль есть практическая мораль: «Её цель — создание и защита материального благополучия семьи, рода и племени. В ней отсутствует принцип веры, нет запретов на воровство и убийства, а семейные отношения полов регулируются обычаем и материальными возможностями»²⁰. Духовная же мораль, признавая все принципы практической морали, дополняет её запретами на воровство, убийство, прелюбодеяние и укрепляет их строгими принципами речевого поведения: «Духовная мораль обеспечивает существование и сосуществование неродственных больших, практически безгранично больших групп людей»²¹. Иначе говоря, фольклорная мораль этимологически связана с этногенезом, тогда как духовная мораль обеспечивает социогенез.

На каждом отдельном историческом отрезке развития общества одновременно существуют *общие места, носящие временный характер*, и *общие места, имеющие вечное значение*, что позволяет рассматривать топос и в архетипическом контексте. Например, как архетипический топос, или «прасимвол», определяется образ сада — хранящийся в коллективном подсознании человечества мифологи-

¹⁹ Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения. Политическая корректность. М., 2004. С. 117.

²⁰ Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1999. С. 90.

²¹ Там же. С. 424.

чески извечный образ и представляющий собой в литературе «универсальные понятия». Например, вишневый сад в произведении А. Чехова является «локусом памяти прообраза Эдема»²². Через образ сада метафорически описывался самый широкий круг явлений — природно-биологических и религиозно-конфессиональных, моральных и эстетических, политических и идеологических.

Основательное исследование образу сада как *locus amoenus* посвятила И.И. Свирида. В разделе «Сад и его мифологемы» своей книги «Метаморфозы в пространстве культуры» она цитирует К.Г. Юнга, писавшего: «Топос сада принадлежит к числу не только глубоко насыщенных, но и архетипических понятий. Идея плодородия связывает его с материнским архетипом»²³. История садов свидетельствует об изначально свойственной человеку двуединости отношения к священному и мирскому. «Выступая важнейшими и неразрывными сторонами человеческого бытия, эти сферы с момента возникновения садов в них не столько противопоставались, сколько сопоставались, взаимопроникали. Здесь слились культивирование и культ природы, находивший выражение в сакральной, впоследствии также в эстетической форме»²⁴. В то время как сады служили местом обожествления природы, которое, «вероятно, было столь же первично, сколь и её обработка», Библия стала непосредственным источником инспирации для конкретных, локальных садов.

В целом, христианской культуре присуще восприятие сада как проекции горнего мира, тогда как сама культура, по словам П. Флоренского, «может быть истолкована как деятельность по организации пространства»²⁵. Причем эта организация сада достойна похвалы только в том случае, «если её земли по порядку небесному устроены»²⁶. Возделанные поля и ухоженные сады в нарративных источниках неизменно наделяются аллегорическим смыслом и сви-

²² Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы.

²³ Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. С. 217.

²⁴ Свирида И.И. Между *sacrum* и *profanum*: топос сада // Метаморфозы в пространстве культуры. М., 2009. С. 79.

²⁵ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М., 1993. С. 55.

²⁶ Kunczewicz M. Dobry i pobożny ziemanin. W., 1640. Цит. по: Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 119.

детельствуют о служении человека Творцу. Такие представления находят отражение и в многочисленных метафорах, например, в представлении Господа как садовника: «Боже сил, обратися убо, и призри с небеси и виждь, и посети виноград сей. И соверши ѱ, егоже насади десница Твоя» (Пс. 79:16).

Итак, языческий славянский топос следует отличать от христианского, который делится ещё и на восточный и западный топосы, формируемые латино-славянским билингвизмом и церковно-славянской диглоссией²⁷. Такими в самых общих чертах представляются *языческие* и *христианские* «славянский локус» и «славянский топос», подробное описание которых может стать предметом отдельного изучения²⁸.

По мнению В.Ю. Прокофьевой, организация пространства, создаваемого церковной литературой, имеет отношение к локальной референции, связано с системой субъектов речи текста и может рассматриваться как культурный фон²⁹. Так, в языческое геокультурное пространство, где подобные субъекты ранее не фигурировали ни в историческом, ни в литературном контексте, тексты Священного Писания ввели присносущего Спасителя, описание деяний которого потребовало новых языковых форм. Таким образом, влияние греческой школы церковной грамоты на текстуальную реальность послужило причиной семантического сдвига в содержании понятия, именуемого в этой статье *славянским топосом*.

Образно говоря, *соборный славянский топос* появляется в языческом славянском локусе только в связи с текстами Священного Писания, благодаря чему *топос Эдема и Небесного Иерусалима* расширяется до всеславянского масштаба и находит свое воплощение в локусе, например, монастырского сада Нового Иерусалима. По существу,

²⁷ Гончаренко А.В. Языковая ситуация в Древней Руси: двуязычие или диглоссия? (взгляды лингвистов на проблему) // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. No 1 (56). 2016. С. 47–52.

²⁸ В выявлении соответствий христианского топоса действительности внетекстуального пространства особенный интерес вызывает исследование Л.Н. Гумилева «В поисках выдуманного царства» с целью обнаружить в обширнейшем пространственном гео-культурном локусе нечто подобное апокрифическому топосу *Царства пресвитера Иоанна* и его сада с источником посреди — как образа благополучного устройства общего места и как топоса, не имеющего своего внетекстуального референта.

²⁹ Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы.

появление Нового Иерусалима — это и есть проявление христианского славянского топоса в закрытом пространстве российского локуса (размеры которого менялись в диахроническом отношении). В целом преобразование места из *locus horridus* в *locus amoenus* представляет собой довольно распространённый мотив легенд об основании монастырей. Сад был значимым элементом превращения места из *locus horridus* в *locus amoenus*, наглядно демонстрируя параллели между явлениями разных пластов европейской культуры и служа моделью земного рая, воплощаемого в ландшафте, когда процесс разбивки сада как бы повторяет процесс Творения в миниатюре³⁰.

В условиях церковно-славяно-русской диглоссии интересно обратить внимание на соответствие восточнославянского слова *город* и южнославянского слова *град*, пришедших в лексический состав русского литературного языка из его народной и церковной составляющих: если первый более подходит для обозначения того или иного локуса *земного*, то второй — для описания топоса *града небесного*, как его представляли Климент Александрийский и Августин Блаженный, рассуждая об откровении Небесного Иерусалима. Итак, очевидно, что соборный славянский топос, в отличие от языческого, имеет библейское происхождение, т.е. является топосом Заветным.

Можно заметить, что различие содержания терминов *топос* и *локус* связано с языками их происхождения: греческим — языком философии — и латинским — языком права. Локус имеет унаследованный от латинского происхождения характерный правовой оттенок, тогда как топос — это открытое пространство, в известном смысле — пространство аориста (др.-греч. ἀ-όριστος — «не имеющий [точных] границ», «неопределённый»), и в то же самое время общее место, ограниченное в своем моральном аспекте.

В античной философской традиции Аристотель представлял топос как ключевой элемент аргументации, как «те или иные факты жизни и мысли, которые способны сделать наш силлогизм вполне убедительным, несмотря на его материальную нелепость или просто непонятность»³¹, тогда как в филологии это понятие обрело новые значения. В советский период изучение метафизических явлений в гуманитарных науках было сильно затруднено в связи с господ-

³⁰ Об этом см.: Ефремова Ю.А. Природа в цистерцианской традиции XII века.

³¹ Лосев А.Ф. Топологическая эстетика // История античной эстетики. Т. IV. М., 2000. С. 809.

ством диалектического материализма, главная цель которого была победа над идейными оппонентами, вплоть до их искоренения. В тех условиях у исследований славянского христианского топоса было мало других перспектив, кроме нежелательных (подтверждением чего может служить судьба самого А.Ф. Лосева). В последние десятилетия в связи с активным введением термина *топос* в профильной литературе уже говорится о «топологике» как учении о топосах, то есть локально-организованных смыслообразующих пространствах и формах существования логоса как о способах развертывания конкретного смысла. Между тем, как элемент аргументации славянский топос рассматривается в этой статье впервые.

При всем различии классификаций топосов как в филологии, так и в риторике, совершенно очевидно, что понятие топоса чрезвычайно важно для теории аргументации, поскольку, следуя античному наследию, правильность аргументации и её «логичность» можно проверить, лишь ориентируясь на топосы, затронутые в обсуждении проблемы. Сам факт отсутствия в отечественном и европейском славяноведении дискуссии о славянском топосе и локусе может быть косвенно обусловлен сомнениями исследователей в целесообразности введения в научную полемику таких терминов, как *славянский топос* или *русский локус*, и нежеланием «привлекать новые сущности без крайней на то необходимости» (У. Оккам). В подтверждение необходимости введения очевидных понятий в славянскую филологию интересно замечание А.Ф. Лосева, объясняющее аристотелевскую топику и оправдывающее её: «Тот, кто считает логику Аристотеля только логикой абсолютного разума, или тот, кто считает топику Аристотеля только внешним и необязательным дополнением к абсолютной силлогистике, необходимой только ораторам или разного рода риторам, — тот находится в цепях этого невероятного, этого векового и страшного заблуждения, отнимая у Аристотеля самую живую, самую жизненную, самую человеческую часть логики, и даже не просто часть, а её завершение, её кульминацию, её непобедимое жизненное торжество»³².

Сама логика развития славянщины вопиет о необходимости применения пространственного понятия *славянский топос* в качестве топоса риторического, как аргумента в пользу его отличия от внетек-

³² Лосев А.Ф. Топологическая эстетика // История античной эстетики. Т. IV. С. 810.

стуального славянского локуса. Иными словами, пространственный славянский топос должен быть представлен как аргумент в дискуссии о славянском локусе и его аспектах.

В условиях двоеверия и двуязычия, а также в контексте социальной стратификации, в общем славянском топосе нужно отличать топос *болотных рабов* от топоса, инспирированного церковной литературой и олицетворяющего *насадителей райского сада*. Образно говоря, славянский соборный локус — это не *palus horridus*, а *paradisus amoenus*. В этой антитезе проявляется концептуальное отличие сада, обустроенного по образу, данному свыше, от некультивированного *locus horridus*, даже принимая во внимание все девственные прелести первозданной природы.

В отечественной филологической риторике топос относится к литературоведческим и текстологическим понятиям, но как социолингвистический аргумент в славяноведческих дискуссиях ещё не применялся. Несомненно, что это упущение необходимо наверстать и восполнить текстуальную лакуну славянского топоса, поскольку понятийное и коммуникативное поле славянского топоса представляется довольно обширным, и в первую очередь в связи со своей межпредметной многозначностью.

В этой статье удалось затронуть проблематику славянского топоса только в двух аспектах: во-первых, как *текстуальную реальность*, инспирированную текстами Иордана и Прокопия, а также трудами многих других исследователей, посвященных установлению краеугольного камня в фундаменте славянского этногенеза — определению славянского локуса как археологической или геокультурной внетекстуальной действительности. А во-вторых, как морально-этическую смысловую область *общего места*, представляемого в качестве вышеупомянутого риторического аргумента в иницилируемой понятием *славянский топос* дискуссии. В таком контексте славянский топос представляется краеугольным камнем *славянского социогенеза*, для которого материалы исследований этногенеза могли бы послужить, пользуясь строительной лексикой, надежным котлованом³³.

Бесспорно, что развитие сообщества славянских народов на рубеже I и II тыс., с уже вполне обозначенным национальным разде-

³³ Ведь коль скоро в фундаменте заложен краеугольный камень, то, наверняка, должен быть и котлован; котлован славянского локуса как *общее место* археологических раскопов.

лением в рамках южной, западной и восточной ветвей, получило радикально новый импульс, вдохновенный евангельским Благовестием и послуживший началом нового этапа в соборном славянском социогенезе. В таком контексте подвиг славянских Просветителей нужно рассматривать не только в этнографическом отношении, но и в социологическом, поскольку цель перевода богослужения состояла не в создании этнической церкви, а в вовлечении славян в социальные отношения радикально иного уровня, чем национальные, кровные.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августин Блаженный ⇨ 352
Аверулин Антонио (прозванный Филарете) ⇨ 75
Агафон, поп ⇨ 81
Адлова Вера ⇨ 288
Алб ⇨ 82
Албул ⇨ 81, 83
Александрийский Климент ⇨ 352
Александрович Михня ⇨ 83, 84
Ананьева Наталия Евгеньевна ⇨ 4, 11, 12, 187, 374
Андерсон Бенедикт ⇨ 171
Андоновски Венко ⇨ 331
Андреев Леонид Николаевич ⇨ 122, 299
Андреевски Петре ⇨ 330, 331
Антипов Евгений Игоревич ⇨ 159
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович ⇨ 12, 249–251, 253–265
Апостоловска Майя ⇨ 332
Аристотель ⇨ 352, 353
Арсеньев Алексей ⇨ 230
Архипенко Александр Порфирьевич ⇨ 270
Арцыбашев Михаил Петрович ⇨ 122
Арьев Андрей Юрьевич ⇨ 154, 155, 157, 158
Ассман Ян ⇨ 337
Афанасий, архиепископ Пермский и Соликамский ⇨ 63
Афанасий (Филиппович), св. преподобно-мученик ⇨ 35
Афанасия (Громеко), игумения ⇨ 43

Афиногенов Александр Николаевич ⇨ 299, 300
Афич Мария ⇨ 225
Ахматова Анна Андреевна ⇨ 328
Ашкенази Людвик ⇨ 284, 286

Б

Бакнолл-Хольнская Юстына (см. также Bucknall-Bołyńska Justyna) ⇨ 160
Баков Яша (Яким) ⇨ 232, 234, 235
Балла Владимир ⇨ 303, 306
Бальке Иоахим (см. также Bahlke Joachim) ⇨ 96
Бальмонт Константин Дмитриевич ⇨ 46, 339
Бандич Душан (Бандић Душан) (см. также Bandić Dušan) ⇨ 135, 138
Бартош Ян (см. также Bartoš Jan) ⇨ 12, 267, 268, 269, 274,
Бахтин Михаил Михайлович ⇨ 329, 330, 338
Беднар Альфонз ⇨ 280
Бедшаржих Петр ⇨ 111
Белинский Виссарион Григорьевич ⇨ 124, 130
Беллер Манфред ⇨ 70
Бендюк Микола ⇨ 36
Бенеш Эдвард ⇨ 113, 114, 240, 241, 245, 247, 252, 253, 258, 259
Бенеш Ян ⇨ 278, 286
Беньо Ян ⇨ 281
Беранкова Милена (см. также Beřánková Milena) ⇨ 111

Бернат Либор
(см. также Bernát Libor) ⇨ 86, 93

Бернштейн Инна Абрамовна
(см. также Bernštejnová Inna
Abramovna) ⇨ 179, 180, 275, 276, 283,
284, 285

Бернштейн Самуил Борисович ⇨ 346

Билек Ян ⇨ 10, 110

Благинка Милан ⇨ 279

Блазник Йозеф ⇨ 320

Блок Александр Александрович ⇨ 46,
120, 153, 253, 328

Блудов Дмитрий Николаевич ⇨ 36

Блудова Антонина Дмитриевна ⇨ 36,
37, 38

Блум Гарольд ⇨ 267, 274

Богаднович Александр ⇨ 83

Боголепов Николай Павлович ⇨ 92,
104, 105, 107

Бодянский Осип Максимович
(см. также Bodjanski Jozip
Mačimovič) ⇨ 319

Божетех, аббат
(см. также Božetěch, opat) ⇨ 73, 74

Болеслав II ⇨ 75

Бондаренко Наталия Александровна ⇨ 14, 333

Бородач Ян
(см. также Borodáč Ján) ⇨ 290, 298,
299, 300, 301, 302

Боскович Руджер Иосип ⇨ 319

Боснийская Катарина ⇨ 74, 75

Бочковский Ольгерд-Ипполит ⇨ 261

Брабенец Вратислав ⇨ 277

Бранислав Франтишек ⇨ 286

Брежнев Леонид Ильич ⇨ 284

Бржезина Отокар ⇨ 121, 286

Брий ⇨ 84

Бродель Фернан ⇨ 20

Бродский Иосиф Александрович ⇨ 158

Броук Богуслав
(см. также Brouk Bohuslav) ⇨ 13, 267,
268, 273, 274

Будагова Людмила Норайровна ⇨ 2, 7,
16, 111, 132, 250, 275, 287

Будилович (Добрянская) Элеонора
(Елена) Адольфовна ⇨ 102

Будилович Антон Семенович ⇨ 86,
91, 102, 103, 104, 105, 107, 108

Будилович Лидия Антоновна ⇨ 104,
108

Будский Йозеф ⇨ 302

Буйнак Павел
(см. также Vujnák Pavol) ⇨ 294

Буковчан Иван ⇨ 291

Булгаков Михаил Афанасьевич ⇨ 46,
328

Булгакова Илария Михайловна ⇨ 46

Буна ⇨ 84

Бурьян Я. ⇨ 293

В

В. Г. В.
(Владимир Гурбан Владимиров)
(см. также V.H.V.) ⇨ 290, 295

Вайль Иржи ⇨ 286

Вайль Петр Львович ⇨ 158

Вайсс Ян ⇨ 285

Вальдемар ⇨ 146

Вансова Тереза ⇨ 290, 294

Вантиста Константин ⇨ 84

Ванчура Владислав ⇨ 115, 284

Варлаам, митрополит ⇨ 82

Василевски Ристо ⇨ 332

Вахал Йозеф ⇨ 288

Вахтангов Евгений Багратионович ⇨ 301

Вацлавек Бедржих
(см. также Václavek Bedřich) ⇨ 181

Вацулик Людвик ⇨ 286

Введенский Александр Иванович ⇨ 108

Вейсман Александр Давыдович ⇨ 89

Велеславин ⇨ 319

Венелин Юрий Иванович
(Гуца Георгий)
(см. также Hutzá Georgius) ⇨ 9, 77,
78, 79, 80, 81, 85

Верижникова Елена Владими-
ровна ⇨ 330, 331

Весел Янез (Йован; псевд. Косеский)
(см. также Koseski) ⇨ 319, 321

Веселовский Александр Никола-
евич ⇨ 27

Вестберг Фридрих Федорович ⇨ 347

Вивег Михал ⇨ 305

Виликовский Павел
(см. также Vilíkovský Pavel) ⇨ 306, 308

Винкельман Иоахим ⇨ 68

Винницкий П.М. ⇨ 33

Виталий (Гречулевич), епископ ⇨ 37

Виталий (Максименко), архиепи-
скоп ⇨ 58

Витошинский Емельян Михайло-
вич ⇨ 65

Власова Елизавета Алексеевна ⇨ 159

Водичка Тимотеус
(см. также Vodička Timotheus) ⇨ 181

Вознесенский Павел Иванович ⇨ 89

Войнович Горан ⇨ 163, 173

Войтех, Святой ⇨ 74

Волков Анатолий Романович ⇨ 176

Воробьева Екатерина Дмит-
риевна ⇨ 250

Врабель Михаил А. ⇨ 221

Враз Станко
(см. также Vraz Stanko) ⇨ 317, 318

Враны Йозеф ⇨ 111

Врхлицки Ярослав ⇨ 286

Вульферт Александр Евстафьевич
(см. также Wulfert Alexander) ⇨ 318

Вшетичка Франтишек
(см. также Všetička František) ⇨ 181

Г

Гавел Вацлав ⇨ 16, 277, 285, 287, 288

Гавличек Боровский Карел
(см. также Havlíček Borovský
Karel) ⇨ 111, 113

Гаврюшина Лидия Константи-
новна ⇨ 151

Гаек из Гайку ⇨ 319

Гаек Иржи ⇨ 279

Гайдук Лабош Леона ⇨ 225

Галандауер Ян
(см. также Galandauer Jan) ⇨ 246, 247

Галант Ян
(см. также Galant Jan) ⇨ 156

Галас Франтишек ⇨ 287

Галаша Андрей ⇨ 292

Галенович Антон Юрьевич ⇨ 334

Гамсун Кнут ⇨ 297

Ганка Вацлав
(см. также Hanka Waclaw) ⇨ 319

Гаршин Всеволод Михайлович ⇨ 124

Гашек Ярослав ⇨ 284

Гворецкий Михал
(см. также Hvorecký Michal) ⇨ 303, 306

Гедеон (Покровский), епископ ⇨ 42

Геймбюргер Роберт ⇨ 104

Гейне Генрих ⇨ 11, 153

Генис Александр Александр-
ович ⇨ 158

- Гербен Ян ⇨ 261
- Герберштейн Сигизмунд
(см. также Herberstein Siegmund
Freiherrg von) ⇨ 315
- Герман Карел
(см. также Herman Karel) ⇨ 246
- Германикус Бонифациус
(Святой Бонифаций) ⇨ 150
- Герман-младший Алексей Алексеевич ⇨ 159
- Герцен Александр Иванович ⇨ 120
- Герчикова Ирина Александровна
(см. также Gerčikova Irina
Alexandrovna) ⇨ 2, 13, 76, 275, 287
- Гершзон Михаил Михайлович ⇨ 278
- Гершунин Павел Петрович ⇨ 65
- Гессен Сергей Иосифович ⇨ 338
- Гёте Иоганн Вольфганг фон
(см. также Göthe Johann Wolfgang
von) ⇨ 69, 321
- Гётц Франтишек ⇨ 300
- Гирса Вацлав ⇨ 253, 258
- Главан Полона ⇨ 163
- Главачек Франтишек ⇨ 258
- Гловюк Сергей Николаевич ⇨ 330
- Гнатюк Владимир ⇨ 221
- Говорухин Станислав Сергеевич ⇨ 159
- Гоголь Николай Васильевич ⇨ 13, 56,
118, 123, 125, 130, 131, 290, 292, 293,
295, 296, 299, 323, 328
- Годжа Милан ⇨ 258, 259, 264
- Гозиус Станислав ⇨ 72
- Голан Владимир ⇨ 287
- Голицина Мария Аркадьевна
(см. также Golicina Marija (Marija)
Arkadijevna) ⇨ 323
- Голы Иржи
(см. также Holý Jiří) ⇨ 180, 183, 184
- Гомер ⇨ 121
- Гончаренко Алина Владимировна ⇨ 351
- Гончаров Иван Александрович ⇨ 118, 122, 125
- Горак Иржи ⇨ 116
- Горбач, капитан ⇨ 84
- Горелова Элишка ⇨ 286
- Городецкий Даниил Михайлович ⇨ 294
- Горький Максим
(Пешков Алексей Максимович) ⇨ 119,
121, 130, 290, 293, 294, 297, 300, 328
- Гостовский Эгон ⇨ 270
- Готье Юрий Владимирович ⇨ 347
- Гоудекова Ольга ⇨ 293
- Грабал Богумил ⇨ 183, 284, 285, 286,
288
- Грабал Карел ⇨ 282
- Грабарь Владимир Эммануилович ⇨ 86, 91, 92, 103, 104, 105, 107
- Грабарь Игорь Эммануилович ⇨ 86,
91, 92
- Гракова Иллирия Сергеевна ⇨ 286
- Грамматик Сакс ⇨ 134, 146
- Граус Франтишек
(см. также Graus František) ⇨ 245
- Графенауэр Бого ⇨ 347
- Грашский Татул ⇨ 83
- Грзалова Гана ⇨ 279, 280, 281
- Грибоедов Александр Сергеевич ⇨ 291
- Григорьев Аполлон ⇨ 120
- Гриценко Елена Сергеевна ⇨ 336
- Грковић Милица ⇨ 144
- Грозав ⇨ 83
- Грубин Франтишек ⇨ 284, 287
- Грубы Яромир ⇨ 116
- Груша Иржи ⇨ 278

Губаш Николай ⇨ 221
 Гулова Петра
 (см. также Hůlová Petra) ⇨ 310
 Гундулич Иван (Дживо) ⇨ 319
 Гура Александр Викторович
 (Гура Александар) ⇨ 135, 136, 138
 Гусак Густав ⇨ 276, 277
 Гутка Ярослав ⇨ 277
 Гуца Георгий
 (Венелин Юрий Иванович)
 (см. также Hutza Georgius) ⇨ 78
 Гюзел Богомил ⇨ 330
 Гуйю Жан Мари ⇨ 114
 Гюрчинов Милан ⇨ 325, 326, 328, 329

Д

Дадоне Уго ⇨ 258, 259
 Дан Доминик ⇨ 308
 Данович ⇨ 82
 Декарт ⇨ 100
 Державин Гавриил Романович ⇨ 319, 320
 Джеймс Уильям ⇨ 269
 Джорджевич Тихомир
 (Ђорђевић Тихомир) ⇨ 138
 Димитрашка Янкулов Постельник ⇨ 84
 Димковска Лидия ⇨ 331
 Дин Джеймс ⇨ 159
 Дмитриевская Лидия Николаевна ⇨ 16
 Добровский Йосеф
 (Йозеф, Иосиф) ⇨ 319
 Доброзракова Галина Александровна ⇨ 158, 159
 Добролюбов Николай Александрович ⇨ 130
 Добрянская-Грабарь
 (Добрянская-Храброва) Ольга ⇨ 88, 91, 92, 102

Добрянский Адольф Иванович ⇨ 91
 Довлатов Сергей Донатович ⇨ 11, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160
 Догофет Радула ⇨ 84
 Долинар ⇨ 319
 Доминис Марко
 (Марк Антоний) де ⇨ 319
 Доровски Иван ⇨ 329
 Достоевский Федор Михайлович
 (см. также Dostojevskij Fjodor Michajlovič) ⇨ 10, 117, 118, 120–125, 128, 130–132, 268, 269, 327
 Драгомир ⇨ 81
 Дрляча Душан ⇨ 230
 Дронов Михаил Юрьевич ⇨ 12, 213
 Друскин Лев Савельевич ⇨ 286
 Дуличенко Александр Дмитриевич ⇨ 219, 223, 224, 226, 227, 229, 347
 Духнович Александр ⇨ 220
 Дюришин Диониз
 (см. также Đurišin Dionýz) ⇨ 21, 25, 26, 28, 29

Е

Евгений IV, Папа ⇨ 75
 Евдокимов Александр Иванович ⇨ 14, 338
 Евреинов Николай Николаевич ⇨ 299
 Евтимий, митрополит ⇨ 83
 Ержабек Бедржих ⇨ 295
 Есенин Сергей Александрович ⇨ 326, 329
 Есенский Янко ⇨ 292
 Ефимов Игорь Маркович ⇨ 159
 Ефрем, митрополит ⇨ 82
 Ефремова Юлия Александровна ⇨ 348, 352

Ж

Жигмунт, император
(см. Сигизмунд I Люксембург,
император Священной Римской
Империи) ⇨ 81

Жижек Славой ⇨ 164

Жижовић Оливера ⇨ 143

Жинзифов Райко ⇨ 329

Жирмунский Виктор Максимо-
вич ⇨ 338

Жирос Мирон ⇨ 218

З

Завада Вилем ⇨ 286

Заградник Освальд ⇨ 291

Замятин Евгений Иванович ⇨ 328

Зверев Николай Андреевич ⇨ 105

Зелинский Мирослав
(см. также Zelinský Miroslav) ⇨ 308

Зозуля ⇨ 231

И

Иван III Васильевич ⇨ 26

Иванов Вячеслав Всеволодович ⇨ 330

Иванов Игорь Владимирович
(Инов Игорь) ⇨ 287

Ивантышинова Татьяна ⇨ 250

Ильяшевич Александр ⇨ 84

Иоаннович Стефан ⇨ 83

Ионцев Владимир Алексеевич ⇨ 230

Ирак Ян (см. также Jirák Jan) ⇨ 111

Ироушек Богумил
(см. также Jíroušek Bohumil) ⇨ 12, 239

Й

Йеснер Леопольд ⇨ 300

Йон Яромир ⇨ 286

К

Кайнар Йозеф ⇨ 278

Калопер (см. также Kaloper) ⇨ 317

Калюжный Наум Михайлович ⇨ 264

Каменева Ольга Давыдовна ⇨ 259

Каменская Виктория Александровна ⇨ 274, 286

Кампанелла Томмазо (Фома) ⇨ 94, 108

Капитанёва Даниела
(см. также Karitáňová Daniela) ⇨ 303,
306

Каптерев Петр Федорович ⇨ 89

Карамзин Николай Михайлович ⇨ 319,
322, 346

Карасек Сватоплук ⇨ 77

Караулов Юрий Николаевич ⇨ 339

Карваш Петер ⇨ 291

Карл IV ⇨ 76

Карцев Николай Сергеевич ⇨ 89

Касирер Эрнст ⇨ 141

Катаев Валентин Петрович ⇨ 277, 299

Качалов Василий Иванович ⇨ 296

Качановский Владимир Василь-
евич ⇨ 223

Квапил Ярослав ⇨ 263

Квачала Ян (Иван Иванович, И.И.)
(см. также Kvačala Ján (J.R.)) ⇨ 9, 10,
86–109

Келеова-Василкова Таня ⇨ 308

Керенский Александр Федоро-
вич ⇨ 117

Керстен ⇨ 105

Кечкеш Василь ⇨ 225

Кёпплова Барбара
(см. также Köpplová Barbara) ⇨ 111

Кикош ⇨ 82

Кирилл, Святой ⇨ 24, 74, 326

- Кирилина Алла Викторовна ⇨ 336
Кишкин Лев Сергеевич ⇨ 338, 339
Клетников Ефтим ⇨ 328
Клима Иван
(см. также Klíma Ivan) ⇨ 178, 181, 284, 286
Клима Ладислав ⇨ 288
Климент Александрийский ⇨ 352
Климент, Папа Римский ⇨ 72, 74
Клюич Стево ⇨ 264
Кнежевич Зоран
(см. также Knežević Zoran) ⇨ 7, 10, 162–174
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна ⇨ 296
Князькова Виктория Сергеевна ⇨ 5, 13, 303–311, 374
Ковалевский Егор Петрович ⇨ 36
Ковач Михал ⇨ 219, 220
Ковтняк, подполковник ⇨ 253
Ковтун Елена Николаевна ⇨ 176
Когоут Павел ⇨ 278, 280, 283, 285, 286
Кожелугова Гелена
(см. также Koželuhová Helena) ⇨ 177–179
Кожик Франтишек ⇨ 286
Козак Ян ⇨ 275, 278–282, 287–288
Козлов Василий Иванович ⇨ 320
Козьма Пражский ⇨ 73
Колесар Юлиан ⇨ 235
Коллар Ян
(см. также Kollár Jan) ⇨ 7, 67–76, 292, 319, 339
Колларова Людмила ⇨ 68
Коменский Ян Амос
(см. также Komenský Jan Amos) ⇨ 9, 86, 89–102, 107, 319
Компаникова Моника ⇨ 309
Конески Блаже ⇨ 330, 339
Коперник Николай ⇨ 319
Копецкий Вацлав
(см. также Kopecký Václav) ⇨ 242
Копитар Варфоломей (Ерней) Бартол ⇨ 319
Копчаи Мариус
(см. также Kocsay Mária) ⇨ 303, 306
Косеский (см. Весел Янез) ⇨ 319–321
Космас, архиепископ ⇨ 73
Костельник Гавриил (Габор)
(Костельник Гомзов Г.) ⇨ 224, 224, 227, 229
Костиц Петар (Костић Петар) ⇨ 136
Костка Станислав ⇨ 75
Костшевский Юзеф ⇨ 346
Котляревский Александр Александрович ⇨ 86, 93
Котович Иоанн Антонович ⇨ 55
Кочетков Владимир Викторович ⇨ 336
Крал Вацлав
(см. также Král Václav) ⇨ 245
Крамарж Карел
(см. также Kramář Karel) ⇨ 241, 263
Красицкий Игнацы ⇨ 319
Красовец Александра Николаевна ⇨ 4, 10, 162–174, 374
Крашенинников Михаил Никитич ⇨ 104, 105, 107
Крестовский Всеволод Владимирович ⇨ 4, 7, 11, 12, 187–210
Крефт Братко ⇨ 324
Кржижек Юрий
(см. также Křížek Jurij) ⇨ 243, 245, 246
Криштуфек Петер ⇨ 309, 310
Крумхолц Йозеф
(см. также Krumpolc Josef) ⇨ 88, 93, 94

Кршенек Иржи ⇨ 288
Крылов Иван Андреевич ⇨ 291, 316, 322
Кубани Валер ⇨ 293
Куже Фердинанд ⇨ 255
Кузнецова Раиса Романовна ⇨ 276, 280
Кузьмяк Петр ⇨ 221
Кукуцова Симона
(см. также Kukučová Simona) ⇨ 306
Кулаковский Платон Андреевич ⇨ 347
Кулжинский Григорий Иванович ⇨ 56, 57
Кулушић Шпиро ⇨ 137, 138
Кундера Милан ⇨ 275, 277, 280, 283, 284, 288, 289
Кунцевич Мечислав ⇨ 350
Кунцевич Петр
(см. также Kuncewicz Piotr) ⇨ 156, 157
Куприн Александр Иванович ⇨ 122
Курциус Эрнст Роберт ⇨ 344
Кускова Екатерина Дмитриевна ⇨ 263, 264
Кутузов Михаил Илларионович ⇨ 121, 322

Л

Лабынцев Юрий Андреевич ⇨ 2, 3, 8, 31–49, 51, 61, 64, 374
Лавровский Николай Алексеевич ⇨ 105
Ладвеница Ян ⇨ 299
Лазарев Андрей Иванович ⇨ 5, 15, 343–355, 374
Ламанский Владимир Иванович ⇨ 86, 87, 93, 223
Лаштовичка Мартин ⇨ 276
Ле Корбюзье Шарль ⇨ 270
Леве Евгений Августович ⇨ 89

Легро (младший) Пьер ⇨ 75
Ленин Владимир Ильич ⇨ 117, 120–121, 128, 272, 284
Лермонтов Михаил Юрьевич
(см. также Lermontov Mihail Jurjevič) ⇨ 119, 317, 328
Лечник Симона ⇨ 163
Лешко Ян ⇨ 291
Лимбаха Иван ⇨ 163
Линде Самуил Богумил ⇨ 319
Линдовска Надежда
(см. также Lindovská Nadežda) ⇨ 302
Липатов Александр Владимирович ⇨ 2, 3, 8, 19–30, 374
Липшиц Жак ⇨ 270
Лихачев Дмитрий Сергеевич ⇨ 29
Лобанова Лидия Петровна ⇨ 349
Логофет Первул ⇨ 83, 134
Ломоносов Михаил Васильевич ⇨ 319, 322
Лопушнян Александр ⇨ 82
Лосев Алексей Федорович ⇨ 352, 353
Лотман Юрий Михайлович ⇨ 153, 344
Лурье Вадим Миронович ⇨ 345
Лустиг Арношт ⇨ 278
Лучиул Стан ⇨ 84,
Львова В. ⇨ 159
Лютер Ф.А. ⇨ 102

М

Магомедова Дина Махмудовна ⇨ 152, 153, 161
Мажуранич Иван ⇨ 319
Майерова Мария ⇨ 280, 284
Макина Мира Андреевна ⇨ 176
Маковицкий Душан ⇨ 339
Малевич Олег Михайлович ⇨ 176, 184, 275, 282, 285, 286

- Манго ⇨ 83
- Мандельштам Осип Эмильевич ⇨ 328, 330
- Манева Славка ⇨ 327
- Марков Б. ⇨ 159
- Маркс Карл ⇨ 128, 244, 272, 284
- Масарик Томаш Гарриг (см. также Masaryk Tomáš Garrigue) ⇨ 112, 113, 120, 178, 179, 181, 184, 239–241, 244, 245, 247–249, 255–261, 286, 287, 305
- Маслова Ксения Константиновна ⇨ 4, 11, 175–186, 375
- Матвеев Вероника Эдуардовна ⇨ 3, 9, 77–85, 375
- Матевский Матей ⇨ 330
- Матезиус Богумил ⇨ 253
- Матей Йозеф (см. также Mátěj Jozef) ⇨ 87
- Маткович Дияна ⇨ 163, 173
- Матфей, игумен ⇨ 82
- Махала Любомир (см. также Machala Lubomír) ⇨ 279, 306, 308
- Махов Александр Евгеньевич ⇨ 344
- Мащев Сергей Васильевич ⇨ 151
- Мацоурек Милош ⇨ 280
- Мацун Иван (см. также Mazun Ivan) ⇨ 320
- Мащини Миха ⇨ 163
- Мачехина Ольга Николаевна ⇨ 336
- Машкова Алла Германовна ⇨ 293
- Маяковский Владимир Владимирович ⇨ 14, 249, 253, 259, 262–264, 288, 326, 328
- Медведик Юрий Евгеньевич ⇨ 51
- Медея ⇨ 327
- Медши Любомир ⇨ 218, 228, 235
- Меднис Нина Елисеевна ⇨ 345
- Мёдушевский Михал Мартин (см. также Mioduszewski Michał Marcin) ⇨ 54
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич ⇨ 13, 300, 301
- Мережковский Дмитрий Сергеевич ⇨ 119, 124, 131, 299
- Мефодий, Святой ⇨ 24, 74, 326, 326
- Миклашевский Александр Николаевич ⇨ 104, 105
- Миклошич Франц Ксавер Риттер фон (см. также Miklošič Franc) ⇨ 319, 322
- Миладинов Константин ⇨ 330
- Миладиновы братья (Димитр и Константин) ⇨ 332
- Милетич Любица ⇨ 338
- Мирович Н. (псевдоним Ивановой Зинаиды Сергеевны) ⇨ 57, 58
- Миронов Григорий ⇨ 236
- Миропольский Сергей Иринеевич ⇨ 89
- Мирчевич Александр ⇨ 82, 83
- Мирчевич Пётр ⇨ 82
- Мисарж Карел ⇨ 282
- Михалчев Димитр Георгиев ⇨ 260, 261
- Михневич Радул ⇨ 83
- Мицкевич Адам ⇨ 190, 198, 199, 319, 324, 339
- Младин ⇨ 84
- Могила Гавриил Симеонович ⇨ 84
- Могила Симион ⇨ 83
- Могош ⇨ 83
- Модзалевский Лев Николаевич ⇨ 86, 89, 90, 97–102
- Моисей Владиславлевич ⇨ 82
- Моле Воеслав ⇨ 323, 324
- Моммзен Теодор ⇨ 346
- Моравцова Яна ⇨ 286
- Мржежек Славомир ⇨ 16

Мудрый Михаил, отец ⇨ 226, 227

Мудрый Моисей ⇨ 228

Мукарежовский Ян ⇨ 286

Мурко Матия ⇨ 323

Мусин-Пушкин Алексей Иванович ⇨ 315

Н

Набелькова Мира
(см. также Nábělková Míra) ⇨ 305

Надсон Семён Яковлевич ⇨ 46

Надь Андрей ⇨ 225

Найчевская-Сидоровская Мария ⇨ 327

Наполеон I Бонапарт ⇨ 119, 199

Направник Эдуард Францевич ⇨ 339

Нахтигал Райко ⇨ 323

Начевска Драгица ⇨ 332

Недельковић Миле ⇨ 137

Неедла Яромира ⇨ 279

Неедлы Зденек ⇨ 249, 251, 254

Незвал Витезслав ⇨ 16, 122, 287

Неклюдов Сергей Юрьевич ⇨ 344

Некрасов Николай Алексеевич ⇨ 117

Некша ⇨ 83

Несвадба Йозеф ⇨ 285

Нестор ⇨ 134, 146, 319, 322, 346

Нечаев Василий Михайлович ⇨ 86, 92, 93, 103, 104, 106

Нидерле Любор ⇨ 346, 347

Никодим Тисменский, поп ⇨ 81

Никольский Сергей Васильевич ⇨ 175, 176, 275, 283, 284

Никон, архимандрит ⇨ 39

Нинов Янко ⇨ 331

Ницше Фридрих ⇨ 114

Новгородцев Павел Иванович ⇨ 108, 109

Носак (Незабудов) Богуслав ⇨ 291

Нушева Зорица ⇨ 327

О

Обрадович Доситей (Досифей) ⇨ 319

Образцов Александр Гаврилович ⇨ 89

Огнев Владимир Федорович ⇨ 328

Олеяр-Олеяров Николай ⇨ 228, 235

Оливова Вера
(см. также Olívoová Věra) ⇨ 245

Ольбрахт Иван ⇨ 280

Ольшанский Дмитрий Викторович ⇨ 158

Орбан Леонард ⇨ 336

Орлай Иван Семенович ⇨ 78

Островский Александр Николаевич ⇨ 13, 297, 299, 302, 328, 331

Островский Николай Алексеевич ⇨ 210

Отичова Любка ⇨ 231

Отто Ян ⇨ 116

Отченашек Ян ⇨ 284, 286

Охлопков Николай Павлович ⇨ 13, 300–302

П

Павел Ота ⇨ 286

Павловић Миодраг ⇨ 151

Палах Ян ⇨ 285

Палацкий Франтишек
(см. также Palackí (Palacký)
František) ⇨ 241, 248, 319, 321

Палмонич ⇨ 319

Пантелић Никола ⇨ 137, 138

Панькина Ольга Викторовна ⇨ 330–332

Папоушек Владимир ⇨ 4, 12, 13, 267–274, 375

Папоушек Ярослав ⇨ 255, 262

- Парпара Анатолий Анатоль-евич ⇨ 338
- Паскевич Иван Федорович ⇨ 217, 218
- Пассиа Радослав
(см. также *Passia Radoslav*) ⇨ 305, 311
- Пастернак Борис Леонидович
(см. также *Pasternak Boris Leonidovič*) ⇨ 46, 110, 126, 127, 131, 328, 329
- Перетц Владимир Николаевич ⇨ 64, 65
- Пероутка Фердинанд
(Антокольский Петр Ефимович)
(см. также *Peroutka Ferdinand*) ⇨ 3, 7, 10, 110–132
- Пескова Анна Юрьевна ⇨ 2, 4, 13, 290–302, 375
- Петишка Эдуард ⇨ 286
- Петров Алексей Леонидович ⇨ 223
- Петровић Петар Ж. ⇨ 137, 138
- Петухов Евгений Вячеславович ⇨ 105
- Петцова-Паулини-Тотова Гелена
(см. также *Petzová-Pauliny-Góthová Helena*) ⇨ 297
- Пећо Љубомир ⇨ 136
- Пешикан Љуштановић Љильана ⇨ 134
- Пий VI, Папа Римский ⇨ 72
- Пиккио Рикардо ⇨ 29
- Пиларж Ян ⇨ 279
- Пилсудский Бронислав ⇨ 339
- Пильняк Борис Андреевич ⇨ 327
- Пимен, иеромонах ⇨ 33, 34, 42, 43
- Пинсент Роберт
(см. также *Rynsent Robert Burton*) ⇨ 11, 175, 177–181, 183–186
- Писемский Алексей Феофилактович ⇨ 118
- Питарь Тудоран ⇨ 83
- Пичета Владимир Иванович ⇨ 264
- Пиштянек Петер ⇨ 303, 306, 308
- Плохл Феликс ⇨ 163
- Плудек Алексей ⇨ 279, 282
- Погодин Михаил Петрович ⇨ 78
- Погосян Нелсон Владимирович ⇨ 158
- Подгородецкий Василий ⇨ 38
- Покровский Константин Доримедонтович ⇨ 104
- Полак Матей Милота Здирад
(см. также *Polák Matěj Milota Zdirad*) ⇨ 69, 70
- Полачек Карел ⇨ 183, 286
- Полевой Ксенофонт Алексеевич ⇨ 318
- Полчанинов Ростислав Владимирович ⇨ 231
- Попин Александра ⇨ 3, 10, 133–151, 375
- Попов Валерий Георгиевич ⇨ 158, 159
- Порочкина Ирина Макаровна ⇨ 275, 286
- Портер Роберт
(см. также *Porter Robert*) ⇨ 176, 177
- Порфиригенит Константин ⇨ 134
- Потрч Иван ⇨ 315, 318
- Прейс Петр Иванович
(см. также *Preiss Petar Ivanovič*) ⇨ 319
- Прешерн Франце
(см. также *Prešern France (Franjo)*) ⇨ 316, 319, 321, 322, 324
- Приходько Антон Терентьевич ⇨ 254
- Приятель Иван ⇨ 316, 323
- Прличев Григор ⇨ 330
- Прокопий
(см. также Прокопије) ⇨ 134, 354
- Прокофьева Виктория Юрьевна ⇨ 344, 346, 347, 350, 351
- Проскурнина Мария Борисовна ⇨ 330
- Псевдо Цезарий
(Псеудо Цезарије) ⇨ 134, 146

Пуйманова Мария ⇨ 280, 283, 284

Пусторослев Петр Павлович ⇨ 105

Пушкин Александр Сергеевич
(см. также Pushkin (Puškin, Puschkin)
Alexander Sergeevich) ⇨ 14–16, 120, 125,
130, 131, 223, 292, 293, 300, 302, 312,
314–324, 326, 328, 329, 333, 338, 339

Р

Раденковић Љубинко ⇨ 142

Радлов Сергей Эрнестович ⇨ 301

Радлов Эрнест Львович ⇨ 88, 93, 108

Радулович Александр ⇨ 84

Радулович Влад ⇨ 82

Радулович Мирча ⇨ 81

Радулович Петрашка ⇨ 82

Радулович Радул ⇨ 82

Рамач Юлиан ⇨ 225

Рамач Янко ⇨ 217, 221, 224, 225

Рамовш Фран ⇨ 323

Распутин Валентин Григорьевич ⇨ 327

Рафай Мирослав ⇨ 281

Рахманов В.А. ⇨ 105

Рацин Кочо ⇨ 330, 332

Ребронья Исмет (Реброња Исмет)
(см. также Rebronja Ismet) ⇨ 10,
133–135, 137–141, 143, 147, 149

Рейнхардт Макс ⇨ 300

Релл Ферро ⇨ 293

Ремке Иоганнес ⇨ 261

Рёслер Эдуард Роберт ⇨ 346

Ржига Богумил ⇨ 279

Ржига Олдржих
(см. также Riha Oldřich) ⇨ 239, 242–244

Рзоунек Витезслав ⇨ 279

Римский-Корсаков Николай Андре-
евич ⇨ 296

Ристески Димитрия
(Ристески Димитрија) ⇨ 5, 9, 14,
325, 326, 328, 330

Родевич Михаил ⇨ 38

Рождественский Юрий Владимиро-
вич ⇨ 348, 349

Розанов Иван Владимирович ⇨ 231

Розвадовский Ян ⇨ 346

Романов Пантелеймон Серге-
евич ⇨ 299

Росич Теодор (Росић Тиодор) ⇨ 135

Ротштейн Федор Аронович ⇨ 262

Рудницкий Богдан
(см. также Rudnicki Bogdan) ⇨ 156

Рудницкий Мирослав ⇨ 346

Румянцев Олег Свѣенович ⇨ 218, 220,
227, 230, 232, 234

Рыбак Йозеф ⇨ 279

Рыбин В. ⇨ 159

Рыков Алексей Иванович ⇨ 358

С

Савич Овадий Герцович ⇨ 264

Сазавский монах ⇨ 73

Сакач-Сакачов Александр ⇨ 228

Сакович Хрисанф ⇨ 31–41, 43–46

Салецл Рената ⇨ 163, 164, 171

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфо-
вич ⇨ 118, 126

Самарција Снежана ⇨ 139

Сандауэр Артур ⇨ 155

Сатинский Юлиус ⇨ 306

Сватоплук Томаш ⇨ 283

Свирида Инесса Ильинична ⇨ 350

Свобода Людвик ⇨ 277

Седакова Ирина Александровна ⇨ 29

Сейферт Ярослав ⇨ 278, 286

- Сейфуллина Лидия Николаевна ⇨ 259, 262, 263
- Серапионова Елена Павловна ⇨ 251
- Серафим, митрополит ⇨ 83
- Сигизмунд I Люксембург, император Священной Римской Империи (см. также Жигмунд, император) ⇨ 75, 81
- Сидоров Ю. ⇨ 159
- Симеон Полоцкий ⇨ 339
- Симов Виктор Андреевич ⇨ 299
- Симоката Феофилакт ⇨ 146
- Симонов Константин Михайлович ⇨ 302
- Скала Иван ⇨ 279
- Скалица И., переводчик ⇨ 293
- Скацел Ян ⇨ 286
- Сковорода Григорий Саввич ⇨ 351
- Скржинская Марина Владимировна ⇨ 347
- Скульская Елена Григорьевна ⇨ 159
- Сланский Ярослав ⇨ 113
- Слапшак Светлана (см. также Slapšak Svetlana) ⇨ 165, 166
- Слатинский Крачун ⇨ 82
- Слобода Рудольф ⇨ 308
- Смилевски Веле ⇨ 332
- Смирнова Н., переводчик ⇨ 330
- Смолей Тоне (см. также Smolej Tone) ⇨ 323
- Смольянинова Марина Геннадиевна ⇨ 78
- Соболевский Алексей Иванович ⇨ 222, 223
- Созина Юлия Анатольевна ⇨ 5, 13, 312, 314, 316, 317, 318, 320, 322, 324
- Соколов Егор Иванович ⇨ 79
- Солженицын Александр Исаевич (см. также Solženicyн Alexandr Isajevič) ⇨ 10, 110, 129, 130, 328
- Солотрукский Драгич ⇨ 83
- Срезневский Измаил Иванович (см. также Sreznjevski Izmail Ivanovič) ⇨ 78, 223, 319
- Стабро Станислав (см. также Stabro Stanisław) ⇨ 156
- Сталев Георги ⇨ 328
- Сталин Иосиф Виссарионович ⇨ 127, 128, 278, 284
- Станев Кольцо ⇨ 83
- Станислав, епископ ⇨ 75
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич ⇨ 290, 299, 301
- Станкин Я.З. ⇨ 253
- Станков Николай Николаевич ⇨ 4, 12, 249, 250, 252, 254, 256, 258, 260, 262, 264
- Старикова Надежда Николаевна ⇨ 316, 322, 324
- Старова Луан ⇨ 332
- Степанова Елена Викторовна ⇨ 316
- Стефанович Деон ⇨ 84
- Стивин Йозеф ⇨ 111
- Стодола Иван ⇨ 301
- Стоянов Трайче ⇨ 327
- Стравинский Игорь Федорович ⇨ 270
- Странский Иржи ⇨ 286
- Сланский Ярослав ⇨ 113
- Суворов Александр Васильевич ⇨ 322
- Сургучев Илья Дмитриевич ⇨ 297
- Сухово-Кобылин Александр Васильевич ⇨ 296, 299, 302

Т

- Таиров Александр Яковлевич ⇨ 13, 300, 301
- Тайовский Йозеф Грегор (см. также Tajovský Jozef Gregor) ⇨ 290, 292–294

Тамаш Юлиан ⇨ 223, 233
Тарагел Душан ⇨ 306
Тасевски-Етерниян Йовица ⇨ 332
Татлин Владимир Евграфович ⇨ 271
Тауфер Иржи ⇨ 279
Ташковски Братислав ⇨ 331
Твердислова Елена Сергеевна ⇨ 285
Тейге Карел
(см. также Teige Karel) ⇨ 12, 267, 268,
270–274
Теодорович Николай Иванович ⇨ 33,
35, 37
Терзич Славенко ⇨ 338
Тименчик Роман Давидович ⇨ 345
Тихи Франтишек ⇨ 94
Тихон (Покровский), архиепис-
коп ⇨ 38
Тодоровски Гане ⇨ 325, 326, 328, 330
Толстая Светлана Михайловна ⇨ 142
Толстой Алексей Константино-
вич ⇨ 46
Толстой Алексей Николаевич ⇨ 176,
299
Толстой Лев Николаевич
(см. также Tolstoj Lev Nikolajevič) ⇨ 117,
118, 120–125, 130, 131, 299
Толстой Никита Ильич ⇨ 29, 30
Томашевский Борис Викторович ⇨ 11,
153
Топоров Владимир Николаевич ⇨ 345,
346
Трдина Янез
(см. также Trdina Janez) ⇨ 320, 321
Третьяков Петр Николаевич ⇨ 347
Трубачев Олег Николаевич ⇨ 346
Трубецкой Николай Сергеевич ⇨ 27
Тршешняк Властимил ⇨ 277
Тудоран ⇨ 45

Тупиков Николай Михайлович ⇨ 89,
102
Тургенев Иван Сергеевич ⇨ 109, 117,
118, 121–123, 125, 126, 130, 179, 223,
297, 328
Тучкова Катержина ⇨ 309
Тынянов Юрий Николаевич ⇨ 11, 153

У

Удальцов Иван Иванович ⇨ 242
Узнер Герман ⇨ 140
Улицкая Людмила Евгеньевна ⇨ 327
Урбанек Владимир ⇨ 95
Урбаникова Эва ⇨ 306, 308
Урбанкова Ярмила ⇨ 286
Урлацкий Первул ⇨ 84
Урошевич Владо ⇨ 331
Урошевич Тая ⇨ 327
Утрилло Морис ⇨ 270

Ф

Фасмер Макс ⇨ 346
Федоров Иван, книгопечатник ⇨ 58
Федорова Виктория Игоревна ⇨ 3, 11,
152, 154, 156, 158, 160
Фериенчик Микулаш ⇨ 292
Фесенко Ефим Иванович ⇨ 39
Фирсов Евгений Федорович ⇨ 3, 9,
86–88, 90–92, 94, 96, 98, 100, 102, 104,
106, 108
Фишель Альфред ⇨ 255, 256
Фишерова Даниэла ⇨ 286
Флоренский Павел Александрови-
ч ⇨ 350
Флориан Мирослав ⇨ 279, 286
Фляйшганс Вацлав ⇨ 116
Фольк Иоганн Христоф Виль-
гельм ⇨ 105, 106

Форман Милош ⇨ 286
 Франко Иван Яковлевич
 (Франко Иван Якович) ⇨ 53, 54, 58
 Францев Владимир Андреевич ⇨ 223
 Фурманова Валентина Павловна ⇨ 339
 Фучик Юлиус ⇨ 111
 Фэрбенкс Дуглас ⇨ 270

Х

Хабьянович-Джурович Лиляна ⇨ 338
 Харват Ярослав ⇨ 242
 Хауптманн Л. ⇨ 347
 Хемингуэй Эрнест ⇨ 155, 159
 Хласко Марек
 (см. также Hasko Marek) ⇨ 3, 11,
 152–157, 159–161
 Хлебников Велемир
 (Хлебников Виктор Владимиро-
 вич) ⇨ 328
 Хованский Алексей Андреевич ⇨ 15
 Хойнацкий Андрей Фёдорович ⇨ 55
 Холодняк Мария Александровна ⇨ 101
 Холошняя Михаил ⇨ 235
 Хома Цветкович Блажена ⇨ 236
 Хомяков Алексей Степанович ⇨ 46, 78
 Хромиш Петро ⇨ 225

Ц

Цадкин Осип ⇨ 270
 Цветаева Марина Ивановна ⇨ 328
 Цветкоски Бранко ⇨ 326
 Цузнар Винценц ⇨ 317
 Цурганова Елена Алексеевна ⇨ 285

Ч

Чайканович Веселин
 (Чайкановић Веселин) ⇨ 134, 136, 149
 Чайковский Петр Ильич ⇨ 296

Чапек Йозеф ⇨ 4, 177, 286
 Чапек Карел
 (см. также Čapek Karel) ⇨ 11, 110, 112,
 113, 115, 175–185, 262, 283–286
 Чапкова Ярмила ⇨ 177
 Чарский Вячеслав Владимиро-
 вич ⇨ 215
 Чекановский Ян ⇨ 346
 Челаковский Франтишек Ладислав
 (см. также Čelakowski (Čelakovský)
 František Ladislav) ⇨ 319
 Червенак Юрай ⇨ 308
 Черник Артуш
 (см. также Černík Artuš) ⇨ 271
 Чернов Виктор Михайлович ⇨ 263
 Черский Ян ⇨ 339
 Честертон Гилберт Кит
 (см. также Chesterton Gilbert
 Keith) ⇨ 122
 Чехов Антон Павлович
 (см. также Čechov Anton Pavlovič) ⇨ 10,
 13, 16, 110, 116, 117, 120, 122–124, 126,
 129–131, 179, 290, 292–297, 299, 327–329,
 350
 Чижевский Анджей
 (см. также Czyżewski Andrzej) ⇨ 160
 Чингисхан ⇨ 27
 Чинго Живко ⇨ 331
 Числов Илья Михайлович ⇨ 337
 Чичерин Георгий Васильевич ⇨ 251,
 256–258, 260
 Чоп Матия
 (см. также Čop Matija) ⇨ 324
 Чулик Ян ⇨ 177, 178, 181, 184
 Чурчич Мария ⇨ 220

Ш

Шайнер Донат ⇨ 279
 Шайнпфлюгова Ольга ⇨ 183, 184

Шальда Франтишек Ксавер
(см. также Šalda František
Xaver) ⇨ 117, 122, 181

Шанта Владимир ⇨ 225, 226, 229, 233

Шафарик Павел Йозеф
(см. также Šafarik Pavel Josef) ⇨ 23,
319, 347

Шахматов Алексей Александрович
⇨ 223, 224, 347

Шашкевич Маркиан Семенович ⇨ 53

Швегла Антонин ⇨ 113

Шевченко Тарас Григорьевич ⇨ 254,
339

Шевчук Елена Юрьевна ⇨ 51

Шекспир Уильям ⇨ 297, 324

Шербан ⇨ 65

Шерлаимова Светлана Александровна
⇨ 280–282

Шетэля Виктор Мечиславович ⇨ 188

Шешкен Алла Геннадьевна ⇨ 330, 332

Шиллер Иоганн Кристоф
Фридрих фон (см. также Schiller
Johann Christoph Friedrich von) ⇨ 321

Шишич Фердо ⇨ 347

Шкваркин Василий Васильевич ⇨ 299,
302

Шкворецка Здена ⇨ 124

Шкворецкий Йозеф ⇨ 277, 280, 284,
286

Шкультеты Йозеф
(см. также Škultéty Jozef) ⇨ 93

Шлютер Вольфганг ⇨ 105

Шмераль Богумир
(см. также Šmeral Bohumír) ⇨ 246

Шмурло Евгений Францевич ⇨ 105,
107

Шнайдер Богуслав ⇨ 286

Шопен Жан-Мари ⇨ 318

Шопенгауэр Артур ⇨ 124

Шопов Ацо ⇨ 330

Шотола Иржи ⇨ 286

Шпитцер Юрай
(см. также Špitzer Juraj) ⇨ 304

Шрамек Франя ⇨ 287

Шром Йозеф ⇨ 256, 257

Штейн Борис Ефимович ⇨ 256

Штейнке Клаус ⇨ 335

Штефаник Милан Рагислав ⇨ 240,
241

Шторкан Карел ⇨ 281

Штур Людевит ⇨ 87

Шуйка ⇨ 82

Шульгина Нина Михайловна ⇨ 275,
288, 289

Шульц Виктор ⇨ 300, 301

Шульц Герберт ⇨ 107

Щ

Щавинская Лариса Леонидовна ⇨ 3, 8,
32, 34, 38, 40, 41, 46, 50, 52, 54, 56, 58,
60–62, 64

Щеглова Софья Алексеевна ⇨ 58, 64,
65

Щепинский Александр Дмитриевич
⇨ 98

Щипина Римма Владимировна ⇨ 345

Э

Эннекен Эмиль ⇨ 114

Эренбург Илья Григорьевич ⇨ 210,
249, 259, 262, 264

Эро (Геро) Эдм-Жоашен ⇨ 318

Ю

Юзбаша Ифрим ⇨ 84

Юнг Карл Густав ⇨ 350

Юнгманн (Юнгман) Йозеф ⇨ 319

Юренев Константин Константинович ⇨ 251

Юстиниан, император ⇨ 319

Я

Яблонски Даниел Эрнест ⇨ 90

Ягич Игнатий (Ватрослав) Викентьевич ⇨ 316, 324

Яжембский Ежи
(см. также Jarzębski Jerzy) ⇨ 156

Яacobсон Роман Осипович ⇨ 12, 106, 249, 252, 255–260, 262, 264, 265

Ямницкий Ян
(см. также Jamnický Ján) ⇨ 290, 301, 302

Янакий, архиепископ ⇨ 82

Яневски Славко ⇨ 330

Яношка Юро ⇨ 94

Яреш Михал
(см. также Jareš Michal) ⇨ 304, 308

Ясинский Антон Никитич ⇨ 107

Ястребов Николай Владимирович ⇨ 89, 255

А

Adelung Friedrich von ⇨ 315

Amort Čestmír ⇨ 250

В

Bahlke Ioachim
(см. также Бальке Иоахим) ⇨ 96

Bandić Dušan
(см. также Бандич Душан
(Бандић Душан)) ⇨ 138

Bartoš Jan
(см. также Бартош Ян) ⇨ 267–269

Bednář Jan ⇨ 125

Bednařík Petr ⇨ 111

Veránková Milena
(см. также Беранкова Милена) ⇨ 111

Bernát Libor
(см. также Бернат Либор) ⇨ 86, 88, 93, 94

Bernštejnová Inna Abramovna
(см. также Бернштейн Инна
Абрамовна) ⇨ 180, 275

Bettanin Fabio ⇨ 242

Bezr Ondřej ⇨ 283

Bílek Petr A. ⇨ 110, 240, 247, 374

Bílková Jitka ⇨ 240

Bobrownicka Maria (c. 15) ⇨ 23

Bodjanski Jozip Maximovič
(см. также Бодянский Осип
Максимович) ⇨ 319

Borodáč Ján
(см. также Бородач Ян) ⇨ 290, 298

Božetěch, opat
(см. также Божетех, аббат) ⇨ 74

Brabec Jiří ⇨ 115

Brabec Karel ⇨ 250

Brenner Christianne ⇨ 242

Brouk Bohuslav
(см. также Броук Богуслав) ⇨ 267, 273, 274

Bucknall-Boľuňska Justyna
(см. также Бакнолл-Хольнская
Юстына) ⇨ 160

Bujnák Pavol
(см. также Буйнак Павол) ⇨ 294

C/Č

- Čapek Karel
(см. также Чапек Карел) ⇨ 110, 112, 173, 177, 182, 184
- Čechov Anton Pavlovič
(см. также Чехов Антон Павлович) ⇨ 117, 292
- Čelakowski (Čelakovský) František Ladislav
(см. также Челаковский Франтишек Ладислав) ⇨ 319
- Černík Artuš
(см. также Черник Артуш) ⇨ 271
- Černý Václav ⇨ 112
- Chaloupecký Václav ⇨ 240
- Charvát Jaroslav ⇨ 243
- Chesterton Gilbert Keith
(см. также Честертон Гилберт Кит) ⇨ 121, 122, 131
- Chvojka Juraj ⇨ 302
- Čop Matija
(см. также Чоп Матия) ⇨ 324
- Cunningham Alan Gordon, Sir ⇨ 113
- Cuznar (Zusner) Vincenc ⇨ 317
- Czyżewski Andrzej
(см. также Чижевский Анджей) ⇨ 160

D

- Dejmek Jindřich ⇨ 240
- Dekleva Bojan ⇨ 167
- Dimkovska Lidija ⇨ 166
- Dostojevskij Fjodor Michajlovič
(см. также Достоевский Федор Михайлович) ⇨ 110, 125
- Ducháček Milan ⇨ 240
- Đurišin Dionýz
(см. также Дюришин Диониз) ⇨ 21

F

- Faktorová Veronika ⇨ 70
- Fertycz Jan ⇨ 23
- Fidelius Petr ⇨ 114
- Firt Julius ⇨ 113
- Forst Vladimír ⇨ 111

G

- Galandauer Jan
(см. также Галандауер Ян) ⇨ 243, 246, 247
- Galant Jan
(см. также Галант Ян) ⇨ 156, 161
- Gerčikova Irina Alexandrovna
(см. также Герчикова Ирина Александровна) ⇨ 280
- Golicina Marina (Marija) Arkadijevna
(см. также Голицина Мария Аркадьевна) ⇨ 323
- Goll Jaroslav ⇨ 88
- Górny Maciej ⇨ 242
- Göthe Johann Wolfgang von
(см. также Гёте Иоганн Вольфганг фон) ⇨ 321
- Graus František
(см. также Граус Франтишек) ⇨ 245
- Grošelj Nada ⇨ 166

H

- Hájková Dagmar ⇨ 240
- Haman Aleš ⇨ 114
- Hanka Waclaw
(см. также Ганка Вацлав) ⇨ 319
- Hanzal Josef ⇨ 245
- Havelka Miloš ⇨ 112
- Havlíček Borovský Karel
(см. также Гавличек Боровский Карел) ⇨ 111, 113

Herberstein Sigmund Freiherr von
(см. также Герберштейн
Сигизмунд) ⇨ 315

Herman Karel
(см. также Герман Карел) ⇨ 246

Hlasko Marek
(см. также Хласко Марек) ⇨ 156, 160,
161

Hlavačka Milan ⇨ 111

Hlinka Andrej ⇨ 241

Hoffmeister Adolf ⇨ 117

Holý Jiří
(см. также Голы Иржи) ⇨ 181, 183–185

Horák Ladislav ⇨ 241

Horák Pavel ⇨ 240

Hostovský Egon ⇨ 270

Hrbata Zdeněk ⇨ 70

Hroch Miroslav ⇨ 111

Hůlová Petra
(см. также Гулова Петра) ⇨ 310

Hutza Georgius
(см. также Венелин Юрий Иванович
(Гуца Георгий)) ⇨ 78

Hvorecký Michal
(см. также Гворецкий Михал) ⇨ 303,
307

J

Jamnický Ján
(см. также Ямницкий Ян) ⇨ 290, 301,
302

Jareš Michal
(см. также Яреш Михал) ⇨ 304, 308

Jarzębski Jerzy
(см. также Яжембский Ежи) ⇨ 156

Jawarecka Anna ⇨ 23

Jirák Jan
(см. также Ирак Ян) ⇨ 111

Jiroušek Bohumil
(см. также Ироушек Богумил) ⇨ 239,
240, 242, 243, 245, 247, 248, 374

K

Kaloper (см. также Калопер) ⇨ 317

Kalousek Josef ⇨ 248

Kapitáňová Daniela
(см. также Капитанёва
Даниела) ⇨ 303, 307

Kárník Zdeněk ⇨ 240

Kazbunda Karel ⇨ 111

Kijowski Andrzej ⇨ 155

Klápště Jan ⇨ 240, 248

Klíma Ivan
(см. также Клима Иван) ⇨ 112, 181

Knězek Libor ⇨ 304

Knězevič Zoran
(см. также Кнежевич Зоран) ⇨ 7, 162,
163, 165, 167–172, 174

Kolár Robert ⇨ 70

Kollár Jan (см. также Коллар Ян) ⇨ 7,
67, 68–76

Komenský Jan Amos
(см. также Коменский Ян Амос) ⇨ 86,
93–95, 109

Korcsay Máriaus
(см. также Копчай Мариус) ⇨ 303, 306,
308

Korecký Václav
(см. также Копецкий Вацлав) ⇨ 242

Körplová Barbara
(см. также Кёпплова Барбара) ⇨ 111

Kořalková Krista ⇨ 23

Kos Janko ⇨ 324

Kosák Michal ⇨ 116

Kosatík Pavel ⇨ 111, 117

Koseski (см. также Весел Янез
(Йован; псевд. Косеский)) ⇨ 320, 321

Koželuhová Helena
(см. также Кожелугова Гелена) ⇨ 178

Krajnc Rok ⇨ 166

Král Václav
(см. также Крал Вацлав) ⇨ 245

Kramář Karel
(см. также Крамарж Карел) ⇨ 241

Kratochvíl Antonín ⇨ 113

Křivánková Alena ⇨ 111

Křížek Jurij
(см. также Кржижек Юрий) ⇨ 243, 245,
246

Krofta Kamil ⇨ 241

Krumpholtz Josef
(см. также Крумфхолц Йозеф) ⇨ 88, 93

Kukučová Simona
(см. также Кукучова Симона) ⇨ 306

Kunczewicz Michał ⇨ 350

Kunczewicz Piotr
(см. также Кунцевич Петр) ⇨ 157

Kvačala Ján (J.R.)
(см. также Квачала Ян
(Иван Иванович, И.И.)) ⇨ 86–88, 93,
94, 96, 109

Kvasnička Michal ⇨ 309

L

Leerssen Joep ⇨ 71

Lermontov Mihail Jurjevič
(см. также Лермонтов Михаил
Юрьевич) ⇨ 317

Lichniak Zygmunt ⇨ 155

Lindovská Nadežda
(см. также Линдовска Надежда) ⇨ 302

M

Machala Lubomír
(см. также Махала Любомир) ⇨ 279,
304, 306, 308

Macura Vladimír ⇨ 69, 111

Martínek Miloslav ⇨ 248

Martišová-Blahová Elena ⇨ 297

Masaryk Tomáš Garrigue
(см. также Масарик Томаш
Гарриг) ⇨ 239, 241, 247–249

Mátej Jozef
(см. также Матей Йозеф) ⇨ 87

Mattová Lucia ⇨ 291

Macun Ivan
(см. также Мацун Иван) ⇨ 320

Medek Rudolf ⇨ 241

Miklošič Franc
(см. также Миклошич Франц Ксавер
Риттер фон) ⇨ 319

Mioduszewski Michał Marcin
(см. также Мёдушевский Михал
Мартин) ⇨ 54

Moroz-Grzelak Lucyna ⇨ 23

N

Nábělková Mira
(см. также Набьелкова Мира) ⇨ 305

Naumow Alexander ⇨ 23

Novotný Lukáš ⇨ 240, 247

O

Olivová Věra
(см. также Оливова Вера) ⇨ 245

Olšáková Doubravka ⇨ 242

Opelík Jiří ⇨ 112, 113

P

Palacký (Palacki) František
(см. также Палацкий
Франтишек) ⇨ 248, 321

Pánisová Ludmila ⇨ 304

Pankratova Anna Michajlovna ⇨ 243

Passia Radoslav
(см. также Пассиа Радослав) ⇨ 305,
311

Pašteka Július ⇨ 294

Pasternak Boris Leonidovič
(см. также Пастернак Борис
Леонидович) ⇨ 110, 126

Peroutka Ferdinand
(см. также Пероутка Фердинанд
(Антокольский Петр Ефимович)) ⇨ 7,
110–123, 125–132

Petráš Jiří ⇨ 245

Petrus P. ⇨ 87

Petzová-Pauliny-Tóthová Helena
(см. также Петцова-Паулини-Тотова
Гелена) ⇨ 297

Polák Matěj Milota Zdirad
(см. также Полак Матей Милота
Здирад) ⇨ 70

Porter Robert
(см. также Портер Роберт) ⇨ 176

Prečan Vilém ⇨ 242

Preiss Petar Ivanovič
(см. также Прейс Петр
Иванович) ⇨ 319

Prešern France (Franjo)
(см. также Прешерн Франце) ⇨ 319,
321

Prokeš Jaroslav ⇨ 240

Purš Jaroslav ⇨ 246

Pushkin (Puškin, Puschkin)
Alexander Sergeevich
(см. также Пушкин Александр
Сергеевич) ⇨ 86, 312, 314, 315, 317–319,
321, 323, 333

Pynsent Robert Burton
(см. также Пинсент Роберт) ⇨ 177, 181,
183–185

R

Radaljac Anja ⇨ 167, 174

Rákosník Jakub ⇨ 240, 248

Rataj Jan ⇨ 248

Razpotnik Špela ⇨ 167

Rebronja Ismet
(см. также Ребронья Исет (Ребронья
Исет)) ⇨ 133–135, 143

Řezníková Lenka ⇨ 94, 95

Říha Oldřich
(см. также Ржига Олдржих) ⇨ 239,
243–245

Rozman J. ⇨ 322

Rudnicki Bogdan
(см. также Рудницкий Богдан) ⇨ 156

Ruttkay Fraňo ⇨ 111

S/Š

Šafárik Pavel Jozef
(см. также Шафарик Павел
Йозеф) ⇨ 319

Šalda František Xaver
(см. также Шальда Франтишек
Ксавер) ⇨ 181

Schiller Johann Christoph Friedrich von
(см. также Шиллер Иоганн Кристоф
Фридрих фон) ⇨ 321

Schwarz Karl W. ⇨ 96

Šedivý Ivan ⇨ 240, 248

Sedláková Katarína ⇨ 309

Sekera Martin ⇨ 111

Sís Vladimír ⇨ 241

Škultéty Jozef
(см. также Шкультеты Йозеф) ⇨ 88

Slapšak Svetlana
(см. также Слпшак Светлана) ⇨ 166

Šmeral Bohumír
(см. также Шмерал Богумир) ⇨ 246

Smolej Tone
(см. также Смолей Тоне) ⇨ 323, 324

Sobeczko Tomasz ⇨ 156

Šolle Zdeněk ⇨ 248

Solženicyn Alexandr Isajevič
(см. также Солженицын Александр
Исаевич) ⇨ 129, 130

Sommer Vítězslav ⇨ 242
 Šperňák Roman ⇨ 245
 Špitzer Juraj
 (см. также Шпитцер Юрай) ⇨ 304
 Spurný Matěj ⇨ 240, 248
 Sreznjevski Izmail Ivanovič
 (см. также Срезневский Измаил
 Иванович) ⇨ 319
 Stabro Stanisław
 (см. также Стабро Станислав) ⇨ 156
 Štaif Jiří ⇨ 240, 248
 Stalin Josif Vissarionovič ⇨ 242
 Steinbach Karel ⇨ 116
 Stich Alexandr ⇨ 70
 Stloukal Karel ⇨ 241
 Stříbrný Jiří ⇨ 241
 Svoboda Libor ⇨ 245

T

Tajovský Jozef Gregor
 (см. также Тайовский Йозеф
 Грегор) ⇨ 290, 292, 294
 Teige Karel
 (см. также Тейге Карел) ⇨ 130, 267,
 270–272
 Tichý Martin ⇨ 114
 Tolstoj Lev Nikolajevič
 (см. также Толстой Лев
 Николаевич) ⇨ 120
 Tomažin Andrej ⇨ 174
 Trdina Janez
 (см. также Трдина Янез) ⇨ 320, 321
 Tuřňová Olga ⇨ 307

V

V.H.V. (Vladimír Hurban Vladimírov)
 (см. также В. Г. В. (Владимир Гурбан
 Владимиров)) ⇨ 290, 295
 Vácha Dalibor ⇨ 240, 241

Václavek Bedřich
 (см. также Вацлавек Бедржих) ⇨ 181
 Vašek Richard ⇨ 241
 Vilikovsky Pavel
 (см. также Виликовский Павел) ⇨ 303,
 306–308
 Vlnas Vít ⇨ 74
 Vodička Timotheus
 (см. также Водичка Тимотеус) ⇨ 181
 Vraz Stanko
 (см. также Враз Станко) ⇨ 318
 Vršič Zarja ⇨ 174
 Všetička František
 (см. также Вшетичка Франтишек) ⇨ 181

W

Wulfert Alexander
 (см. также Вульферт Александр
 Евстафьевич) ⇨ 318

Z

Zajc Marko ⇨ 164
 Zelinská Johana ⇨ 306
 Zelinská Kristýna ⇨ 306
 Zelinská Šárka ⇨ 306, 307
 Zelinský Miroslav
 (см. также Зелински Мирослав) ⇨ 306,
 307
 Zelnik Reginald E. ⇨ 243
 Zídek Petr ⇨ 112
 Zieliński Bronisław ⇨ 23
 Zirojević Olga
 (см. также Зиројевић Олга) ⇨ 142
 Zovko Ivan ⇨ 142

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ

Ананьева Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Билек Ян (Mgr. Jan Bilek, Ph.D.), доцент кафедры чешского языка и литературы педагогического факультета Университета Градец Кралове (Чешская Республика).

Бондаренко Наталья Александровна, кандидат филологических наук, координатор международного славянского центра «Созвучие» при НОУ ВО «Институт языков и культур им. Льва Толстого».

Будагова Людмила Норайровна, доктор филологических наук, заведующая Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН.

Герчикова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН.

Дронов Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Ироушек Богумил (prof. PhDr. Bohumil Jiroušek, Dr.), профессор философского факультета, заведующий Отделом культурологических исследований и проректор Южночешского университета в Чешских Будейовицах (Чешская Республика).

Князькова Виктория Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета СПбГУ.

Котова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор филологического факультета СПбГУ.

Красовец Александра Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН.

Лабынцев Юрий Андреевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Лазарев Андрей Иванович, директор Историко-филологического фонда им. А.А. Хованского (Фонд Хованского), г. Воронеж.

Липатов Александр Владимирович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН, член Польской академии наук и искусств.

- Маслова Ксения Константиновна**, младший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН ответственный секретарь научного журнала «Вестник славянских культур».
- Матвеев Вероника Эдуардовна**, педагог МОБУ СОШ № 7, г. Сочи.
- Мельников Георгий Павлович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН.
- Млсова Нелла (PhDr. Nella Mlsová, Ph.D.)**, доцент кафедры чешского языка и литературы и зам. декана педагогического факультета Университета Градец Кралове (Чешская Республика).
- Папоушек Владимир (prof. PaedDr. Vladimír Papoušek, CSc.)**, профессор, декан философского факультета и зав. кафедрой богемистики Южночешского университета в Чешских Будейовицах (Чешская Республика).
- Пескова Анна Юрьевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН.
- Попин Александра**, доктор наук, профессор, декан филологического факультета Государственного университета в Новом Пазаре (Сербия).
- Ристески Димитрия (Димитрија Ристески)**, доктор наук, профессор филологического факультета Университета им. Кирилла и Мефодия, г. Скопье (Северная Македония).
- Созина Юлия Анатольевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН, зам. директора по научной части ВГБИЛ им. М. И. Рудомино.
- Станков Николай Николаевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.
- Федорова Виктория Игоревна**, младший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН.
- Фирсов Евгений Федорович**, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Щавинская Лариса Леонидовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Abstract:

The subject of the research of this book authors is the inter-Slavic relations, which are selected from the system of cultural contacts and interactions, and most often act as Russian-Slavic relations. The variety of materials covering the era from bygone days to the present is difficult to classify by category, but it gives an idea of the evolution of these connections, their specifics both in different literatures at different stages of their history, and in the works of specific writers and cultural figures. Unlike most works on this topic where Russian culture was the object of attraction, and other Slavic peoples were the perceiving parties, this work emphasizes the mutual benefit of these ties, which enrich the Russian culture as well. It explores little-known and hard-to-access material, and new approaches are applied to the familiar material, free from ideological blinkers, political conjuncture, various schemes and omissions.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Ответственный редактор:
д.ф.н. Л.Н. Будагова

Компьютерная верстка:
П.Н. Морозов

Обложка:
А. Муха «Апофеоз истории славянства».

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 27.12.2021. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,88.
Объем 23,88 печ. л.

Заказ № 97.

Тираж 500 экз.